S 27/246

ДРЕВНѢЙШЕЕ

РУССКОЕ ПРАВО.

ДРЕВНѢЙШЕЕ
РУССКОЕ ПРАВО
ВЪ
ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЕГО РАСКРЫТІИ.

Сочиненіе
І. Ф. Г. ЭВЕРСА.
1826 года.

Перевелъ съ Нѣмецкаго
Иванъ Платоновъ.

Quis nescit, primam esse historiae legem, ne quid falsi dicere audeat? deinde ne quid veri non audeat?
CIC. DE ORAT. II, 15.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.
1835.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. С. Петербургъ. 4 Генваря, 1832 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ,

СЕРГІЮ СЕМЕНОВИЧУ

УВАРОВУ,

МИНИСТРУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ЧЛЕНУ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА,

СЕНАТОРУ,

ПРЕЗИДЕНТУ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

Предсѣдателю Комитета устройства Учебныхъ заведеній и главнаго управленія Цензуры, многихъ какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ Ученыхъ Обществъ Члену и разныхъ Орденовъ Кавалеру.

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО!

Милостивый Государь!

Извѣстное Сочиненіе ученаго изыскателя нашей Исторіи, Эверса, раскрывающее законный и политическій бытъ Россіи въ первомъ періодѣ ея существованія, и, слѣдовательно, по содержанію своему принадлежащее къ кругу произведеній Исторической Литтературы нашего Отечества, казалось, ожидало только измѣненія своей чужеземной формы въ естественную, наиболѣе сообразную съ существомъ предмета

его одежду слова, чтобы сдѣлаться вполнѣ достояніемъ Русской письменности. Принявъ на себя удовлетвореніе сей потребности по любви моей къ Законовѣдѣнію и вкусу къ Отечественнымъ Древностямъ, я осмѣливаюсь посвятить трудъ свой имени Вашего Превосходительства. Дѣятельныя мѣры, принимаемыя Вами къ собранію, очищенію и приведенію въ общую извѣстность Источниковъ Древ-

ней Россійской Исторіи, ободрительное покровительство, оказываемое Отечественному Законовѣдѣнію и вообще весь образъ дѣйствованія Вашего ко благу Просвѣщенія, мудро основываемый на началѣ народности, *подаютъ мнѣ надежду, что приношеніе мое не будетъ отринуто Вами.*

Ваше Превосходительство! примите этотъ начальный опытъ моихъ Юридическихъ занятій вмѣстѣ и

какъ залогъ, какъ предварительное свидѣтельство живой готовности подвизаться со всѣмъ усердіемъ на томъ поприщѣ, какое Вы благоволите указать мнѣ въ области В а ш е г о *управленія.*

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА,

МИЛОСТИВАГО ГОСУДАРЯ

преданнѣйшій слуга

Иванъ Платоновъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Законъ и Дѣяніе, говоря вообще, состоятъ въ тѣсномъ, неразрывномъ между собою отношеніи. Первый, какъ предначертанный образъ дѣйствованія и вмѣстѣ какъ изліяніе духа времени, самъ по себѣ служитъ указателемъ явленій дѣятельности, въ которыхъ должно обнаружиться исполненіе Законныхъ уставовъ; послѣднее, какъ выраженіе, болѣе или менѣе близкое, правила дѣйствованія, само по себѣ бываетъ свидѣтельствомъ духа и свойства законовъ, направляющихъ дѣятельность, такъ, что Законодательствомъ, можно сказать, условливается Исторія народа, а Исторіею осуществляется и оправдывается Законодательство. Сіе-то взаимное соотношеніе Закона и Дѣянія служило основаніемъ ученому Эверсу для начертанія *Древнѣйшаго Русскаго Права въ историческомъ*

его раскрытіи, — произведенія, въ которомъ совмѣщены Исторія и Право Россіи въ первоначальномъ періодѣ ея существованія. Авторъ тщательно слѣдилъ по Лѣтописи Нестора государственныя и частныя дѣянія Князей и подданыхъ и возводилъ ихъ къ извѣстнымъ началамъ, изъ коихъ они проистекали, подтверждая и объясняя свои изслѣдованія аналогіею другихъ равностепенныхъ Правъ. Такимъ образомъ на сіе произведеніе надлежитъ смотрѣть съ двухъ сторонъ: со стороны Исторической и со стороны Юридической.

Съ Исторической стороны, сочиненіе сіе представляетъ важное критическое обозрѣніе древнѣйшаго періода Россійской Исторіи. Видя, по указанію самой Лѣтописи, Славяно—Русса стоящимъ, такъ сказать, на прагѣ между семейственнымъ и государственнымъ бытомъ, Эверсъ, на основаніи сильныхъ убѣжденій ума и опыта, подчинилъ дѣйствованіе его вліянію двухъ началъ—семейственной и государственной жизни, изъ коихъ одно долженствовало мало по малу ослабѣвать и исчезать, а другое возрастать и утверждаться. Въ семъ неопредѣленномъ, колеблющемся состояніи человѣкъ не есть еще истинный гражданинъ Государства; свыкшись съ древними обычаями семейственной жизни въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, онъ долго остается имъ вѣренъ и тогда, когда не-

реступаетъ въ кругъ государственныхъ отношеній; онъ не вдругъ еще принимаетъ на себя тяжкій для дикой его свободы яремъ правилъ и формъ, необходимо возлагаемый на него государственною жизнію; и тотъ образъ мыслей и чувствованій, который онъ переноситъ съ собою, поступая въ государственное состояніе, долго бываетъ направительнымъ началомъ его дѣятельности. Смотря съ сей точки зрѣнія—точки правильной, на которую необходимо долженъ поставлять себя испытатель Исторіи при изслѣдованіи первоначальнаго періода всякаго государства, Авторъ легко находитъ основанія всѣмъ нравственнымъ и гражданскимъ дѣяніямъ, имѣвшимъ мѣсто въ политическомъ мірѣ тогдашней Россіи, и то, что для простаго читателя кажется какимъ-то чудовищнымъ изрожденіемъ дикой, буйной природы человѣка, получаетъ видъ явленія естественнаго, которое непремѣнно долженствовало произойти по началу, тогда дѣйствовавшему. И поелику, такъ называемая, Критика дѣлъ, которая въ изреченіи суда своего необходимо должна утверждаться на таковыхъ началахъ, смотритъ на изложеніе Дѣеписателя, какъ на одежду, произвольно имъ построеваемую для облаченія исторической были, какъ на обрисовку, дѣлаемую имъ сообразно своему вкусу и своимъ правиламъ; то многія дѣянія въ томъ

видѣ, какъ они представлены Лѣтописцемъ, бывъ подвергнуты пробному дѣйствію принятаго Авторомъ начала, не выдержали испытанія и въ слѣдствіе того получили другой, болѣе сообразный смыслъ. Мы не хочемъ указывать здѣсь на сіи преобразованныя были; читатель лучше увидитъ ихъ при самомъ чтеніи критическаго опыта; скажемъ только предварительно, что если такія переоблаченія и покажутся кому неправильными, насильственными, то, по крайней мѣрѣ, всё согласнѣе съ разумомъ видѣть многозвѣнную цѣпь дѣяній прикрѣпленною къ *какой нибудь* точкѣ, нежели висящею *ни на чемъ.*

Съ Юридической стороны, *Древнѣйшее Русское Право* можетъ быть названо начертаніемъ Внутренней Исторіи перваго періода Россійскаго Права и вмѣстѣ отнесено къ наукѣ Древняго Права вообще. — Какъ опытъ Внутренней Исторіи Россійскаго Права, оно заслуживаетъ вниманіе потому, что юридическія правила, которыя Авторъ извлекалъ изъ сказаній Лѣтописи, равно и положительные законы, извѣстные подъ именемъ Правды, развиты имъ изъ одного начала, дѣйствующаго въ первобытномъ состояніи государства, когда оно только что исходитъ изъ сферы семейственнаго устройства, обыкновенно предшествующаго государственному. Отъ чего законное состояніе Россіи во

время первоначальнаго періода ея образованія представляется въ стройномъ, единопослѣдственномъ видѣ. Два мирные Договора, заключенные Олегомъ и Игоремъ съ Греками, въ которыхъ Русское и Греческое Право находятся въ сліяніи, разобраны по ихъ составнымъ элементамъ, такъ, что читатель ясно видитъ, какое постановленіе принадлежитъ Греческому и какое Русскому Праву, или какимъ образомъ извѣстное правило видоизмѣнилось въ слѣдствіе обоюдной уступки договаривавшихся сторонъ. Вообще, Русская Правда и мирные Договоры съ Греками раскрыты правоученымъ испытателемъ Исторіи съ такою полнотою и ясностію, какъ еще никому не удавалось изъ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ ему на семъ пути, и—говоря въ особенности о договорахъ, если извѣстный изыскатель Русскихъ Древностей, тотъ, который такъ счастливо умѣлъ разрѣшить узелъ сомнѣнія, сплетенный Шлецеромъ изъ мнимыхъ противорѣчій въ лѣтосчисленіи между Лѣтописью Нестора и Византійскими Писателями и оказалъ значительную услугу Русской Нумисматикѣ, лишаетъ насъ удовольствія видѣть исполненіе даннаго обѣщанія написать отдѣльное сочиненіе о сихъ Договорахъ, то сдѣланное Эверсомъ объясненіе по тому же предмету можетъ насъ довольно утѣшить въ семъ чувствительномъ лишеніи (сличи. ниже стр.

147 прим. 1). Такимъ образомъ для перваго періода Россійскаго Законовѣдѣнія мы имѣемъ исторію въ предлагаемомъ здѣсь Сочиненіи. Авторъ справедливо ограничилъ свои изысканія тѣмъ пространствомъ времени, для коего мы едва ли можемъ ожидать открытія новыхъ, непосредственно къ сему времени относящихся Источниковъ и, слѣдовательно, историческая судьба коего—можно сказать—уже рѣшена. Въ *Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ* Графа Н. П. Румянцова самый старинный памятникъ относится къ 1265 г., а изъ трехъ тысячъ Историко-Юридическихъ Актовъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею, ни одинъ не восходитъ далѣе 1340 года. (См. Журналъ Министерства Народ. Просв. 1835 г. Генварь, стр. 97), слѣдовательно ни одного остатка, который бы принадлежалъ ко времени изысканій Сочинителя. Поставивъ себя въ такихъ предѣлахъ, Эверсъ избѣгнулъ того упрека, какой обыкновенно дѣлаютъ рановременнымъ трудамъ, предваряющимъ самую возможность совершеннаго успѣха въ дѣлѣ за недостаткомъ отъ полнаго собранія Источниковъ. При семъ позволено надѣяться, что обильная жатва памятниковъ старинныго быта Россіи, собранная помянутою Экспедиціею, не останется безъ дѣлателей для исторіи дальнѣйшаго развитія Россійскаго Права, и что на основаніи какъ

прежнихъ Источниковъ, представляемыхъ нашими Лѣтописцами и Собраніемъ Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, такъ и сдѣланныхъ въ послѣднее время открытій воздвигнется наконецъ полное зданіе науки отечественнаго Законовѣдѣнія, которое обыметъ въ своемъ цѣльномъ составѣ всѣ измѣненія и отличія Законодательства, порожденныя временемъ и мѣстностію,—подобное тому, какимъ по всей справедливости можетъ хвалиться, преимущественно предъ всѣми Европейскими народами, Германія произведшая для историческаго развитія своего Права Пюттеровъ и Эйхгорновъ.

Далѣе, предлагаемый трудъ заслуживаетъ вниманіе и по отношенію къ Древнему Праву вообще.—Для сей отрасли Правовѣдѣнія, которая досселѣ остается такъ еще необработанною, ни откуда не можетъ быть заимствованъ лучшій и благонадежнѣйшій запасъ, какъ изъ Лѣтописи Нестора и Русской Правды. Нигдѣ письменность и Законодательство не открылись такъ скоро, по основаніи государства, какъ въ Россіи. Несторъ писалъ спустя почти два столѣтія по основаніи Россійскаго Государства, а Русская Правда дана спустя тридцать два года по введеніи Христіанской Вѣры; слѣдовательно, какъ Лѣтопись, такъ и Законодательство были весьма близки къ тому времени, когда уставы и обычаи, свойственные устроенію общества

до образованія его въ составъ государственный, еще не перестаютъ дѣйствовать и въ Государствѣ. Лѣтопись носитъ въ себѣ начертаніе первоначальнаго образа дѣйствованія человѣка, когда онъ переступаетъ въ государственное состояніе, а Правда Русская служитъ зерцаломъ первобытнаго Законодательства, которое съ своей стороны есть также выраженіе духа и потребностей времени. Почему представляемое нами произведеніе имѣетъ достоинство и въ томъ отношеніи, что въ немъ раскрытъ образъ Древняго Права вообще, такъ, какъ оно является въ первоначальномъ состояніи общества, по существу своему вездѣ единообразномъ.

Что касается до перевода, то переводчикъ старался вездѣ быть вѣрнымъ подлиннику. Мѣста изъ Лѣтописи приведены и въ переводѣ по тѣмъ же самымъ спискамъ, по которымъ приводилъ самъ Авторъ. Впрочемъ, указанія, дѣлаемыя имъ на Нѣмецкій подлинникъ объясненнаго Шлецеромъ Нестора, поставлены переводчикомъ по переводу Д. Языкова, равно нѣкоторыя пояснительныя замѣчанія Автора, которыя могутъ имѣть цѣну только для Нѣмецкаго читателя подлинника, въ переводѣ опущены, какъ совершенно излишнія и для Русскаго читателя безполезныя. Два мирные Договора Олега и Игоря съ Греками, представлены въ подлинникѣ и переводѣ на новѣйшій

Русскій языкъ. Побудительною къ сему причиною было желаніе облегчить читателю разумѣніе сихъ дипломатическихъ актовъ, которые, какъ думать надобно, бывъ первоначально написаны на Греческомъ языкѣ, при переложеніи на Славянскій, необходимо долженствовали испытать тяжкое насиліе въ переводномъ образѣ изложенія, искаженномъ еще въ послѣдствіи безтолковыми поправками невѣждъ—переписчиковъ. Равно и Русская Правда, будучи написана на языкѣ не весьма понятномъ для Русскаго читателя XIX столѣтія, представлена съ переводомъ же на новѣйшій Русскій языкъ во всѣхъ трехъ ея видахъ, при чемъ переводчикъ не могъ строго держаться Нѣмецкаго ея перевода, сдѣланнаго Авторомъ слишкомъ буквально, стараясь впрочемъ, сколько возможно, быть вѣрнымъ образу его воззрѣнія.

Въ заключеніе переводчикъ ласкаетъ себя надеждою, что, тогда какъ съ одной стороны Сводъ Законовъ Россійской Имперіи распространяетъ вкусъ къ Законовѣдѣнію и возводитъ Науку на высшую степень совершенства, полноты и твердости, а съ другой приготовляемое изданіе въ свѣтъ собранныхъ Археографическою Экспедиціей останковъ древней Русской Письменности, будучи само по себѣ свидѣтельствомъ господствующаго направленія учености къ историческимъ изслѣдованіямъ, обращаетъ

умы на сумракъ старобытныхъ временъ Отечества, появленіе такой книги на Русскомъ языкѣ, въ которой съ нарочитою ясностію представленъ законный и политическій бытъ Россіи въ первомъ періодѣ ея существованія, не будетъ излишне и трудъ одного изъ ученыхъ изыскателей нашей Исторіи, являясь на Русскомъ языкѣ, не будетъ лишенъ вниманія хотя нѣкоторыхъ любителей отечественной Исторіи и Юриспрюденціи.

Переводчикъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ВРЕМЕНА ХРИСТІАНСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

ДРЕВНѢЙШЕЕ РУССКОЕ ПРАВО

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЕГО РАСКРЫТІИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Страна, въ которую призванъ Рюрикъ на княженіе, была, до прибытія его въ Новгородъ, населяема многими отдѣльными народами, живившими независимо другъ отъ друга (¹). Каждый народъ слагался изъ многихъ племенъ, племена изъ родовъ и семействъ, или, иначе сказать, изъ небольшихъ общественныхъ союзовъ, которые сами собою, мало по малу, образуются изъ многочисленныхъ, вмѣстѣ живущихъ, потомковъ одного какого либо племени. Изъ сихъ-то малыхъ обществъ возникаютъ первые Пастушескіе народы. И онѣ немалое время продолжаются еще и тогда, когда люди начинаютъ уже строить домы и воздѣлывать поля. Таковый ходъ основанъ на самой природѣ человѣческой. Первоначально вездѣ соединяются между собою потомки одного общаго начальника племени, для взаимной защиты про-

тивъ иноплеменниковъ; ибо въ грубомъ естественномъ состояніи, до образованія благоустроенныхъ обществъ, каждому необходимо нужна таковая защита, и нещастенъ тотъ, кто находится внѣ семейственнаго союза; онъ лишенъ всякой опоры. Государства, которыя потомъ начинаютъ развиваться (вторый шагъ въ постепенномъ образованіи человѣческаго рода), суть не что иное, какъ соединенія отдѣльныхъ, бывшихъ дотолѣ совершенно свободными, родовъ, или большихъ семействъ, подъ владычество одного общественнаго Главы. Впрочемъ здѣсь не должно представлять себѣ такихъ Государствъ или такихъ Государей, какихъ мы видимъ въ наши времена. Хотя, съ самаго начала, общественный Глава носитъ титло Государя или Властителя (Βασιλεύς, Rex, Князь) въ сихъ постепенно возникающихъ Государствахъ; но онъ тогда не болѣе означаетъ, какъ предводителя на войнѣ, верховнаго судію въ народныхъ спорахъ и раздаятеля праздныхъ или новозавоеванныхъ земель. Начальники племенъ долго еще удерживали за собой знатную часть прежней своей власти. Семейства всё еще продолжали представлять въ себѣ одно независимое цѣлое, судились и рядились между собою, дѣлили сами свои стяжанія и взаимно защищались, на основаніи самоуправства, позволеннаго закономъ въ первый періодъ всякаго Государства.

Многіе слѣды таковаго состоянія родовъ нахо-

дятся и въ Русской Исторіи; которая такъ изображаетъ намъ времена до прибытія Рюрика: *Поляномъ же живущимъ особѣ и владѣющимъ роды своими, яже и до сея братья бяху Поляне, и живяху кождо сродомъ своимъ на своихъ мѣстехъ*; первый Князь Кій *сѣдяше на горѣ, гдѣ нынѣ Зборичевъ, и бѣ сродомъ своимъ.* См. Несторъ, сличенный Шлёцеромъ и перев. Языковымъ Ч. I. стр. 174.

Описывая состояніе Славянъ до призванія Рюрика, Лѣтописецъ говоритъ: *и вста родъ на родъ, и быша усобицѣ вnихъ, и воевати сами на ся почаша.* Почему они и рѣшаются призвать къ себѣ Князя отвнѣ; ибо взаимная вражда и ревность не позволяли имъ выбрать его изъ среды себя. Нест. слич. Шлец. Ч. I. стр. 299.

Призванные Князья — Руссы, три сильные брата, приходятъ *роды своими.* Оскольдъ и Диръ, пришедшіе вмѣстѣ съ ними, бывъ недовольны Рюрикомъ, отправляются въ Царьградъ *сродомъ своимъ* ([2]). Нест. слич. Ч. I. стр. 332. Ч. II стр. 10.

О сихъ первобытныхъ временахъ своего отечества Лѣтописецъ Несторъ сообщаетъ намъ немногія только свѣдѣнія, не смотря на то, что онъ родился, спустя менѣе 200 лѣтъ по основаніи Россійскаго Государства, и почерпалъ преданіе живое, изъ устъ старца Яна. Но мы не должны удивляться такой бѣдности его сказанія. Первые Властители Государствъ мало представ-

ляютъ *исторически* достопамятнаго, если они являются на своемъ поприщѣ не въ блескѣ завоевателей обширныхъ земель; а это, по самой природѣ вещей, можетъ быть только рѣдко. Малыя войны для человѣчества незначительны; почему память ихъ скоро изчезаетъ въ потомствѣ, и только нѣкоторые частные подвиги, совершенные въ продолженіе войнъ, увѣковѣчиваются народными пѣснями. Исторически важны однѣ тѣ войны, коими Государство увеличивается, и кои, какъ необыкновенно смѣлые походы въ отдаленныя страны, доказываютъ могущество и воинственный духъ народа. Сей образъ представленія столько близокъ къ простому человѣческому смыслу, что и первые Лѣтописцы, простые—естественные люди, не могли не имѣть его. Всѣ необразованные народы, стоящіе на таковой степени развитія, представляютъ подобныя явленія. Уже по введеніи письмени, когда начинаютъ замѣчать дневныя событія, и описанія войнъ становятся чаще и обстоятельнѣе. Многое, чего потомство не удостоиваетъ никакого вниманія, для современниковъ имѣетъ большую важность.

Съ сей точки зрѣнія надлежитъ судить о скудости событій во времена правленія первыхъ Князей, какую мы находимъ у нашего Лѣтописателя, равно какъ и у всѣхъ, подобно ему, писавшихъ исторію новооснованныхъ государствъ. Браннолюбивые Варяго-Руссы, поло-

жившіе основаніе Государству: Рюрикъ съ своими братьями и, послѣ, сынъ его Игорь, безъ сомнѣнія, вели болѣе войнъ, нежели сколько излагаетъ Несторъ. По крайней мѣрѣ, это представляется очень вѣроятнымъ, судя по положенію новаго государства. Но поелику сіи войны не были ознаменованы никакимъ достопамятнымъ событіемъ; то во времена добраго Инока онѣ не имѣли никакой важности, а посему и были имъ оставлены въ молчаніи.

Лѣтопись его не говоритъ ничего о законахъ, въ собственномъ смыслѣ сего слова; отъ того ли, что ему не представлялось случая упоминать объ нихъ, или отъ того, что ихъ совсѣмъ еще и не существовало. Я полагаю последнее. Ибо законы, въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, т. е. законы формальные, обнародованные для всеобщаго исполненія, письменно изложенныя постановленія Верховнаго Главы Государства, въ младенческомъ состояніи обществъ, почти вовсе неизвѣстны. Законъ, въ этомъ значеніи, есть искуственное понятіе, для выраженія коего древніе языки и не имѣютъ слова (5).

Но въ первыя времена образующагося государственнаго общества и нѣтъ ни малѣйшей нужды въ формальныхъ законахъ. Государи, въ правленіи новыми своими Державами, дѣйствуютъ тогда подобно частному человѣку, не-

кущемуся о устроеніи своего хозяйства, — не посредствомъ всеобщихъ указовъ, но судя и рядя все въ отдѣльности, какъ представляется къ тому случай. Такимъ образомъ они управляютъ своимъ Государствомъ и своими подданными нѣсколько похоже на то, какъ родоначальникъ управляетъ своею семьею и своимъ домомъ. Если родоначальникъ встрѣчаетъ какія нибудь дѣла, обращающія его вниманіе по своей важности или по особенному удовольствію, съ ними соединенному, то въ семъ случаѣ онъ рядитъ самъ; управленіе дѣлами обыкновенными поручаетъ своимъ сыновьямъ или слугамъ, дѣйствующимъ по его распоряженію, въ его присутствіи или подъ его надзоромъ; въ дальнія угодья или стада посылаетъ онъ, для исполненія нужныхъ тамъ дѣлъ, членовъ своего семейства, кого находитъ умнѣе и надежнѣе. Подобнымъ образомъ дѣйствовалъ въ древнія времена и Князь. Онъ представляется въ семъ случаѣ похожимъ на библейскихъ Патріарховъ, отличаясь отъ нихъ только тѣмъ, что онъ есть начальникъ не одного, но многихъ большихъ родовъ. Въ семъ состояніи столь же мало бываетъ, собственно такъ называемыхъ, законовъ, как и въ нашихъ семейныхъ обществахъ.

Но недостатокъ таковыхъ законовъ восполняется нѣкоторыми общими правилами и уставами, коихъ сила основывается не на письмен-

номъ ихъ изложеніи и формальномъ объявленіи, но единственно исходитъ отъ лица домоначальника и утверждается на одной его волѣ и благоусмотрѣніи. Большая часть сихъ общихъ правилъ естественно вытекаетъ изъ самаго свойства общественной жизни, на пр. что одинъ другаго не долженъ бить, грабить, что находящемуся въ опасности собрату надлежитъ подать руку скорой помощи и т. п. Симъ правиламъ учитъ каждаго собственный здравый смыслъ; почему предполагаютъ, что всякій разумный человѣкъ ихъ знаетъ, и—если кто, увлеченный страстію, дѣлается преступникомъ оныхъ, то приговоръ Главы семейства опять обращаетъ его къ порядку. Другая часть сихъ общихъ правилъ имѣетъ источникомъ своимъ волю главы семейства, на пр. способъ раздѣла общаго стяжанія, образъ вооруженія и защищенія, преимущества непосредственно подчиненныхъ главѣ семейства отцевъ, которые обыкновенно бываютъ братья и сыновья его и пр. Правда, все это есть болѣе дѣло взаимнаго согласія, нежели истинный, настоящій законъ;— сила и дѣйствіе сихъ уставовъ зависятъ отъ воли каждаго новаго домоначальника, и слѣд. по нашимъ понятіямъ не имѣютъ никакой опредѣленности и твердости: но тѣмъ не менѣе, въ духѣ тѣхъ времень, они были прочны и постоянны.

Посему такія Государства совсѣмъ не похожи на наши настоящія. Послѣднія существуютъ въ основныхъ частяхъ своихъ въ теченіе уже нѣсколькихъ столѣтій, и продолженіе существованія ихъ обезпечено такими мѣрами, разрушенія коихъ не допускаютъ опасаться и сами сосѣдніе народы: напротивъ первыя были дѣломъ необходимости. Дабы защитить себя и свои стяжанія отъ нападеній другаго, люди долженствовали вступать въ общественный союзъ, или лучше, жить совокупно въ естественномъ союзѣ семействъ; поелику таже необходимость защищенія предлежала и въ семъ состояніи. Хотя особа семейной Главы измѣнялась; но, не смотря на то, цѣль союза семействъ оставалась одна и таже. Частое столкновеніе съ чуждыми семействами, притязанія и нападенія со стороны, всегда подвергали опасности благосостояніе всякаго частнаго лица и всякому непрестанно внушали тотъ урокъ, что его собственность, свобода и самая жизнь зависятъ отъ единодушнаго пребыванія въ союзѣ общественномъ.

Для основанія и сохраненія прочнаго единства, вездѣ необходимо водвореніе и соблюденіе строгаго порядка. Но строгій, ненарушимый порядокъ, въ грубомъ состояніи человѣка, ничѣмъ такъ легко не вводится, какъ долговременнымъ обычаемъ. Почему собственная выгода каждаго Главы семейства требуетъ не

только сохранять всеобщія правила, основанныя на свойствѣ общежитія, но и поддерживать тѣ установленія, которыя введены уже были его предшественниками. Ибо всякая перемѣна, будучи съ одной стороны поводомъ къ новымъ притязаніямъ и требованіямъ, съ другой источникомъ неудовольствія и споровъ, грозитъ опасностію союзу общественному: какъ перемѣна, она въ тоже время есть разрушеніе заведеннаго порядка; какъ нововведеніе и произволъ, она усиливаетъ и въ другихъ наклонность къ подобному своеволію. Но власть самаго Главы семейства преимущественно основывается на понятіи, освященномъ древнимъ обычаемъ.

Сіи положенія такъ очевидны, что чистый, неомраченный смыслъ простаго—естественнаго человѣка не можетъ ихъ не понимать. Къ тому присовокупляются еще наставленія ежедневнаго опыта. Отдѣльные роды погибаютъ, порабощаются, искореняются—отъ собственной вины неустройства, несогласія и слабости: урокъ для другихъ—стараться о соблюденіи порядка, единства и ревности, которые, въ случаѣ нужды, одни могутъ привести силы въ напряженіе, потребное для предотвращенія подобной участи. Такимъ образомъ собственная польза начальниковъ семействъ требуетъ того, чтобы все старое было оставляемо въ цѣлости. Измѣненія, дѣлаемыя безъ нужды, никогда не приносятъ имъ выгоды; напротивъ часто сопровождаются

опасностію и вредомъ. Еще болѣе: предшественники, отъ которыхъ ведутъ свое начало прежнія учрежденія, были ихъ отцы и дѣды; почтеніе, внушаемое къ нимъ съ юныхъ лѣтъ, производитъ уваженіе и къ ихъ постановленіямъ; наклонность къ самоволію и гордая мысль о превосходствѣ собственнаго ума, откуда обыкновенно проистекаютъ ненужныя нововведенія, несовмѣстны съ духомъ тѣхъ временъ: напротивъ, уваженіе къ существующему, къ тому, что заведено отцами, составляетъ въ характерѣ людей того времени господствующую черту, напечатлѣваемую въ нихъ съ самаго дѣтства.

Такимъ образомъ, хотя начальники семействъ, при патріархальномъ устройствѣ обществъ, имѣютъ полную власть измѣнять все прежде установленное; но они это дѣлаютъ весьма рѣдко, по причинамъ, заключающимся въ самомъ существѣ таковаго устройства.

То, что имѣетъ силу по отношенію къ Главамъ семейства, можетъ быть приложено, въ началѣ Государствъ, и ко Властителямъ. Новое Государство въ первоначальномъ своемъ состояніи есть не что иное, какъ соединеніе многихъ великихъ родовъ, и новый Властитель не что иное, какъ верховный Патріархъ. Устроеніе и управленіе Государства есть правленіе великимъ семействомъ,—единственный образецъ, который имѣли въ виду люди, вступавшіе въ

новое великое общество. Природа вездѣ идетъ постепенно. Потому въ Государствахъ, управляемыхъ Властителемъ, когда они находятся еще на первой степени своего образованія, столь же мало бываетъ законовъ, какъ и въ великомъ союзѣ семействъ, управляемыхъ Патріархомъ; но, безъ сомнѣнія, и въ сихъ Государствахъ есть нѣкоторыя общія, всѣми принятыя, правила, кои необходимо возникаютъ изъ совокупной жизни въ одномъ цѣломъ, и нѣкоторыя первоначальныя постановленія, кои при первомъ основаніи Государства были сдѣланы или съ общаго согласія, или по волѣ первыхъ Властителей. Всѣ сіи первобытные уставы и въ послѣдствіи остаются неприкосновенными и свято сохраняются; ибо ни одинъ благоразумный преемникъ не можетъ находить для себя пользы въ ихъ измѣненіи. Соблюденіе ненарушимаго единства, строгаго порядка и всѣхъ постановленій, утвердившихся обычаемъ, для первыхъ Властителей столь же важно, какъ и для предшествовавшихъ имъ родоначальниковъ. Естественно, они вначалѣ обладаютъ Государствами еще слабыми; и главное попеченіе ихъ должно состоять въ охраненіи младенчествующихъ своихъ Державъ отъ внѣшнихъ враговъ. Такимъ образомъ общія правила, которыя сами собою развиваются изъ существа общежитія, и первоначальныя учрежденія перваго общества, (можетъ быть, съ нѣкоторыми только отмѣнами)

въ теченіи долгаго времени удерживаются въ своей силѣ и становятся обычаями и нравами. Обычаи и нравы вездѣ предшествуютъ законамъ: первые законы суть не что иное, какъ обычаи и нравы, получившіе опредѣленное значеніе на языкѣ народа и для лучшаго соблюденія преданные письмени.

Изложенныя здѣсь понятія въ существѣ своемъ не представляютъ ничего новаго, и истина ихъ признана почти всѣми; но не смотря на то, я счелъ нужнымъ изложить ихъ съ нарочитою ясностію. Ибо, привыкши совсѣмъ къ другимъ постановленіямъ, мы, большею частію, бросаемъ только бѣглый взглядъ на особенности протекшихъ временъ, не сознавая опредѣленнымъ и яснымъ образомъ различія между нынѣшнимъ и тогдашнимъ состояніемъ Государства. Особенно предпринимая настоящій опытъ, я нахожу для себя важнымъ обратить вниманіе читателя на сей предметъ: я хочу собрать и изложить здѣсь сказанія Исторіи о состояніи права въ древнѣйшемъ быту Россійскаго Государства, и думаю, что мой трудъ можетъ содѣйствовать къ раскрытію Древняго Права вообще, и доселѣ еще остающемуся весьма несовершеннымъ. Россія, въ семъ отношеніи, обладаетъ двумя особенными преимуществами: она имѣетъ 1) Лѣтопись—достовѣрную, которая сочинена немного спустя по основаніи Государства, такъ, что ни въ какомъ другомъ

Государствѣ нельзя найти подобной; 2) сохранившійся въ сей Лѣтописи отечественный Законъ, который носитъ на себѣ слѣды глубочайшей древности, и, вѣроятно, есть первый писанный Законъ по основаніи Государства,— памятникъ, коему подобнаго не можетъ представить никакое другое Государство.

Что касается Лѣтописи, то хотя она сообщаетъ намъ немногія только свѣдѣнія, впрочемъ ихъ достаточно для того, чтобы изслѣдовать постепенное развитіе Права въ его главныхъ чертахъ. Законъ, если это дѣйствительно есть *первый* законъ, служитъ для насъ яснымъ, очевиднымъ примѣромъ того, какъ въ началѣ законы возникали изъ однихъ обычаевъ и нравовъ, какъ развивались первыя понятія о Правѣ, въ нынѣшнемъ значеніи сего слова, что относили въ древнихъ Государствахъ къ области законодательства и что исключали изъ оной.

Но скудный запасъ свѣдѣній, представляемый нашею Лѣтописью для исторіи Древнѣйшаго Права, тогда только можетъ быть достойно оцѣненъ и съ пользою употребленъ для вышеозначенной цѣли, когда мы оживимъ для себя характеръ древнихъ Государственныхъ установленій. Равнымъ образомъ, и достоинство представляемаго намъ Лѣтописью Закона, бывшее столь долго неизвѣстнымъ, и многія важныя слѣдствія, которыя можно оттолѣ вывести, тогда

только могутъ быть вполнѣ усмотрѣны, когда живо представимъ себѣ то состояніе, въ какомъ необходимо долженствовало явиться Право въ первомъ Государственномъ союзѣ, возникшемъ изъ отдѣльныхъ племенъ и пастушескихъ народовъ. Вотъ цѣль сего введенія къ предлагаемому опыту, въ коемъ я намѣренъ показать, на основаніи исторіи Россіи, постепенный ходъ Права, возникавшаго изъ такъ называемаго патріархальнаго состоянія гражданскаго общества.

(1) Частію Финнами, частію Славянами. Лѣтопись обозначаетъ именно слѣдующіе:

И по сей братьи почаша држати родъ ихъ княженіе въ полѧхъ, а вдеревлѣхъ [дру. *Деревлѧхъ*] *свое, а Дрьговичи свое, а Словѣне свое вНовѣ городѣ, а другое на Полотѣ, иже и Полочанѣ. Отъ сихже и Кривичи, иже сѣдлтъ на верхъ Волгы, и на врхъ Двины, и на врхъ Днѣпра, ихже и городъ есть Смоленскъ: туда бо сѣдлтъ Кривичи. Таже сѣверо отъ нихъ на Бѣлѣ озерѣ сѣдитъ Вѣсь; и на Ростовѣ озерѣ Мерѧ, а на Клещинѣ озерѣ сидлтъ Мѣряже. А по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ втечетъ въ Волгу, языкъ свой Мурома, и Черемиси свой языкъ, и Мордва свой языкъ. Себо вРуси токмо Словѣнескъ языкъ: Полѧне, Деревлѧне, Новгородци, Полочане, Дрьговичи, Сѣверяне, Бужане зане сѣдлтъ по Бугу, послѣже и Волыняне. И се суть иніи языцы, иже дань дають Руси: Чудь, Весь, Меря, Мурома, Черемись, Ямъ, Мордва, Пѣрмъ, Печера, Литва, Зимѣголи, Корсь, Нерома, Либо.* Несторъ. сличен. Шлёцеромъ ч. 1. стр. 185 и сл.

(2) *Родъ* [Geschlecht], я думаю, было единственное слово на древне-Славянскомъ нарѣчіи для выраженія понятія семейства и поколѣнія, или лучше, единственное слово для означенія семейства и рода вмѣстѣ, безъ различія, шла ли рѣчь объ одномъ или о многихъ поколѣніяхъ. Выраженія для обозначенія семейства [Familie] въ новѣйшемъ тѣсномъ смыслѣ сего слова

не встрѣчается ни въ Лѣтописи, ни въ старинныхъ законахъ.

(5) Греческое Νόμος первоначально значитъ отдѣленіе, назначеніе кому чего нибудь [отъ νέμειν дѣлить, a suum cuique tribuendo—по изъясненію Цицерона de Legg. III 6], распоряженіе, и потомъ уже законъ; Латинское lex первоначально означаетъ всякое изреченіе, все, что говорится; Славянское *законъ*—обыкновеніе, правъ, Вѣру [Религію] и потомъ уже законъ въ собственномъ смыслѣ. Первыя постановленія назывались *уставъ*, или *правда*, также *судъ*, и это значеніе встрѣчается у тѣхъ же самыхъ древнихъ Лѣтописцевъ, которые употребляютъ слово *законъ* въ значеніи нравовъ и Вѣры.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ВРЕМЕНА ЯЗЫЧЕСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КНЯЖЕНІЕ РЮРИКА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Владычество трехъ братьевъ и образъ древняго наслѣдства.

О вступленіи первыхъ Русскихъ Князей въ обладаніе Славяно-Финскимъ Государствомъ во глубинѣ Сѣвера Лѣтопись Нестора говоритъ слѣдующее:

И избрашася тріе брата сроды своими: и пояша по собѣ всю Русь и придоша къ Словеномъ пѣрвѣе и срубиша городъ Ладогу. И сѣде старѣйшій вЛадозѣ Рюрикъ, а другій Синеусъ на Бѣлѣ Озерѣ, а третій Труворъ вИзборьсцѣ. И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Русская земля .... По двою же лѣту умре Синеусъ и братъ его Труворъ. И прія всю власть Рюрикъ единъ. См. Нестор. спис. Шлецер. Ч. I. стр. 332. и сл. Ч. II. стр. I.

Пусть Историческая Критика находитъ много сомнительнаго въ сказаніи о Рюрикѣ, какъ на пр. то, что онъ приходитъ именно съ двумя братьями, что оба сіи братья умираютъ именно черезъ два года, что вовсе не говорится о ихъ потомствѣ и пр.; мнѣ нѣтъ до того дѣла. Цѣль моя есть одно раскрытіе Древняго Права: а для сего предмета приведенное сказаніе подаетъ намъ нѣкоторыя немаловажныя свѣдѣнія, кои нисколько не зависятъ отъ этихъ критическихъ сомнѣній.

Лѣтописецъ, который, безъ сомнѣнія, не былъ вмѣстѣ и критикомъ, разсказываетъ намъ на основаніи какой либо Саги о происшествіяхъ, совершившихся до него за два съ половиною столѣтія; слѣдовательно, что удивительнаго, если онъ могъ и ошибиться въ подробностяхъ, которыя отъ самаго времени, можетъ быть, уже нѣсколько исказились? Но самое существо были, подающей намъ заключеніе объ образѣ правленія въ древнѣйшія времена, нисколько не зависитъ отъ помянутыхъ стороннихъ обстоятельствъ. Именно: что Русское владѣтельное племя, состоявшее изъ нѣсколькихъ братьевъ, было призвано Славянами; что три брата, пришедши, раздѣлили между собою землю Славянскую; что старшій пережилъ обоихъ другихъ, и по смерти ихъ сдѣлался единственнымъ Властителемъ;—всѣ сіи обстоятельства, составляющія существо дѣла, не мо-

гутъ быть подвергнуты ни малѣйшему сомнѣнію. Это суть черты того времени, когда начальники отдѣльныхъ племенъ, возникшіе изъ патріархальнаго быта семействъ, начинаютъ основывать *Государства*,—времени, на которое мы вездѣ должны обращать вниманіе, чтобъ уразумѣть Древнее Право, и которое доселѣ остается для насъ столь малоизвѣстнымъ какъ потому, что оно не сохранилось до насъ ни въ какомъ полномъ описаніи, такъ и потому, что, къ сожалѣнію, никто не заботился о собраніи и сличеніи различныхъ отрывковъ, сюда относящихся, какіе разсѣяны по частнымъ Исторіямъ (ибо основаніемъ таковыхъ Государствъ вездѣ начинаются историческія времена).

Къ симъ отрывкамъ, изображающимъ характеръ этого времени происхожденія Государствъ, принадлежитъ и сообщаемое Несторомъ извѣстіе о первоначальномъ правленіи Рюрика вмѣстѣ съ своими братьями.

То, что отецъ оставлялъ по своей смерти, было *первоначально семейною собственностію* оставшихся дѣтей, которые заступали его мѣсто. *Раздѣлъ* наслѣдства есть право уже *позднѣйшее*. Такою семейною собственностію семейство распоряжало съобща; иногда распоряжалъ ею старшій братъ одинъ, иногда всѣ братья, но, большею частію, съ извѣстнымъ подчиненіемъ старшему (основаннымъ на уваженіи къ лѣтамъ). Если *одинъ* братъ умиралъ, то *остав-*

шійся заступалъ его мѣсто, ибо *только братья въ совокупности* были владѣтелями оставленнаго отцемъ имущества. О дѣтяхъ братнихъ, т. е. о второмъ колѣнѣ еще не было рѣчи. Они не были непосредственными наслѣдниками въ семейственномъ имуществѣ, оставленномъ ихъ дѣдомъ; да ихъ часто вовсе еще не было на свѣтѣ, когда онъ умиралъ. Прямые наслѣдники въ семъ имуществѣ были только ихъ отцы, которые, притомъ, пока еще не было введено дѣленія наслѣдства, вступали во владѣніе имъ сообща. Имѣніе постоянно составляло одно нераздѣльное цѣлое; только соучастниковъ въ обладаніи онымъ было много.

Эта особенность Древняго Права, какую мы узнаемъ изъ частныхъ извѣстій, разсѣянныхъ по различнымъ Сагамъ, пѣснямъ и исторіямъ, подтверждается, хотя краткими, сказаніями и нашей Лѣтописи; подтвержденіе, тѣмъ болѣе важное, что наша Лѣтопись сравнительно съ прочими есть самая древнѣйшая. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія подозрѣвать въ вымыслѣ Инока, столь не многорѣчиваго въ началѣ своей Лѣтописи. Его сказанія заслуживаютъ здѣсь полную вѣру, и согласуются съ другими повѣствованіями изъ Древнѣйшей Исторіи народовъ,—повѣствованіями, намъ знакомыми, но для него вовсе неизвѣстными. (1)

(1) Я не осмѣливаюсь отнести сюда Богемскую пѣснь о Судѣ Чешской Королевы Любуши; древность сей пѣсни недавно бы-

ла подвергнута важному сомнѣнію, и если бы я вздумалъ доказывать ея подлинность изъ ея содержанія, то это было бы petitio principii. Я лучше хочу предположить, что она есть подложное произведеніе позднѣйшихъ временъ; впрочемъ думаю, что Сочинитель сей сказки, по всей вѣроятности, старался приноровиться къ духу и обычаямъ древнихъ Чеховъ. Въ семъ отношеніи, мнѣ во всякомъ случаѣ представляется замѣчательнымъ то положеніе, что послѣ смерти отца дѣти съобща владѣли его имуществомъ и избирали себѣ изъ рода своего одного домовладыку, для распоряженія хозяйствомъ. Раздѣленіе наслѣдства и преимущество первородства проистекаютъ изъ позднѣйшаго развитія права и однимъ изъ членовъ Любушина суда приписываются Нѣмцамъ. См. *Извѣстія Россійской Академіи*, Кн. IX, 50—63.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Раздача областей.

Рюрикъ, сдѣлавшись по кончинѣ братьевъ своихъ Единовластителемъ, старался тѣснѣйшимъ образомъ соединить судьбу послѣдовавшихъ за нимъ единоземцевъ съ своею собственною. *И раздая волости и грады мужемъ своимъ: овому далъ Полтескъ, иному Ростовъ, другому Бѣло озеро* (¹). Исст. сличен. Шлецер. Ч. II. стр. 2. Нѣчто подобное встрѣчается во всѣхъ Древнихъ Правахъ. Начальникъ племени печется объ устроеніи благосостоянія своихъ единоплеменниковъ. Они находятся у него въ подчиненіи и получаютъ отъ него все нужное. Каждый благоразумный Начальникъ племени

дѣлится своими пріобрѣтеніями съ соплеменными ему людьми, сообразуясь съ важностію ихъ рода и личными заслугами. Слѣды этаго находимъ мы въ Исторіи всѣхъ Государствъ, и тѣмъ многочисленнѣе, тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ подробнѣе наши свѣденія о древнемъ ихъ состояніи. Ясный тому примѣръ еще въ позднѣйшія времена представляетъ намъ народъ верхней Шотландіи, который, бывъ вытѣсненъ чуждыми пришельцами и запертъ ими въ нѣдрахъ горъ, долго сохранялъ свои первобытные нравы.

Не менѣе замѣчательную черту въ характерѣ древнихъ временъ составляетъ и то, что Рюрикъ не далъ ни малѣйшаго участка земли пришедшимъ съ нимъ двумъ единоземцамъ, Аскольду и Диру, хотя они и сами были начальниками нѣкотораго малаго племени. Такъ говоритъ о семъ Лѣтопись: *и бѣста сиилъ пришли изъ Варягъ два человѣка, имя единому Аскольдъ, имя другому Диръ, не племени его, но Бояріна* (2). *Аскольдъ же и Диръ испросистася у Рюрика ко Царю граду итти сродомъ своимъ.* Нест. слич. Шлец. Ч. II. стр. 10. Всѣ начальники грубыхъ племенъ дѣйствуютъ такимъ образомъ. Каждый печется только о *своихъ* единоплеменникахъ, и если, за выдѣломъ имъ извѣстныхъ участковъ, ничего болѣе не остается; то иноплеменникъ не можетъ ожи-

дать себѣ ни малѣйшей доли. Уже потому самому, что онъ принадлежитъ къ другому племени, не охотно предоставляютъ ему владѣніе недвижимымъ имуществомъ. Столь же согласно съ духомъ этихъ временъ и то, что, когда такіе разноплеменники не получаютъ никакой доли отъ предводителя, по службѣ коему они покинули свое отечество,—обыкновенно, оставляютъ его и обращаются въ другія мѣста (какъ на пр. здѣсь, недовольные Аскольдъ и Диръ, по сказанію Нестора, рѣшились итти въ Константинополь).

Можно бы было дать и другое объясненіе сказанію Лѣтописца, если бы мы имѣли право предположить, что Несторъ слово: *племя*, какъ однознаменательное, употребилъ здѣсь вмѣсто: *родъ*. Въ семъ случаѣ не было бы нужды смотрѣть на Аскольда и Дира, какъ на вождей особаго племени; могло статься, что они принадлежали къ племени Рюрика или дружинѣ его, не будучи ни членами его семейства, ни отличными мужами его племени. Отъ чего они и могли быть обойдены при раздѣлѣ городовъ, согласно съ древнимъ обычаемъ надѣлять прежде всего ближайшихъ родственниковъ, потомъ достойнѣйшихъ соплеменниковъ, а послѣ сихъ, уже отдаленнѣйшихъ и менѣе уважаемыхъ, какъ это наблюдается у горныхъ Шотландцевъ. Въ семъ случаѣ и выраженіе Лѣтописца: *испросистася у Рюрика ко Царю граду итти*, было бы совер-

шенно умѣстно: ибо, на основаніи покорности и подчиненія, коими они были обязаны Рюрику, какъ Главѣ племени, они не смѣли безъ его позволенія итти искать счастія. При семъ предположеніи и извѣстный съ ними поступокъ Олега является въ другомъ свѣтѣ. Убіеніе ихъ въ такомъ случаѣ было бы казнію за то своеволіе, что они, испросивъ позволеніе итти въ Царьградъ, вздумали основать независимую Державу вблизи единоплеменнаго имъ Княжескаго Дома.

(1) *Градъ* первоначально на Славянскомъ нарѣчіи означаетъ *мѣсто*, потомъ *огражденное* т. е. *укрѣпленное* мѣсто, castrum. См. Треязычный Лексіконъ и Церковный Словарь. Очевидно, подъ симъ словомъ должно разумѣть, не одни только сіи мѣста, но и зависящія отъ нихъ земли и угодья. Во всѣхъ языкахъ помѣстья и земли называются по огороженному и застроенному мѣсту, отъ котораго они зависятъ, и всегда совмѣщаются въ названіи сего послѣдняго. Въ Россіи [до 18 столѣтія] подъ именемъ города, получаемаго какимъ нибудь Бояриномъ для управленія, понимаема была цѣлая полоса земли, отъ него зависящая, и часто довольно значительная.

(2) Въ большой части старинныхъ списковъ Лѣтописи прямо говорится, что оба сіи Рюриковы товарищи были не его племени, но *Боярина*. Ср. *Ewers* kritischen Vorarbeiten zur Geschichte der Russen, стр. 242.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Наслѣдіе Престола.

Влѣто 6387 (879) *умре Рюрикъ, княживъ лѣтъ* 17: *и предастъ княженіе свое Ольгови, понеже отъ рода своего суща: и вда ему на*

руцѣ сынъ свой Игоря, понеже Игорь малъ бѣ дѣтескъ вельми. Нестор. слич. Шлец. Ч. II. стр. 119.

Въ сихъ словахъ опять находимъ мы подтвержденіе того обычая древнихъ временъ, по коему всѣ неспособные по природѣ были безусловно удаляемы отъ престола. Это легко объясняется изъ простоты первобытныхъ началъ державоправленія. Для необразованнаго человѣка рѣшитъ все дѣло ближайшая, прямо представляющаяся сторона вещи. Ему съ перваго взгляда кажется очевиднѣйшимъ, что тотъ *никакимъ образомъ не можетъ быть облеченъ въ санъ Государя, кто самъ не въ состояніи править Государствомъ.* Потому-то малолѣтные дѣти, безумные, слѣпые, престарѣлые удаляемы были отъ правленія, какъ неспособные. Сіе правило мы находимъ въ древности у всѣхъ народовъ, да и необходимо должны находить его; ибо оно основывается на простомъ заключеніи изъ самаго свойства вещи, естественно представляющемся смыслу грубаго человѣка. Вредъ, проистекающій отъ приложенія сего, столь правильнаго въ существѣ своемъ, начала къ Государствамъ въ томъ ихъ состояніи, въ какомъ они теперь находятся и въ какое должны приходить съ успѣхами гражданственности, открывается уже изъ уроковъ позднѣйшаго опыта.

Такимъ образомъ Олегъ, преемникъ Рюрика, если судить о немъ по понятіямъ Государственнаго Права новѣйшихъ временъ, не можетъ быть почитаемъ ни похитителемъ престола, ни Регентомъ Государства. Въ мирномъ договорѣ съ Греками онъ прямо называется Великимъ Княземъ, а объ Игорѣ, напротивъ, вовсе не упоминается.

Сынъ Государя, по вышеизъясненному началу, былъ удаляемъ отъ правленія, въ случаѣ его малолѣтства. *Въ слѣдствіе сего, мѣсто его долженствовалъ заступать ближайшій родственникъ*; ибо власть принадлежала владѣтельному дому, и, подобно всякому другому имуществу, была семейственнымъ достояніемъ. Судьба же малолѣтнаго сына, оставленнаго послѣднимъ Властителемъ, одного изъ важнѣйшихъ членовъ фамиліи, который, если бы находился въ совершенномъ возрастѣ, сдѣлался бы главою, была совершенно обезпечиваема тѣмъ, что заступавшій его мѣсто бралъ его къ себѣ въ сыновья ([5]). И послѣ сего, естественная любовь отца къ сыну, нарушеніе коей со стороны новаго Властителя было бы беззаконіемъ, служила юному питомцу ручательствомъ въ безопасности. Но сіе-то самое отношеніе и влекло за собою необходимо то невыгодное слѣдствіе, что принятый вмѣсто сына не прежде могъ получить власть, какъ по смерти принявшаго.

Ибо, по понятіямъ того времени, было бы совершенно несообразно сыну имѣть власть надъ отцемъ, что необходимо случилось бы, если бы ближайшій родственникъ, заступавшій мѣсто малолѣтняго, по достиженіи симъ послѣднимъ совершеннолѣтія, долженъ былъ оставить свой престолъ.

Съ симъ образомъ представленія, который самъ по себѣ, кажется, очень основателенъ, вполнѣ согласуется сказаніе Нестора. Онъ выводитъ Олега на сцену, безъ всякой оговорки, безъ всякаго замѣчанія, какъ втораго Властителя въ ряду Князей Русскихъ. Олегъ является точно въ такомъ отношеніи къ Игорю, въ какомъ находится отецъ къ своему возрастному сыну: онъ приводитъ ему супругу (тогда отцы избирали женъ своимъ дѣтямъ); предпринявъ походъ въ Грецію, онъ оставляетъ его въ Кіевѣ для управленія и охраненія Государства; но отнюдь не думаетъ почитать себя однимъ временнымъ Правителемъ Государства, долженствующимъ наконецъ вручить правленіе возрастшему сыну Монарха, равно какъ и сей ни мало не старается овладѣть престоломъ. Напротивъ еще Несторъ прямо говоритъ: *Игоре вижe возрастшю, но хожаше по Олзѣ и послушаше его.* Несторъ. сличен. Шлец. ч. II. ст. 591.

(3) Точно такимъ образомъ, кажется, поступлено было съ Игоремъ. Лѣтопись говоритъ: *вда Рюрикъ Олегу на руцѣ*

сынъ свой Игоря. Таковое *принятіе на руки* часто находимъ мы въ древности, какъ символическое выраженіе согласія на воспитаніе чужаго сына, какъ бы своего собственнаго. Естественно, такимъ образомъ Государь усыновлялъ себѣ малолѣтняго сына своего предшественника, и сей долженъ былъ потомъ наслѣдовать ему, какъ старшій его сынъ. На основаніи сего обыкновенія, мнимую произвольность того времени въ наслѣдіи престола можно возвести къ опредѣленному началу.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

КНЯЖЕНІЕ ОЛЕГА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Законность власти.

Олегъ, въ самомъ началѣ Княженія своего, старался распространить Южные предѣлы Россіи, и овладѣлъ городомъ Кіевомъ. Подробное сказаніе Нестора о семъ замыслѣ Олега представляетъ намъ важное объясненіе относительно Древняго Народнаго Права.

Аскольдъ же и Диръ (см. выше стр. 22) *сѣдоста во градѣ тѣмъ. И многи Варяги совокуписта, и начаста владѣти Польскою землею, Рюрику же княжащу въ Новѣгородѣ; и бѣша ратни со Древляны и со Углицы.* Нестор. слич. Шлецер. ч. II стр. 12.

Сія новая Варяжская Держава могла быть опасною для первой, основанной въ Новгородѣ. Боязнь и соперничество всегда располагали людей ко враждебнымъ чувствамъ и дѣйствіямъ. Въ древнія времена всякая хитрость, всякой обманъ, предпріемлемыя противъ врага, считались позволенными. Такъ и здѣсь; Олегъ хитростію овладѣваетъ обоими Повелителями Кіева, умерщвляетъ ихъ на мѣстѣ и присвояетъ себѣ ихъ Державу. Замѣчательны слова, сказанныя имъ при семъ случаѣ: *вы нѣста Князя, ни роду Княжа, а азъ есмь Князь, мнѣ достоитъ княжити, а се есть сынъ Рюриковъ Игорь княжитчь* ([1]). Нест. слич. Шлец. ч. II гл. IV. стр. 219. Сіи ли именно сказалъ слова Олегъ, или подобныя симъ, нѣтъ до того надобности; довольно, что какъ слово, такъ и дѣло вполнѣ здѣсь согласуются съ духомъ тѣхъ временъ. Когда общественное состояніе раскроется уже до той степени, что изъ первоначальныхъ Номадовъ явятся предводители смѣлыхъ воинскихъ дружинъ и владѣтели небольшихъ областей; тогда благородство происхожденія значитъ весьма много. Да это и не можетъ быть иначе. Кочующее племя, коимъ повелѣвалъ Патріархъ, состояло изъ немногихъ членовъ его собственнаго семейства, изъ большаго числа отдаленныхъ родственниковъ и множества подданныхъ. Когда сіе племя получало осѣдлость, и Патріархъ становился верховнымъ его Властителемъ;

тогда различіе, существовавшее между лицами, принадлежавшими къ роду начальника племени, и лицами, происходившими отъ служебныхъ людей, долженствовало продолжаться и въ семъ состояніи и получить еще большую значимость, особенно потому, что въ это время въ состояніи людей было еще немного различій и постепенностей. Посему-то мы рѣдко видимъ, чтобы въ тѣ времена имѣлъ успѣхъ человѣкъ низкаго рода; незнатность его происхожденія всегда ставится ему въ упрекъ какъ со стороны начальника фамиліи, такъ и отъ другихъ; сверстники уважаютъ его мало, а старые Начальники племенъ ненавидятъ его, какъ похитителя. Общая послѣднихъ выгода требуетъ не допускать въ среду свою никого изъ рожденныхъ людьми, имъ подвластными. Вполнѣ согласуются съ симъ слова Олега, обращенныя имъ противъ Аскольда и Дира: «вы не изъ владѣтельнаго роду, не вамъ должно княжить; мы происходимъ изъ владѣтельной фамиліи, и намъ принадлежитъ владычество.» И можетъ быть, по сей-то самой причинѣ, Олегъ для совершенія своего замысла явился вмѣстѣ съ малолѣтнымъ Игоремъ; по сей-то причинѣ, можетъ быть, и Лѣтописецъ упоминаетъ объ этомъ мелочномъ обстоятельствѣ. Личное присутствіе юнаго Князя здѣсь могло казаться необходимымъ. Рюрикъ, по всей вѣроятности, происходилъ изъ древняго, знаменитаго владѣтельнаго рода; ибо такіе только люди

имѣли большую дружину и пользовались уваженіемъ ([2]). Игорь былъ ближайшею отраслію сего рода; блескъ рода отражался и на него. Аскольдъ и Диръ служили отцу Игоря; ибо они пришли въ Россію, находясь въ службѣ у него. И такъ было совершенно очевидно, что они въ отношеніи къ Рюрику и его роду были подчиненные, слуги. Олегъ же хотя былъ и не столь благороднаго происхожденія; впрочемъ, будучи близкимъ родственникомъ владѣтельному дому, онъ княжилъ по назначенію Рюрика, какъ Властитель Государства, и вторый отецъ осиротѣвшаго Игоря ([3]).

На семъ-то основаніи Олегъ рѣшился насильственно исторгнуть власть изъ рукъ своихъ единоземцевъ, незаконно присвоившихъ себѣ оную; посему притязанія его не совсѣмъ были несправедливы, и основывались, конечно, только на понятіяхъ о правѣ, какія въ его время имѣли силу между народами. Если оцѣнивать его поступокъ съ нравственной стороны; то изрѣченіе Цицерона: non vitia hominis, sed vitia saeculi, имѣетъ здѣсь полное приложеніе.

Разсматривая съ сей точки зрѣнія это происшествіе, мы находимъ и конецъ его совершенно естественнымъ. Какъ скоро Олегъ избавился отъ Аскольда и Дира, онъ овладѣваетъ Кіевомъ безъ всякаго сопротивленія и кровопролитія, хотя здѣсь было много Варяговъ, при-

шедшихъ съ Аскольдомъ и Диромъ, которые могли бы оказать сопротивленіе. Такъ бы, вѣроятно, и случилось, если бы сами единоземцы не ставили въ предосужденіе убитымъ Владѣтелямъ Кіева того, что они происходили не изъ Княжескаго рода. Происшествія временъ позднѣйшихъ показываютъ намъ, что дружина въ тѣ времена не такъ легкомысленно отпадала отъ убитаго *Князя*, и не совсѣмъ оставляла убійства его безъ отмщенія. Но Варяги Кіевскіе болѣе или менѣе были одного племени съ Новгородскими; посему они безъ труда покорились отрасли древняго Княжескаго рода.

Такимъ образомъ и здѣсь все доказываетъ достовѣрность нашего древняго Лѣтописца. Правда, его повѣствованіе кратко, но оно содержитъ въ себѣ самое важнѣйшее изъ обстоятельствъ дѣла и вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что мы знаемъ о духѣ тѣхъ временъ изъ другихъ остатковъ древности и что, относительно постепеннаго раскрытія идей права, можемъ выводить изъ всеобщихъ началъ разума, не увлекаясь новѣйшими понятіями.

(1) Сомнѣніе Шлецера о владѣтельномъ санѣ Рюрика я старался опровергнуть въ *моихъ предварительныхъ критическихъ изслѣдованіяхъ.*

(2) Во всякомъ случаѣ было не маловажнымъ предпріятіемъ овладѣть Сѣверною Россіею, отъ Изборска до Бѣла-озера, и удерживать жителей ея въ повиновеніи, на продолжительность коего нельзя было положиться. Нест. слич. Шлец. ч. II. стр. 173.

(3) Олегъ не называетъ себя самаго отраслію Княжеской фамиліи, и, по чтенію нѣкоторыхъ рукописей, противополагаетъ онъ только родъ Игоря некняжескому роду Аскольда и Дира. Нест. сли. Шлец. ч. II. стр. 218 и сл.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Причины войны.

Олегъ вскорѣ, по вступленіи на престолъ, велъ многія войны, нападая на сосѣдственныя племена и облагая ихъ данію. Еще прежде, нежели овладѣлъ Кіевомъ, онъ отнялъ уже у Кривичей знатный городъ Смоленскъ, а у Сѣверянъ небольшой городокъ Любечь. Потомъ говорится въ Лѣтописи: *Влѣто 6391 (833) иде Олегъ на Древляны, и на Сѣверы, и возложи дань на нихъ по черный кунѣ.* Въ другихъ спискахъ прибавляется: *Влѣто 6393 (835). И посла кРадимичемъ река: кому дань даете? Они же рѣша, Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не дайте Козаромъ, но мнѣ давайте.* Исст. слич. Шлец. Ч. II. стр. 270 и сл. Не видно, чтобы какое либо объявленіе предшествовало непріязненнымъ дѣйствіямъ; все основаніе ихъ заключается въ сознаніи превосходства силъ. Русскій Герой хотѣлъ такимъ образомъ составить обширную Державу. Часто вслѣдъ за первымъ счастливымъ основателемъ новаго Государства является великій завоеватель, который, пользуясь благопріятнымъ для его цѣлей положеніемъ дѣлъ, старается еще болѣе распространить свои владѣнія. Связь, какою Олегъ прикрѣпляетъ къ себѣ побѣжденныхъ, есть данничество Кіеву. Въ сіи времена и требуютъ только дани отъ покоренныхъ

народовъ; и для одной дани Герой выступаетъ на поприще завоеваній. Но Смоленскъ, приобрѣтенный ранѣе прочихъ городовъ, немедленно присоединяется мудрымъ завоевателемъ къ его Державѣ; онъ посылаетъ туда Намѣстниковъ и даетъ имъ власть управлять вмѣсто себя. Смоленскъ находился между Новгородомъ и Кіевомъ. Завоеватель необходимо долженъ былъ упрочить владѣніе такимъ пунктомъ.

Походъ Олега на Грековъ не различался отъ прежнихъ его браней ни въ причинѣ, ни въ формѣ ([4]). Онъ напалъ на Грековъ внезапно, и, безъ сомнѣнія, только съ тою цѣлію, чтобы обогатить себя добычею и взять дань: это значитъ здѣсь, принудить ихъ откупиться деньгами отъ впаденія рати его въ Имперію. Греки, которымъ часто уже случалось имѣть подобные опыты, такъ хорошо знали эту цѣль, что ихъ послы тотчасъ объявили Великому Князю Русскому: «не опустошай города; мы го«товы заплатить тебѣ дань, какую угодно.» Это совершенно въ духѣ такихъ воинственныхъ народовъ, которые стоятъ еще на первой степени образованности и стремятся болѣе къ приобрѣтенію сокровищъ, нежели къ завоеванію земли. Древняя и Средняя Исторія представляетъ тому множество примѣровъ. Что позволяли себѣ люди въ грубомъ естественномъ состояніи въ разсужденіи другъ друга, то позволяютъ себѣ и первыя гражданскія общества

въ разсужденіи сосѣдей своихъ. Они не признаютъ никакихъ взаимныхъ обязанностей и правъ. Но Греки заставили своего непріятеля признавать святость сихъ отношеній, посредствомъ мирнаго договора, заключеннаго съ нимъ 8 Сентября 911 года ([5]). Такъ Руссы вступили посредствомъ грамоты въ первыя связи основанныя на Правѣ народномъ.

(4) Къ краткому сказанію о женитьбѣ Игоря непосредственно присоединяются слѣдующія слова: *Влѣто* 6415 [907] *иде Олегъ на Греки, а Игоря остави въ Кіевѣ . . . . И бѣ числомъ кораблей* 2000. *Пріиде къ Царю граду, и Грецы замкоша судъ, а градъ затвориша. И выиде Олегъ на брегъ и воевати нача, и многа убивства сотвори около града Грековъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви.* Нестор. слич. Шлец. ч. II. стр. 599 и 603.

(5) Сія достопримѣчательная грамота будетъ въ седьмомъ отдѣленіи сличена съ Игоревою и разобрана по отношенію къ Праву.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Великокняжескій Намѣстникъ.

Въ правленіе Олега упоминается о Намѣстникѣ. Лѣтопись говоритъ: *и пріиде къ Смоленску, и съ Кривичъ прія градъ, и посади въ немъ мужи свои* ([6]). Во время Олегова похода на Грецію, Игорь оставался въ Кіевѣ, какъ Прави-

тель Россіи, т. е. какъ Намѣстникъ Олега. Нестор. слич. Шлец. ч. II. стр. 207, 600 и сл.

Въ большихъ участкахъ земли необходимо должны находиться подчиненные Правители, ибо Князь не можетъ быть вездѣ самъ лично, а Правительственныя мѣста и лица, дѣйствующія именемъ Государя въ томъ видѣ, какъ они образованы въ нашихъ Государствахъ, вовсе неизвѣстны древнимъ временамъ. Но такія подчиненныя управленія могли быть устроены двоякимъ образомъ: или такъ, что, за исключеніемъ важнѣйшей области, надъ которою Князь могъ властвовать и надзирать самъ изъ своей столицы, все прочее раздѣлялось между его вѣрными приверженцами, ближайшими родственниками, товарищами и вождями, которые, состоя подъ властію Князя, также управляли ввѣренною имъ частію, какъ самъ Князь управлялъ своею особенною частію: или такъ, что въ области, коими самъ Князь управлять не могъ, были посылаемы другіе, такъ называемые Намѣстники, кои управляли вмѣсто его. Кажется, тотъ и другой образъ управленія одинаковъ, да и можетъ быть, въ сіи первоначальныя времена ихъ дѣйствительно почитали совершенно одинаковыми; но слѣдствія, отъ нихъ проистекавшія, были весьма различны. Первый порядокъ устройства велъ къ разрушенію Единодержавія, послѣдній, напротивъ, поддерживалъ оное. Ибо раздѣлъ областей между

товарищами, бывшій сначала только пожалованіемъ въ пожизненное владѣніе, приводилъ вскорѣ къ наслѣдственному владѣнію, и подчиненныхъ Правителей самихъ дѣлалъ маленькими Князьями, сильными Вассалами, которые, будучи подданными только на словахъ, могли силою оружія защитить мнимыя права свои противъ Верховнаго Государя. Напротивъ Намѣстникъ, какъ уже самое наименованіе показываетъ, могъ быть безъ труда смѣненъ. На отправленіи такой, временной только, должности никакова нельзя было основать права (7). Рюрикъ въ управленіи новою своею Державою слѣдовалъ еще первому образу управленія, который безпрекословно былъ самый древнѣйшій и наиболѣе согласовался съ выгодами товарищей. Держава Полоцкая, можетъ быть, возникла въ это именно время. Олегъ, болѣе могущественный, ввелъ уже другой образъ управленія, болѣе согласный съ выгодами Княжескими. Съ его времени мы видимъ уже Посадниковъ, т. е. Намѣстниковъ въ знатнѣйшихъ городахъ, какъ, на пр. въ Смоленскѣ и Новгородѣ. Посему-то Россія не представляетъ намъ нималѣйшей борьбы высшаго Дворянства, состоящаго изъ Вассаловъ, съ Единодержавіемъ, какъ въ другихъ Государствахъ, и если бы она не была ослаблена раздѣленіями, замѣшательствомъ въ порядкѣ наслѣдованія и происходившими отъ того несогласіями въ Княжеской фамиліи, то совершенно избѣгла бы

тѣхъ подводныхъ камней, о которые сокрушились столь многія, основанныя военною рукою, Державы Среднихъ вѣковъ.

(6) Нѣкоторые списки Лѣтописи говорятъ: *и посади въ немъ* [въ Смоленскѣ] *Намѣстники своя*; а другіе; *и посади въ немъ мужи свои*; по оба выраженія значатъ одно и тоже, ибо подъ словомъ: *мужи* во всякомъ случаѣ надлежитъ понимать только *благородныхъ, дворянъ*. Нест. слич. Шлец. ч. II. стр. 207.

(7) Наша Лѣтопись весьма точно различаетъ и сіи два рода подчиненнаго управленія, употребляя два различныя выраженія. О Рюрикѣ говорится: *раздаяше грады*; а объ Олегѣ: *посади во градѣ* [Смоленскѣ] *Намѣстники*. Таковую точность въ образѣ выраженія, вѣрно, стали вездѣ наблюдать уже очень рано. Конечно, сначала можетъ быть немного важности имѣло для частнаго человѣка, посылалъ ли его куда нибудь Князь, въ качествѣ Намѣстника, или давалъ ему какую нибудь область, какъ подчиненному Правителю; ибо и послѣднее дѣйствіе въ началѣ, безъ сомнѣнія, было только временное, отъ благоусмотрѣнія Князя зависѣвшее, пожалованіе. Выгоды, которыя онъ получалъ отъ того, весьма вѣроятно, въ обоихъ случаяхъ были одинаковы. Но Лѣтописецъ, жившій гораздо спустя послѣ сего времени, долженствовалъ уже чувствовать большое различіе между тѣмъ и другимъ видомъ пожалованія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Общественныя подати.

Сей же Олегъ началъ городы ставити, и устави дани по всей Руской земли. Словеномъ и Кривичемъ и Мѣряномъ, даяти Варягомъ; а отъ Новагорода гривенъ 300 мира дѣля на

лѣто, еже и до смерти Ярославле даяша Варягомъ ([8]). Нест. слич. Шлец. ч. II. стр. 253.

Здѣсь начало всего финансоваго устройства. Во время первоначальнаго образованія Государствъ не платятъ никакихъ податей. Люди, бывшіе доселѣ свободными, или лучше, не зависимыя семейства, которыя сначала образуютъ между собою Государство, еще не привыкли платить дани. Да и состояніе, въ которомъ они жили, дѣлаетъ подати не нужными. Члены семейства исправляютъ для домоначальника личную *службу*, и получаютъ за то отъ него продовольствіе. Напротивъ сей домоначальникъ такимъ же образомъ несетъ въ пользу Государства, которое оказываетъ защиту его семейству, личныя службы, состоящія въ защищеніи Государства по требованію временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ. Но платить что нибудь за вступленіе свое въ Государство,—это для грубаго естественнаго человѣка представляется безсмысленнымъ и уничижительнымъ требованіемъ ([9]). Въ началѣ Государство и не имѣетъ ни въ чемъ нужды. Граждане сами должны защищать его. Слѣдовательно, въ семъ отношеніи не требуется болѣе никакихъ издержекъ. Равнымъ образомъ и Верховный Властитель Государства Князь ни въ чемъ не имѣетъ нужды. Ибо такъ какъ Княземъ всегда бываетъ только лице самое знаменитое или одно изъ знаменитѣйшихъ; то онъ можетъ содержать себя на счетъ собственнаго

своего имущества. Въ пастушескомъ состояніи онъ получаетъ свое содержаніе отъ стадъ, въ земледѣльческомъ, также отъ стадъ, невольниковъ и плодовъ, пріобрѣтаемыхъ отъ земледѣлія. Только одни побѣжденные народы *платятъ* дань; взимаемая съ нихъ дань или подать есть *цѣна, которою они откупаются отъ рабства*,—подать съ ихъ имуществъ и стяжаній въ замѣну рабскаго служенія; посему въ древнія времена всякій налогъ, всякая подать считались чемъ-то позорнымъ.

Таково бываетъ положеніе вещей во всѣхъ Государствахъ, вскорѣ послѣ ихъ основанія. Но когда Государство начнетъ возрастать въ своихъ силахъ, тогда для Князя собственныхъ его доходовъ, какіе онъ получаетъ отъ своихъ земель, и которыми онъ долженъ покрывать и Княжескіе свои расходы, становится уже недостаточно, а такимъ образомъ и раждается необходимость предпринимать воинскіе походы противъ другихъ народовъ для полученія съ нихъ дани, коей онъ неотваживается еще требовать отъ своего народа. Государства сдѣлали уже значительный шагъ на пути къ образованности и Государственному устройству, когда Верховный Властитель имѣетъ уже столько силы, что можетъ ввести нѣкоторыя подати. Сіи подати обыкновенно состоятъ въ поставкѣ умѣреннаго количества естественныхъ произведеній на содержаніе войска, облегчающаго и обезпе-

чивающаго защиту Государства. Но въ настоящемъ случаѣ подать состояла, кажется, въ деньгахъ, или въ вещахъ, замѣняющихъ деньги (въ мягкой рухляди); ибо она опредѣлена гривнами, что и объясняется изъ назначенія ея — служить платою для чужестраннаго наемнаго войска.

Такимъ образомъ, если вѣрить сказанію древней Лѣтописи, (какъ я вполнѣ и вѣрю), введеніе такихъ правильныхъ податей послѣдовало въ Россіи весьма рано, будучи сдѣлано въ правленіе втораго Князя. Но сіе объясняется особенными обстоятельствами основанія Россійскаго Государства.—Князья были призваны въ Славянскую землю; съ ними пришло особенное племя; оно съ самаго начала образовало чуждую воинственную державу, отдѣльную отъ первоначальныхъ жителей. Между лицами, принадлежавшими къ нему, немедленно были раздѣлены многія области; такимъ образомъ съ самаго уже начала туземцы находились въ нѣкоторомъ подданствѣ у владѣтельной и воинской касты. Олегъ самъ былъ счастливымъ завоевателемъ и сдѣлался могущественнымъ Княземъ. Уже по присоединеніи къ Государству Смоленска и Кіева, онъ обложилъ данію и нѣкоторыхъ изъ первобытныхъ членовъ новаго Государства (Славянъ, Кривичей и Мерю).

Но, по выраженію Архангелогородской Лѣтописи, Олегъ ввелъ *оброки* по всей Россіи (10). Не надобно ли, можетъ быть, разумѣть подъ

симъ словомъ вышепомянутую *дань?* Первоначальное знаменованіе слова: *оброкъ*, означающаго подать, заставляетъ усумниться въ этомъ. Въ Славянскомъ переводѣ Библіи оно всегда употребляется для выраженія Греческаго слова *ὀψώνιον*, содержаніе, съѣстный припасъ и солдатскій паекъ. 1. Макк. III. 28; 1. Коринө. IX, 7 и 2 Коринө. XI, 8. Во всѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ (исключая Русскаго), въ какихъ только употребляется сіе слово, оно означаетъ теперь опредѣленное дневное содержаніе, коштъ (11).

И сіе-то именно надлежитъ здѣсь разумѣть по самой природѣ вещей. Первыя подати вездѣ состоятъ въ естественныхъ произведеніяхъ (въ хлѣбѣ, мясѣ и одеждѣ), да и не могутъ состоять ни въ чемъ другомъ, по естественному ходу образованія человѣческихъ учрежденій. Въ грубомъ состояніи человѣкъ всего легче соглашается удѣлять нѣкоторую часть отъ своихъ жизненныхъ припасовъ на содержаніе тѣхъ, кои, охраняя порядокъ и безопасность, даютъ ему возможность участвовать во всѣхъ выгодахъ гражданской жизни (12).

Такимъ образомъ Олегъ принадлежитъ къ знаменитѣйшимъ Князьямъ Русскимъ, не только по своимъ завоеваніямъ, но и по внутреннимъ учрежденіямъ, коихъ Несторъ, по своему обыкновенію, касается только слегка, но важность коихъ очевидна съ перваго взгляда. «Онъ-

«то распространилъ болѣе, нежели на полови-«ну, судя по окружности, основанное Рюри-«комъ Государство; онъ-то внутренними учреж-«деніями далъ прочность новымъ завоеваніямъ «и тѣмъ приготовилъ Россію къ будущему ея «величію и сильному вліянію на весь Сѣверъ.» Нестор. слич. Шлец. Ч. II. стр. 146.

(8) Кажется, сія сумма въ послѣдствіи была возвышена до 1000 гривенъ и отдавалась чужеземнымъ придворнымъ людямъ [*гридемъ*]. Ибо такое именно количество было даваемо имъ во времена Владиміра изъ 3000 гривенъ, которыя Великій Князь получалъ изъ Новгорода. Или, не принять ли въ вышеприведенномъ мѣстѣ 300 за ошибку, и не читать ли 3000? *Лѣтопись Несторова по древнѣйшему списку Мниха Лаврентія. Стр.* 92.

(9) Отселѣ-то происходитъ и долговременное сопротивленіе вольныхъ и благородныхъ людей во всѣхъ Государствахъ—платить какую нибудь подать съ лица или имущества.

(10) *И оброки по всей земли Руской устави, и многи городы постави.* Нест. слич. Шлец. Ч. II. гл. VI. стр. 271.

(11) Bh. obrok *pabulum*, H. abrak *pabulum*; Rg. obrok *comestio* obrekovatti *edere*; Bs. obrok, smok *obsonium*, *pulmentum*; Cro. obrok *cibatio*, *portio cibi*, obrukviem *comedo*, obrochniza *coenaculum*. Slownik Jezyka Polskiego przez S. Linde, III, 385. Въ Россіи подъ именемъ оброка разумѣютъ теперь денежную подать, платимую крестьянами своимъ помѣщикамъ; но то нисколько не противорѣчитъ моему объясненію, хотя бы оно не подкрѣплялось значеніемъ сего слова въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Съ измѣненіемъ вещей измѣняется и значеніе словъ. Первыя подати, взимаемыя Княземъ съ своего народа, суть естественныя произведенія. Доставка и раздѣленіе оныхъ, по мѣрѣ успѣховъ образованности, скоро становятся весьма затруднительными, посему вмѣсто ихъ соглашаются лучше давать и брать такія вещи, которыя съ большимъ удобствомъ могутъ быть поставляемы, какъ на пр. скотъ, сообразуясь съ мѣновою цѣною оныхъ. Количество подати опредѣляется тогда какимъ нибудь общимъ выраженіемъ, которое сперва означаетъ извѣстную

мѣру, или вѣсъ рѣдкихъ и наиболѣе искомыхъ вещей, но потомъ скоро переходитъ въ счетную монету [у Русскихъ *гривна*]. Средство мѣны состоитъ въ общеполезныхъ и съ изобиліемъ повсюду находящихся вещахъ [у Русскихъ *скотъ*]; послѣ заступаютъ ихъ мѣсто и другія вещи [на пр. *мягкая рухлядь*] по мѣновой цѣнѣ ихъ; а наконецъ является и представительный знакъ цѣнности [*куны*] или монета. Когда такимъ образомъ изъ подати, платимой естественными произведеніями, образовалась подать, вносимая деньгами; тогда естественно съ измѣненіемъ вещи долженствовало измѣниться и самое значеніе сохранившагося слова: *оброкъ*.

Чѣмъ правильнѣе и естественнѣе представляется намъ таковое раскрытіе системы податей, тѣмъ сомнительнѣе становится подлинность чтенія большей части списковъ нашей Лѣтописи, которые, не упоминая предварительно о *оброкѣ*, прямо говорятъ о *дани*, опредѣленной *гривнами*. Таковыхъ списковъ большая часть; почему я и не хочу отвергать ихъ, хотя впрочемъ желалъ бы отдать преимущество краткому сказанію Архангелогородскаго списка, по которому Олегъ налагаетъ только на побѣжденныхъ народовъ *дань*, а на Русь всю *оброки* (Несторъ слич. Шлец. Ч. II. стр. 270 и сл.), и въ коемъ вовсе не упоминается о гривнахъ. Употребленіе сихъ послѣднихъ для означенія всеобщей мѣновой цѣнности по всей вѣроятности, должно принадлежать уже временамъ Владиміра.

Если бы мы имѣли полное критическое изданіе Несторовой Лѣтописи, то о предметахъ такого рода болѣе не было бы сомнѣнія, которое дѣлаетъ для изыскателя—историка несносною его работу. См. ниже Отдѣл. IV. Гл. 2.

(12) Выраженіе, что Новгородцы платили наложенную на нихъ дань Варягамъ *мира дѣля*, ничего болѣе не означаетъ, какъ: «въ возмездіе за миръ, который Варяги доставляли имъ своею службою.»

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

КНЯЖЕНІЕ ИГОРЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Наслѣдіе Престола.

Олегу наслѣдовалъ сынъ Рюрика, Игорь. Такъ повѣствуетъ о семъ Несторъ: *Влѣто* 6421 (913) *поча княжити Игорь по Олзѣ.* Нестр. слич. Шлец. Ч. II. гл. I. ст. 1. Онъ не прибавляетъ къ сему болѣе ни слова. Не было ни малѣйшей нужды раскрывать основанія, на коихъ утверждалось право сего Наслѣдника престола,—показывать, почему принадлежало ему преимущество предъ дѣтьми, коихъ, можетъ быть, оставилъ умершій Князь. Если Олегъ и дѣйствительно имѣлъ дѣтей, то они не принимались въ разсужденіе, потому что не могли наслѣдовать ему во власти. Игорь, какъ единственный сынъ, былъ наслѣдникомъ отца своего Рюрика; престолъ могъ достаться только ему одному. Его право было пріостановлено въ дѣйствіи тѣмъ случайнымъ обстоятельствомъ, что при смерти отца своего, онъ былъ еще несовершеннолѣтенъ, и слѣдовательно не могъ быть Княземъ. Посему надлежало тогда взойти на престолъ иному лицу, и престолъ, по естественному порядку, долженъ былъ достаться ближайшему Рюрикову родственнику. Но, по смерти

сего, право Игоря, которое, между тѣмъ, все оставалось въ своей силѣ, должно было снова воспринять свое дѣйствіе. И если Олегъ оставилъ родныхъ сыновей, то имъ надлежало получить только имущество отцовское, а престолъ принадлежалъ Игорю, усыновленной отрасли старшей линіи.

(1) Ему было по крайней мѣрѣ 35 лѣтъ отъ роду См. Нест. слич Шлец. Ч. II. стр. 183. Руская Лѣтопись по Никонову списку I, 16. замѣчаетъ, что Игорь родился въ 865 году.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Финансовыя мѣры.

Первое происшествіе Игорева Княженія есть народное возмущеніе, важное по своимъ послѣдствіямъ. Древляне вздумали освободиться отъ владычества Русскаго; но онъ смирилъ ихъ, и наложилъ на нихъ дань еще бóльше той, какую платили они дотолѣ; потомъ онъ покорилъ Угличей, обложилъ ихъ также данію и доходы съ того и другаго народа пожаловалъ своему Военачальнику, Свѣнельду. Это произвело громкій ропотъ, который, впрочемъ, не помѣшалъ Князю предпринять походъ противъ Грековъ, бывшій столь неудачнымъ. Другой походъ былъ счастливѣе и имѣлъ слѣдствіемъ

возобновленіе Олегова мирнаго договора (*), не усиливъ, впрочемъ, финансовъ Игоря.

По возстановленіи мира, онъ обременилъ Древлянъ тягостнымъ налогомъ. Поводомъ къ сему отягощенію были жалобы его дружины: *отроцы Свенелжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази: и поиди, Княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы.* Нест. сл. Шл. Ч. III. ст. 194. Игорь, изъ угожденія имъ, отправился къ Древлянамъ, возвысилъ ихъ прежнюю дань и позволилъ дружинѣ своей дѣлать насилія (т. е. она брала индѣ насильственно). Наконецъ съ обратнаго пути онъ еще разъ возвратился къ нимъ, дабы возвысить еще болѣе свои требованія; отославши между тѣмъ домой собранную до сего добычу съ большою частію своей дружины. Но отчаянные Древляне, предводимые своимъ Княземъ, возстали противъ Игоря, и умертвили его вмѣстѣ съ небольшею дружиною.

Сіе повѣствованіе, согласное съ нѣкоторыми вышеприведенными случаями, представляетъ намъ истинный образъ того, въ какихъ отношеніяхъ состояли тогда покоренные народы къ побѣдителю. Всѣ доходы Князей, (кромѣ собственнаго ихъ частнаго имущества) ограничивались *данію* или *дарами, поклонами*; первую составляли налоги, кои необходимо надлежало платить; послѣдніе состояли изъ добровольныхъ приношеній, коихъ количество соразмѣрялось

съ состояніемъ приносящаго лица, съ его щедростію и часто съ важностію его просьбы. Изъ податей образовались постоянные налоги; добровольныя приношенія сдѣлались обычными, и наконецъ законными сборами. Но сначала не знали никакихъ другихъ податей, кромѣ дани, платимой покоренными народами; потому-то одно и тоже слово: дань, означаетъ и подать и сборъ. Свободные не несли никакой подати; это считалось для нихъ позорнымъ. Отъ того и первые сборы съ коренныхъ свободныхъ подданныхъ состояли только въ нѣкоторыхъ вспоможеніяхъ, и большею частію въ поставкѣ естественныхъ произведеній, въ оброкахъ для содержанія наемщаго войска (см. выше стр. 41 и сл.).

Князь дѣлилъ свои доходы между ближайшими родственниками, которые вмѣстѣ занимали почетнѣйшія при немъ мѣста и служили ему. Какъ Глава племени и Государства, онъ долженъ былъ пещись о своихъ единоплеменникахъ и слугахъ. Таковъ былъ Свѣнельдъ: Игорь предоставилъ въ его пользу дань, наложенную на Древлянъ (и Угличей). Всѣ такія пожалованія производились безъ опредѣленія срока. Почему бы Князь во всякое время не могъ отнять у своего любимца то, что онъ нѣкогда далъ ему на содержаніе? Мы конечно привыкли къ тому порядку дѣлъ, по коему мѣста, доходы и владѣнія жалуются навсегда или

по смерть: но наши обычаи не суть обычаи тѣхъ временъ. Первоначально, всякое пожалованіе бываетъ не вѣрно, не прочно. Никому не хочется поступиться своею собственностію, или своимъ правомъ навсегда, или надолго. Какъ дѣйствуетъ домоначальникъ въ кругу своего семейства; такъ Князь въ Государствѣ. Раздавая вещи членамъ своего дома, домоначальникъ не отказывается однако же съ тѣмъ вмѣстѣ отъ своего верховнаго права на оныя; сегодня онъ сдѣлалъ распоряженіе въ пользу одного, завтра такимъ же образомъ можетъ распорядиться о томъ же предметѣ иначе въ пользу другаго.

Къ подтвержденію сего служитъ настоящій случай. Игорь, не смотря на то, что, пожаловалъ дань съ Древлянъ Свѣнельду, какъ не задолго передъ этимъ разсказано было въ Лѣтописи, по убѣжденію своей дружины, отправляется къ нимъ еще самъ, собираетъ дань, и притомъ еще съ надбавкою, и собранное отсылаетъ домой съ своими людьми, какъ свою собственность. Ни Лѣтописецъ не дѣлаетъ посему случаю никакого замѣчанія, ни Свѣнельдъ не показыватъ на то нималѣйшаго неудовольствія. Онъ и послѣ сего является такимъ же ревностнымъ Воеводою и вѣрнымъ приверженцемъ дома Игорева, какимъ былъ и прежде. Такъ мало оскорблялись въ тѣ времена подобными поступками!

Покоренные народы имѣли своихъ собствен-

ныхъ Князей; такъ было и у Древлянъ. Князь ихъ назывался Маломъ (малымъ). Таковые Князья повелѣвали своимъ народомъ, совершенно, какъ самостоятельные Государи; только они обязаны были платить дань Верховному Князю, покорившему ихъ своей власти, и (вѣроятно) помогать ему въ военное время войскомъ (4). Далѣе сего непосредственное дѣйствіе Верховнаго Князя на покоренныя племена не простиралось. По совѣтъ именитыхъ мужей и народныхъ старѣйшинъ былъ для подчиненнаго Князя весьма важенъ, ибо въ крайнемъ случаѣ они могли бы найти защиту у Верховнаго Князя. Такъ и передъ убійствомъ Игоря, Древляне (т. е. ихъ старѣйшины) совѣтовались съ своимъ Княземъ, и, въ слѣдствіе сего совѣщанія, положили необходимо себя защитить, напали на Игоря и умертвили его.

(2) Существенныя отличія заключеннаго по сему предмету договора отъ Олегова излагаются въ седьмомъ Отдѣленіи.

(3) Лѣтопись повѣствуетъ: *Слышавше же Древляне, яко опять идетъ, здумавше со Княземъ своимъ съ Маломъ: аще ввадится волкъ въ овци, то выноситъ все стадо, аще не убьютъ его; тако и сей, аще не убьемъ его, и вся ны погубитъ. И послаша къ нему глаголюще: почто идеши опять? поималъ еси всю дань. И не послуша ихъ Игорь. И шедше исъ города исъ Коростиня Деревляне, и убиша Игоря и дружину его, бѣ бо ихъ мало.* Нест. слич. Шлец. Ч. III. Гл. X. стр. 495 и сл.

(4) Въ договорѣ Олега съ Греками упоминается о Русскихъ Князьяхъ, *сущихъ подъ рукою великаго Князя.* Равно и въ Игоревой грамотѣ говорится о сихъ Князьяхъ. Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 95.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КНЯЖЕНІЕ СВЯТОСЛАВА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Правленіе Ольги.

Игорь оставилъ только одного малолѣтнаго сына Святослава. Почему и здѣсь, по сходству случая, надлежало бы взойти на престолъ одному изъ ближайшихъ родственниковъ, и воспитывать юнаго Принца въ наслѣдники себѣ. Но Игорь, павшій въ битвѣ, не назначилъ себѣ преемника, а между нѣсколькими равно близкими родственниками преимущество права могло быть сомнительно,—о чемъ, можетъ быть, всего менѣе жалѣла вдова Великаго Князя, жена, имѣвшая духъ мужескій.

О томъ, что случилось по смерти Игоря относительно Княженія и управленія Государствомъ, Несторъ сообщаетъ намъ только слѣдующее весьма краткое извѣстіе:

Ольга же бяше вКіевѣ ссыномъ своимъ дѣтскомъ Святославомъ. И кормилецъ его Асмудъ; и Воевода бѣ Свѣнелдъ, тоже отецъ Мстишинъ. Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 298.

Извѣстіе очень краткое, но довольно ясное для того, кто умѣетъ истолковать его въ духѣ тѣхъ временъ. Ольга не сдѣлалась Княгинею;

ибо если бы она дѣйствительно сдѣлалась Княгинею, то безъ сомнѣнія Лѣтописецъ не опустилъ бы замѣтить этого, какъ происшествія рѣдкаго и достопримѣчательнаго. Если не со всею подробностію, то, покрайней мѣрѣ, какимъ нибудь случайнымъ словомъ Несторъ далъ бы знать, что она княжила, подобно какъ во многихъ мѣстахъ говоритъ онъ объ Олегѣ, «*бѣ княжа*» и исчисляетъ лѣта его *княженія*. Нест. слич. Шлец. Ч. II. стр. 235, 762.

«Но если Ольга не была Княгинею, то, спра«шивается, что жъ она была? Если она не кня«жила, кто жъ княжилъ? Надобно же было кому «нибудь княжить, не могло же быть совершен«ной анархіи въ теченіи продолжительнаго не«совершеннолѣтія Святославова!»

Шлецеръ (Нест. Ч. III. стр. 291) называетъ нашу Ольгу Правительницею Государства и опекуншею, и находитъ возможнымъ, что она торжественно сложила сіе званіе. Другіе присвояютъ ей Государственное Управленіе, не указывая начала, на коемъ оно основывалось. По мнѣ представляется сіе начало важнымъ и очевиднымъ.

Престолъ или, другими словами, Княжеская власть и достоинство находились во владѣніи у одного семейства; престолъ принадлежалъ ему также, какъ и всякое другое имущество. Такое представленіе, представленіе первоначальное, было господствующимъ и между всѣми людьми

того вѣка. Отвлеченныя понятія о Государствѣ, о цѣли Государства и о происходящихъ изъ того взаимныхъ отношеніяхъ между Государемъ и подданными образуются уже послѣ. Престолъ, какъ семейственная собственность, переходитъ непрерывно въ семействѣ отъ одного лица къ другому по наслѣдству, и если раждаются иногда вопросы по отношенію къ престолу, то не о томъ, можетъ ли онъ переходить по наслѣдству (ибо еще не знаютъ ничего другаго), а только, въ какомъ порядкѣ онъ долженъ переходить по наслѣдству. Какъ послѣ отца семейства старшій сынъ дѣлался наслѣдникомъ власти въ семействѣ, послѣ Патріарха старшій сынъ наслѣдовалъ власть въ родѣ или племени: такъ равно старшій сынъ Верховнаго Патріарха или Князя, дѣлался наслѣдникомъ его власти и въ Государствѣ. Отношеніе одно и тоже, только величина союза различна. Сынъ дѣлается наслѣдникомъ, потому, что кромѣ его нѣтъ никого другаго, кто бы могъ наслѣдовать, а къ дальнѣйшимъ умствованіямъ простый, естественный смыслъ людей того времени не способенъ.

Если сынъ, имѣвшій право наслѣдованія былъ малолѣтенъ, то вмѣсто его могъ взять на себя правленіе и попеченіе о малолѣтномъ ближайшій родственникъ, особенно, если умершій Властитель поручилъ ему самъ то и другое, и такимъ образомъ ввѣрилъ ему и свою соб-

ственность и своего сына. Но когда сего не случилось, а состояла на лицѣ мать, то могла и она владѣть семейственнымъ имуществомъ вмѣстѣ съ малолѣтнымъ сыномъ, безъ всякаго раздѣла, если въ ней обнаруживались духъ и способность — съ пользою управлять семейственнымъ имуществомъ. Впрочемъ для этого всегда почитали нужнымъ совѣтъ и пособіе со стороны ближайшихъ сродниковъ; ибо она женщина, и потому обыкновенно почитается неспособною управлять цѣлымъ домомъ, родомъ, и Государствомъ.

Лѣтопись непосредственно за сказаніемъ о смерти Олега ясно говоритъ, что Ольга находилась съ своимъ сыномъ въ Кіевѣ, что воспитателемъ (кормилецъ) его былъ Асмундъ, а Воеводою Свѣнельдъ. Лѣтописецъ не говоритъ ни слова, чтобы сдѣлано было какое нибудь распоряженіе относительно управленія Государствомъ, а между тѣмъ, управлять было надобно. И такъ ясно, что Ольга правила Государствомъ за своего сына, какъ бы его намѣстница, какъ бы его попечительница: Асмундъ и Свѣнельдъ, два знаменитые и ближайшіе къ престолу мужа, были на то согласны, и помогали ей. Такимъ образомъ и не имѣлъ никто другой права сказать, что нибудь противъ сего распоряженія. Княжеская фамилія въ Россіи, безъ сомнѣнія, стояла уже на такой степени образованности, что власть мужественной, полной духа жены могла нѣсколько времени держаться.

Но при такомъ правленіи Государства, какое мы, на основаніи словъ Лѣтописи, должны приписать Ольгѣ, не нужно ни наименованій, ни титула; какъ попечительница малолѣтпаго сына, она дѣйствуетъ согласно съ естественными правами и обязанностями ея, какъ матери; она сохраняетъ для него его собственность, при помощи двухъ знаменитыхъ (родственниковъ?) мужей; но она не есть Правительница, и не носитъ сего титла. Можетъ быть и дѣйствительно изъ такого управленія Государствомъ, основаннаго на самомъ существѣ союза семейственнаго, произошли тѣ регенства вдовствующихъ Княгинь, какія встрѣчаются въ Исторіи позднѣйшихъ временъ; но такъ рано не бываютъ извѣстны ни подобныя регенства, ни вообще какія нибудь регенства въ новѣйшемъ смыслѣ сего слова.

И такъ Ольга владѣла общимъ семейственнымъ имуществомъ, т. е. Княженіемъ, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ безъ всякаго раздѣла, точно также, какъ мать, по древнему праву [1], если хотѣла, могла сидѣть съ своимъ малолѣтнымъ сыномъ въ отческомъ домѣ безъ раздѣла и владѣть отцевскимъ имуществомъ.

(1) То есть, по древнему семейственному Праву, письменно изложенному въ собраніи законовъ изъ тринадцатаго столѣтія, извѣстномъ теперь преимущественно подъ именемъ Правды. Смот. ниже прибав. II.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Право мести.

Въ древнемъ періодѣ Права повсюду еще дѣйствуетъ частная месть. Она господствуетъ прежде основанія Государства, и служитъ ручательствомъ личной безопасности; ею защищаются люди отъ несправедливыхъ нападеній другаго; страхъ мести обуздываетъ злодѣя: это есть уголовная расправа въ древности.

Человѣкъ, живя отдѣльно не можетъ защищать себя однѣми собственными силами: по сей-то причинѣ семейства пребываютъ не разлучными; по сей-то причинѣ роды держатся другъ друга, и образуются союзы племенъ.

Симъ объясняется, почему мщеніе дѣлается священнымъ долгомъ сперва для членовъ семейства, потомъ для сродниковъ и наконецъ для единоплеменниковъ; почему, въ послѣдствіи, она становится только правомъ, отъ коего въ Государственномъ союзѣ, доставляющемъ защиту и безопасность, мало по малу всѣ отказываются, сперва единоплеменники, потомъ сродники, а за ними наконецъ, позже всѣхъ, и то подъ условіемъ возмездія, т. е. вещественнаго вознагражденія, и члены семейства.

Во время Ольги кровное мщеніе ([1]), вѣроятно, было во всей своей силѣ; ибо прошло еще сто лѣтъ послѣ нее, какъ сдѣланъ былъ со стороны Законодательства первый

шагъ ко введенію искупа отъ мести (3). Месть переходила отъ отца къ сыну: сынъ имѣлъ ближайшую обязанность и непосредственное право мстить за отца; равно и жена раздѣляла иногда сію обязанность, если чувствовала себя довольно къ тому способною. Правда, обыкновенное отношеніе половъ, основывавшееся на физическомъ ихъ различіи, освобождало ее отъ обязанности мщенія; но по естественному чувству наклонности и любви она была столь же близка къ умершему супругу, какъ и всякой другой. Ольга имѣла два равно сильныя побужденія къ мести: чувство супружеской любви къ Игорю и обязанность попеченія о своемъ малолѣтномъ сынѣ, за коего она дѣйствовала, коего права и обязанности она посему вмѣсто его должна была сохранять.

Если мститъ женщина, то она мститъ обыкновенно хитростію. Недостатокъ физической силы, въ коей она далеко уступаетъ мущинѣ, заставляетъ женщину развивать свои умственныя способности. Она и можетъ только отличить себя съ этой стороны. Замѣчательныя въ Исторіи Древнихъ Государствъ жены, каковы Семирамида, Дидона, Танаквила и пр. увѣковѣчили имена свои умомъ и хитростію. Равнымъ образомъ и Ольга въ Русской Исторіи.

Для насъ не важно знать, что въ сказаніи Лѣтописца о четырекратномъ мщеніи Ольги

составляетъ истинную быль, и что принадлежитъ къ вымысламъ народной сказки ([4]). Ясно, что Ольга, мстя за Игоря, дѣйствовала на основаніи понятій о правѣ, господствовавшихъ въ ея время. Всѣ Древляне испытали строгость мщенія отъ оскорбленной супруги, и чѣмъ болѣе пало ихъ, какъ жертвъ умилостивительныхъ, тѣмъ славнѣе было совершенное ею мщеніе. Хитрость, съ какою дѣйствовала при семъ случаѣ Ольга, обратила на нее вниманіе; слава дѣянія доставила ей почтеніе. Это первое дѣйствіе ея управленія, которое охотно ей предоставили, такъ какъ это была месть за ея мужа, было произведено съ блистательнымъ успѣхомъ; тѣмъ менѣе послѣ сего сомнѣвались въ томъ, должно ли позволить ей и впредь управлять за своего сына при помощи двухъ вельможъ.

Замѣчательны еще слѣдующія обстоятельства въ Несторовомъ разсказѣ о наказаніи Древлянъ.

1) Ольга сама не присутствуетъ при томъ, какъ ея спутники, по ея повелѣнію, побиваютъ упившихся Древлянъ на могильномъ холмѣ супруга. Она идетъ съ войскомъ противъ Древлянъ; но при битвѣ объ ней не упоминается; совершенно противно было бы правамъ тѣхъ временъ, если бы жена вмѣшалась въ сраженіе мущинъ.

2) Напротивъ малолѣтный Святославъ лично присутствуетъ на сраженіи, и съ нимъ Свѣнельдъ и Асмундъ. Безъ сомнѣнія, битвою распо-

лагали сіи послѣдніе; отрокъ не могъ повелѣвать войскомъ Но, кажется, обычай требовалъ его присутствія, дабы онъ служилъ видимымъ изображеніемъ Государя, котораго не было. Сколь ни малъ былъ Святославъ, но онъ первый долженъ былъ бросить копье въ ряды непріятеля и тѣмъ подать знакъ къ сраженію. Нест. слич. Шлецеромъ Ч. III. стр. 63.

3) Въ первый разъ мы видимъ здѣсь осужденіе на рабство, какъ слѣдствіе преступленія (вины). По взятіи Коростеня, столицы Древлянской, Ольга большую часть знаменитѣйшихъ ея жителей умерщвляетъ, другихъ отдаетъ въ рабы своимъ воинамъ (5)., а прочихъ облагаетъ тяжкою данію. Жители Коростеня были не военноплѣнные, а мятежники. Потому-то и не всѣ они осуждаются на рабство, и не одни тѣ, кои попались въ плѣнъ на сраженіи. Это было осужденіе на рабство какъ наказаніе, и тѣ, на коихъ палъ приговоръ сей, не могли уже быть искуплены, въ чемъ никогда не отказывали военноплѣннымъ.

(2) Что у древнихъ Руссовъ была въ употребленіи родственная месть, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Первое постановленіе первой ихъ Законной книги, [которая будетъ объяснена ниже] ясно свидѣтельствуетъ о томъ. Впрочемъ кажется, не безполезно будетъ бросить взглядъ на древность и всеобщность сего обычая. Это можетъ предостеречь отъ того ошибочнаго, легко представляющагося заключенія, будто между народами, у коихъ существуетъ это право, долженъ находиться нѣкоторый союзъ родства. Съ сею цѣлью мы помѣстимъ здѣсь въ сокращенномъ видѣ одну статью изъ *Всеобщей Энциклопедіи Наукъ и*

Искуствъ И. С. Ерша и И. Г. Грубера, XI, 89—93.

Родственная месть, сей національный обычай, существующій у многихъ народовъ древнихъ и новѣйшихъ времень, а особенно у народовъ Азіатскихъ,—состоитъ въ правѣ и обязанности, за смерть убитаго родственника наказывать смертію самого убійцу и притомъ собственными руками. И такъ это есть только видъ права возмездія, по коему врагу наносится тоже именно зло, какое онъ самъ причинилъ; и главная отличительная черта сего вида возмездія состоитъ въ томъ, что, обыкновенно, обязанность мести лежитъ на ближайшемъ родственникѣ убитаго, который не властенъ пренебречь сей обязанности, не подвергая себя величайшему позору. Безъ сомнѣнія, желаніе обезопасить жизнь человѣка породило сей обычай между народами, не находившимися подъ защитою гражданскихъ законовъ и Верховной Власти. . . .

Моисеево Законодательство уже предполагаетъ сей обычай извѣстнымъ; потому онъ и не описывается нигдѣ подробно въ Ветхомъ Завѣтѣ. Еще въ Патріархальномъ вѣкѣ находятся нѣкоторые слѣды онаго [Быт. гл. XIV, XXVII, XLV]. Евреямъ ясно воспрещено было закономъ (Числ. XXXV. 31) *брать искупъ за душу отъ убившаго*. . . .

Какъ важно было въ глазахъ древнихъ Арабовъ родственное мщеніе, можно видѣть изъ того, что самыя прекраснѣйшія и возвышеннѣйшія ихъ поэмы посвящены хвалѣ мести. Средства, какими мститель достигаетъ до своей цѣли, зависятъ отъ воли каждаго; всякая хитрость, даже коварное убійство притомъ позволены [Сл. den Scholiaston Taurizi zu dem 16. Gedichte in den Excerpt. Hamas, ed. Alb. *Schultens*]. Если мститель выжидаетъ благопріятнаго случая, а между тѣмъ обидчикъ умираетъ отъ другой какой либо причины; то месть преслѣдуетъ ближайшаго его родственника, такъ, что ненависть дѣлается наслѣдственною, и если семейство, къ коему принадлежитъ виновный, не рѣшалось его выдать, то она продолжалась до тѣхъ поръ, пока не вымирало которое нибудь изъ враждующихъ семействъ. Даже иногда между племенами, къ коимъ принадлежатъ такія семейства, миръ бываетъ вовсе невозможнымъ [Arvieux Sitten der Beduinen, стр. 45 и 174 и сл. Переводъ Розенмиллера. Сличн. Volney voyage en Syrie et Egypte, T. I. p. 363.

Bibliothek der Reisebeschreibungen von M. C. *Sprengel*, fortgesetzt von *Ehrman*, Th. XIII. S. 56 и 603—4]. Сія месть, обыкновенно, стоитъ жизни самому мстителю, и нѣжныя матери, зная, какія опасности угрожаютъ дѣтямъ ихъ въ семъ случаѣ, стараются всѣми мѣрами предохранить ихъ отъ того несчастія [См. die Geschichte des Kais bei Taurizi in den Scholien zum 16. Gedicht der Excerpt. Hamas ed. Alb. *Schultens*]. Мухаммедъ смягчилъ только, а не уничтожилъ сей обычай; именно онъ позволилъ оставлять жизнь убійцѣ за извѣстную сумму денегъ [Coran II, 173—175 ed. *Hinckelm.* 179 ff. de Maracc], что самое и въ Персіи вошло въ большое употребленіе. Впрочемъ Арабы—Бедуины рѣдко или почти никогда не соглашаются на принятіе выкупа; ибо въ такомъ случаѣ, по ихъ мнѣнію, могло бы показаться, будто мы сами дали поводъ убійцѣ совершить злодѣяніе. Сверхъ того они не допускаютъ, чтобы убійца былъ умерщвленъ Начальствомъ, но не лишаютъ его жизни и сами; ибо такимъ образомъ, по ихъ разсужденію, они избавили бы только его семейство отъ негоднаго человѣка, но, обыкновенно, предоставляютъ себѣ право объявлять обидчику и его семейству войну и умерщвляютъ изъ него, кого заблагоразсудятъ,—даже самаго перваго и отличнѣйшаго члена, опору всей семьи, на томъ основаніи, что онъ обязанъ былъ имѣть бдительный надзоръ за поступками другихъ сочленовъ . . . . Естьли убійца и задерживается Начальствомъ, то, однако заплативъ значительную сумму денегъ, онъ опять получаетъ свободу [Niebuhr Beschreibung von Arabien, стран. 52 и сл.].

У Персіянъ Мусульманскаго исповѣданія хотя убійца сажается Начальствомъ въ тюрму, но родственники убитаго обыкновенно требуютъ его выдачи, которая и дѣлается съ указаніемъ, впрочемъ, на нѣкоторыя постановленія Корана, имѣющія цѣлію смягченіе мести. Послѣ сего предоставляется совершенно на волю оскорбленной стороны рѣшеніе судьбы виновнаго, однакожъ родственники его, равно какъ и самъ судья, стараются склонить мстителя къ принятію выкупа. Судья принимаетъ здѣсь участіе потому, что и онъ въ такомъ случаѣ получаетъ также извѣстную сумму денегъ. Отъ того жизнь богача, конечно, большею частію остается безопасною; но бѣднякъ всегда почти дѣлается жертвою мести, такъ какъ онъ немного мо-

жетъ предложить выкупа [Chardin voyages, T. VI. p. 294, ed. Amstel.].

Абиссинцы еще и теперь отдаютъ убійцу для наказанія въ руки ближайшему родственнику убитаго, и притомъ такъ, что образъ наказанія совершенно зависитъ отъ его произвола [См. Alvarez y Ritterhaus de jure asyli, cap. 4]. . . . Впрочемъ бываетъ иногда и выкупъ за деньги, или за извѣстное число скота [Lobo rélation historique d'Abyssinie. Amst. 1728, p. 125. и сл.]. . . . .

У Черкесовъ и многихъ другихъ Кавказскихъ племенъ мстительность простирается до такой степени, что всѣ родственники убійцы считаются виновными, и раждающаяся отъ того вражда продолжается чрезъ многіе роды. Впрочемъ въ низшихъ состояніяхъ мститель иногда удовлетворяется искупомъ, называемымъ *Олил-Уаза* т. е. цѣна крови; иногда бываетъ и примиреніе, или миръ утверждается брачнымъ союзомъ между двумя враждующими сторонами [Pallas Reisen, I. Th., S. 405. Сличи. Rosenmüller altes und neues Morgenland, II. S. 287]. Друзы до непреклонности строги въ наблюденіи закона мести [Burkhardt Trav. in Syria and the Holy Land. Lond. pag. 202].

Греки въ древнія времена не имѣли ни одного общественнаго сановника, который бы былъ уполномоченъ Государствомъ преслѣдовать убійцу; только родственники убитаго имѣли право мщенія [Pausan. Graec. descript. Lib. V, cap. 1, p. 676. Lips. 1696 f.]; впрочемъ, и они, кажется, весьма часто довольствовались искупомъ [Il. IX, 628 ff., XVII, 598 ff. Слич. Eustaph. u. d. Scholiast. zu den St.]. На семъ же самомъ началѣ, т. е. что право мщенія принадлежитъ ближайшему родственнику, и Платонъ основываетъ постановленія свои относительно наказанія за смертоубійство [Demosth. orat. advers. Aristocrat., p. 736. Слич. die Erklärer zum Pollux. S. VIII cap. 10. § 118. De Leg. L. IX, in T. IX, p. 28 ff. ed. Bip.] . . .

У Иллиріянъ существуетъ подобное право возмездія. Оскорбленное семейство мститъ у нихъ оскорбителю или даже, какъ то бываетъ въ Баннатѣ, Босніи, Албаніи, Молдавіи, Валлахіи и на Востокѣ, его родственникамъ самымъ жесточайшимъ образомъ [I. M. A. *Scholz* Reise in die Gegenden zwischen Alexandrien und Parätonien, die libische Wüste, Siwa, Egypten, Palästina und Syrien in den Jahren 1820 и 21. S. 3.]. Для жите-

лей Монтенегро, у коихъ месть воспламеняетъ порывами къ убійству часто цѣлыя семейства въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, прекращеніе оной составляетъ самый торжественный праздникъ [Voyage historique et politique au Montenegro par M. le Colonel L. C. Vialla de Sommieres. Paris. 1807. 8. Tom. I. p. 339 sq]. Сіе примиреніе совершается въ общемъ собраніи народа и въ присутствіи Кмети, т. е. суда, составленнаго изъ 24 старѣйшинъ, избираемыхъ въ числѣ 12 каждою изъ двухъ враждовавшихъ сторонъ. . . .

Подобный обычай можно замѣтить и у жителей Корсики и Сардиніи; впрочемъ, въ слѣдствіе мстительнаго ихъ характера, месть у нихъ совершается не совсѣмъ въ томъ видѣ, какой выше нами описанъ. Если Корсиканецъ оскорбленъ; то онъ ищетъ удобнаго случая отмстить своему непріятелю: буде не открывается случая, обращаетъ месть свою на ближайшаго его сродника. Жестокое обыкновеніе, такъ называемое vendetta traversa [взаимное мщеніе] естественно бываетъ источникомъ многихъ коварныхъ убійствъ. Несчастенъ тотъ, кто не имѣетъ у себя родственниковъ; ничто ему не принадлежитъ въ собственность, по тому что онъ не можетъ оставить послѣ себя мстителя. Кто по трусости оставляетъ безъ защиты своего кровнаго родственника, того ожидаютъ срамъ и безчестіе [J. F. *Simonot.* lettres sur la Corse p. 299.] . . . .

Равнымъ образомъ и Индійскія племена, особенно тѣ, кои живутъ въ равнинахъ, въ отдаленіи отъ племенъ болѣе образованныхъ, весьма строго соблюдаютъ право возмездія. Такъ, Джонъ Макранъ [Account of the Kookies or Lunctas въ Asiatic. Researches, Vol. VII. p. 189] говоритъ, что Куки, подобно самымъ дикимъ народамъ, мстятъ кровію за кровь. . . .

Кажется, и древнимъ Скандинавамъ также не безъизвѣстно было родственное мщеніе; по крайней мѣрѣ въ ихъ Сагахъ часто оно встрѣчается, и сочинители сихъ Сагъ вѣрно не стали бы такъ нарочито превозносить его въ своихъ произведеніяхъ, если бы оно не было имъ извѣстно изъ народныхъ обычаевъ. . . . У древнихъ Шведовъ, по свидѣтельству I. O. *Stiernhöök* de jure Sveonum et Gothorum vetusto p. 349, обязанность мщенія принадлежала наслѣдникамъ убитаго. О Германцахъ Тацитъ вообще говоритъ [de situ ac moribus Germanorum c. 21]: Suscipere tam inimicitias seu fratris seu propinqui necesse est. Правило,

довольно часто являющееся въ Нѣмецкихъ законахъ средняго вѣка.

(4) Слич ниже съ Правд. во второй книгѣ, III. Отд. 2 Гл.

(4) Нестор. слич. Шлецер. Ч. III. стран. 340. и сл. Многосвѣдущій критикъ прямо называетъ «всѣ четыре рода мщенія «съ исторійкою о младомъ Святославѣ народною сказкою,» прибавляя, что «полетъ голубей и воробьевъ, по опыту Елагина, вовсе невозможенъ.» Но въ древней Русской Исторіи Миллера, изложенной по Нестору [Berlin 1812] на стр. 217 приводится одно сказаніе изъ Богемской Лѣтописи Гагека 1422 г. по коему Мессенскій Князь Генрихъ фонъ Плауенъ, при осадѣ Саца, употребилъ Ольгину хитрость, повелѣвъ наловить голубей и воробьевъ и привязать къ ихъ хвостамъ сѣрные фитили, дабы такимъ образомъ сжечь городъ. Только предусмотрительность жителей могла спасти ихъ отъ несчастія. Не должно ли это болѣе говорить въ подтвержденіе событія, нежели сколько, можетъ быть, неудачный опытъ Елагина говоритъ противъ возможности онаго?—Критика Сагъ принадлежитъ еще къ малообработаннымъ, труднѣйшимъ статьямъ въ Исторіи.

(5) *Предастъ работъ.* Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 330. Первоначальное значеніе слова: *работа* есть рабство, неволя отъ: *рабъ*, невольникъ; отселѣ въ послѣдствіи тяжелый трудъ, трудъ рабскій—названъ работой. Слич. Lindes S. V, 34, подъ словомъ Rob.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Внутреннія распоряженія.

А) *И иде Олга по деревеньской земли съ сыномъ своимъ и со дружиною, уставляющи уставы и уроки; и суть становища ея и ловища.*

Б) *Влѣто* 9455 (947) *иде Олга кНовугороду,*

и устави по Мстѣ погосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани ([6]), *и ловища ея суть по всей земли знаменія и мѣста и погосты и сани ея стоятъ вПсковѣ и до сего дни.* Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 344.

Сказаніе Лѣтописца весьма кратко; но потому самому,—какъ то часто случается съ простыми сказаніями древнихъ писателей — важно по своему содержанію. Нужно только правильно понять употребляемыя Лѣтописцемъ, не многія слова и вполнѣ раскрыть смыслъ, въ нихъ заключающійся.

Прежде всего говорится о землѣ Древлянской. Ольга начала съ нее. Землю сію она совершенно покорила; отличнѣйшіе жители частію были ею умерщвлены, частію пали въ битвѣ; нѣкоторые обращены были въ рабство, а остальные обложены тяжкою данію.

Здѣсь могла она явить всю полноту власти своей; здѣсь никто не могъ ей противиться. Слѣдовательно она могла въ сей землѣ учредить *уставы*, такъ какъ хозяинъ въ своемъ имѣніи.

Но что такое *уставъ?*

Уставъ на Славянскомъ нарѣчіи означаетъ общія учрежденія, постановленія, исходящія или отъ собранія, къ тому уполномоченнаго, или отъ одного облеченнаго властію лица ([7]). И такъ здѣсь сіе слово означаетъ всѣ вообще учрежденія въ землѣ Древлянской, сдѣланныя Ольгою по ея благоусмотрѣнію. Знаменитыхъ

родовъ тамъ болѣе уже не существовало, или оставались отъ нихъ только незначительныя отрасли. Патріархальный союзъ былъ расторгнутъ мятежемъ (8), древнія отношенія рушились; и такъ долженъ былъ начаться новый порядокъ вещей, и Ольга, побѣдительница, могла тотчасъ его устроить согласно съ своими выгодами такъ, какъ внушали ей ея прозорливость и попеченіе о своемъ Домѣ. Что устройство сіе было совершенно новое, въ этомъ удостовѣряютъ насъ слова Нестора и тѣ заключенія, которыя мы можемъ дѣлать на основаніи историческихъ событій (9); въ частности, мы его не знаемъ.

Въ сей же Древлянской землѣ, присовокупляетъ Несторъ, Ольга уставила *уроки*. Что значатъ сіи *уроки*, и чѣмъ различаются они отъ *оброковъ*? Послѣдніе встрѣчались уже прежде; ихъ установилъ Олегъ. Это были первыя подати, шедшія на жалованье войску. Слич. выше. стр. 38 и сл. Тоже самое слово встрѣчается здѣсь еще разъ (10).

Употребленіе двухъ различныхъ словъ одного по отношенію къ Древлянамъ, другаго относительно Новгородцевъ, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, для означенія Государственныхъ налоговъ, по всей вѣроятности, указываетъ на то, что съ каждымъ изъ сихъ словъ должно соединять различный смыслъ. Что Древляне должны были платить *дань*—и дань тяжкую, объ

этомъ было сказано прежде. Если же теперь опять говорится, что Ольга уставила уроки, то подъ симъ, конечно, надобно разумѣть только то, что она сдѣлала точнѣйшія постановленія въ разсужденіи сбора податей, т. е. какая волость должна платить,—сколько и въ какое время. Другіе народы, платившіе дань, платили ее съобща, можетъ быть, по какому нибудь примѣрному окладу, такъ что дальнѣйшія распоряженія относительно раскладки и взиманія дани были предоставлены имъ самимъ. Но здѣсь Правительница, кажется, сама дѣлаетъ раскладку. Это могло быть необходимо для того, чтобы между людьми, которые, вѣрно, не очень хотѣли платить тяжкую дань, лучше обезпечить доходы, получаемые отъ каждой волости. Самая политика требовала безъ сомнѣнія таковаго разъединенія Древлянъ, дабы они совсѣмъ не могли дѣйствовать совокупно.

Или не надобно ли подъ симъ новымъ родомъ податей (уроки), введенныхъ въ Древлянской землѣ, разумѣть пошлины, которыя надлежало платить постановленнымъ отъ Правительства чиновникамъ за ихъ различныя дѣйствія по должности? Правда сыновей Ярославовыхъ уже въ точности опредѣляетъ таковыя пошлины, называя ихъ тѣмъ же словомъ; изъ чего конечно можно заключать, что онѣ образовались еще гораздо прежде. Въ семъ случаѣ выраженіе Нестора надлежало бы объяснить,

слѣдующимъ образомъ: Ольга установила въ землѣ Древлянской пошлины въ пользу чиновниковъ, которые теперь могли сдѣлаться необходимы, такъ какъ своихъ собственныхъ Князей Древляне потеряли.

Въ обоихъ случаяхъ мѣры, принятыя Ольгою въ разсужденіи Древлянъ, конечно, не являются, дѣлами благотворительности и заботливости, посредствомъ коихъ будто бы она хотѣла вознаградить причиненное имъ зло, но дѣломъ одной мудрой Политики. Первый образъ изложенія, безспорно, былъ бы изящнѣе и поразительнѣе, еслибъ только онъ былъ правиленъ; но онъ не согласенъ съ характеромъ тѣхъ временъ. Сколько согласуется съ нимъ жестокая месть, совершенная Ольгою надъ Древлянами, столько противорѣчило бы ему то обстоятельство, будто Древляне сдѣлались въ послѣдствіи особеннымъ предметомъ попеченія Ольги, и она преимущественно имъ даровала лучшее гражданское устройство. Древляне, какъ убійцы Игоря, были и всегда оставались ненавистными для Княжескаго дома; на нихъ все лежало пятно, пока время, или необыкновенныя услуги не заставили бы забыть древней къ нимъ ненависти. Никто изъ лицъ Княжескаго дома не захотѣлъ бы такъ скоро оказывать милости Древлянамъ предпочтительно предъ другими подданными, всего менѣе Ольга, супруга убитаго ими Князя. Но съ другой сторо-

ны изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы новое устроеніе ихъ земли не могло быть для нихъ существеннымъ благодѣяніемъ. Многія постановленія и учрежденія относительно побѣжденныхъ, внушенныя одною Политикою, въ теченіе времени оказывались для нихъ весьма благодѣтельными, хотя побѣдитель имѣлъ первоначально въ виду не благодѣяніе, а одно угнѣтеніе. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Второе, приведенное выше мѣсто Лѣтописи, въ которомъ описываются учрежденія Ольги на Сѣверѣ Россіи, представляетъ для толкователя еще большія трудности, такъ какъ списки Лѣтописи содержатъ въ себѣ значительныя разнословія, хотя, впрочемъ, въ большей ихъ части чтеніе согласно съ вышепредставленнымъ нами текстомъ.

Новгородская Лѣтопись говоритъ кратко:

Влѣто 6455 (947) *иде Олга кНову городу и устави по Мстѣ погости и дани. И ловища ея суть* и т. д.

Еще замѣчательнѣе говорится въ Архангелогородскомъ спискѣ:

Въ 6455 *иде Олга къ Новугороду, и устави помости* (т. е. па дорогахъ), *и погости и дань. И ловища ея суть* и т. д. См. Нестор. слич. Шлец. въ выше привед. м.

Въ Никоновской Лѣтописи, которая, однако

во всемъ прочемъ согласна съ общепринятою, вмѣсто *по Мстѣ*, стоитъ: *помѣстей.*

При такомъ разногласіи чтеній, кажется, стоитъ труда изслѣдовать, которое изъ нихъ заслуживаетъ преимущество. Но прежде всего надобно согласиться въ началѣ, съ котораго надлежитъ простираться въ изслѣдованіе. По моему мнѣнію, существуетъ только одинъ Лѣтописецъ, который передалъ намъ нѣкоторыя извѣстія о Правленіи *Ольги,* именно, Несторъ. Слѣдовательно его Лѣтопись должна здѣсь служить единственнымъ основаніемъ какъ для Новгородскаго, такъ и Архангелогородскаго Временниковъ. Всѣ ихъ списки согласны въ томъ, что Ольга, кромѣ области Древлянской, занималась устроеніемъ и Новгородской земли. Ни одинъ списокъ не говоритъ, чтобы это простиралось еще *далѣе*; ни одинъ не утверждаетъ даже и того, чтобы такія мѣры обнимали *всю Новгородскую область.* Тѣ списки, въ коихъ повѣствуется съ наибольшею подробностію, упоминаютъ только о ея учрежденіяхъ по рѣкамъ Мстѣ и Лугѣ. Взглядъ на карту показываетъ тотчасъ, что при семъ нельзя разумѣть всей Новгородской области. Также весьма неимовѣрно и то, чтобы Великая Княгиня сдѣлала подобныя установленія именно по Лугѣ, такъ далеко на Сѣверъ. Обыкновенно они въ первый разъ вводятся по особенному какому нибудь поводу, какъ это и случилось съ Древлянскою областію, или по крайней

мѣрѣ въ срединѣ Государства, въ ближайшихъ, наиболѣе населенныхъ странахъ, а не въ дальнихъ малолюдныхъ областяхъ, подъ суровымъ небомъ. Замѣчательно далѣе, что при сихъ именно учрежденіяхъ по Лугѣ представляются и *оброки* и *дань*. Это соединеніе ясно указываетъ на различіе между тѣмъ и другимъ родомъ налоговъ, которое и существовало, какъ выше показано (стр. 43), въ самомъ началѣ, и которое въ послѣдствіи еще болѣе могло раскрыться; но чтобъ тотъ и другой родъ налоговъ былъ установленъ непосредственнымъ дѣйствіемъ Княжеской власти и въ странѣ столь необразованной, этаго нельзя еще ожидать отъ сихъ временъ.

Если теперь, на основаніи изложенныхъ нами причинъ, мы опустимъ безъ вниманія мнимыя учрежденія Ольги по Лугѣ, (какъ прибавку, по всей вѣроятности, позднѣйшихъ временъ), то остается одна только, по Мстѣ лежащая, страна, гдѣ бы Ольга, по сказанію Лѣтописи, могла сдѣлать таковыя учрежденія. Въ опроверженіе сего извѣстія нельзя привесть той причины, по коей извѣстіе объ учрежденіяхъ Ольги по Лугѣ дѣлается сомнительнымъ. Ибо Мста протекала въ срединѣ Новгородской области и, вѣроятно въ такой ея части, которая принадлежала къ мѣстамъ наиболѣе воздѣланнымъ и населеннымъ. Однакожъ все еще невольно раждается вопросъ, почему именно одна эта страна, лежащая по Мстѣ, должна бы-

ла сдѣлаться исключительнымъ предметомъ законодательной попечительности Ольги, а не многія и другія области, на пр. лежащія по рѣкамъ Ловати и Великой, которыя, впрочемъ, имѣли равное или еще большее право на такую честь? Не гораздо ли естественнѣе и простѣе читать по Архангелогородскому списку: *помости*, вмѣсто *по Мстѣ*, и все сказаніе относить единственно къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя сдѣланы были Ольгою вообще по всей Новгородской области? Какъ прежде сказано было вообще, что «Ольга учредила уставы въ Древлянской землѣ;» такъ и здѣсь естественно мы ожидаемъ услышать, что Ольга отправилась въ Новгородъ и тамъ сдѣлала учрежденія. Такой образъ повѣствованія совершенно въ духѣ древнихъ лѣтописцевъ, и такой образъ дѣйствованія вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру того времени. Но въ семъ случаѣ Лѣтопись не даетъ ни малѣйшаго объясненія, почему Ольга, хотя она княжила только вмѣсто своего сына и его именемъ, вводитъ именно здѣсь новыя внутреннія учрежденія (что въ сіи времена всегда было важнымъ дѣломъ и, какъ новость, всегда могло возмутить умы подданныхъ). Первыя учрежденія, относящіяся къ управленію всегда основываются на какихъ нибудь мѣстныхъ особенныхъ обстоятельствахъ. У Древлянъ сіи причины заключались въ предшествовавшихъ происшествіяхъ; здѣсь мы дол-

жны искать ихъ въ личности Великой Княгини. Ольга была родомъ изъ Пскова, вѣроятно, изъ какого нибудь знаменитаго дома; ибо члены знатныхъ родовъ рѣдко соединялись союзомъ съ незнатными родами; тѣмъ невѣроятнѣе, чтобы Олегъ могъ привести усыновленному своему наслѣднику жену низкаго происхожденія. Судя по высокости сана, какой Ольга занимала въ сіе время въ Государствѣ, судя по той славѣ, какую она пріобрѣла кровавою местію, уваженіе къ ней долженствовало быть еще больше въ той странѣ, гдѣ поддерживали вліяніе ея семейственныя связи; и, можетъ быть, сіи-то семейственныя связи наиболѣе расположили ее сдѣлать нѣкоторыя административныя учрежденія для введенія твердаго порядка въ законныхъ отношеніяхъ между жителями,—учрежденія, которыя посредственно или непосредственно могли послужить ко благу ея семейства. Сверхъ того, кажется, въ землѣ Древлянской она была вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и его родственниками мужескаго пола, а въ Новгородъ ѣздила одна. Конечно, таковое объясненіе, какъ простая догадка, не заслуживало бы полнаго вѣроятія, хотя и многія обстоятельства говорятъ въ его пользу; но Татищевъ къ вышеприведеннымъ извѣстіямъ нашелъ одно прибавленіе (Несторъ. слич. Шлец. Ч. III. стр. 68), которое вполнѣ согласуется съ нашимъ объясненіемъ; а внутреннихъ доказа-

тельствъ въ пользу противнаго мнѣнія вовсе не находится.

И такъ Великая Княгиня во время путешествія своего въ Новгородъ устроила:

1) *Помости* по дорогамъ. Дорога въ Новгородъ была непроходима, если ее не мостили. Даже до нашихъ временъ оставалось нужнымъ мостить ее; тѣмъ болѣе въ то время было это нужно. Когда Владиміръ хотѣлъ итти въ Новгородъ для наказанія своего непокорнаго сына, то онъ велѣлъ напередъ устроить дорогу и подѣлать мосты. Подъ мостами не разумѣются здѣсь искуственные пути, какіе дѣлаются на рѣкахъ ручьяхъ и бываютъ нужны по большей части дорогъ, а мостовыя, выкладенныя деревомъ, какъ то дѣлается въ Новгородской и во многихъ другихъ сѣверныхъ областяхъ; такими только дорогами и можно было ѣздить чрезъ тамошнія болота (14).

2) Княгиня учредила *погости*; т. е. она раздѣлила Новгородскую область на нѣсколько округовъ (15); мѣра, какая рано или поздо принимается во всякомъ Государствѣ, смотря по быстротѣ его развитія, и важный шагъ на пути къ образованности. Племена, изъ коихъ состоитъ первоначально гражданское общество, получаютъ осѣдлость, и главное поселеніе, вокругъ котораго располагаются жительствомъ роды, дѣлается обыкновенно укрѣпленіемъ, *градомъ*. Сіи главныя поселенія съ мѣстами отъ

нихъ зависящими образуютъ первоначальное раздѣленіе земли. Объ нихъ еще прежде часто упоминалось (см. Нестор. слич. Шлецер. Ч. I. стр. 144 и сл. 181 и 297. Ч. II. стр. 6). Но это еще не были области, подобныя нынѣшнимъ нашимъ Губерніямъ и Округамъ. Раздѣленіе составленныхъ племенами областей на малые округи, съ одной стороны должно было облегчить управленіе, съ другой увеличить власть Князя; ибо какъ ни малозначительно было само по себѣ достоинство окружнаго начальника; однако основываясь на законѣ и существуя постоянно, оно мало по малу ослабляло власть начальника главнаго поселенія. Мы и дѣйствительно видимъ, что съ успѣхами гражданственности Государи вездѣ, гдѣ только можно, дѣлаютъ такія раздѣленія на округи.

3) Ольга уставила *дани*. Вообще ли дани, или только подать, которую должны были вносить побѣжденные? Первоначальное значеніе слова *дань* говоритъ въ пользу послѣдняго мнѣнія (см. выше стр. 38 и сл.). Гордые Русскіе повелители вѣрно смотрѣли на Славянскія, а тѣмъ болѣе на Чудскія племена, если не всѣ, по крайней мѣрѣ менѣе сильныя, какъ на племена побѣжденныя; такимъ образомъ подать, которую платили они поставленнымъ въ городахъ Великокняжескимъ сановникамъ, или окружнымъ начальникамъ, въ глазахъ Русскихъ вѣрно были данническимъ

налогомъ. Невѣроятно, чтобы Ольга сдѣлала еще новую перемѣну въ податяхъ, установленныхъ прежде Олегомъ. Но, безъ сомнѣнія, нужно было сдѣлать новое распредѣленіе въ платежѣ податей соотвѣтственно новому раздѣленію области. Нововведеніе въ одной части необходимо влекло за собою нововведеніе въ другой.

Такимъ образомъ изъ всего вышесказаннаго выходятъ слѣдующія положенія: Ольга сдѣлала въ покоренной ею Древлянской землѣ нѣкоторыя учрежденія, относительно управленія и распредѣлила между жителями наложенную на нихъ тяжкую дань. Въ области Новгородской она завела мощеніе дорогъ (вѣроятно только одной большой дороги), раздѣлила землю на погосты или округи, и сдѣлала новое распоряженіе въ платежѣ податей, (сколько того требовало раздѣленіе области на погосты).

Прибавляемыя къ этому слова: *и ловища ея суть по всей земли знаменія; и сани* ([16]) *ея стоятъ вПскове и до сего дни*, сами по себѣ столько же понятны, сколько и то, что вкратцѣ говорится о сей знаменитой женѣ въ Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 345 ([17]).

Но въ политическомъ отношеніи гораздо замѣчательнѣе то, что двѣ трети сбираемой съ Древлянъ дани шли въ Кіевъ, слѣдовательно къ Великому Князю, а одна треть шла въ особое владѣніе или удѣлъ Ольги, какъ гово-

ритъ Несторъ: *двѣ части дани идетъ къ Кіеву, а третья ко Вышеграду ко Ользѣ бѣ бо Вышегородъ градъ Ольженъ* (Нест. спич. Шлец. Ч. III. стр. 330.). По какой причинѣ? Не изъ признательности ли можетъ быть къ дѣятельному участію, какое городъ принималъ въ покореніи Древлянъ? Здѣсь въ первый разъ встрѣчается раздѣленіе налога между Великимъ Княземъ и подчиненнымъ владѣльцемъ. Безъ сомнѣнія таковое раздѣленіе не рѣдко бывало и прежде, хотя Лѣтописецъ не упоминаетъ объ этомъ; ибо оно совершенно въ духѣ тѣхъ временъ. Первая дань съ Древлянъ, какъ выше показано, была предоставлена исключительно одному Свѣнельду, Великокняжескому Воеводѣ.

(6) Шлецеръ жалуется [Ч. III. стр. 352], что прежніе переводчики Нестора и Русскіе бытописатели или вовсе оставляли безъ вниманія встрѣчающіяся здѣсь слова, или толковали произвольно. Онъ спрашиваетъ: чѣмъ отличаются *уроки* отъ *даней* и *оброковъ*? Сколько мнѣ извѣстно, доселѣ еще никто не отвѣчалъ на сей вопросъ. Словарь Академіи Россійской [подъ словомъ: *рещи, реку*] слово: *урокъ* признаетъ однозначательнымъ съ *оброкомъ* и *даніѣю* и присовокупляетъ къ тому слѣдующее, какъ новое значеніе «назначеніе кому дѣла, работы, упражненія для исправленія въ урученное время на извѣстномъ условіи.» Эта однозначательность дѣйствительно можетъ быть доказываема изъ перевода Славянской Библіи, который по своей строгой точности вообще можетъ для изыскателя служить порукою въ вѣрности значенія словъ. Въ посланіи Апостола Павла къ Римляномъ XIII, 7. φέρος переводится *урокъ*, а въ другихъ мѣстахъ вездѣ *дань*. Только въ приведенномъ мѣстѣ словомъ *дань* переведено τέλος.

(7) Въ переводѣ Библіи сіе слово употреблено для выраженія Греческаго: δόγματα [въ Лютеровомъ переводѣ: Sprüche], опре-

дѣлепій, постановленныхъ Апостолами и пресвитерами въ Іерусалимѣ. Дѣян. XVI. 4.

(8) У Древлянъ прежде были свои свои собственные Князья и знаменитые роды. [Нестор. слич. Шлец. Ч. I. стр. 217. II. стр. 200]

(9) Древлянская земля является совершенно княжескимъ достояніемъ, провинціею; о собственномъ ея Князѣ совсѣмъ уже не говорится болѣе. Въ Княженіе Святослава Олегъ выходитъ въ ней на сцену, какъ постановленный своимъ отцемъ Правитель [Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 526].

(10) [Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 544] Замѣчательно, что Лѣтописецъ, повѣствуя въ семъ же самомъ мѣстѣ объ учрежденіяхъ Ольги, не говоритъ ни слова о введеніи податей въ странахъ Днѣпровскихъ.

(11) По крайней мѣрѣ, кажется, какъ будто бы извѣстіе Константина Порфиророднаго о ежегодныхъ путешествіяхъ Русскихъ Князей относится именно къ сбору податей: *Hyberna vero et aspera Russorum vivendi ratio haec est. Ineunte Novembri mense, quam primum eorum principes cum universa Russorum gente egrediuntur Ciabo* [Κίαβον] *et in oppida proficiscuntur, quae Gyra* [Γύρα] *appellantur, aut in Sclavica loca Berbianorum, Drungubitarum, Cribitzarum, Serviorum reliquorumque Slavorum, qui Russis tributarii sunt . . . Imperium orientale ed. Banduri* (*Venet.*) *I.* 51.

(12) Слич. ниже приб. I. Мнѣ представляется замѣчательнымъ, что Несторъ, говоря о повинности, лежавшей во времена Владиміра на Новгородскомъ Намѣстникѣ, давать ежегодно Великому Князю по 3000 гривенъ, 2000 означаетъ особо подъ именемъ уроковъ, [*и оуроком дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривенъ отъ года до года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху*], и слѣдовательно отдѣляетъ ихъ отъ 1000 гривенъ, назначенныхъ для платы наемному войску. *Лѣтопись Несторова по древнѣйшему списку Мниха Лаврентія*, стр. 92.

(13) Лѣтопись Несторова по древнѣйшему списку Мниха Лаврентія, стр. 92.

(14) Въ семъ значеніи употребляется въ Славянскихъ нарѣчіяхъ *мостъ* и *помостъ*. Слич. Линде. Ч. III, 143; IV, 90 подъ словомъ *most, pomoscic.*

(15) *Погостомъ*, говоритъ Карамзинъ, въ древнія времена называлась округа, или нѣсколько деревень, подсудныхъ одно-

му начальству [Исторія Государства Россійскаго I. 429, прим. 377]. Раскрытіе сего понятія должно быть сдѣлано въ исторіи права. Переводъ сего выраженія словомъ: «Gastdörfer» въ J. Müllers altrussiche Geschichte, стр. 123, кажется, не заслуживаетъ одобренія.

(16) Для Шлецера [Нест. сл. Шлец. Ч. III стр. 353], эти сани были необъяснимымъ предметомъ. Но Карамзинъ безъ сомнѣнія думаетъ справедливо [Ист. Госу. Росс. I. 165], что жители Пскова хранили ихъ, какъ драгоцѣнный памятникъ ея путешествія, подобно какъ въ наши времена ботикъ Петра Великаго хранится для памяти.

(17) *И по Днепру перевѣсища и села, и по Десне есть село ея Ольжичи доселе. И изрядивши вся сія [и пресмотривша очима своима] возратися ко сыну своему къ Кіеву и пребываше снимъ въ любви.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отмѣна одного Княжескаго преимущества.

Замѣчательное извѣстіе о политической дѣятельности Ольги находится еще въ слѣдующихъ словахъ:

Тогдажъ (964 г.) *отрѣши Ольга Княжсе, и уложили брать отъ жениха по черни кунѣ какъ Князю, такъ Боярину отъ его подданнаго* (Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 492.).

Сего мѣста не находится въ существующихъ нынѣ спискахъ Лѣтописи. Но Татищевъ приводитъ его въ своей Исторіи, замѣчая при томъ, что онъ нашелъ его только въ одномъ изъ бывшихъ у него списковъ, который онъ называетъ

раскольничьимъ временникомъ. Я не хочу изслѣдывать, къ какой мѣрѣ основательно должно падать то подозрѣніе на Татищева, будто сей порука, чуждый всякой критики, многое выдумывалъ намѣренно отъ себя; по крайней мѣрѣ здѣсь нѣтъ достаточныхъ причинъ обвинять его въ такихъ выдумкахъ. Явно старинный языкъ этого мѣста заставляетъ насъ уже вѣрить его подлинности; а еще болѣе та нерѣшительность, съ какою самъ Татищевъ объясняетъ сіе мѣсто, признаваясь, что настоящій смыслъ слова: *Княжее* неизвѣстенъ, и предлагая только догадку, не разумѣется ли здѣсь обычай древнихъ народовъ, по коему первая ночь крѣпостныхъ невѣстъ принадлежала господину. Шлецеръ готовъ былъ согласиться на такое объясненіе; впрочемъ рѣшился лучше его отвергнуть, говоря: «Групенъ въ *uxor theotisca, p.* 8. доказываетъ, что jus primae noctis есть Шотландская басня» (Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 493).

Это право такъ сильно оскорбляетъ наше чувство, что мы охотно желали бы признать его баснею; но чувство служитъ самымъ обманчивымъ маштабомъ при сужденіи объ историческихъ фактахъ. Изреченіе Беля: la verité n'est pas toujours vraisemblable, оказывается справедливымъ во многихъ случаяхъ. Не одно обстоятельство заставляетъ насъ догадываться, что у многихъ народовъ дѣйствительно суще-

ствовало таковое право; трудно только показать въ точности, какъ оно произошло и потомъ постепенно было ограничиваемо, и трудно именно потому, что оно, большею частію, исчезаетъ уже въ глубокой древности. Можетъ быть всего долѣе оно сохранялось въ грубомъ своемъ видѣ у Французовъ. Г-нъ Міотъ, доказывая вѣроятность извѣстнаго Геродотова сказанія объ отношеніи женскаго пола въ Вавилонѣ къ чужестранцамъ, говоритъ: *Enfin n'a-t-il pas existé chez nous-mêmes, long-tems après l'etablissement du christianisme, des institutions qui obligeaient les nouvelles mariées à faire hommage de la premiere nuit de leur noces à leur seigneur; et l'accomplissement de ce devoir n'etait-il pas accompagné de ciconstances odieuses* (19)? *n'a-t-on pas vu des prêtres, des évêques, non-seulement ne pas récuser un droit si injurieux à la pudeur publique, mais l'exercer ou réclamer un dédommagement, en argent pour s'en abstenir* (20)? *n'a-t-on pas cru en France, pendant plusieurs siècles, que ce honteux usage ne blessait ni la morale publique ni la morale religieuse? .... Ne nous hâtons donc pas de prononcer, et sur-tout de vouloir assigner une limite aux inconséquences, aux contradictions des hommes. En ce genre, tout ce qui n'est pas physiquement impossible, est malheureusement possible. Histoire d'Herodote, suivie de la vie d'Homère. Nouvelle traduction par A. F. Miot. A. Paris,* 1822. Ч. I. 217.

Сіе право существовало и въ другихъ мѣстахъ. Это ясно обнаруживается тѣми пошлинами, которыя надлежало платить господину при совершеніи браковъ, и которыхъ начало, по общему народному сказанію, скрывается въ ономъ правѣ. Не нужно искать для сего примѣровъ въ дали. У насъ въ Россіи пошлина, платимая женихомъ крѣпостной ея господину, и теперь еще называется *куньими деньгами* или *куницею*. Относительно ея происхожденіи еще и теперь существуетъ въ Малороссіи, особенно въ Кіевѣ (²¹), подобное сказаніе въ устахъ народа.

Впрочемъ не надобно производить сего права изъ феодальной системы (Нест. сл. Шлец. Ч. III. стр. 493); оно существовало гораздо прежде, и проистекало изъ обширной, почти неограниченной власти начальника племени: ибо мы находимъ существованіе того и другаго, т. е. какъ права, такъ и подати, только въ видѣ стариннаго обычая, и только тамъ, гдѣ сохранились еще нѣкоторые остатки оной власти, хотя и подъ другимъ именемъ, какъ на пр. именно въ ленной системѣ, въ которую и вообще перешло многое изъ древнихъ отношеній родоначальниковъ. Единоплеменникъ первоначально былъ подданнымъ начальника племени; только сей одинъ имѣлъ оное право; но простиралось ли оно въ дѣйствіи своемъ на всѣхъ соплеменниковъ, не исключая даже и тѣхъ, которые первоначально принадлежали къ роду, какъ младшія отрасли перваго семейства, отъ коего происхо-

дилъ Начальникъ племени (т. е. на благородныхъ и свободныхъ), или только на тѣхъ, кои, происходя отъ служебнаго класса лицъ, мало по малу присоединялись къ господствующему племени?—Сей вопросъ могутъ объяснить только будущія болѣе глубокія изысканія. Впрочемъ, основываясь на сравненіи, и теперь уже можно почитать достовѣрнымъ, по крайней мѣрѣ, то, что право сіе не было право Государя, а право родоначальника. Но что и по основаніи Государствъ оно долго оставалось въ своей силѣ, это легко объясняется изъ того, какъ составились первыя политическія общества. Начальники племенъ всё еще удерживали здѣсь права свои, какія они имѣли надъ своими племенами, и почитали себя обязанными повиноваться общему Верховному Властителю только въ такихъ случаяхъ, которые касались блага всего общества: первоначально—ходить только съ Верховнымъ Властителемъ на войну подъ его предводительствомъ, въ послѣдствіи времени, можетъ быть, дѣлать ему и небольшія пособія для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ и для содержанія его слугъ. Но изъ своихъ личныхъ правъ, изъ правъ, какія они имѣли надъ племенами, они ничего не уступали. Посему и уничтоженіе *Княжаго*, сдѣланное Ольгою, не можетъ быть считаемо правительственною мѣрою,—дѣйствіемъ, къ которому бы ее уполномочивалъ санъ Великой Княгини,—Государыни,

правящей именемъ Святослава. Дѣла едва ли еще имѣли такое благопріятное положеніе; власть верховнаго Главы общества, безъ сомнѣнія, не была еще столь велика, чтобы онъ могъ по своему произволу вводить такія новости. Весьма вѣроятно, что Ольга при сей отмѣнѣ ограничилась одними собственными владѣніями, а можетъ быть, еще и владѣніями своего семейства, гдѣ она легко могла убѣдить родоначальниковъ отказаться отъ помянутаго личнаго права, и вмѣсто его брать опредѣленный выкупъ. Конечно, выкупъ сей могъ существовать и прежде, но безъ точныхъ правилъ. Ольга, какъ Христіанка, естественно, должна была предпринимать всѣ возможныя мѣры для уничтоженія обычая, который такъ былъ несогласенъ съ ученіемъ Христіанства, такъ оскорбителенъ для женскаго ея чувства.

Но прежде, нежели Ольга сдѣлала сію отмѣну, Святославъ, по сказанію Лѣтописи (Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 477), уже возрасъ и достигъ совершеннолѣтія; слѣдовательно сіе дѣйствіе ея не могло болѣе быть правительственною мѣрою. Со времени совершеннолѣтія Святослава, уже должно было прекратиться всякое участіе другихъ лицъ въ правленіи. Справедливо неизвѣстный Лѣтописецъ означилъ сіе происшествіе именно тамъ, гдѣ предыдущее само собою довольно ясно говоритъ, что онъ болѣе не повѣствуетъ о государствен-

ныхъ дѣлахъ Ольги. Можетъ быть, и Лѣтопись Нестора въ первоначальномъ ея видѣ потому самому не упоминала о семъ дѣяніи, что оно не касается всего Государства. Можетъ быть, по сей же причинѣ не принято оно и въ большую часть старинныхъ списковъ. Но оно легко могло быть внесено въ такой списокъ, который былъ составляемъ въ собственномъ удѣлѣ Ольги, гдѣ еще хранилось преданіе объ ея учрежденіяхъ. Какой нибудь Монахъ, списывавшій здѣсь Лѣтопись, охотно вставилъ это прибавленіе, которое служило къ славѣ Ольги, и было согласно съ правилами Христіанской Вѣры.

Такимъ образомъ и содержаніе, и образъ изложенія, и мѣсто, гдѣ помѣщено сказаніе, все, кажется, болѣе подтверждаетъ, нежели опровергаетъ дѣйствительность оспориваемаго факта.

(18) См. Исторія Россійская ... соч. В. Н. Татищевымъ. II. 45, 329.

(19) *Maritus ipse femora aperiet, ut dictus Dominus primum florem primitiasque delibet facilius.* Sentence de la sénéchaussée de Guyenne du 18 jullet 1302, qui condamne la fille Saucarolle, mariée à G. Bècaron, à obeir au seigneur de Blanquefort, et à lui céder droit de prelibation. Bibliothèque historique, 12e vol. 4e cahier, page 232. 1820.

(20) Arrêt du parlament de Paris du 19 mai 1409, qui deboute l'évêque d'Amiens de sa demande tendante à être maintenu dans le droit d'xiger une somme d'argent de nouveaux mariées de son diocèse, pour leur permettre de coucher ensemble la premiere nuit de leur noces [Encyclopedie, au mot Droits.].

(21) Шлецеръ [Ч. III. стр. 492 и сл.] ссылаясь на Татищева и Елагина, говоритъ, что въ Россіи дѣйствительно до

позднѣйшихъ временъ была платима подать господину по случаю вступленія въ бракъ съ его крѣпостною дѣвкою, извѣстная подъ названіемъ: *куничное;* Словарь Академическій, III, 1065 также упоминаетъ объ ней подъ именемъ *куныхъ денегъ* или *куницы.* Словарь Линде Ч. II. отд. I. стр. 1185 указываетъ на существованіе сей подати въ Малороссіи, именно въ Кіевѣ, впрочемъ Линде *kunica* производитъ *a jure cunnagii.* Между простымъ Русскимъ народомъ еще и теперь *куна* имѣетъ значеніе *Cunnus*; такъ ли было и съ самаго начала? Въ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ провинціяхъ также, кажется, существовала сія пошлина подъ именемъ: Klauenthaler, Hemdschilling и пр. Deutsche Encyclopädie ... Bd. III. [Francfurt, 1780], S. 147, unter Bedemund. Въ большемъ числѣ и болѣе достовѣрные факты представляетъ намъ для сравненія Шотландія. См. Glossarium manuale mediae et infimae latinitatis, IV, 564, подъ словомъ: Marcheta.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Коренныя начала Народнаго Права.

Возмужавшій Святославъ возвѣстилъ о восшествіи своемъ на престолъ сосѣдственнымъ племенамъ бранными дѣйствіями. Это могло происходить какъ вообще изъ духа тѣхъ временъ, такъ и изъ личнаго характера браннолюбиваго Князя. Для Исторіи замѣчателенъ здѣсь только образъ начатія войны, о чемъ такъ говоритъ Несторъ: *и посылаше ко странамъ, глаголя: хощю на вы ити* (Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 533).

Въ Русской Исторіи въ первый разъ является здѣсь обыкновеніе, общее многимъ древнимъ

народамъ,—не начинать военныхъ дѣйствій безъ предварительнаго объявленія. Это есть слѣдствіе гражданственности, появляющейся вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ союза государственнаго, первое основаніе будущаго Народнаго Права. Слова, влагаемыя Лѣтописцемъ въ уста Русскаго героя: *хощю на вы ити*, когда онъ намѣревался подъять мечь на сопредѣльныхъ народовъ, не надобно почитать случайнымъ, пустымъ выраженіемъ; ибо тѣже самыя слова повторяются и тогда, когда онъ рѣшился воевать Грековъ. Лѣтописецъ говоритъ: *и посла къ Грекомъ, глаголя: хощю на вы ити* (Нестор. слич. Шлец. Ч. стр. 533).

Ни въ одномъ изъ двухъ случаевъ не означается законной причины войны. И здѣсь корысть представляется единственною цѣлію походовъ. Если не льзя было покорить земли, то ограничивались добычею; побѣжденные народы, которыхъ или навсегда, или временно приводили подъ власть свою, облагались данію. О Козарахъ говорится только, что Святославъ побѣдилъ ихъ и взялъ у нихъ укрѣпленное мѣсто, Бѣлую Вежу, при чемъ, какъ разумѣется само собою, воины его грабили, сколько хотѣли. Напротивъ на Вятичей, которые были совершенно покорены, наложена была дань. Впрочемъ не льзя рѣшительно сказать, съ сего ли времени начинается совершенное ихъ подданичество и зависимость отъ Россіи. Козарамъ платили они

какую-то определенную подать съ каждаго плуга, чѣмъ, кажется, удовольствовался и новый завоеватель. За недостаткомъ подробныхъ извѣстій не льзя точнѣе исчислить подати, какія Вятичи должны были платить Святославу.

Говоря о дани, которую Святославъ взялъ съ Грековъ, Лѣтописецъ между прочимъ прибавляетъ слѣдующія замѣчательныя слова: *имаше же и за убіеныя, глаголя: яко родъ его возметъ* (Нест. слич. Шлец. Ч III. стр. 575).

Такой образъ разчисленія дани можно находить у многихъ грубыхъ воинственныхъ народовъ. Онъ основывается на первобытной нераздѣльности семейственнаго имущества. Всѣ бывшіе въ походѣ имѣли право на выгоды, пріобрѣтенныя посредствомъ похода. Воины поставлялись отъ каждаго рода въ особенности; слѣдовательно пріобрѣтенное ими въ походѣ принадлежало родамъ, которые поставили ихъ и чрезъ то самое предпріятіе сдѣлали возможнымъ. Если посему представитель рода по какой нибудь причинѣ не могъ самъ лично получить своего участка, то родъ отъ того не терялъ еще своего права; ибо участіе его нисколько не измѣнялось, оставался ли въ живыхъ, или умиралъ постановленный имъ ратникъ. Въ случаѣ смерти ратника, все, что приходилось на его часть, было сохраняемо въ пользу рода и отдавалось ему по возвращеніи въ отечество.

Но относилось ли сіе и къ тѣмъ, которые

умирали естественною смертію, или только къ падшимъ на сраженіи, навѣрное сказать нельзя. Выраженіе Лѣтописи: *убіенныя* говоритъ въ пользу послѣдняго предположенія. Въ позднѣйшія времена, когда нераздѣльность имущества большею частію уже не существовала, и воиновъ, вмѣсто личнаго ихъ участія въ дани, стали вознаграждать другимъ образомъ, Государство при опредѣленіи выгодъ, какія должно было получить оставшееся послѣ воина семейство, обращало особое вниманіе на то, падалъ ли ратникъ на полѣ битвы, или умиралъ въ походѣ, естественною смертію (22).

Въ грамотѣ, коею Святославъ возстановилъ свои мирныя отношенія къ Грекамъ, всего замѣчательнѣе слѣдующія слова: *аще инъ кто помыслитъ на страну вашю, да и Азъ буду противу ему, и борюсь съ нимъ* (Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 584).

Такого обязательства еще никогда не принимали на себя Руссы въ договорахъ, хотя не задолго предъ симъ они получили понятіе о субсидіяхъ, когда Греки снабдили ихъ золотомъ для веденія общей войны (23). Въ прочихъ статьяхъ договоръ сей содержитъ одно только общее возобновленіе древней дружбы между обоими народами. Левъ Діаконъ ясно говоритъ, что симъ договоромъ Руссамъ опять присвоена была древняя свобода торговли (24). Это было необходимымъ слѣдствіемъ возобновленія прежнихъ дружествен-

ныхъ отношеній. Естественно, прежнія постановленія по сему предмету остались въ своей силѣ. Впрочемъ, торговля была не меньшею потребностію для Грековъ, какъ и для Руссовъ.

По формѣ Святославовъ договоръ, подобно двумъ прежнимъ, т. е. Олегову и Игореву, есть одно торжественное повтореніе того, въ чемъ Греческіе Послы уже предварительно согласились съ самимъ Великимъ Княземъ, и что въ его присутствіи было утверждено хартіею, подписанною послами, которую вѣроятно удержалъ у себя Великій Князь. Торжественное Русское Посольство только повторяетъ еще разъ формально содержаніе первой грамоты, излагаетъ на бумагѣ и утверждаетъ приложеніемъ печатей. Это явствуетъ изъ начальныхъ словъ договора: *равно другаго свѣщанія бывшаго при Святославѣ велицемъ* и т. д. (Несторъ. слич. Шлец. Ч. III. стр. 582).

Сими словами начинаются всѣ три грамоты ([25]), и такъ какъ въ нихъ представляются однѣ и тѣже лица договаривающимися, то слова сіи могутъ относиться только къ одному и тому же договору. По сей причинѣ во всѣхъ трехъ хартіяхъ какъ въ началѣ, такъ и въ заключеніи, представляются говорящими одни только Русскіе Послы. Почему вѣроятно, что Русскій Великій Князь напередъ самъ лично сдѣлалъ соглашеніе. И послѣ уже велѣлъ своимъ посламъ объявить его, и формально утвердить

отъ своего имени въ Константинополѣ. Государства, стоящія на такой же степени образованія, на какой находилась тогда Россія, не любятъ поручать Посламъ своимъ всего производства переговоровъ и заключенія самаго мира, какъ то бываетъ въ новѣйшихъ Государствахъ, гдѣ Посламъ для сей цѣли дается въ руководство подробная инструкція, объемлющая, по тонкому разчисленію вѣроятностей, разные возможные случаи. Такихъ инструкцій не могли еще начертать при тогдашнемъ Дворѣ Русскомъ; да и Послы, большею частію воины, еще не были столько знакомы съ тайнами Политики, чтобы въ точности могли исполнить данную инструкцію. При такихъ обстоятельствахъ, весьма естественно, Греки должны были напередъ согласиться съ самимъ Великимъ Княземъ въ условіяхъ мира; писанную въ слѣдствіе сего соглашенія Греческими Послами, грамоту Князь удерживалъ у себя и потомъ чрезъ посредство своихъ Пословъ давалъ ей торжественное утвержденіе въ Константинополѣ. Сіе мнѣніе тѣмъ достовѣрнѣе кажется, что въ договорахъ Игоря и Святослава упоминается о тѣхъ же самыхъ Послахъ, которые и прежде были посыланы со стороны Греческаго Императора къ Русскому Великому Князю (26).

Впрочемъ, можно признавать сію хартію Святославова договора подлинною, и не утверждая, чтобы Несторъ самъ сообщилъ ее намъ.

Можетъ быть, она вставлена кѣмъ нибудь другимъ въ его твореніе.

Таковая вставка могла произойти весьма естественно; ибо списки съ Лѣтописи Несторовой были дѣлаемы не съ большою точностію. Внесеніе важной, достовѣрной, всѣми вообще тогда признаваемой грамоты служило дѣйствительнымъ обогащеніемъ Лѣтописи, которымъ никто не соблазнялся, и которое переходило изъ одного списка въ другой. Можно порадоваться, что при тщательнѣйшемъ изслѣдованіи содержанія все подтверждаетъ ся подлинность, и что не льзя противъ нее представить нималѣйшаго сколько нибудь основательнаго сомнѣнія. Всеобщее сомнѣніе въ вѣрности преданій не можетъ быть принято въ уваженіе; ибо въ такомъ случаѣ еще большему сомнѣнію должна бы была подвергнуться большая часть нашихъ преданій, основывающихся на письмени, а слѣдовательно большая и занимательнѣйшая часть нашей Исторіи.

(22) *А будетъ котораго Дворянина, или сына Боярскаго или иноземца на Государевѣ службѣ въ полкѣхъ убьютъ воинскіе люди, и женамъ ихъ изъ помѣстей ихъ давать на прожитокъ со окладовъ ихъ, со ста по двадцати четвертей, а дочерямъ ихъ со ста по десяти четвертей. А котораго Дворянина, или сына Боярскаго, или иноземца не станетъ дома, а не на Государевѣ службѣ, и женамъ ихъ давать изъ помѣстей ихъ на прожитокъ со окладовъ ихъ, со ста по десяти четвертей, а дочерямъ по пяти четвертей.* Уложеніе Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, Гл. XVI, 30—32.

(23) Святославъ получилъ отъ Никифора Фоки пятнадцать центнеровъ золота, дабы воевать Дунайскихъ Болгаръ. Leonis Diaconi Historia, ed. C. B. Hase. Parisiis, 1819, p. 39.

(24) Левъ Діаконъ исчисливъ на стр. 91, условія предложенныя отъ Грековъ Руссамъ, потомъ присовокупляетъ: *Romani contra illis potestatem facerent enavigandi, neque eos in itinere cum navibus igniferis adorirentur [nam magnopere timebant ignem Medicum, qui vel lapides in cinerem redigere potis est]; frumento insuper juvarent eos, amicorumque numero haberent, mercaturae causa Constansinopolim commeantes, quemadmodum erat antiquitus institutum* [καθάπερ ἀν καθεν ἔθιμον ἦν]. *Leonis Diaconi Historia, p.* 96.

(25) Въ повѣствованіи о заключеніи Олегомъ мира говорится, что Великій Князь послалъ въ Константинополь мужей своихъ для утвержденія мира и для заключенія съ Императорами договвра *равно другаго свъщанія.* — Когда Игоревы Послы прибыли въ Константинополь, то Императоръ приказалъ писать рѣчи какъ Русскихъ, такъ и своихъ чиновниковъ *равно другаго свищанія.* Нест. слич. Шлец Ч. II. стр. 698.

(26) Впрочемъ приведенныя начальныя слова договоровъ можно объяснять и тѣмъ, что всѣ три хартіи были писаны въ двухъ экземплярахъ, и что оба экземпляра имѣли одинаковую важность, но для предотвращенія всякаго обмана въ каждомъ ясно было замѣчено, что онъ совершенно согласенъ съ экземпляромъ находящимся въ рукахъ другой договаривающейся стороны.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Раздѣлъ въ правленіи Государствомъ.

Лѣтопись повѣствуетъ: *Влѣто* 6478 (970) *Святославъ посади Ярополка вКіевъ, а Олга вДеревехъ.*

Всеже время пріидоша людіе Новгородстіи просяще Князя собѣ; аще не пойдетъ къ намъ,

то мы налѣземъ Князя собѣ. И рече къ нимъ Святославъ: аще бы кто шолъ къ вамъ. И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ. И рече Добрыня: просите Володимира. Володимиръ бо бѣ отъ Милуши, ключницы Олжины: сестра же бѣ Добрынѣ, отецъ бѣ има Малко Любчанинъ и бѣ Добрыня уй Володимира. И рѣша Новгородци Святославу: дай ны Володимира: онже рече, отовы есть. И пояша Новгородци Володимира ксобѣ (Нест. слич. Шлец. стр. 525).

Въ семъ поступкѣ всѣ Историки обыкновенно видятъ начало раздѣленія, раздробленія Россіи. «И такъ на Святослава должно пасть, го«воритъ Шлецеръ, проклятіе Россіянъ; онъ пер»вый подалъ несчастный примѣръ раздѣленій, »которыя въ теченіи полутысячи лѣтъ содер«жали Россію въ растройствѣ, бѣдствіи и тѣснотѣ» (Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 526).

Съ перваго взгляда укоризна сія можетъ показаться весьма основательною, если станемъ судить о Святославѣ и его времени по понятіямъ настоящаго вѣка. Но сіи понятія едва ли могутъ служить для насъ правильнымъ мѣриломъ; по моему мнѣнію, прежде всего надобно обратить вниманіе на то, имѣли ли древніе наши понятія, могли ли имѣть ихъ, или, напротивъ, еще не должны ли они были по самому свойству развитія человѣческаго духа притти къ началамъ, совершенно противоположнымъ. Такой образъ воззрѣнія заставляетъ насъ от-

дать Святославу болѣе справедливости, и тотчасъ показываетъ намъ, какъ несправедливо поступаемъ мы, произнося судъ о семъ Князѣ. Не его вина, что первый примѣръ раздѣленія, о какомъ упоминаетъ Исторія, случайно падаетъ на его Княженіе; не заслуга другихъ, что не встрѣтилось при нихъ подобнаго примѣру. Въ равныхъ обстоятельствахъ, (на пр. еслибъ у нихъ было нѣсколько возрастныхъ сыновъ) они поступили бы точно также, какъ поступилъ Святославъ.

Но не льзя порицать и вѣка, не поставляя въ укоризну человѣку того, что проистекаетъ изъ естественнаго хода развитія рода человѣческаго. Ибо сіе-то развитіе и произвело раздѣлы, которые мы признаемъ вредными.—Первоначально существуетъ каждое семейство само по себѣ; отецъ есть естественный начальникъ всѣхъ лицъ, отъ него происшедшихъ. Сіи лица образуютъ новыя семейства; эти семейства живутъ вмѣстѣ, дабы защищать себя общими силами противъ нападенія внѣшнихъ непріятелей и такимъ обрезомъ происходитъ родъ. Родъ объемлетъ собою многія семейства; въ каждомъ изъ нихъ отецъ есть господинъ; но глава цѣлаго рода есть тотъ, кто стоитъ всѣхъ ближе къ общему родоначальнику, слѣдовательно, старшій сынъ перваго родоначальника. Изъ родовъ образуются племена, и главою племени становится тотъ же, кто былъ родоначаль-

никомъ, старшій сынъ отъ старшаго сына основателя племени и т. д. Сперва начальникъ рода имѣетъ весьма ограниченную власть; каждый отецъ владычествуетъ почти независимо въ своемъ семействѣ, и связь подчиненности бываетъ слаба. Но съ возрастаніемъ родовъ и племенъ возрастаетъ и власть ихъ начальника; онъ пріобрѣтаетъ славу и обогащается отъ добычи; въ его распоряженіи состоитъ все, въ чемъ нуждается, чѣмъ владѣетъ цѣлый союзъ. Начальникъ племени, если онъ бываетъ счастливымъ воиномъ, дѣлается мало по малу владыкою надъ извѣстнымъ пространствомъ земли, могущественнымъ Княземъ. Но первоначальное семейственное отношеніе, основанное на самой природѣ, долго еще сохраняетъ свою силу и въ новообразованномъ Государствѣ. Какъ посему вначалѣ сыновья по смерти отца дѣлили его небольшое имѣніе и старшій братъ пользовался только большимъ передъ другими уваженіемъ; такъ было и послѣ, когда имѣніе сдѣлалось значительнымъ, когда оно заключало въ себѣ и землю и людей. Сыновья дѣлились между собою также, какъ и прежде, а старшему брату оставалось только верховное начальство — уваженіе, подобное тому, какое было оказываемо первому родоначальнику. Какъ въ первоначальномъ семействѣ сыновья никогда не допустили бы отнять у себя право на раздѣлъ имѣнія, такъ не позволятъ они нарушить это

ихъ права и тогда, когда семейства возрастутъ въ роды, въ племена, въ Государства, и если бы кто вначалѣ покусился ввести противное, тому предлежала бы тяжкая борьба съ предразсудками своего времени, съ закоренѣлыми понятіями о правѣ и неправѣ, съ понятіями о собственности.

Не надобно удивляться сему явленію. Развитіе человѣческаго рода совершается весьма медленно. Часто одинъ неправильный шагъ уклоняетъ далеко отъ цѣли, и сколько потребно опытовъ, дабы найти вѣрный, безошибочный путь и въ одномъ дѣлѣ! Естественная нужда во взаимной защитѣ приводитъ семейства, происходящія отъ одного общаго родоначальника, къ общему союзу; но стремленіе каждаго лица быть независимымъ властителемъ своихъ окрестностей, подобно какъ былъ независимъ его отецъ, часто разрушаетъ сіи союзы въ самомъ ихъ началѣ. Подобныя явленія повторяются и тогда, когда семейства возрастаютъ въ роды. Каждый новый отецъ семейства охотно желалъ бы сдѣлаться независимымъ господиномъ всѣхъ лицъ, ему подвластныхъ; каждый новый родоначальникъ желалъ бы имѣть болѣе значимости и напротивъ менѣе зависѣть. Тоже бываетъ и съ племенами. Отсюда-то происходятъ столь обыкновенныя раздѣленія родовъ и племенъ; по сей-то причинѣ многіе изъ нихъ погибаютъ, и только немногіе дѣлаются мало

по малу господствующими. Но если начальники какого либо сильнаго племени и достигали до того, что дѣлались Князьями, то въ ихъ потомствѣ возникало тоже опасное треніе страстей и силъ. Сыновья новаго Князя смотрѣли на Государство, какъ на отцовское наслѣдство, и каждый требовалъ изъ него своей доли. Старшій братъ пользовался только преимущественнымъ уваженіемъ, имѣлъ какъ бы верховную власть надъ всѣми прочими. Но подчиненіе тогда еще мало значило; Верховный Властитель не могъ по произволу давать чувствовать другимъ силу своего преимущества; ибо его братья также владѣли землями, и слѣдовательно имѣли въ рукахъ своихъ средство сдѣлаться независимыми Князьями и даже основать новыя Государства. Посему новообразовавшіяся Державы, какъ и все, производимое натурою, носили въ нѣдрѣ своемъ при началѣ явленія своего зародышъ разрушенія. Многія изъ нихъ опять рушились отъ внутренней борьбы членовъ владѣтельнаго рода, которая сопровождалась ослабленіемъ всего Государственнаго состава. Только въ послѣдствіи времени горестныя событія показали гибельныя послѣдствія отъ раздѣленія областей и научили тѣмъ истинамъ, что на Государство нельзя смотрѣть, какъ на обыкновенное наслѣдство, какъ на поля, стада, рабовъ, что для сохраненія Державъ противъ внѣшнихъ непріятелей нужна сила ни сколько неослабленная,

и что посему Верховная Власть, какъ нераздѣльное достояніе, должна быть предоставляема одному лицу. Какъ скоро люди постигли всю справедливость сего кореннаго начала, то раздѣлы исчезли и явилось наслѣдіе престола, основанное на первородствѣ. Сколько времени можетъ пройти, прежде нежели человѣкъ достигнетъ до сей благотворной истины, тому научаетъ насъ Исторія Россіи.

Иногда отецъ еще при своей жизни дѣлитъ свое имѣніе между дѣтьми; а потому иногда и Князь свою землю. Въ семъ случаѣ раздѣлъ, естественно, оставался безпрекословнымъ, изъ уваженія къ отцу, который былъ неограниченнымъ властелиномъ всего имущества. Къ этому средству, сохранить единодушіе между потомками, новый Властитель весьма скоро долженъ былъ притти по руководству одного простаго смысла.

Но Святославъ не подалъ еще ни малѣйшаго тому примѣра. Онъ не дѣлилъ своего Государства, да и Лѣтопись (см. выше стр 93 и сл.) не говоритъ, чтобы онъ дѣлилъ Россію; скажемъ болѣе — онъ даже не могъ желать сего дѣленія; ибо онъ намѣревался перенесть Великокняжескую Столицу въ завоеванную имъ Болгарію (17): кому же бы должна была достаться сія новопріобрѣтенная область. Далѣе — древняя Россія навѣрное заключала въ себѣ не три только области: Кіевъ, Древлянскую зем-

мю и Новгородъ. Кромѣ того, при семъ раздѣленіи сначала вовсе не было даже и рѣчи о Новгородѣ. Жители этого важнаго города сами явились и требовали себѣ Князя.

Чтожъ чрезъ сіе сдѣлалъ Святославъ, если не раздѣлилъ? То, что ясно говоритъ Лѣтопись: *посади Ярополка въ Кіевѣ, а Олга въ Деревехъ*, т. е. онъ поручилъ имъ управленіе сихъ областей точно также, какъ оно поручалось другимъ вельможамъ, которые посылались для управленія въ другія области, и о которыхъ въ такомъ случаѣ употребляется тоже самое выраженіе (28). *Посаженный* не есть потому уже самостоятельный Государь, или Удѣльный Князь.

Святославъ принялъ сіи мѣры тогда, какъ готовился въ походъ на Грековъ. Во многихъ отношеніяхъ, можетъ быть, прадставлялось ему полезнымъ поручить сыновьямъ своимъ управленіе отдѣльными областями. Конечно, они были еще весьма молоды; но въ тѣ времена считали человѣка совершеннолѣтнимъ гораздо ранѣе нынѣшняго; неопытнаго подкрѣплялъ и поддерживалъ совѣтъ шедшихъ съ ними въ походъ ближнихъ родственниковъ и отличныхъ мужей изъ дружины, выбранныхъ для того отцемъ. Святославъ не хотѣлъ болѣе возвращаться въ Кіевъ; онъ избралъ для будущаго своего мѣстопребыванія Переяславецъ на Дунаѣ. Совершенно естественно, онъ оставилъ старшаго сына въ прежней столицѣ въ качествѣ Намѣст-

ника, для управленія въ его отсутствіе Государствомъ. Кому нибудь поручить управленіе необходимо было надобно, и старшій сынъ, если онъ находился уже въ такомъ возрастѣ, что могъ при совѣтѣ родственниковъ своего отца управлять дѣлами,—имѣлъ ближайшее на то право.

Дѣйствительнаго раздѣленія Государства на удѣлы не видно никакихъ слѣдовъ. Какимъ бы образомъ въ противномъ случаѣ могъ и Святославъ въ послѣдствіи сказать Новгородцамъ: *аще бы кто* (Ярополкъ или Олегъ) *шолъ къ вамъ!* Если они уже дѣйствительно получили свои *удѣлы*, то безъ сомнѣнія ни отъ котораго нельзя было требовать, чтобы онъ оставилъ свой Удѣлъ.

Не смотря на то, представляется естественнымъ, что сынъ, поставленный отъ родителя въ какой либо области Правителемъ, оставался въ семъ званіи и по смерти отца. Земля, коею онъ владѣлъ при жизни отца въ зависимости отъ него, по смерти отца, оставалась въ его рукахъ, какъ удѣлъ назначенный ему отъ отца; только съ извѣстнымъ подчиненіемъ старшему брату, какъ Великому Князю. Поручая сыну управленіе какой либо области, тѣмъ самымъ отецъ какъ бы указывалъ ему удѣлъ, когда дѣло на этомъ и останавливалось, но формальное раздѣленіе не было еще основаніемъ сихъ дѣйствій.

Желаніе Новгородцевъ имѣть у себя собственнаго Князя кажется страннымъ, и тѣмъ болѣе не согласуется съ нашими понятіями, что оно сопровождается угрозою—самовольно выбрать для себя Князя, если Святославъ не удовлетворитъ ихъ требованію. Если мы вспомнимъ при семъ ту строптивость Новгородцевъ, съ какою они въ позднѣйшее время часто сопротивлялись власти Князей, то легко можемъ подумать, что они гордясь природною себѣ свободою, въ упоеніи самочувствія, въ самомъ дѣлѣ *грозили* Святославу самовольно избрать себѣ Князя въ случаѣ отказа. Шлецеръ говоритъ: (Ч. III. стр. 527): «къ чему это? Была ли то «одна только гордость и завистъ, чтобы и у «нихъ также былъ Князь? — Не ужели вспыльчивый Святославъ стерпѣлъ это отъ Новгород-«цевъ.»

Святославъ конечно не терпѣлъ дерзости; но онъ легко могъ уважить справедливое требованіе. Грубые завоеватели, обыкновенно, всего легче нисходятъ на желанія покоренныхъ ими народовъ относительно внутренняго управленія, коль скоро сіи желанія не противны ихъ чести и не помрачаютъ блеска ихъ владычества. Требованіе Новгородцевъ представляется справедливымъ. Съ того времени, какъ Олегъ перенесъ столицу Государства въ Кіевъ, они не имѣли собственныхъ Князей, но управлялись Посадниками, мужами знаменитыми изъ дружины Вели-

кокняжеской, которыхъ Князь, обыкновенно, отряжалъ для управленія отдаленными областями. Хотя сего не говоритъ Несторъ, но это разумѣется само собою. Отдаленными областями нельзя было управлять въ сіе время непосредственно изъ Столицы; онѣ требовали личнаго пребыванія Правителя на мѣстѣ. Посему Князь вмѣсто себя посылалъ туда Посадника или, что тоже, Намѣстника. Гдѣ только ни говорится о управленіи такихъ областей, вездѣ являются подобные сановники. Такъ мы ниже увидимъ, что когда Владиміръ убѣжалъ изъ Новгорода, Ярополкъ назначилъ туда Посадниковъ. И въ позднѣйшія времена, когда древній составъ Новгородскаго правленія уже совершенно измѣнился, Посадникъ былъ въ Новгородѣ высшимъ правительственнымъ лицемъ послѣ Князя; но въ древнія времена онъ служилъ важнѣйшимъ орудіемъ управленія. Естественно, Князь избиралъ въ сіе достоинство только такихъ мужей, на которыхъ онъ особенно могъ положиться, и которые стояли къ нему всѣхъ ближе по родствѣ, дружбѣ, или находясь въ его дружинѣ (29). Мы не знаемъ точно, въ чемъ заключались права и обязанности сихъ Намѣстниковъ. Безъ сомнѣнія, они имѣли извѣстное участіе въ доходахъ, получавшихся съ управляемой ими области, при чемъ они, конечно, не забывали умножать казну свою, злоупотребляя своею властію. Чѣмъ больше лицъ могли они

содержать, тѣмъ многочисленнѣе была ихъ дружина, тѣмъ важнѣе представлялись они сами. Добровольные дары, охотно приносимые всякимъ искателемъ, обыкновенные *поклоны*, получаемые ими при объѣздахъ по должности и т. п. пролагали обширный путь къ лихоимству. Обыкновенный Посадникъ могъ быть смѣненъ, или отозванъ. Неизвѣстность продолженія его власти имѣла вліяніе и на отношенія подчиненной ему области. Народъ видѣлъ себя въ невѣрномъ положеніи, находясь подъ властію такого сановника, который всегда могъ быть смѣненъ, и можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ былъ часто смѣняемъ. Княжеское достоинство не представляло подобныхъ невыгодъ. Какъ членъ владѣтельнаго рода, Князь чрезъ то самое принадлежалъ къ сильнѣйшимъ и знаменитѣйшимъ лицамъ въ Государствѣ, слѣдовательно ему не было нужды собирать богатства, дабы тѣмъ себя возвысить. Близкое родство съ владѣтельнымъ домомъ обезпечивало его тѣмъ болѣе, что родственныя отношенія въ сіи времена наблюдались весьма строго, и безъ опасности не могли быть нарушены. Посему Князь не очень могъ опасаться того, что у него отнимутъ правленіе, а если ему ввѣрялась въ управленіе какая нибудь значительная область, то и самъ онъ не могъ желать перемѣны ея на другую. Отсюда открывается не только возможность, но и значительная важность выгоды,

какую опытные Новгородцы находили, требуя отъ Святослава, чтобъ онъ далъ имъ, вмѣсто обыкновеннаго Посадника, Князя,—и требованіе ихъ было справедливо. Новгородъ былъ первымъ мѣстопребываніемъ владѣтельной фамиліи, значительнымъ городомъ въ то время, какъ Кіевъ, новоизбранная Столица, принадлежалъ еще иноплеменному народу. Древность служила тогда преимуществомъ и для городовъ. Но и послѣ того Новгородъ постоянно оставался важнымъ, будучи путемъ сообщенія съ воинственными Скандинавами, а можетъ быть, уже и съ промышленными Нѣмцами.

Требуя себѣ Князя, граждане Новгородскіе ни мало не разумѣли притомъ Государя независимаго. Въ Россіи находилось много Князей; но всѣ они были подчинены Великому Князю. Если Новгородцы требовали себѣ у Святослава одного изъ сыновей, то требовали только Правителя, находящагося въ такой же зависимости отъ его власти, въ какой состоялъ и простый Посадникъ, и если они прибавляли, что въ противномъ случаѣ они сами изберутъ себѣ Князя, то это не была какая нибудь угроза, а только простая просьба, чтобы, если Святославъ не хочетъ самъ дать имъ Князя, позволено имъ было избрать кого нибудь изъ находящихся въ Россіи Князей, который бы согласился управлять Новгородомъ въ качествѣ Посадника или Намѣстника. Для Великаго Князя въ существѣ

вещи могло быть это совершенно равно, если только онъ получалъ надлежащую часть доходовъ, и выбранный въ Посадники принадлежалъ къ его дружинѣ (29); что впрочемъ разумѣлось само собою; потому что Новгородъ составлялъ часть его Державы. Мысль объ угрозѣ, или о какой бы то ни было непочтительной выходкѣ Новгородцевъ столь мало здѣсь умѣстна, что Несторъ напротивъ ясно говоритъ, что они пришли *просяще Князя собѣ.* Добрыня совѣтуетъ имъ *просить* Владиміра; они говорятъ Святославу: *дай ны Володимера, онъ же рече, отовы есть* (вотъ онъ вамъ!). Все это ясно означаетъ просьбу, и нѣтъ ни малѣйшаго слѣда дерзости, угрозы или своеволія.

(27) *Влѣто* 6477 [959] *рече Святославъ матери своей и Болромъ своимъ: не любо ми есть в Кіевѣ быти; хочю жити въ Переяславци на Дунаи* [Нест. сл. Шлец. Ч. III. стр. 518].

(28) О Ярополкѣ и Олегѣ говорится, что отецъ *посади ихъ*, а Намѣстники называются *посадниками.* По что и сынъ Великаго Князя въ семъ случаѣ обязанъ былъ давать дань отцу на равнѣ съ сановниками, которые, не имѣя Княжескаго сана, получали впрочемъ область въ управленіе,—въ этомъ нельзя сомнѣваться, читая извѣстіе Лѣтописи о томъ, какъ Ярославъ отрекся платить отцу своему Владиміру 3000 гривенъ, которыя Новгородскій Посадникъ обязанъ былъ давать Великому Князю [*а тако даяху посадницы Новъгородьстии, а Ярославъ сего не даяше отцю своему*]. *Лѣтопись Несторова по др. списку Мниха Лаврентія стр.* 92.

(29) Сіи различныя имена первоначально означаютъ одно и тоже. Родственники были естественные друзья; они же сперва составляли исключительно и дружину; послѣ приближеннѣйшую или по крайней мѣрѣ важнѣйшую часть оной, хотя она уже значительно умножилась друзьями. По другъ во многихъ язы

какъ, согласно древнѣйшему знаменованію сего слова, означаетъ родственника, какъ на пр. греческое ἐπιτιοδετής.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

КНЯЖЕНІЕ ЯРОПОЛКА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Различіе между Великокняжескою и просто Княжескою властію.

Несторъ не говоритъ во многихъ словахъ того, чтобы Ярополкъ наслѣдовалъ послѣ отца своего Княженіе. Это разумѣлось само собою, потому что Ярополкъ былъ старшій сынъ Святослава. Но непосредственно за повѣствованіемъ о смерти Великаго Князя слѣдуютъ слова: *Влѣто* 6477 (973) *нача княжити Ярополкъ въ Кіевѣ* (Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 629). Симъ довольно ясно выражено, что Лѣтописецъ считалъ его Княземъ Русскимъ, и только его одного, а никого болѣе.

Олегъ оставался въ землѣ Древлянской, Владиміръ въ Новгородѣ, безъ всякаго новаго назначенія или утвержденія. Они были не простые Посадники, но братья Великаго Князя; отецъ далъ имъ передъ своею смертію помя-

нутые Удѣлы; но что дано было отцемъ, того сынъ не могъ отнять у своихъ братьевъ, не нарушивъ обыкновенія и справедливости. Впрочемъ верховная власть надъ цѣлымъ Государствомъ необходимо принадлежала сему старшему сыну, потому что онъ былъ наслѣдникомъ Великокняжескаго престола послѣ отца, какъ объ этомъ кратко говоритъ Несторъ; *нача княжити.* Сіи простыя слова достаточно объясняютъ для насъ отношеніе, существовавшее тогда между братьями, если только мы въ точности ограничимся ихъ смысломъ, не примѣшивая представленій, свойственныхъ нашему времени, но чуждыхъ тому вѣку.

Правда, тотъ же самый Лѣтописецъ говоритъ послѣ: *слышавше Володимеръ въ Новъгородѣ, яко Ярополкъ уби Олга, и убоявся бежа за море. И Ярополкъ посади свои посадники въ Новъгородѣ, и владѣя единъ въ Руси* (Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 640). Но есть различіе между Славянскими глаголами: *княжитъ* и *владѣтъ.* Кто получалъ удѣлъ по назначенію отца, по наслѣдству или по согласію съ другими, тотъ имѣлъ *власть* (¹) и о такомъ можно было сказать, что онъ *властвовалъ* въ удѣлѣ, *владѣлъ* имъ, откуда послѣ и произошло значеніе слова: владѣніе. Но кто такимъ образомъ *властвовалъ* въ удѣлѣ, о томъ нельзя еще было сказать, чтобы онъ *княжилъ.* Правда, *Князей* было много; но то было одно про-

стое титло. Кто происходилъ по роду отъ владѣтельныхъ Князей, тотъ принадлежалъ къ Княжеской фамиліи, и потому получалъ титло Князя, хотя самъ и не имѣлъ княженія. Объ Рюрикѣ говорится: *княжащу же въ Новѣгородѣ*: объ Олегѣ: *Рюрикъ предастъ Княженіе свое Олгови*; объ Игорѣ, по кончинѣ Олега: *начатъ княжити*; тоже и объ Ярополкѣ. Святославъ называется только просто *Князь*, потому, вѣроятно, что хотя онъ былъ наслѣдникомъ Игоря (какъ единственный его сынъ), но по своему малолѣтству, онъ не могъ тотчасъ по смерти отца дѣйствительно *княжить*. Впрочемъ Княжеская власть и не перешла на другое лице (какъ прежде на Олега); такимъ образомъ Лѣтопису и нельзя было никого представить въ качествѣ лица дѣйствительно *Княжащаго*. О Рюрикѣ говорится, что онъ по смерти братьевъ своихъ *прія власть* ихъ и *нача владѣти единъ*. Съ сего времени не встрѣчается ни одного примѣра назначенія особыхъ областей членамъ Владѣтельнаго Дома, до самаго Ярополка. О семъ Князѣ опять говорится, что онъ по смерти брата своего Олега *приня власть его*, а послѣ Владимірова бѣгства изъ Новгорода, *бѣ володѣя единъ въ Руси*.

Такимъ образомъ и одно словоупотребленіе, такъ вѣрно наблюдаемое Лѣтописцемъ, доказываетъ существованіе различія между *княженіемъ* и *властію*, между словами: *княжить* и *вла-*

дѣть. Первое (княженіе и княжить) даже до нашихъ временъ всегда означало *власть, господство*, въ собственномъ смыслѣ; а послѣднее (власть и владѣть) стало означать подчиненную незначительную *власть*, и даже иногда простое *обладаніе, одержаніе* (²).

(1) Отъ сего въ послѣдствіи произошло выраженіе *волость*, для означенія округа, имѣющаго свое собственное управленіе' въ какомъ смыслѣ еще и нынѣ у Лифляндскихъ Нѣмцовъ употребляется слово Gebiet.

(2) Wladyka, отъ wladu называется въ Богеміи дворянинъ, *владѣющій помѣстьемъ*, но по состоянію занимающій мѣсто ниже такъ называемыхъ Земскихъ Чиновъ [Landherre] или Имперскихъ Бароновъ, Pani. Сіи Pani составляютъ тамъ первый разрядъ земскихъ состояній, а Wladyki вторый. [Wiener] Jahrbücher der Literatur, XXVII, 107.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Братняя месть.

Влѣто 6483 (947), *ловы дѣлающи Свенальдичю, именемъ Лютъ: шедъ бо изъ Кіева, гна по звѣри влѣсе. И узре Олегъ, и рече: кто се есть: и рѣша ему: Свенельдичъ. И заехавъ и уби; бѣ бо ловы дѣя Олегъ. О томъ бысть межи има ненависть и ярость Ярополку на Олега: и молвяше всегда Ярополку Свенальдъ: поиди на братъ свой, пріими волость его, хотя отмстити сыну своему* (Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 631 и сл.).

Ярополкъ, по внушенію любимца своего, возсталъ на брата и долженъ былъ жестоко потерпѣть за это. Одна ли токмо слабость характера, поставлявшая его въ зависимости отъ злыхъ совѣтниковъ, или любостяжательность (т. е. желаніе присвоить область брата) подвигнули его къ сему дѣлу?

Безъ сомнѣнія, къ этому было нѣсколько поводовъ, и вина не можетъ падать исключительно на одну которую нибудь сторону; но зачинщикомъ сей несчастной вражды безспорно былъ Олегъ, убійца Свѣнельдова сына ([3]). Примѣры такого обнаруженія грубыхъ страстей (неизвѣстно, чѣмъ возбужденныхъ въ настоящемъ случаѣ) не рѣдки въ сіи времена; но за то почти никогда и не остаются безъ несчастныхъ послѣдствій. Въ пылу гнѣва грубый человѣкъ не смотритъ на то, какую тяжкую вину онъ навлекаетъ на себя пролитіемъ крови; мысль о послѣдствіяхъ преступленія является ему уже при спокойномъ состояніи духа. Обычай и законъ обуздываютъ его очень мало, Религія ни сколько. Убійство, строго наказуемое нынѣ закономъ, тогда караемо было частною местію родственниковъ, которая, какъ извѣстно изъ многихъ примѣровъ древней исторіи, не щадила и самихъ Князей; только въ семъ послѣднемъ случаѣ не легко было привесть ее въ дѣйствіе; ибо Князья по всюду были защищаемы своею дружиною.

Свѣнельдовъ сынъ былъ не простой поддан-

ный. Самъ старецъ Свѣнельдъ былъ стариннымъ слугою владѣтельнаго рода, былъ Воеводою еще при Игорѣ и Святославѣ и, весьма вѣроятно, ближнимъ родственникомъ Великаго Князя; ибо такимъ только лицамъ давались важнѣйшія мѣста при Князѣ и въ непосредственной отъ него зависимости: довольно причинъ, чтобы съ одной стороны удержать Олега отъ злодѣянія, а съ другой, заставить Ярополка вступиться за своего стараго слугу. Своему единоплеменнику, сроднику, старому вождю великокняжескихъ войскъ, Свѣнельду Ярополкъ не могъ отказать въ удовлетвореніи, котораго Свѣнельдъ требовалъ за убійство. Конечно опрометчивый поступокъ Олеговъ былъ достоинъ сожалѣнія; но оставить его безъ наказанія значило бы подать весьма опасный примѣръ. Тогда всякому бы изъ дружины Ярополковой надлежало опасаться судьбы постигшей сына Свѣнельдова; а сіе опасеніе, естественно, отвратило бы отъ Князя сердца дружины.

Краткое повѣствованіе Нестора заключаетъ въ себѣ слѣдующія свѣдѣнія, которыя не требовали никакого дальнѣйшаго раскрытія, выражая собою именно то, чего всякой, по свойству отношеній, существовавшихъ въ сіе время, естественно, долженъ былъ ожидать: «Олегъ умертвилъ Свѣнельдова сына, встрѣтясь съ нимъ на ловлѣ; это породило между братьями неудовольствіе и ненависть; Свѣнельдъ требовалъ удов-

лотворенія за кровь сына своего, и Ярополкъ, не могшій отказать въ этомъ Свѣнельду, пошелъ войною на брата.»

Можно бы думать, что для наказанія Олега довольно было отнять у него область, да и самъ Свѣнельдъ, судя по словамъ Лѣтописи, не желалъ болѣе; даже онъ не могъ и требовать отъ брата крови братней. Но случай далъ совсѣмъ другой оборотъ дѣлу. Олегъ былъ не только побѣжденъ, но и лишенъ жизни за тѣснотою во время бѣгства. Явно, что Ярополкъ не хотѣлъ сего; онъ съ горестію укоряетъ въ томъ Свѣнельда (4). Теперь пала вина братоубійства на него самаго. И изъ сего несчастнаго случая возникъ цѣлой рядъ ужаснѣйшихъ злодѣйствъ. Владиміръ, какъ мы видѣли выше (стр. 108) услышавъ о несчастной кончинѣ Олега, убоялся Ярополка и бѣжалъ изъ Новгорода. Но что значила сія боязнь? Не ужели это былъ страхъ произведенный, Ярополковымъ властолюбіемъ?

Съ перваго взгляда всякой тотчасъ готовъ отвѣчать на сей вопросъ утвердительно; и въ наши времена едва ли можно найти другое объясненіе дѣлу при такихъ обстоятельствахъ. Но Россія того времени, подобно всякой другой только еще раждающейся Державѣ, представляетъ совершенно отличный міръ въ разсужденіи внутренняго устройства, законности дѣйствій и нерѣдко самой политики. Лѣтописецъ, конечно,

не можетъ изображать намъ сего различія, потому что онъ знаетъ только свое время, а не наше; посему-то мы и не находимъ ни одной книги, въ которой бы нарочито были представлены сіи отличія; ихъ можно только собирать изъ частныхъ чертъ (5).

Если мы хотимъ судить правильно о древнихъ временахъ и, сколько возможно, имѣть предъ собою Древнюю Исторію, а не древнія событія въ новѣйшемъ покровѣ; то мы должны строго держаться словъ Лѣтописи и въ своихъ сужденіяхъ о дѣяніяхъ основываться не на понятіяхъ нашего вѣка, но на понятіяхъ того времени. Наша Лѣтопись ни слова не говоритъ о властолюбіи Ярополка. Нѣтъ ни малѣйшаго намека, чтобы онъ вооружился противъ Олега изъ побужденій властолюбивыхъ; напротивъ истинная причина сей брани изложена въ Лѣтописи ясными словами и самое происшествіе, откуда проистекала сія причина, обстоятельно разсказано: это были убіеніе Люта Олегомъ, и убѣжденія Свѣнельда. Противъ сихъ ясныхъ словъ нельзя приводить ничего посторонняго. Еще болѣе: Несторъ прямо говоритъ, что Ярополкъ, увидѣвъ трупъ брата своего, сталъ плакать надъ нимъ и укорять Свѣнельда. Такъ, кажется, не поступаетъ грубый честолюбецъ, достигнувъ своей цѣли. Лицемѣріе есть порокъ уже образованнѣйшихъ временъ, и Ярополкъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ лицемѣрію. Да и

внутренняя связь происшествія не позволяетъ тому вѣрить. Его поведеніе при смерти Олега совершенно соотвѣтствуетъ прочимъ обстоятельствамъ; онъ защищалъ не свое дѣло, а Свѣнельдово.

И такъ властолюбія Ярополкова Владиміръ не долженъ былъ страшиться; впрочемъ онъ уже не могъ болѣе довѣрять своему брату. Несчастное происшествіе совершенно расторгло между ними братскія отношенія. Вина братоубійства оставалась безъ отмщенія, и сія вина лежала на Ярополкѣ. Ближайшій мститель былъ Владиміръ,—братъ. Слѣдовательно, Ярополкъ не могъ болѣе считать себя безопаснымъ по отношенію къ нему. Чтобъ себя обезопасить, Ярополку надлежало предварить мстителя, умертвить его, или заточить, или обезоружить другимъ какимъ нибудь образомъ; а посему и Владиміру нельзя было также полагаться на Ярополка. Но Ярополкъ былъ сильнѣе; и такъ чтобъ быть въ состояніи противоборствовать ему, Владиміръ долженъ былъ искать чуждой помощи. Почему онъ и удалился,—впрочемъ не безъ надежды возвратиться послѣ съ сильнымъ вспоможеніемъ. Такъ и случилось:

Влѣто 6488 (980). *И пріиде, Володимеръ съ Варягы къ Новгороду, и рьче Посадникомъ Ярополчимъ: идите къ брату моему, и рцыте ему: Володимеръ идетъ на тя, пристраивайся противу. И пріиде Володимеръ Кіеву съ вои*

многыми. И не може Ярополкъ стати противу, и затворись въ Кіеве съ людми своими и съ Блудомъ . . . Володимеръ же посла къ Блуду Воеводѣ Ярополка съ лестію, глаголя: поприяй ми, аще убію брата своего, имѣти тя начну во отца мѣсто; и многу честь возмеши отъ мене; не азъ бо почахъ братію бити, но онъ, азъ бо того убояхся пріидохъ нань. И рече Блудъ къ посломъ Володимеремъ: азъ буду тобѣ въ сердци и въ пріязнство (Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 643 и 658.).

Ярополкъ, можно бы подумать, потому затворился въ Кіевѣ, что Владиміръ или по быстротѣ своихъ движеній, или по силѣ своего войска засталъ его не готовымъ къ отпору. Но странно то, что онъ такъ легко склонился на убѣжденія измѣнника Блуда, совѣтовавшаго ему оставить крѣпкую столицу. Такъ повѣствуетъ о семъ Несторъ: *рече Блудъ Ярополку: Кіяне шлются къ Володимиру, глаголюще: приступай ко граду, яко предамы ти Ярополка; побѣгни изъ града. И послуша его Ярополкъ, и избѣгъ, и затворися въ градѣ Роднѣ на усть Рси* (Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 661). Развѣ не дѣйствовала ли здѣсь между прочимъ, неспокойная совѣсть и увѣренность въ правотѣ Владимірова дѣла (по понятіямъ того времени)? Иначе трудно объяснить, отъ чего такъ легко Воевода Ярополковъ склонился на сторону Владиміра и, отъ чего такъ

скоро Ярополкъ убѣдился въ дѣйствительности мнимаго противъ него замысла Кіевлянъ.

Но еще замѣчательнѣе то, что Владиміръ, стараясь привлечь на свою сторону Ярополкова Воеводу, открыто объявляетъ о своемъ намѣреніи, умертвить Ярополка, и присоединяетъ къ этому ту причину, что онъ первый началъ братоубійства, чрезъ то поставилъ его самаго (Владиміра) въ опасности, и слѣдовательно принудилъ взяться за оружіе.

Сіи слова Владиміра, приводимыя Лѣтописцемъ, вполнѣ согласуются съ нашимъ предложеннымъ выше разсужденіемъ. Не властолюбіе,—Владиміръ самъ не ставитъ этого въ упрекъ Ярополку,—но смерть Олега была причиною кровопролитнаго раздора внутри Владѣтельной фамиліи, который кончился только смертію Ярополка, убитаго по повелѣнію Владиміра, въ родительскомъ теремѣ, куда онъ добровольно представился какъ плѣнный. Онъ палъ, какъ жертва частнаго мщенія, которое для родственниковъ было тогда священною обязанностію. Это было со стороны Ярополка неосторожностію, что онъ, зная всю тяжесть лежащей на немъ вины, самовольно предался въ руки своего брата, хотя послѣ того, какъ онъ всѣми почти былъ оставленъ, ему кромѣ сего оставалось одно только средство ко спасенію, бѣжать изъ своей земли (средство, къ которому обыкновенно прибѣгали въ сіе время убійцы).

Такимъ образомъ, если Владиміръ умертвилъ своего брата, то сего нельзя назвать коварнымъ убійствомъ въ нашемъ смыслѣ сего слова; это было одно отмщеніе за пролитую кровь Олега. Если надлежитъ сожалѣть, что Владиміръ, язычникъ, не могъ при семъ случаѣ возвыситься надъ понятіями своего времени, то, по крайней мѣрѣ, мы должны судить о немъ сообразно симъ понятіямъ.

(3) Но гдѣ случилось убійство? Въ Олеговой ли, или Древлянской области? Онѣ граничили между собою. Несторъ ясно говоритъ, что Свѣнельдовъ сынъ изъ Кіева поѣхалъ на охоту. Посему надобно думать, что убійство совершилось близъ Кіева. Но мнѣ кажется гораздо вѣроятнѣе то, что Олегъ былъ на охотѣ гдѣ нибудь въ Великомъ Княженіи [какъ Князю и брату, ему очень могло быть это позволено], нежели то, чтобы мужъ Великокняжеской дружины осмѣлился своевольно заѣхать въ Олегову область. Въ последнемъ случаѣ Лѣтописецъ вѣрно не опустилъ бы безъ вниманія сего важнаго обстоятельства. А можетъ быть, какъ думаетъ Шлецеръ [Нест. Ч. III. стр. 632], встрѣтились они въ такомъ лѣсу, который не принадлежалъ ни къ какой именно области.

(4) *И вшедъ Ярополкъ въ градъ Олговъ, перея власть его. И посла искати брата своего, и искавше не обрѣтоша. И рече одинъ Древлянинъ: азъ видѣхъ вчера, яко спихнуша съ мосту. И посла Ярополкъ искать брата; и влачиша трупіи изъ гробни отъ утра до полудни. Налезоша и исподи Олга подъ трупіемъ, вынесоша и положиша на ковръ. И пріиде Ярополкъ надъ онь и плакася, и рече Свеналду: вижь сего ты еси хотѣлъ!* [Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 635].

(5) Несторъ иногда описываетъ древніе извѣстные ему обычаи, если обычаи его времени начали уже значительно уклоняться отъ нихъ, и такимъ образомъ заставляетъ насъ заключать, что между нашими и тѣми временами существуетъ большое разстояніе даже и по отношенію къ такимъ предметамъ, кои не описаны въ Лѣтописяхъ. Такъ мы находимъ у него изобра-

женіе Героя Святослава: *Бѣ самъ храборъ. И легкó ходя áкй пардусъ, войны многы творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котла, ни мясъ варя, но по тонку изрѣзавъ конину или звѣрину или говядину нá углехъ испекъ ядяше. Ни шатра имьяше, но подкладъ постилаше и седло въ головахъ.* [Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 477]. И о такихъ временахъ можно ли правильно судить по маштабу нашей нравственности и нашего Права?

ОТДѢЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

КНЯЖЕНІЕ ВЛАДИМІРА.

(980—988).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Бракъ и многоженство.

Несторъ, какъ Христіанскій Лѣтописатель ничѣмъ столько не оскорблялся, какъ неномѣрнымъ любострастіемъ, коему предавался Владиміръ въ состояніи язычества. Въ слѣдующихъ словахъ Лѣтописецъ съ негодованіемъ изображаетъ любострастіе Владиміра:

... *Бѣже Володимеръ побѣженъ похотью женьскою, и быша ему вѣдимыя, Рогнѣдь юже посади на Лыбеди, идеже есть нынѣ селище Передъславино, отъ нея же родися Д. сыны, Изяслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода,*

и двѣ дщери: отъ Грекинѣ Святополка; отъ Чехыни Вышеслава; а отъ другія Святослава и Мстислава; а о отъ Болгарынѣ Бориса и Глѣба. И наложиць бѣ у него Т. въ Вышегородѣ, а въ Бѣлѣгородѣ Т. а на Берестовѣ селище С. еже зовутъ нынѣ Берестовое селище. И бѣ несытъ блуда, и приводи пакы ктому мужескіа жены, и дивица растляя. (Новгородскій Лѣтописецъ въ *Продолженіе древней Россійской Вивліоѳики II. стр. 277).*

Такимъ образомъ у Руссовъ, подобно какъ и у всѣхъ почти языческихъ народовъ, доколѣ они находились еще на первой степени нравственнаго образованія, позволено было многоженство. Въ семъ состояніи гражданскаго общества жена считается только рабою, или, много что, служительницею мужа. Мужъ властенъ имѣть нѣсколько такихъ служительницъ, и только нѣкоторые обряды отличаютъ ихъ отъ наложницъ, которыя, не будучи привязаны къ нему прочимъ союзомъ, служили единственно къ удовлетворенію минутнаго вожделѣнія.

Неизвѣстно, какіе обряды употреблялись у древнихъ Руссовъ при вступленіи въ бракъ. Вѣроятно, они состояли въ торжественномъ *приведеніи* невѣсты. По крайней мѣрѣ, такъ можно догадываться, основываясь на постоянномъ употребленіи сего выраженія. Объ Игорѣ говорится, что Олегъ *привелъ* ему жену; о

Ярополкѣ, что отецъ *привелъ* ему Гречанку, бывшую прежде Монахинею, и выдалъ за него по причинѣ необыкновенной ея красоты. Наконецъ Владиміровы жены, въ противоположность его *наложницамъ*, означаются краткимъ выраженіемъ: *водимыя ему*. Сіе постоянное словоупотребленіе во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только говорится о дѣйствительныхъ женахъ, доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что до введенія Христіанства, однимъ изъ важнѣйшихъ обрядовъ при заключеніи брака было торжественное приведеніе невѣсты. Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 636 и сл.

Но сколько ни былъ преданъ Владиміръ любострастію, впрочемъ никакъ нельзя думать, чтобы онъ первый изъ Князей Русскихъ подалъ примѣръ многоженства. Исторія Ярополка свидѣтельствуетъ противное сему. Будучи женатъ уже на Гречанкѣ, онъ однакожъ сватался еще къ дочери Полоцкаго Князя, Рогнѣдѣ, и безъ сомнѣнія, получилъ бы ее себѣ въ супруги, если бы Владиміръ не предвосхитилъ ее (¹).

Святославъ, кажется, имѣлъ также двухъ женъ. Отъ одной (происхожденіе которой и имя намъ неизвѣстны) были Ярополкъ и Олегъ, отъ другой (Малуши) Владиміръ. Невѣроятно, чтобы послѣдняя была только наложницею, а не дѣйствительною женою, хотя она въ Лѣтописи Нестора и называется ключницею Великой Княгини Ольги. Исторія называетъ по име-

ни отца ея, а брату ея даетъ важную роль между Новгородцами прежде, нежели еще Владиміръ сдѣлался у нихъ Княземъ. Это свидѣтельствуетъ о ея благородномъ происхожденіи, которое у грубыхъ народовъ почиталось гораздо менѣе совмѣстнымъ съ уничижительнымъ состояніемъ Княжеской наложницы, нежели въ утонченныя времена. Будучи побочнымъ сыномъ, Владиміръ если бы и нашелъ пріемъ у Новгородцевъ, то однако едвали бы могъ въ послѣдствіи найти такое сильное подкрѣпленіе противъ Ярополка у Варяговъ за моремъ и у самыхъ Руссовъ. Если бы на рожденіи его лежало пятно безчестія, то и по убіеніи Ярополка, онъ не могъ бы тотчасъ дѣйствовать какъ ограниченный Государь, и поступить такъ неуважительно съ Варягами.

Между тѣмъ вѣроятно, что одна изъ Княжескихъ женъ была главною, какъ мы находимъ это и у многихъ другихъ народовъ по большой части; первенство имѣла жена, прежде взятая ([2]). Первою супругою Игоря, если только онъ имѣлъ многихъ, безспорно была Ольга. Исторія только и упоминаетъ объ ея имени. Равно первою супругою Святослава была безъ сомнѣнія, мать Ярополка и Олега. По крайней мѣрѣ, можно такъ догадываться изъ того, что симъ двумъ сыновьямъ онъ предоставилъ на волю, хотятъ ли они итти къ Новгородцамъ

или нѣтъ, а Владиміра, напротивъ, самъ тотчасъ даетъ имъ. См. выше стр. 106.

(1) Слич. слѣдующую вторую Главу.

(2) Такъ Моисеево Право различаетъ *главныхъ* и *простыхъ женъ*, хотя не рѣдко тѣ и другіе смѣшиваются. «По отношенію къ дѣтямъ это раздѣленіе женъ на первостепенныхъ и «второстепенныхъ не образуетъ никакого различія: дѣти отъ тѣхъ «и другихъ считаются равно законными, пользуются одинако«выми правами наслѣдованія.» Das Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwickelung von E. Gans. [Berlin, 1824.] I, 131.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отклоненіе мести.

Отношеніе Владиміра къ своимъ женамъ представляетъ намъ двѣ замѣчательныя черты въ разсужденіи отклоненія мести. Несторъ повѣствуетъ:

1. *Посла* (Владиміръ) *къ Рогволоду глаголя: хощу пояти дщерь твою собѣ женою. Онже рече дщери своей: хощеши ли за Володимера? Онаже рече: не хощу розути робинича, но Ярополка хочю. Бѣ бо Рогволодъ пришелъ изъ заморія, имяше власть свою Полтескъ; а Туры въ Турове, отъ негоже и Туровци прозвашась. И пріидоша Отроци Володиміри поведаша ему всю рѣчь Рогнѣдину, дщери Рогволожть Полоцкаго Князя. Володимеръ же собра вои многы, Варягы и Словены и Чюдь и Кривичи; и поиде на Рогволода. Въ сеже время*

хотяху Рогнѣдѣ вести за Ярополка. И пріиде Володимеръ на Полтескъ и уби Рогволода, и сына его два: а дщерь его Рогнѣдъ поя за себя (Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 639).

Продолжатель Несторовой Лѣтописи, который говоря о происшествіяхъ 1128 года, повторяетъ тоже самое довольно сходно,—прибавляетъ: *поя же* (Володиміръ) *паки и ины жены многи, и нача* (Рогнѣда) *негодовати. Нѣколи ему пришедшу къ ней и успувшу, хотѣ зарѣзати ножемъ, и ключися ему убудитись, и я ю за руку. Она же сожалився рече: «Зане отца моего у-«билъ еси, и землю его полонилъ мене дѣля, и «се нынѣ не любиши мене со младенцомъ симъ.» И повелѣ ей устроитись во всю утварь Царскую, яко же въ день посяга ея, и сѣсти на постелѣ свѣтлѣ въ храминѣ, да пришедъ потнкнетъ* (заколетъ) *ю. Онажъ тако сотвори, и давши мечь сынови Изяславу въ руку нагъ, рече: «Яко внидетъ ти отецъ, рцы выступя: Отче, «еда единъ жити хощеши, или безсмертенъ «мнишися; пріими мечь сей, вонзи прежде во «утробу мою, да не вижу азъ смерти матери «моея.» Володимеръ же рече: «А кто тя мнилъ «здѣ,» и повергъ мечь свой. И созва бояры и повѣда имъ; они же рекоша: «Уже не уби ея «дитяти дѣля сего, но воздвигни отчину ея, «и дай ей со сыномъ своимъ.» Володимиръ же устрои городъ и да има; и нарече имя граду*

тому Изяславъ. Лѣтопись Несторова по Кенигсбергскому списку, стр. 185, 186.

Истинное ли это сказаніе, или вымышленное (одна народная сказка), всё равно; во всякомъ случаѣ оно носитъ на себѣ печать истиннаго происшествія того времени, къ коему принадлежитъ. Только внѣшняя оболочка разсказа сдѣлана, кажется, сообразно особеннымъ понятіямъ позднѣйшаго повѣствователя—Христіанина. Ревность, которая, по его сказанію, играла при семъ главную роль, дѣлается господствующею страстію женскаго пола только тогда, когда единоженство становится обычаемъ или закономъ, что и было у всѣхъ народовъ слѣдствіемъ введенія Христіанской Религіи; но гдѣ нѣсколько женъ раздѣляютъ любовь одного мужа, тамъ ревность еще не имѣетъ такой силы, по коей бы она могла сдѣлаться причиною отвратительныхъ преступленій. Рогнѣда была воспитана въ языческихъ обычаяхъ, слѣдовательно уже привыкла къ нимъ; еще и прежде она хотѣла выйти за Ярополка, не смотря на то, что онъ имѣлъ уже одну жену, которую привелъ ему отецъ. Слѣдовательно ревность не могла быть настоящимъ побужденіемъ, заставившимъ Рогнѣду покуситься на жизнь своего супруга,—замыслъ, во всякомъ случаѣ оскорбляющій природу. Неизвѣстно, всѣхъ ли шестерыхъ дѣтей, прижитыхъ съ нею Владиміромъ, она имѣла уже въ то время или только одного юнаго Изяслава, а другихъ

родила послѣ; по крайней мѣрѣ Исторія говоритъ опредѣленно, что она была матерію такого именно числа дѣтей, и сіе обстоятельство могло бы сдѣлать достовѣрность помянутаго разсказа очень подозрительною, если бы не существовало другой важнѣйшей причины, побудившей дерзновенную Рогнѣду на это дѣяніе. Но мы не находимъ никакой другой причины, кромѣ обязанности мщенія. Не удивительно, что монахъ—повѣствователь, слѣчайно или намѣренно, поставилъ сію причину въ тѣни. Владиміръ умертвилъ отца, и братьевъ Рогнѣды; семейство ея было имъ совершенно истреблено, родъ ея лишенъ Княжеской власти. Всѣ сіи обстоятельства должны были усилить въ ней до высочайшей степени влеченіе къ мести, бывшее и безъ того уже сильнымъ. Хотя на Рогнѣдѣ, какъ женщинѣ, не лежало обязанности мщенія, за то совершеніе такого подвига, особенно, когда не было уже ни одного близкаго родственника, который бы могъ предпринять его, тѣмъ болѣе доставляло женщинѣ славы. Это объясняется примѣромъ Ольги. И Рогнѣда была женщина высокаго, смѣлаго духа, какъ то доказываетъ гордый отказъ ея Владиміру; вѣрно и между народомъ она была почитаема неустрашимою Героинею; иначе Исторія сего рода едвали бы могла такъ долго сохраниться въ преданіи народномъ. Къ сему могло присоединиться еще то, что Владиміръ пренебрегалъ ею болѣе, не-

жели сколько прилично было даже по понятіямъ того времени, и что она, будучи отраслію древняго Княжескаго рода, сильно оскорблялась симъ невниманіемъ; наконецъ могло статься и то, что видя въ сынѣ плѣнницы (Святополкѣ) будущаго Государя, наслѣдника Великокняжескаго престола, для своего собственнаго сына она не получила еще никакого опредѣленнаго участка. Однакожъ замыслъ ея не имѣлъ успѣха, и Владиміръ въ пылу раздраженной страсти хотѣлъ было умертвить ее. Но присутствіе и слова юнаго сына, наученнаго ею съ прозорливымъ благоразуміемъ, спасли ее въ роковую минуту. Дѣтскій голосъ его, кажется, имѣлъ болѣе дѣйствія, нежели сколько можно было ожидать, судя по понятіямъ того времени, отъ характера раздраженнаго отца и неограниченнаго Государя. Чѣмъ объяснить это? Безъ сомнѣнія только тѣмъ, что Владиміръ вспомнилъ при семъ, какъ кровь матери, пролитая въ присутствіи сына, потребовала бы для себя отмщенія, и черезъ то нѣкоторымъ образомъ вся обязанность мести за истребленіе ея семейства въ томъ случаѣ, когда бы Рогнѣда, въ слѣдствіе безуспѣшнаго покушенія на произведеніе оной, потеряла сама свою жизнь, перешла бы по наслѣдству на Изяслава. Симъ только можно объяснить, какимъ образомъ одно присутствіе юнаго сына, котораго легко можно было удалить, обезоружило грубаго, до чрезвы-

чайности раздраженнаго Героя и остановило руку его, поднятую для наказанія злодѣйственнаго умысла; симъ только объясняется и милостивый приговоръ дружины, хотя она весьма была предана своему Князю. Въ такія времена вѣрно немного бы оказали снисхожденія къ женѣ, которая изъ одной ревности хотѣла умертвить спящаго супруга. Вмѣстѣ съ неудачнымъ покушеніемъ, которое такъ великодушно простилъ Владиміръ (самая жизнь была уже его даромъ), прекращалась для Рогнѣды и вся обязанность къ дальнѣйшему продолженію мести, и не переходила уже на дѣтей ея. Сіето разсужденіе, можетъ быть, заставило бояръ произнесть такой милостивый приговоръ. Мщеніе было предотвращено.

2. *Володимиръ же заляже жену братню Грекиню, и бѣ непраздна; отъ нея же родися Святополкъ; отъ грѣховнаго бо корене плодъ золъ бываетъ. Понеже бѣ мати его была черницею, а второе Володимиръ залеже ю не по браку; прелюбодѣичичь бысть убо: тѣмъ ни отецъ его не любяше.* Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 671.

Сіе небольшое мѣсто изъ нашей Лѣтописи также носитъ на себѣ печать монашескаго повѣствованія, которое не ограничивается простымъ разсказомъ происшествій, но излагая ихъ по собственнымъ понятіямъ, примѣшиваетъ къ тому благочестивыя размышленія, и осуждаетъ

все языческое, не изслѣдывая его начала. Многобрачный союзъ, плодомъ коего былъ Святополкъ, не могъ служить ему укоризною; сія черта принадлежала ему наровнѣ съ другими братьями, изъ коихъ многіе были прижиты Владиміромъ въ такихъ же современныхъ бракахъ.

Однакожъ всего замѣчательнѣе то, что Святополкъ называется сыномъ двухъ отцовъ, и это поставляется причиною нерасположенія къ нему Владиміра. Между тѣмъ въ томъ же мѣстѣ Несторъ говоритъ, что Гречанка, супруга Ярополкова и мать Святополка, была уже беременна имъ въ то время, когда взялъ ее Владиміръ – изъ чего несомнѣнно явствуетъ, что Святополкъ былъ сынъ Ярополка, а не Владиміра; не смотря на это, послѣ сей же самый Святополкъ называется старшимъ сыномъ Владиміра ([5]). Какъ согласить сіи противорѣчія?

Не иначе, какъ предположивъ нѣкоторыя обстоятельства, о коихъ Лѣтописецъ умалчиваетъ. Какъ Инокъ Христіанинъ, онъ и не могъ допустить ихъ; но мы легко можемъ дополнить недостающее, основываясь на происшествіяхъ, намъ извѣстныхъ, и принимая притомъ въ соображеніе обычаи другихъ народовъ. Начало мести за пролитую кровь дѣйствовало теперь еще во всей силѣ; а слѣдовательно существовали и всѣ неразлучно съ нимъ сопряженныя послѣдствія. Владиміръ убилъ своего брата, Ярополка;

сынъ послѣдняго *долженъ былъ* мстить за него. Но къ счастію онъ не имѣлъ еще ни одного сына, а оставилъ только беременную супругу. Она могла родить сына, и въ немъ мстителя, меча коего Владиміръ долженъ былъ страшиться, и который могъ сдѣлаться для него тѣмъ опаснѣе, что будучи сыномъ старшаго, благороднѣйшаго сына Святославова, имѣлъ ближайшее право на престолъ. Вина отца была заглаждена его смертію, и сынъ по своему лицу имѣлъ полное право искать защиты у дружины своего дѣда и прадѣда. Дабы предотвратить сію опасность, Владиміръ прибѣгъ къ приличной мѣрѣ. Онъ вступилъ въ бракъ съ беременною невѣсткою. Послѣ чего, кого бы она ни родила, Владиміръ былъ безопасенъ. Ибо если бы она родила и сына, то сей послѣдній былъ бы только по зачатію сынъ Ярополковъ; напротивъ по рожденію въ бракѣ, признанію и воспитанію онъ былъ сыномъ Владиміра. Въ самомъ дѣлѣ, судя по нѣкоторымъ сходнымъ чертамъ въ исторіи нравовъ и права другихъ народовъ, можно думать, что въ древнія времена смотрѣли не столько на зачатіе, сколько на рожденіе въ бракѣ, и что совершенная законность дѣтей зависѣла единственно отъ сего послѣдняго обстоятельства (6). Безъ сомнѣнія, сіе происходило отъ того, что въ эти времена, когда отеческая власть господствовала въ полной силѣ, все дѣло состояло

въ томъ, признавалъ ли отецъ дѣтей своихъ, или нѣтъ; ибо если онъ не почиталъ дитя своимъ, то властенъ былъ его отвергнуть. Отселѣ-то и происходила въ древнихъ законахъ неизвѣстность семейственныхъ правъ, принадлежавшихъ дѣтямъ, рожденнымъ по смерти отца. Только при высшей степени образованности гражданскаго общества, послѣ того, какъ мало по малу стали принимать при семъ руководствующимъ началомъ фактъ и время зачатія, дѣти, рожденные по смерти отца, уравнены были во всѣхъ правахъ съ дѣтьми законными.

Когда Владиміръ, соединившись узами супружества со вдовою Ярополка, призналъ своимъ сыномъ и воспиталъ рожденнаго послѣ того сю Святополка, то отсюда образовался искусственный союзъ сыновнихъ и родительскихъ отношеній между имъ и опаснымъ племянникомъ. Святополкъ послѣ сего не могъ уже поднять руки на Владиміра; это было бы нѣкоторымъ образомъ отцеубійство. Но дѣти Владиміра чрезъ то еще не дѣлались безопасными со стороны Святополка; они происходили не отъ одной съ ними крови. Если бы Владиміръ покусился дать своимъ дѣтямъ перевѣсъ въ силѣ, раздѣляя Княженія между ими и Святополкомъ; то все еще (и не безъ причины, какъ свидѣтельствуетъ Исторія) могла смущать его мысль объ участи, грозившей имъ по смерти

его со стороны Святополка. Посему и очень можетъ быть справедливо то извѣстіе, что Владиміръ не любилъ сего послѣдняго, хотя и не по той причинѣ, какая приводится въ Лѣтописи. Но онъ никакъ не могъ исключить его отъ наслѣдства, если только не хотѣлъ обагрить себя своею кровію,—даже не могъ, по понятіямъ того времени, отнять у него право старшинства въ кругу владѣтельной фамиліи, право, которое принадлежало ему, какъ родному сыну Ярополка. Такимъ образомъ Владиміръ сдѣлалъ съ своей стороны все возможное для отвращенія мести, грозившей его дѣтямъ. Не его была вина, что всѣ его усилія остались безуспѣшными.

(3) Выраженіе, указывающее на древній обычай, по коему новобрачная должна была разувать своего мужа въ первую ночь. Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 641. Слич. Исторію Карамзина I, 442, прим. 421.

(4) *Отроци* или *отроки* называются часто лица изъ Княжеской дружины, и такъ какъ *отрокъ* значитъ мальчикъ, то можно бы кажется почесть ихъ тождественными съ Нѣмецкими Knappen. Не надобно ли припомнить здѣсь и Турецкихъ *Отураковъ*, которые по увольненіи отъ службы получаютъ пожизненный пенсіонъ? Сл. des osmanischen Reichs Staatsverfassung und Staatsverwaltung von J. von Hammer, II, 197, 221.

(5) Когда Борисъ Владиміровичь по смерти отца своего возвращался изъ похода противу Печенѣговъ, и знаменитѣйшіе мужи убѣждали его съ помощію войска взойти на престолъ, занятый уже Святополкомъ; то онъ отвѣтствовалъ: *небуди мнѣ того взяти руки набрата старѣйшаго. Аще отецъ мой умре, то сей ми буди въ отца мѣсто.* Новгородскій Лѣтописецъ, стр. 326.

(6) У народовъ, между коими господствуетъ начало мести,

убійца часто усыновляетъ себѣ малолѣтнаго сына убитаго, и— такъ строги ея обязанности—всѣми благодѣяніями своими едва обезпечиваетъ себя отъ мщенія. Этому научаетъ насъ обычай многихъ Кавказскихъ племенъ, между коими господствуетъ еще первобытное начало права. [См. выше стр. 62]. И собственно говоря, это не есть обычай того или другаго племени, но естественное слѣдствіе начала права.

ОТДѢЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ

ЗАКОНЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Составленіе и форма мирныхъ договоровъ Олега (911) и Игоря (945) съ Греками.

Когда знаменитый критикъ Шлецеръ въ первый разъ обратилъ свое вниманіе на обѣ сіи грамоты, которыя такъ ясно раскрываютъ предъ нами понятія древнихъ Руссовъ о правѣ, то онъ нашелъ ихъ въ высочайшей степени важными. Приступая къ разсмотрѣнію Олегова трактата, онъ говоритъ (Нест. Ч. II. стр. 693): «сей трактатъ, если мы признаемъ его подлинность, есть одна изъ величайшихъ достопримѣчательностей средняго вѣка, есть нѣчто единственное во всемъ историческомъ мірѣ.» Но онъ возмущенъ былъ въ своей радости мнимымъ открытіемъ нѣкоторыхъ невѣроятностей въ означеніи времени,

молчаніемъ Византійцевъ и отчасти даже содержаніемъ сего договора, о чемъ онъ говоритъ (тамъ же стр. 758): «есть множество древнихъ актовъ, подложность коихъ можно неопровержимымъ образомъ доказать изъ одного внутренняго ихъ содержанія; и, къ сожалѣнію, это самое, кажется, надобно сказать о нашемъ трактатѣ 942 года. Я бы могъ насчитать въ немъ цѣлый десятокъ такихъ мѣстъ, которыхъ никакъ не могли написать лица приведенныя въ немъ.» Между тѣмъ онъ надѣялся еще въ послѣдствіи съ помощію Игоревой грамоты объяснить нѣкоторыя изъ сихъ темныхъ мѣстъ. Однако и здѣсь онъ увидѣлъ себя совершенно обманутымъ въ своей надеждѣ, какъ онъ самъ (Нест. Ч. III. стр. 209) говоритъ о томъ слѣдующими словами: «и такъ всѣ мои главныя возраженія противъ подлинности Олеговой грамоты упадаютъ въ равной, или еще въ высшей мѣрѣ и на Игореву.» Особенно важнымъ представлялось ему молчаніе и въ семъ случаѣ Византійскихъ Писателей того времени. «Я очень знаю, говоритъ онъ, что доказательство, заимствуемое отъ молчанія (argumentum a silentio), подлежитъ также большимъ исключеніямъ, но въ настоящемъ случаѣ оно мнѣ кажется неопровержимымъ.»

Старецъ, оказавшій безсмертныя заслуги Русской Исторіи своими изысканіями, не дожилъ до того времени, какъ Кругъ (¹) съ такою

основательностію разсѣялъ его сомнѣнія относительно Хронологіи, что послѣ того уже никто не дерзнетъ повторять ихъ, кто только способенъ понимать силу историческаго доказательства. Если бы и самъ Шлецеръ получше разсмотрѣлъ состояніе наполненной промежутками Исторической Литературы у Византійцевъ въ семъ періодѣ времени, то едвали бы молчаніе ихъ показалось ему подозрительнымъ, по крайней мѣрѣ, никогда не представилось бы оно столь важнымъ, чтобы могло обезсилить доводы, приводимые въ доказательство подлинность нашихъ грамотъ.

Разсматривая переговоры, предшествовавшіе заключенію того и другаго трактата, мы находимъ въ обоихъ случаяхъ замѣчательное единообразіе. Первому—договору Олега предшествуетъ предварительное соглашеніе, заключаемое Греками съ побѣдителемъ подъ стѣнами Константинополя. Условія мира постановляются съ Послами, отправленными Олегомъ въ городъ, и послѣ утверждаются съ той и другой стороны клятвою: Греческіе Императоры цѣловали Крестъ, Олегъ и его вельможи клялись по Русскому обычаю оружіемъ и главными богами,—Перуномъ и Волосомъ. Нест. сл. Шлец. Ч. II. ст. 640.

Но *формальный мирный договоръ*, впрочемъ на основаніи сего же предварительнаго соглашенія, заключенъ былъ уже послѣ чрезъ Пословъ Олеговыхъ, являвшихся для сего дѣла ко

Двору Греческихъ Императоровъ. Онъ былъ написанъ въ двухъ экземплярахъ; для каждой изъ договаривающихся сторонъ назначалось по экземпляру; одинъ, подписанный Греческими Императорами, поступилъ къ Руссамъ, другой, подписанный Русскими послами, которые подтвердили содержаніе договора клятвою, былъ отданъ Грекамъ. Нест. слич. Шлец. Ч. II. стр. 744.

Второму договору, заключенному Игоремъ послѣ несчастнаго похода на Грековъ, предшествуетъ также предварительное соглашеніе, сдѣланное въ Кіевѣ съ Посломъ Греческаго Императора. Послѣ сего заключается уже *формальный мирный договоръ Русскими послами* въ Константинополѣ. И при семъ случаѣ были также изготовлены *два экземпляра*, одинъ за подписаніемъ Русскихъ Пословъ, другой за подписаніемъ Греческихъ Гостей и Пословъ, тѣхъ самыхъ, которые приходили къ Игорю и переговаривали съ нимъ о мирѣ. Первый экземпляръ, который надлежало вручить Грекамъ, былъ утвержденъ *клятвою* Великаго Князя Русскаго, послѣдній *клятвою* Греческаго Императора. Русскіе Послы сами клятвенно утвердили въ Константинополѣ мирный договоръ: Христіане, — цѣлованіемъ *честнаго Креста*, некрещенные оружіемъ. Игорь клялся въ Кіевѣ въ присутствіи новыхъ Пословъ, отправленныхъ Императоромъ для взятія съ него клятвы, и съ нимъ клялись

бывшіе тамъ Руссы; Христіане, цѣлуя Крестъ, а язычники, на священномъ холмѣ Перуна, полагая къ ногамъ идола свое оружіе. Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 175.

По исполненіи дѣла, Русскіе Послы были одарены въ Константинополѣ Императоромъ Львомъ, а Греческіе въ Кіевѣ Великимъ Княземъ Игоремъ (Нест. слич. Шлец. Ч. II. стр. 748 и сл. III. стр. 188). Такъ издревле было въ обыкновеніи у всѣхъ почти народовъ. Замѣчательно то, что, по приказанію Императора, Руссамъ — язычникамъ было показано все благолѣпіе храмовъ Христіанскихъ. Сіе обстоятельство легко бы можно было отнесть къ числу невѣроятностей, находимыхъ въ Олеговой грамотѣ; но сіе-то невѣроятное обстоятельство и должно напротивъ еще служить для насъ внутреннимъ признакомъ ея подлинности, если мы при семъ примемъ въ соображеніе, что точно такая же честь за годъ предъ симъ оказана была Арабамъ, какъ разсказываетъ Продолжатель Константиновъ. *Chronographica narratio in Scriptt. post Theophanem,* (Ed. Venet). 231.

Изготовлять договорныя грамоты въ двухъ экземплярахъ—было обыкновеніемъ Греческаго Двора. Разумѣется, что при семъ дѣлѣ употребляемы были Греческіе Чиновники, и что слѣдовательно договорныя грамоты первоначально писались на Греческомъ языкѣ (²). Варвары получали для себя экземпляръ на своемъ язы-

кѣ, который, можетъ быть, часто при семъ случаѣ долженъ былъ терпѣть насиліе. Симъ весьма естественно объясняется тяжелость слога въ Олеговомъ договорѣ, а множество Греческихъ словъ, встрѣчающихся въ историческомъ разсказѣ по поводу этого договора, заставляетъ думать, что онъ въ Лѣтопись Нестора перешелъ изъ какого нибудь Греческаго источника (5).

Но не смотря на такое сходство обрядовъ, съ коими заключены были оба договора, они весьма между собою различны по формѣ и по внутреннему содержанію.

Форма въ обоихъ договорахъ различна. Олеговъ договоръ составленъ совершенно въ видѣ дѣйствительнаго мирнаго договора между двумя самостоятельными народами; напротивъ въ Игоревомъ, совершенно противъ формы обыкновеннаго договора, вводятся говорящими и предлагающими условія одни только Греки. Равно и содержаніе обоихъ договоровъ вовсе различно. Въ первомъ общія статьи направлены ко взаимной пользѣ обоихъ народовъ, и слѣдовательно здѣсь представляется такое соглашеніе, какое народы обыкновенно дѣлаютъ тогда, когда въ первый только разъ вступаютъ въ дружественныя связи между собою; напротивъ въ послѣднемъ договорѣ содержатся только постановленія, исключительно относящіяся къ пользѣ Грековъ, которые потому и вводятся здѣсь

одни говорящими и требующими. Чтобъ объяснить такое странное несходство между обоими договорами, не довольно сказать, что Греки въ послѣднемъ случаѣ остались побѣдителями, и потому Руссы должны были на все безпрекословно согласиться. Они со всѣмъ не были еще въ столь затруднительномъ положеніи; они только не достигли цѣли своего похода, т. е. не обогатились добычею. При заключеніи самыхъ невыгодныхъ условій, обыкновенно, всегда стараются наблюдать форму договора, и даютъ цѣлому, какъ общему соглашенію, по крайней мѣрѣ, нѣкоторый видъ взаимности, такъ что подъ сею личиною могутъ скрываться самыя невыгодныя требованія. Какъ Греки, такъ и Руссы знали форму обоюднаго соглашенія; трактатъ Олеговъ составленъ именно въ такомъ видѣ; для чего же бы надобно было здѣсь, при заключеніи договора съ Игоремъ, избрать другую, вовсе необыкновенную форму? Для чего бы избрали эту необыкновенную форму, именно Греки, народъ образованный? Ибо они одержали побѣду и предписывали условія.

Всѣ сіи сомнѣнія, я думаю, не иначе можно разрѣшить удовлетворительно, какъ предположивъ, что первый договоръ, заключенный при Олегѣ, есть главный договоръ, напротивъ, второй, заключенный при Игорѣ, есть только позднѣйшее къ нему дополненіе. Договоромъ Олега въ первый разъ были опредѣлены дружествен-

ныя отношенія между Руссами и Греками; онъ оставался въ своей силѣ, доколѣ снова не были открыты непріятельскія дѣйствія; съ возстановленіемъ прежнихъ дружественныхъ отношеній, онъ естественно также былъ возстановленъ. Съ духомъ древнихъ народовъ совершенно согласно—оставлять непрерывно въ своей силѣ, какъ основу, первый договоръ, заключенный при первоначальномъ основаніи какого нибудь отношенія, доколѣ существуетъ это отношеніе, даже хотя бы съ перемѣною времени и обстоятельствъ необходимо сдѣлались нужны нѣкоторыя частныя измѣненія въ договорѣ, которыя въ такомъ случаѣ присоединяются къ первому въ слѣдствіе особыхъ договоровъ, въ видѣ дополнительныхъ статей. Въ семъ смыслѣ Романъ Лакапинъ велѣлъ своимъ Посламъ *построити* съ Игоремъ *мира перваго* (Нест. сл. Шлец. Ч. III. стр. 87). Подъ именемъ *мира перваго* можно было здѣсь разумѣть одинъ только Олеговъ миръ; письменное повтореніе статей сего договора, которыя должны были оставаться въ своей силѣ, казалось излишнимъ. Такъ поступали Новгородцы еще гораздо позже. Заключая договоры съ своими Князьями, они не почитали нужнымъ говорить каждый разъ снова о древнемъ первоначальномъ устройствѣ своего города, о своихъ преимуществахъ и вольностяхъ, данныхъ имъ Ярославомъ; все это предполагалось само собою; договорныя

грамоты ихъ содержали въ себѣ одни точнѣйшія опредѣленія и прибавленія (4). Что такимъ же образомъ и грамота Игорева должна была содержать въ себѣ одни точнѣйшія опредѣленія и прибавленія къ Олеговой,—въ этомъ удостовѣряютъ насъ всѣ обстоятельства: происшествія, при коихъ они были составлены, формы ея содержаніе, порядокъ предметовъ, словомъ, все говоритъ въ пользу этого мнѣнія.

Во первыхъ: съ симъ согласны предшествовавшія событія. Руссы нарушили миръ; они напали на Греческую столицу, единственно для грабежа; они потерпѣли значительное пораженіе; и такъ, если они хотѣли возстановить опять дружественныя связи съ Греками, то необходимо должны были согласиться на то, чтобы Греки выговорили за это для себя такія условія, какія они находили нужными для будущаго утвержденія тишины и мира. Греки, конечно, не преминули при семъ воспользоваться положеніемъ обстоятельствъ, невыгоднымъ для Руссовъ; а Руссы, съ своей стороны должны были чувствовать, что они не могутъ противопоставить ничего основательнаго требованіямъ Грековъ.

Во вторыхъ: въ самой договорной грамотѣ Греки являются предписывающими миръ (5); ясное доказательство, что это не былъ какой нибудь новый, полный договоръ, которымъ бы

въ подробности опредѣлялись взаимныя отношенія обоихъ народовъ, но только частное соглашеніе, по которому одна нація выговариваетъ въ свою пользу что нибудь отъ другой, и потому очевидно,—ибо ничемъ другимъ не можетъ быть такой односторонній договоръ,— это было только прибавленіе или (какъ то и теперь еще бываетъ иногда въ нашихъ дипломатическихъ актахъ) только дополнительная статья, которою договаривающіяся стороны, оставляя въ своей силѣ прежній главный договоръ, формально утверждаютъ только сдѣланныя къ нему новыя прибавленія.

Въ третьихъ: содержаніе сего договора показываетъ, что его статьи исключительно направлены были къ пользѣ Грековъ; большая часть оныхъ таковы, что изъ нихъ съ перваго взгляда видно, какъ рады были Греки, нашедши случай измѣнить то или другое въ старомъ простомъ договорѣ, согласно съ своими выгодами. Договоръ начинается торжественнымъ обѣщаніемъ со стороны Руссовъ ([6]) не нарушать болѣе никогда мира. Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 96. За тѣмъ опредѣляются: 1) новый родъ удостовѣрительныхъ свидѣтельствъ со стороны Русскихъ Пословъ (тамъ же стр. 113.); 2) надзоръ надъ Русскими во время прибытія ихъ въ Константинополь и 3) снабженіе ихъ съѣстными припасами (тамъ же стр. 121 и сл.); 4) слѣдуетъ новое условіе о невольникахъ на тотъ

случай, когда они убѣжать отъ Руссовъ, пришедшихъ *въ Грецію* (тамъ же стр. 133 сл.); 5) измѣненная статья о насильственномъ отнятіи и воровствѣ (тамъ же стр. 138); 6) постановленіе о выкупѣ Греческихъ невольниковъ, приведенныхъ *въ Грецію*, или Русскихъ, находящихся въ Греціи (тамъ же стр. 143); 7) новое условіе, чтобы Русскіе Князья не воевали Херсонской земли и ея городовъ (тамъ же стр. 148); 8) краткое постановленіе относительно безопасности Грековъ, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе (тамъ же стр. 151); 9) новое условіе, относящееся къ обезпеченію неприкосновенности Херсонцевъ, ловящихъ рыбу въ устьѣ Днѣпра (тамъ же стр. 154 и сл.); 10) новое же условіе касательно помощи, какую Русскіе должны подавать землѣ Херсонской противъ Черныхъ Болгаровъ (тамъ же стр. 163 и сл.) и наконецъ 11) воспрещеніе Русскимъ самимъ наказывать Грека, учинившаго противъ нихъ преступленіе (тамъ же стр. 167). Всѣ сіи постановленія, очевидно, направлены къ выгодѣ Грековъ, имѣя въ виду, или обезопасить ихъ владѣнія (тамъ же стр. 151, 154, 163) и мореплаваніе (151), или подчинить Руссовъ во время ихъ пребыванія въ Константинополѣ извѣстному порядку, и слѣдовательно заставить ихъ наблюдать законы Греческой Имперіи (стр. 113, 121, 129, 133, 138, 143, 148). Потомъ, когда уже были изложены всѣ весьма

значительныя условія, клонящіяся къ пользѣ Грековъ,—прибавляется нѣчто и изъ прежнихъ общихъ статей, имѣвшихъ равную обязательную силу для обѣихъ націй, именно, статья о смертоубійствѣ и побояхъ съ небольшими измѣненіями (стр. 169, 172); наконецъ въ видѣ договорной статьи изъявляется желаніе, чтобы Русскій Князь присылалъ Грекамъ войско, если они будутъ о томъ просить его (⁷) (стр. 175).

Соглашеніе такого содержанія не можетъ быть почтено договоромъ, заключеннымъ на все будущее время; это есть только особенное, одностороннее соглашеніе, сдѣланное въ пользу одного народа; впрочемъ оно легко могло быть сдѣлано, когда предшествовалъ уже другой общій договоръ, къ коему оно по своему содержанію относится какъ дополненіе или прибавленіе, какъ на пр. здѣсь къ договору Олегову. Сей послѣдній представляетъ намъ общій мирный и дружественный договоръ, составленный въ духѣ совершеннаго равенства и взаимности; не смотря на всю его простоту и краткость, не смотря на то, что онъ имѣетъ одиннадцать статей, его можно было почесть полнымъ договоромъ. Но сей второй договоръ вовсе не имѣетъ такой полноты; многіе важные предметы въ немъ совершенно пройдены молчаніемъ, именно, правила объ уликахъ и доказательствахъ, о наслѣдованіи въ имѣніи Руссовъ, состоявшихъ въ Греческой службѣ, о наказаніи тѣхъ,

кои отваживаются дѣлать разбойническія нападенія на землю другаго народа. Слѣдов. на это послѣднее соглашеніе, сдѣланное при Игорѣ, не льзя смотрѣть, какъ на полный дружественный договоръ, по которому бы можно и должно было рѣшать всѣ случаи, проистекавшіе изъ юридическихъ отношеній одного народа къ другому. Мы не находимъ никакой основательной причины, почему бы надлежало опустить всѣ вышепомянутыя, столь важныя постановленія. Если бы въ разсужденіи ихъ найдено было нужнымъ сдѣлать какія нибудь перемѣны, то договаривающіяся стороны вѣрно съ такою же формальностію внесли бы сіи перемѣны въ договоръ, съ какою были внесены перемѣны, сдѣланныя послѣ сего въ разсужденіи другихъ прежнихъ постановленій. И такъ надобно согласиться, что и тогда уже смотрѣли на сей вторый договоръ, только какъ на дополненіе къ первому, заключенному Олегомъ.

Въ четвертыхъ: порядокъ статей не имѣетъ той правильности, какая обыкновенно наблюдается въ договорѣ, составленномъ отдѣльно и независимо отъ другаго, и долженствующемъ служить общимъ правиломъ для всѣхъ юридическихъ отношеній между двумя народами. Такую правильность мы дѣйствительно находимъ въ Олеговомъ договорѣ. Напротивъ въ Игоревомъ статьи разбросаны безъ надлежащаго порядка; общія постановленія, имѣющія своимъ

предметомъ политическія выгоды всей Имперіи и областей ея, перемѣшаны съ постановленіями, касающимися только частныхъ лицъ (слич. Ч. III. стр. 121 — 167); важнѣйшіе предметы, которые въ Олеговомъ договорѣ стоятъ напереди, здѣсь слѣдуютъ въ концѣ и уже послѣ частныхъ постановленій, сдѣланныхъ въ пользу Грековъ. Такъ поступаютъ тогда только, когда идетъ дѣло о начертаніи частныхъ прибавочныхъ статей; а не при составленіи полнаго мирнаго договора.

Всѣ приведенныя нами доселѣ причины, будучи взяты вмѣстѣ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что договоръ Игоря содержитъ въ себѣ однѣ прибавочныя статьи, дополняющія или измѣняющія договоръ Олега; и только съ сей точки зрѣнія можно разрѣшить тѣ трудности, которыя встрѣчаемъ мы при объясненіи Игорева договора. Вмѣстѣ съ симъ исчезаетъ и то неестественное явленіе, будто бы по прошествіи 33-хъ лѣтъ взаимныя юридическія отношенія двухъ народовъ могли измѣниться такъ много, такъ всецѣло, какъ это надлежало бы намъ необходимо предположить относительно Грековъ и Руссовъ въ томъ случаѣ, когда бы мы должны были признать вторый договоръ совершенно независимымъ отъ перваго. Неудачи въ войнѣ никогда не могутъ смирить грубаго народа до такой степени, чтобы онъ совершенно отказался отъ своей системы

права; но Руссы конечно могли согласиться допустить нѣкоторыя въ ономъ измѣненія, дабы по крайней мѣрѣ удержать за собою небольшія выгоды, проистекающія отъ торговли, когда не удалось пріобрѣсть богатой добычи войною.

(1) См. его kritischer Versuch zur Aufklärung der Byzantischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands. St. Petersburg, 1810, стр. 108.

Никто съ такимъ успѣхомъ не защищалъ нашего Нестора и въ особенности находящихся въ его Лѣтописи договоровъ, заключенныхъ между Руссами и Греками, какъ Кругъ въ вышепомянутомъ сочиненіи и въ сочиненіи, вышедшемъ еще прежде онаго, подъ заглавіемъ: zur Münzkunde Russlands. St. Petersburg. 1805. Его изслѣдованія о разныхъ предметахъ Хронологіи, его объясненія словъ: *судъ*, *петій*, останутся навсегда образцемъ Исторической Критики и Полемики, и могутъ дать намъ понятіе о томъ, чего надобно ожидать отъ сочиненія, которое онъ [уже въ 1810] обѣщалъ издать о сихъ трактатахъ, но котораго, къ сожалѣнію, доселѣ еще не издалъ. Съ моей стороны было бы дерзостію, отъ которой я весьма далекъ, если бы я захотѣлъ предупредить его въ сихъ изысканіяхъ по сему предмету; напротивъ еще, я бы совсѣмъ не коснулся и здѣсь этихъ договорныхъ грамотъ, если бы это позволяла мнѣ моя цѣль. Онѣ столько важны для объясненія Древняго Права, что никакъ не могутъ здѣсь быть опущены; но въ тоже время онѣ, по моему мнѣнію, и столько понятны, что на нихъ можно обратить вниманіе.

(2) Это вмѣстѣ со многими и другими обстоятельствами такъ ясно открывается изъ мирнаго договора, заключеннаго Греціею съ Персами, что при семъ случаѣ я почитаю нужнымъ сообщить извѣстія о порядкѣ его совершенія, равно какъ и нѣкоторыя статьи изъ него, для сличенія его съ договорами Олега и Игоря . . . . Haec et alia multa cum inter se agitassent, foederum in quinquaginta annos conditiones sunt perscriptae, Graece et Persice. Deinde Graeca in sermonem Persicum et Persica in Graecum sunt translata. Foederibus autem scribendis et faciendis affuerunt e Romanis Petrus, Dux militum, qui circa

Imperatorem militabant, Eusebius et alii; ex Persis Jedegouphiacus, Surenas et alii. Conventionum vero ab utraque parte approbationes fuerunt Syllabis comprehensae. Quas invicem sibi tradiderunt, aeque pollentibus verbis, et ejusdem sensus et tenoris. Quae autem pacis instrumenta ferebant dicentur . . . .

(3) Tertio capite cavetur, ut Romani et Persae, quarumcunque mercium mercatores, et hi qui vectigalia ex hujusmodi mercibus colligunt, secundum legem ditionis, in qua illis commercium est, neque in aliis locis, quam in quibus decimarum solutio est indicta, mercaturas faciant.

(4) Ut legati et reliqui, cum quid nuntii perferunt, equis publicis modo per Romanorum, modo per Persarum regiones si iter habeant, pro cujusque gradu et dignitate honore afficiantur. Et diligentia quidem, quanta opus erit, iter maturent, neque cunctentur, et merces si quas adferunt, permutent, sine ullo impedimento, aut tributi illatione . . . .

(9) Neminem invadere, aut bello lacessere gentem, aut regionem, quae sub alterutrius imperio, sed potius cum omnes nulla in re affecti injuria vitam agant, pacate et quiete degant, per illos aliis quoque pace frui liceat . . . .

Alterius post decimum foederum capitis haec est constitutio: Si una civitas alteri detrimento fuerit, quia illi plurima incommoda, neque legitimo bello, neque exercitus vi, sed dolo et clandestina invasione intulerit (sunt enim multi homines ad hujusmodi facinora perpetranda admodum proclives, quo belli inde occasio oriatur) statutum est omni ratione, ut in eos diligenter inquiratur, et judices, qui ab utriusque Principibus in confiniis juri dicundo sunt praepositi, in eos animadvertant....

Haec cum ita recte et ordine gesta administrataque fuissent, Syllabas hi, quibus ejus rei cura demandata erat, sensum duabus tabulis exaratas susceperant, et Syllabarum vim et aeque pollentibus et eadem significantibus verbis expresserunt, quarum statim altera exemplaria confecerunt. Et quidem magis authenticae tabulae, quibus plenior fides adhiberetur, et quae majores vires haberent, cereis effigiebus fuerunt involutae, et aliis, quae apud Persas sunt in usu; tum etiam legatorum sigilla annulis impressa, et duodecim interpretum, sex Romanorum, neque minori numero Persarum. Sic mutua traditione inter se sibi pacis tabulas Zichus Petro Persarum lingua scriptas, et Graeca Petrus

Zicho tradiderunt. Rursus cum Zichus accepisset a Petro aeque ac authenticum approbatum exemplar, e Graeco Persica lingua expressum, sine ulla signorum impressione, quod ad solam rei gestae memoriam valeret, eadem itidem Petrus a Zicho pari forma accepit. Menander [Theophylactus Sim.] in Corp. Byzant. Hist. I. 140—142. [Ed. Par.].

(3) Слич. сего же Эверса kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen, стр. 230.

(4) Слич. Ис. Г. Р. Карамзина IV, 83, 101 и др. м.

(5) Во всѣхъ спискахъ Несторовой Лѣтописи, въ коихъ помѣщены сіи договоры, Греки представляются предписывающими условія; списки сіи совершенно согласны между собою въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются выраженія: *мы* и *нашъ*, такъ, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, будто бы весь Игоревъ договоръ, въ настоящемъ его составѣ, перепутанъ писцами. Въ самомъ началѣ, отъ словъ: «*мы отъ рода Рускаго*» до словъ: «*раби въ сіи вѣкъ и въ будущіи*» Нест. слич. Шлец. Ч. III, стр. 115—117 говорятъ Русскіе Послы. Положеніе цѣли ихъ посольства, означеніе ихъ именъ и удостовѣреніе отъ имени Князя въ постоянной дружбѣ составляютъ такимъ образомъ вступленіе договора. Въ другой разъ Русскіе Послы являются въ окончаніи договора, начиная съ словъ: *мыже елико насъ крестилися есмо* [тамъ же стр. 141]; здѣсь они торжественно утверждаютъ статьи составленнаго Греками договора. Все, что занимаетъ средину между сими двумя отдѣленіями, суть слова Грековъ.

Но здѣсь находятся нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ, судя по первому взгляду, какъ будто бы Греки не могли говорить отъ своего лица, что и заставляло толкователей объявлять такія мѣста испорченными, и слова: *мы*, *нашъ*, *вашъ*, согласно съ принятымъ отъ нихъ смысломъ, перемѣнять на: *вы*, *вашъ*, *нашъ*. Такъ дѣлать легко; но согласно ли съ справедливостію? Совершенно невѣроятно, чтобы почти всѣ переписчики Несторовой Лѣтописи, именно въ такихъ мѣстахъ, коими они должны были наиболѣе соблазняться, постоянно дѣлали или удерживали одну и туже ошибку, между тѣмъ какъ въ прочихъ мѣстахъ вездѣ находятся во множествѣ варіанты.

Противъ этого, можетъ быть, возразятъ, что при такомъ взглядѣ на вещь, встрѣчающіяся въ договорѣ слова; «*Князь*» и

«*Царство*» надлежало бы уже первое разумѣть о Греческомъ Императорѣ, а послѣднее о Русскомъ Государствѣ, между тѣмъ какъ первое, т. е. имя *Князя* вообще употребляется для означенія Русскаго Государя, а послѣднее—*царство* для означенія Греческой Имперіи. Такое словоупотребленіе, неоспоримо, есть обыкновенное; но оно имѣетъ и свои исключенія: на пр. въ самомъ вступленіи къ этому же Игореву договору Греческіе Императоры, въ большей части рукописей, называются также не Царями, хотя это было общепринятое имя, но, подобно Русскому Государю, просто *Великими Князьями.* Вотъ слова грамоты: *Великій Князь нашъ Игорь и Князи и бояре его, и люди вси Рустіи, послаша ны кРоману и Стефану и Констянтину великимъ Княземъ Грецкимъ* [Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 95 и сл.]. Напротивъ въ томъ мѣстѣ договора, гдѣ Греки говорятъ: *аще ли кто отъ людей Царства вашего* и пр. [тамъ же стр. 134], очевидно, подъ словомъ *Царство* надлежитъ разумѣть отечество Русскихъ.

(6) Однихъ только Руссовъ, но не Грековъ; ибо только Руссы нарушили миръ, сдѣлавши за четыре года предъ симъ нападеніе на Константинополь; но при семъ они столь чувствительное претерпѣли пораженіе, что Бояре совѣтовали теперь Великому Князю заключить миръ съ Греками, взявши съ нихъ предложенную ими дань. Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 123.

(7) Въ тогдашнія времена это было не важное дѣло. Воины, въ общемъ смыслѣ сего слова, были тогда люди, служившіе на жалованьѣ. Игорь легко могъ присылать такихъ людей Грекамъ, которые платили имъ жалованье. Дорога въ Грецію для воинственныхъ Скандинавовъ проходила чрезъ его землю. Послать или пропустить ихъ въ Грецію, для него ничего не значило; равно и Греки, которые всегда могли сыскать наемныхъ воиновъ, можетъ быть, также не полагали въ томъ большой важности. Почему и изложенъ сей предметъ не въ видѣ дѣйствительнаго требованія, но только въ видѣ желанія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Судопроизводство.

Въ самой первой статьѣ Олегова договора встрѣчаемъ постановленіе касательно тяжебнаго судопроизводства; оно составляетъ главную потребность людей необразованныхъ. Какимъ образомъ и на какомъ основаніи должно рѣшать возникающіе споры?—вотъ вопросъ, на который всего прежде надлежало отвѣтствовать! Онъ касается самыхъ общихъ правилъ, безъ опредѣленія коихъ не могутъ получить твердости и частныя. Посему Греки и Руссы въ 911 году такъ согласились въ разсужденіи сего предмета:

Да елико явѣ будетъ показаніи явлеными, да имѣемъ вѣрное о тацѣхъ явленіи; а емужъ начнутъ неяти вѣры, да кленется часть та иже ищетъ не ятью вѣры, да егда кленется по вѣрѣ своей и будетъ казнь якожъ явится согрѣшеніе о семъ. Нест. слич. Шлец. Ч. II. стр. 709.

Если какое дѣло явно будетъ по представленнымъ показаніямъ, то мы должны вѣрить при представленіи такихъ (показаній). Но если истцу не станутъ вѣрить, то да клянется ищущая сторона, когда ей невѣрятъ, и за тѣмъ, когда истецъ поклянется по своей вѣрѣ, да опредѣлится наказаніе по той мѣрѣ, въ какой откроется преступленіе.

Подъ именемъ *показаній*, безъ сомнѣнія, разумѣется здѣсь все то, что указываетъ на какое нибудь событіе, обнаруживаетъ его ([8]); слѣ-

довательно всѣ внѣшніе признаки, раны, пятна, слѣды владѣнія чужею вещію, очевидные свидѣтели и т. п.

Все, что можетъ быть обнаружено посредствомъ такихъ признаковъ, принимается за дѣйствительно случившееся; такъ постановляется и въ мирныхъ договорахъ обоихъ народовъ. Но если не смотря на ясныя улики, друзья и соотечественники (вѣроятно, имѣвшіе право участвовать въ судопроизводствѣ) не хотѣли согласиться на обвиненіе истца, и представляли всякаго рода сомнѣнія касательно иска; то истецъ долженъ былъ подтвердить истину своихъ уликъ присягою; послѣ того дѣло считалось дѣйствительно совершившимся, и полагалось соразмѣрное наказаніе.

Кто знаетъ одно современное судопроизводство, ходъ тяжебныхъ дѣлъ въ однихъ новѣйшихъ Государствахъ, тотъ легко можетъ впасть въ заблужденіе, объясняя сіе мѣсто, при всей вразумительности выраженій. Ему покажется вовсе непонятнымъ, какимъ образомъ истца допускали къ дополнительной присягѣ. Но если мы хотимъ правильно судить о древности, то надобно на время отрѣшиться отъ настоящаго. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія—прилагать нынѣшнія понятія о судопроизводствѣ ко времени первоначальнаго основанія Государствъ. Напротивъ еще съ распространеніемъ оборотовъ и порчи нравовъ, именно эта часть права всего

болѣе подверглась измѣненіямъ у всѣхъ народовъ. Посему, чтобы составить вѣрное понятіе о правѣ, дѣйствовавшемъ во времена необразованности, надобно проникнуть мыслію въ духъ сихъ временъ, надобно начать съ тѣхъ простыхъ положеній, коими долженъ былъ руководствоваться общій человѣческій смыслъ въ своихъ первыхъ учрежденіяхъ.

Взаимное отношеніе независимыхъ пастушескихъ семействъ и въ послѣдствіи племенъ, обыкновенно предшествующее образованію Государствъ, служило начальнымъ элементомъ, изъ коего образовались первыя государственныя учрежденія. При основаніи Государства невозможно сокрушить вдругъ, какъ бы однимъ волшебнымъ ударомъ, самовластіе частныхъ лицъ и съ нимъ тѣсно соединенное частное мщеніе, которымъ до того времени рѣшались всѣ дѣла племенъ независимыхъ. Оно исчезаетъ весьма медленно, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, слѣдовательно еще долго остается могущественнымъ средствомъ къ обеспеченію себя отъ оскорбленій. Частная месть оскорбленнаго или родственника всё еще остается грозою сильною обуздать злую волю. При такомъ настроеніи умовъ, очевидно, не было нужды обращаться со всякимъ споромъ къ гражданскому судьѣ. Кромѣ его, оставалось еще одно рѣшительное средство, къ коему грубый человѣкъ склоненъ самъ отъ себя, по своей природѣ. И такъ въ сіи времена не

было нужды въ такомъ искуственномъ судопроизводствѣ, какое существуетъ въ наше время, когда все должно быть рѣшаемо судьею и когда всѣ, даже запутаннѣйшія дѣла, должны быть предусмотрѣны закономъ. Древніе могли довольствоваться весьма простою формою судопроизводства, немногими простыми началами; именно потому, что у нихъ вообще немногія дѣла подлежали суду. Одно изъ сихъ простыхъ началъ, начало самое первое и очевиднѣйшее состоитъ въ слѣдующемъ: «дѣло должно быть ясно.» Для сего, у нихъ требовалось только, чтобы ясные, очевидные признаки подтверждали извѣстное дѣло; сего было довольно. Строго ли дѣло было доказано (въ нашемъ смыслѣ сего слова), объ этомъ они не заботились, можетъ быть, потому, что они вообще считали — и не со всѣмъ безъ основанія — такія строгія доказательства дѣломъ затруднительнымъ, которое въ дѣйствительной жизни никакъ не можетъ обойтись безъ значительныхъ невыгодъ. Имъ нужно было только какое нибудь средство на тотъ рѣдкій случай, когда дѣло надлежало судьѣ рѣшить; и въ семъ отношеніи достаточно было того, когда къ обвиненію присоединялись еще внѣшніе признаки, подтверждавшіе дѣло. Такъ, въ нашемъ и во многихъ другихъ Правахъ достаточно было, когда обиженный носилъ на себѣ слѣды побоевъ, или раны; въ такомъ случаѣ ему вѣрили на слово (9).

Для насъ конечно представляется весьма страннымъ, что въ Древнемъ Правѣ такъ много довѣряли истцу; но сія странность, какую мы находимъ здѣсь только по отношенію къ нынѣшнимъ нашимъ обычаямъ, тотчасъ исчезнетъ, когда мы разсмотримъ внимательно, какъ думали и дѣйствовали въ отдаленной древности. Теперь всѣ дѣла разбираются въ Судѣ, и кто умѣетъ ходить по дѣламъ, тотъ увѣнчавается успѣхомъ; онъ является правымъ, и выигрываетъ дѣло. Уже по сей одной причинѣ наши законы не могутъ благопріятствовать истцу. Со всѣмъ иначе было въ началѣ Государствъ. Вся ихъ юстиція обращалась около понятій преступленія и проступка; ибо все, что ни было представляемо на судъ, являлось подъ образомъ обиды (¹⁰). Кто только поступалъ со мною неправо, тотъ обижалъ меня: или онъ причинялъ мнѣ тѣлесное *оскорбленіе*, или *отнималъ* у меня мою собственность. Почти не было ни одного иска, который бы по содержаніи относился единственно къ Частному Праву. И такъ самое обвиненіе было уже въ нѣкоторой степени оскорбленіемъ для обвиняемаго, а потому и напрасныя обвиненія были весьма рѣдки. Ибо кто легкомысленно обвинялъ другаго, т. е. взводилъ на него выдуманное преступленіе, тотъ не только получалъ отказъ въ искѣ, какъ у насъ бываетъ, но и тотчасъ между своими сосѣдами и товарищами прослывалъ злымъ человѣкомъ, котораго надобно осте-

регаться; онъ дѣлался позоромъ для своихъ родственниковъ. Судъ производился тогда на публичныхъ мѣстахъ въ присутствіи всѣхъ, а не въ домахъ и запертыхъ палатахъ, какъ у насъ. Кромѣ того, лживое обвиненіе подвергало истца мести обвиняемаго и его родственниковъ, даже и въ томъ случаѣ, когда бы истецъ одержалъ верхъ предъ судьею; и тѣмъ болѣе надлежало опасаться сей мести, чѣмъ сильнѣе дѣйствовало въ сіи грубыя времена чувство претерпѣнной несправедливости. И такъ, чѣмъ болѣе теперь было причинъ, удерживавшихъ человѣка отъ вчинанія ложныхъ исковъ, тѣмъ менѣе надлежало ожидать ихъ, и слѣдовательно, тѣмъ болѣе должно было вѣрить совѣсти истца. Если онъ доказывалъ совершенно извѣстныя дѣла посредствомъ внѣшнихъ признаковъ или другихъ уликъ; то послѣ сего никто уже не думалъ (а по тогдашнимъ временамъ безъ сомнѣнія и очень справедливо), подозрѣвать его въ ложномъ обвиненіи. Такое подозрѣніе, которое впрочемъ весьма рѣдко могло быть совершенно уничтожено, противно было уже самимъ правиламъ вѣроятности, такъ какъ обиженному не было ни малѣйшей выгоды вмѣсто дѣйствительнаго виновника обвинять невиннаго, а если бы кто и дерзнулъ на сію клевету, то въ такомъ случаѣ онъ подвергался гораздо большей опасности, нежели какую надѣялся пріобрѣсть выгоду.

Посему главнымъ, основнымъ правиломъ всего судопроизводства было слѣдующее положеніе: «если находятся ясные, очевидные признаки совершенія извѣстнаго дѣла, то обвиненіе считается достовѣрнымъ и болѣе уже ничего не требуется; обиженный тотчасъ получаетъ удовлетвореніе, опредѣленное закономъ.» Такимъ образомъ судопроизводство было весьма просто, подобно какъ и всѣ судебныя дѣйствія у грубыхъ, необразованныхъ народовъ носятъ на себѣ печать той же простоты; для такихъ народовъ нѣтъ ничего утомительнѣе многосложности и медленности нашего судопроизводства.

Если признаки совершенія дѣла не имѣютъ полной ясности, то дѣло, возникшее между членами одного и того же общества, могло быть рѣшено посредническимъ судомъ или всего этаго общества, или нѣсколькихъ лицъ избранныхъ изъ его среды. Но въ отношеніяхъ къ другимъ народамъ сіе правило не могло имѣть приложенія; ибо здѣсь не можетъ быть составлено такого посредническаго суда. И такъ рѣшенія судейскія, на основаніи вышеизложеннаго перваго начала, должны были по необходимости ограничиваться только такими обидами, на ... есть ясныя улики; въ случаѣ какого либо сомнѣнія или подозрѣнія по дѣлу, улики сіи надлежало обиженному подтверждать клятвою. Вотъ начало судопроизводства, постановленное въ Олеговомъ договорѣ! Этимъ и исчерпаны всѣ

правила судопроизводства, сколько ихъ нужно было постановить для рѣшенія спорныхъ дѣлъ, возникавшихъ между Русскими и Греками!

(8) Въ семъ значеніи согласны и всѣ Славянскія нарѣчія, оно есть самое естественное, и совершенно здѣсь умѣстно. Другое значеніе «доказательство» [см. церковный словарь] произошло уже изъ перваго, имѣя только слѣдующій смыслъ: все то, что дѣлаетъ явнымъ случившееся происшествіе, слѣдовательно доказываетъ бытіе происшествія; а отсюда образовался техническій терминъ: *доказательство.* Въ послѣдствіи времени понятіе сего слова, съ успѣхами Права, стало означать нѣчто совершенно отличное отъ первоначальнаго значенія: показаніе, явленіе дѣла. Многое, что въ древнія времена служило доказательствомъ, для насъ вовсе не имѣетъ силы доказательства. Слич. Словарь Линде IV. 855 подъ словомъ: *pokaz.*

(9) Точно также и по Русской Правдѣ. Сл. ниже вторую книгу, отдѣленіе III. Глав. I.

(10) Посему и въ вышеприведенной статьѣ договора постановляется: *и будетъ казнь якожъ явится согрѣшеніе о семъ.*

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Наказаніе за смертоубійство.

Въ разсужденіи смертоубійства договорная грамота содержитъ въ себѣ слѣдующее постановленіе:

Аще кто убьетъ или Христіанина Русинъ, или Христіанинъ Русина, да умретъ идѣже аще сотворитъ убійство. Аще убѣжитъ сотворивый убій-

Русинъ ли убьетъ Христіанина или Христіанинъ Русина, да умретъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ совершилъ убійство. Если же убійца скроется, то, буде онъ до-

ство, да аще есть домовитъ, да часть его, сирѣчь иже его будетъ по закону, да возметъ ближній убіеннаго, а и жена убившаго да имѣетъ толицемжє пребудетъ по закону. Ащели есть не имовитъ сотворивый убой, и убѣжавъ да держится тяжи дондежъ обрящется, да умретъ. Нест. сл. Шлец. Ч. II. стр. 711.

мовитъ, да возметъ ближайшій родственникъ убитаго часть убійцы, то есть, какая будетъ ему приходиться по закону; но и жена убійцы да получитъ часть, какая слѣдуетъ ей по закону. Если же сдѣлавшій убійство и скрывшійся не имѣетъ собственности; то да остается подъ судомъ, доколѣ не отыщется; и въ слѣдъ за симъ да умретъ.

Древность сего постановленія очевидна. Его начало есть Германское, Скандинавское, Русское; только въ приложеніи и въ побочныхъ обстоятельствахъ измѣненное на основаніи Греческаго болѣе образованнаго Права, сколько того требовало сообщеніе между двумя совершенно независимыми народами.

Слѣдующія черты представляются здѣсь нашему вниманію:

1. Здѣсь не полагается ни малѣйшаго различія между умышленнымъ и случайнымъ смертоубійствомъ; ни одно Древнее Право не дѣлаетъ таковаго разграниченія; тоже и Русское. Тамъ, гдѣ частная месть дѣйствуетъ еще во всей своей силѣ и составляетъ священный родственный долгъ (¹ ¹), тамъ не дѣлается никакого различія между умышленнымъ и неосторожнымъ смертоубійст-

вомъ. Неумышленное смертоубійство все однакожъ есть и остается смертоубійство, и кровь, какимъ бы образомъ она пролита ни была, требуетъ опять крови.

2. Убивающій другаго, платитъ за то своею жизнію. Сіе постановленіе принадлежало какъ тому, такъ и другому праву: по Греческому Праву убійца умиралъ въ силу судебнаго приговора; по Русскому—отъ частной мести родственниковъ ([12]). Употребленное въ договорѣ выраженіе: *да умретъ* обнимаетъ собою тотъ и другой образъ расправы и слѣдовательно, ни которая сторона не поступала вопреки договору, если въ случаѣ смертоубійства она дѣйствовала на основаніи своихъ законовъ.

3. Въ случаѣ побѣга, ближайшій родственникъ убіеннаго получаетъ имѣніе убійцы. По Греческимъ законамъ было не такъ; безъ всякаго сомнѣнія здѣсь одержали перевѣсъ Русскія понятія о Правѣ. Случаи бѣгства преступниковъ для спасенія себя отъ смерти, должны были встрѣчаться весьма часто. Вообще это бѣгство какъ тогда было въ большомъ обыкновеніи, такъ и нынѣ еще весьма обыкновенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ господствуетъ частная месть: по совершеніи тотчасъ убійца преступленія бѣжитъ изъ своей страны, дабы тѣмъ спастись отъ мщенія родственниковъ убитаго. Родственники, единоплеменники потерпѣли ущербъ отъ убіенія одного

изъ ихъ членовъ; оно должны были получить вознагражденіе за сію потерю; почему вездѣ вмѣсто частнаго мщенія является выкупъ, какъ скоро начнетъ оно терять нѣсколько свою первоначальную строгость. Дѣйствовало ли тогда у Руссовъ право мести во всей своей строгости, такъ что, если нельзя было поймать убійцы, то кто нибудь другой изъ его рода долженъ былъ платить своею кровію за кровь,—мы не имѣемъ точныхъ о семъ свѣдѣній. Но очевидно само по себѣ, что, по крайней мѣрѣ, въ сношеніяхъ съ Греками сіе начало не могло имѣть полной силы, такъ какъ оно было не согласно съ ихъ собственнымъ Правомъ. Греки не могли позволить Руссамъ умерщвлять вмѣсто убійцы кого либо изъ его родственниковъ; посему и въ договорѣ съ ними, опредѣляя правила для прекращенія взаимныхъ распрей, должны были постановить выкупъ отъ частнаго мщенія на тотъ случай, когда бы нельзя было поймать настоящаго убійцу, долженствовавшаго заплатить своею жизнію за преступленіе.

Очевидно, сіе постановленіе сдѣлано было также въ пользу Руссовъ, и для удовлетворенія ихъ въ случаѣ преступленія, сдѣланнаго Грекомъ. Безъ сомнѣнія, Русскихъ приходило въ Грецію гораздо болѣе, нежели Грековъ въ Россію. Кромѣ товаровъ, Грекамъ не чего почти было взять у нихъ: имѣніе же ихъ въ самой Россіи не могло составлять для Грековъ завиднаго стя-

жанія. Оно было отъ нихъ весьма далеко; вступленіе во владѣніе онымъ соединено было съ большими трудностями, и Руссы, еще грубые, не слишкомъ охотно стали бы ихъ терпѣть посреди себя въ качествѣ членовъ своего общества.

Если же, какъ мнѣ кажется вѣроятнымъ по вышеизложеннымъ причинамъ, такая выдача имѣнія скрывшагося убійцы ближайшему родственнику, который по Русскимъ законамъ имѣлъ право мести, установлена была главнымъ образомъ приспособительно къ Русскимъ обычаямъ и въ пользу Руссовъ; то съ другой стороны надлежало также ограничить сіе право въ пользу Греческихъ женъ. Онѣ не отвѣчали за вину своего мужа, подобно Русскимъ женамъ, какъ члены семейства тѣсно съ нимъ связаннаго ([13]), но составляли особое, юридически отдѣльное отъ мужа лице, и имѣли свое собственное, отдѣльное имущество. Если образованный народъ, каковы были Греки, заключаетъ договоръ съ грубымъ народомъ, каковы были Руссы, и если онъ соглашается для сохраненія мира на статью столь важную и столь не согласную съ своимъ собственнымъ Правомъ, какъ выдача имѣнія убійцы для удовлетворенія за смертоубійство; то, впрочемъ, онъ не можетъ простирать своихъ уступокъ до того, чтобы выдавать имущество и безвинной жены, которая, по Греческому Праву, не отвѣчала ни за

какую вину мужа собственнымъ лицемъ или имуществомъ. Но такое изъятіе надлежало именно опредѣлить; въ противномъ случаѣ грубый Руссъ на основаніи своихъ законовъ захватилъ бы все, что только нашелъ бы въ домѣ мужа, даже и то, что составляло собственность его семейства. Посему это постановленіе со всѣмъ не такъ странно, какъ представляется съ перваго взгляда; и при тщательнѣйшемъ испытаніи законодательства того и другаго народа тотчасъ открывается, почему не льзя было опустить здѣсь сего постановленія.

Для Руссовъ надлежало въ семъ случаѣ сдѣлать тоже самое изъятіе; ибо взаимность составляетъ необходимое свойство древнихъ договоровъ, особенно у грубыхъ народовъ. Впрочемъ для Руссовъ сіе изъятіе не имѣло большой важности, ибо у женъ ихъ не много было собственнаго имѣнія; и во время своего пребыванія въ Константинополѣ они безъ сомнѣнія имѣли весьма рѣдко что нибудь такое, на чтобы жены ихъ могли дѣлать притязаніе.

4. Послѣднее положеніе, т. е. если у преступника нѣтъ никакого имущества и слѣдовательно ему не чѣмъ откупиться отъ мщенія родственниковъ и удовлетворить за свою вину; то вина и вмѣстѣ съ нею всѣ происходящія отсюда притязанія остаются на виновномъ, и потому онъ долженъ подвергнуться наказанію, какъ скоро найденъ будетъ,—это положеніе

такъ просто, ясно и обыкновенно во всѣхъ древнихъ Правахъ, что для него не нужно никакого объясненія.

И такъ въ сей договорной статьѣ постановляются слѣдующія начала относительно смертоубійства—начала, совершенно сообразныя съ понятіями обоихъ народовъ о Правѣ, сколько большое различіе между ними допускало общее согласіе: 1) Убивающій другаго долженъ и самъ умереть (у Грековъ, по опредѣленію Правительства; у Руссовъ, отъ мести родственниковъ убитаго). 2) Если преступникъ скрылся и слѣдовательно преступленіе не можетъ быть омыто его кровію, то, а) когда у него есть имущество, сіе имущество отдается въ вознагражденіе ближайшему родственнику убитаго; б) когда нѣтъ у него имѣнія, а потому и вина не можетъ быть искуплена, вина смертоубійства остается на немъ по смерть его, и какъ скоро онъ будетъ пойманъ, долженъ тотчасъ умереть (14).

(11) Такъ и по Правдѣ Русской. Слич. ниже вторую Книгу, Отдѣленіе III, Главу I.

(12) Если родственниковъ не было, то мѣсто ихъ въ сношеніяхъ съ другими народами могли заступать и соотечественники, т. е. отдаленнѣйшіе единоплеменники.

(13) Какъ то опредѣляется и въ Русской Правдѣ. Слич. ниже Книгу вторую, Отдѣленіе III. Главу I.

(14) Послѣднее прибавленіе совсѣмъ не такъ безсмысленно, какъ думаетъ Шлецеръ [Нест. Ч. II. стр. 716]. Оно давало право не только суду, но и родственникамъ повсюду преслѣдовать виновнаго. При заключеніи договора между двумя народами, стоявшими на столь различныхъ ступеняхъ образованности и

столь различными одинъ отъ другаго по правамъ, таковое именное уполномочіе было необходимо нужно для предотвращенія распрей и кровопролитія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Наказаніе за раны и побои.

Ащели ударитъ мечемъ, или убьетъ кацьмъ любо сосудомъ, за то удареніе или біенье да вдастъ литръ 5 сребра по закону Рускому. Аще ли неимовитъ тако сотворивый, да вдастъ елико можетъ, да сойметъ себе и тыя самыя порты, въ нихъ же ходитъ, да о процѣ да ротѣ ходитъ своею вѣрою, яко никакожъ иному помощи ему, да пребываетъ таже о толе не взыскуемы о семъ. Нес. слич. Шлец. Ч. II. стр. 716.

Если кто ударитъ кого мечемъ или зашибетъ другимъ какимъ нибудь орудіемъ, да заплатитъ за сіе удареніе или побои пять литръ серебра по закону Русскому. Если же сдѣлавшій это неимовитъ, то да заплатитъ, сколько можетъ; да сниметъ съ себя и ту самую одежду, въ которой ходитъ, а по отношенію къ остальному да клянется по своей вѣрѣ, что никто изъ постороннихъ не помогаетъ ему; съ того времени да прекратится взысканіе по дѣлу.

Для объясненія статьи сей слѣдующія замѣчанія необходимы:

1. Наказаніе за такое нарушеніе правъ личности очевидно заимствовано изъ Русскаго Права. Денежныя взысканія за нанесенныя раны составляютъ характеръ древнихъ законовъ. Са-

мыя первыя наказанія, которыми замѣняется частное мщеніе, есть денежное вознагражденіе. Что денежное взысканіе служило наказаніемъ за нанесеніе ранъ у древнихъ Руссовъ, это видимъ мы изъ Русской Правды въ ея древнѣйшемъ видѣ. Греческій законъ опредѣлялъ наказаніе иначе. Въ такомъ случаѣ онъ частію допускалъ право возмездія (*ius talionis*), частію полагалъ денежное взысканіе сообразно издержкамъ леченія и потерѣ времени. *Novella Leonis* 92 въ *corpus juris civilis Romani* . . . . *ed. S. v. Leeuwen, II*, (*Coloniae Munatianae*, 1756) *pag.* 681, и *τῶν Βασιλικῶν τεύχος* (. . . Recens. *Fabrotus, p.* 43, 47, 121). И кромѣ сего, это ясно говорится и въ самомъ нашемъ договорѣ. Слова: *по закону Русскому* могутѣ означать только то, что постановленіе сіе сдѣлано въ сообразность Русскому Праву. Къ литрамъ онѣ относиться не могутъ. Это вѣсъ Греческій, а не Русскій. Слово постоянно употребляемое въ Русскихъ Лѣтописяхъ и законахъ есть *гривна*, и за сіе же самое преступленіе въ Русской древнѣйшей Правдѣ полагается не пять литръ, но двѣнадцать гривенъ (15).

2. Но какъ могло статься, что Греки приняли сіи постановленія отъ Руссовъ? Чтобы народъ образованный согласился взять для себя въ руководство при рѣшеніи споровъ варварское Право грубаго народа? И это легко объяснить. Грубый, живущій въ природной просто-

тѣ человѣкъ, равно какъ и грубый народъ бываетъ сильно привязанъ къ своимъ простымъ правамъ и обычаямъ; онъ не довѣряетъ искуственной системѣ Права образованныхъ народовъ. Свое Право онъ понимаетъ очень хорошо и всегда можетъ найтись въ ономъ, именно потому, что оно весьма просто; но обширной системы Права образованныхъ народовъ онъ не разумѣетъ и не вѣритъ ихъ правовѣдамъ. Посему-то, грубые народы, какъ мы видимъ, когда они при столкновеніи съ образованными націями, не бывъ рѣшительно покорены сими последними, дѣлаются на нѣсколько времени ихъ данниками, ни чѣмъ столько не раздражаются, какъ притѣсненіями и несправедливостями, проистекающими, по мнѣнію ихъ, изъ утонченной системы Права побѣдителей. — И такъ весьма естественно было, что Руссы не хотѣли отказаться отъ своего Права, а Греки, если только они желали остаться въ мирныхъ сношеніяхъ съ Руссами, должны были сдѣлать въ сей статьѣ уступку.

3. Трудно опредѣлить, къ которому Праву принадлежитъ второе положеніе, въ силу коего виновный по выдачѣ всего своего имущества освобождался отъ всѣхъ дальнѣйшихъ взысканій. Оно легко можетъ быть согласно съ Греческимъ Правомъ: это есть какъ бы cessio bonorum, только смѣшанное съ нѣкоторыми чертами Древняго Права. Такъ клятвенное удо-

стовѣреніе виновнаго въ томъ, что онъ находится въ безмощномъ состояніи, простирается какъ наимущество, такъ и на родственниковъ и единоплеменниковъ, которые бы могли платить за ихъ сродника; только сіе послѣднее обстоятельство не имѣло никакого приложенія у Грековъ: ибо семейственная помощь у нихъ уже давно вышла изъ обыкновенія. Но съ другой стороны довольно сомнительно и то, принадлежитъ ли сіе положеніе Русскому Праву; ибо въ Русскомъ Правѣ нигдѣ въ послѣдствіи не видно подобной черты; напротивъ еще, въ немъ господствовало, кажется, то начало, что всякой несостоятельный должникъ продается въ рабство. Но сего начала Греки съ своей стороны не могли принять, потому что, по ихъ понятіямъ о Правѣ, что нибудь сему подобное было бы совсѣмъ неслыханное дѣло (рабство за побои). Слѣдовательно обыкновенное Право опять должно было взять перевѣсъ: Руссы могли тѣмъ удобнѣе согласиться на оное, что они теряли при семъ очень немного; а Греки, болѣе образованные, но и болѣе слабые, безъ сомнѣнія рѣдко были стороною нападающею и рѣдко дѣлали обиды, для коихъ здѣсь установляются наказанія.

(15) Чтеніе новѣйшихъ списковъ: *по закону Римскому*, кажется, не можетъ быть принято; Византійцы никогда въ нашемъ договорѣ не называются Римлянами, а всегда Греками. Но Кругъ не безъ основанія думаетъ [см. Münzkunde Russlands, стр. 190], что словомъ: *литра*, здѣсь перевели слово гривну,

дабы чрезъ то сдѣлаться понятными для Грековъ, которымъ и гривна была неизвѣстна. Напротивъ въ Руссахъ, жившихъ въ Константинополѣ, можно было предполагать свѣдѣніе о Греческихъ монетахъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Наказаніе за воровство.

Статья договора, содержащая въ себѣ постановленія о воровствѣ, представляетъ болѣе трудностей для объясненія, нежели предъидущія статьи. Вотъ она вмѣстѣ съ буквальнымъ ея переводомъ:

а. *Аще украдетъ что Русинъ любо у Хрестьянина, или паки Хрестьянинъ у Русина, и ятъ будетъ въ томъ часѣ тать, егда татбу сотворитъ, отъ погубившаго что любо, аще приготовится* (16) *тать творяй, и убьенъ будетъ, да не взыщется смерть его, ни отъ Хрестьянъ ни отъ Руси; но паче да возметъ свое, иже погубилъ.*

а. Когда или Русинъ украдетъ что либо у Христіанина, или Христіанинъ у Русина, и воръ въ ту минуту, какъ онъ дѣлаетъ покражу, будетъ пойманъ лишившимся вещи (т. е. хозяиномъ, у котораго онъ только, что укралъ ее), и если воръ, дѣлающій покражу, начнетъ сопротивляться и будетъ убитъ, то да не взыщется смерть его ни отъ Христіанина, ни отъ Русскаго; а напротивъ еще лишившійся вещи да возметъ обратно свое.

б. *Аще дастъ руцѣ свои* (17) *украдый, да ятъ бу-*

б. Но если воръ не станетъ сопротивляться, то да

детъ пѣлыже, у негожъ будетъ украдено, и связанъ будетъ отдастъ тое, еже смѣ сотворити.

в. *Аще кто отъ Хрестьянъ или отъ Руси мученья* ([18]) *образомъ искусъ творитъ и насильемъ явѣ возметъ что любо дружие, да вспятитъ тройче.* Нест. слич. Шлец. Ч. II. стр. 718, сл.

будетъ взятъ тѣмъ, у кого укралъ онъ, да будетъ связанъ, и да воздастъ за то, что осмѣлился сдѣлать.

в. Если кто изъ Христіанъ или Русскихъ покусится на насиліе и возметъ что нибудь у другаго явно силою, да воздастъ за то втрое.

Трудности, какія представляются истолкователю въ сихъ постановленіяхъ, не могутъ быть устранены безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ изслѣдованій.

1. Первое постановленіе ясно. При воровствѣ различаются два случая: воръ пойманный или обороняется, или сдается безъ сопротивленія. Первый случай выражается нѣсколько неопредѣленно словами: *аще приготовится* (т. е. если воръ начнетъ обороняться или приметъ такой видъ, какъ будто бы хотѣлъ защищаться); впрочемъ сіи неопредѣленныя слова легко объясняются слѣдующимъ непосредственно за тѣмъ противоположеніемъ. Въ такомъ случаѣ позволяется вора убить. Это постановленіе также подходитъ ближе къ Русскому, нежели къ Греческому Праву. По Русскому Праву воръ, пойманный на мѣстѣ воровства, считался лишеннымъ покровительства законовъ; его можно

было умертвить, не опасаясь наказанія; напротивъ по Греческому Праву—только тогда, когда по причинѣ ночной поры нельзя было его поймать; а днемъ, когда онъ оборонялся оружіемъ. *Βασιλικῶν* Tom. VII, Lib. LX, Tit. III: *de lege Aquilia de damno.* Scholia, p. 67, 68.

Неопредѣленность въ выраженіи благопріятствовала такому толкованію, которое согласовалось съ Русскимъ Правомъ. Русскіе, основываясь на сихъ словахъ договора, могли присвоять себѣ право умерщвлять пойманнаго при воровствѣ, коль скоро онъ не сдавался на мѣстѣ.

2. По какому наказанію подвергался воръ во второмъ случаѣ, т. е. когда онъ сдавался? На сей вопросъ отвѣчать трудно. Въ одномъ спискѣ стоитъ: *да отдастъ тое еже слиъ сотворити и сотворитъ* (да воздастъ) *трійчій о селъ.* Нест. слич. Шлец. Ч. II. стр. 719.

Но сіе мѣсто сомнительно: только въ *одномъ* спискѣ говорится объ этомъ тройномъ вознагражденіи, и притомъ въ спискѣ, который не только не принадлежитъ къ числу отличнѣйшихъ, но и содержитъ въ себѣ множество новѣйшихъ вставокъ, явно присоединенныхъ для объясненія. Кромѣ того, нельзя не примѣтить, что поводомъ къ сей вставкѣ, которою переписчикъ думалъ пополнить мнимые пропуски въ Лѣтописи, служило послѣдующее мѣсто, въ коемъ излагается подобный же случай. Наконецъ такое постановленіе несообразно съ Рус-

скимъ Правомъ; и, невѣроятно, чтобы, когда уже симъ договоромъ постановлено было опредѣленное наказаніе по сему предмету, чтобы послѣ въ Игоревомъ договорѣ вмѣсто этого опять приняли правило въ высочайшей степени неопредѣленное, установляя наказывать таковаго преступника по закону Греческому и Русскому.

Если же такимъ образомъ мы должны отвергнуть сомнительное чтеніе вышепомянутаго *одного* только списка, то намъ ничего болѣе не остается, какъ принять обыкновенное, по темное чтеніе, встрѣчающееся во всѣхъ прочихъ спискахъ: да *отдастъ*, (или лучше, да воздастъ за) *тое еже слиь сотворити.* Что же значутъ слова сіи, если не то, что воръ долженъ удовлетворить другаго за обиду, причиненную ему воровствомъ, или другими словами, раздѣлаться съ нимъ? Такое объясненіе имѣетъ довольно прочное для себя основаніе. По древнѣйшему Праву, у всѣхъ почти народовъ воръ, пойманный на мѣстѣ, признается лишеннымъ покровительства законовъ, подобно убійцѣ или разбойнику. Кто нападаетъ на другаго въ намѣреніи убить его, кто грабитъ, окрадываетъ ближняго, того позволяется убивать безъ дальнѣйшихъ околичностей. Сіе правило проистекаетъ изъ естественнаго права каждаго человѣка — защищать себя и свое имущество, — права, которое по понятіямъ грубаго сына природы не подлежатъ никакимъ ограниченіямъ. Еще и го-

раздо позже въ Россіи признавалось за правило, что воръ пойманный на дѣлѣ находится внѣ покровительства законовъ. Но въ договорахъ, нами разсматриваемыхъ, постановляется изъятіе изъ сего правила для вора, сдающагося безъ сопротивленія. Никто не имѣлъ права умертвить такого вора, т. е. лишить его высочайшаго блага — жизни; но имъ только и ограничивалось все отступленіе въ его пользу отъ Древняго строгаго Закона. Обиженный имѣлъ право его связать (20) и обидчикъ долженъ былъ совершенно удовлетворить перваго, чтобы избавиться отъ оковъ и получить свободу.

Такое изъясненіе этого труднаго мѣста совершенно согласуется съ ходомъ человѣческаго духа въ дѣлѣ постепеннаго образованія Права. Сіе образованіе, какъ можно видѣть тоже самое и въ другихъ древнихъ юридическихъ отношеніяхъ, въ началѣ ограничивается по большой части только смягченіемъ прежнихъ постановленій, требующихъ строгаго возмездія за всякую обиду и оскорбленіе. Первоначально человѣкъ считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ, — умерщвлять каждаго побѣжденнаго врага; въ древнѣйшемъ періодѣ гражданскихъ обществъ, дѣйствительно его почти всегда или убиваютъ или приносятъ въ жертву. Но какъ скоро люди начинаютъ чувствовать состраданіе къ подобнымъ себѣ, и оставлять плѣннику жизнь, онъ дѣлается рабомъ. Тогда получаетъ силу

слѣдующее начало: врага, умоляющаго о сохраненіи своей жизни, не должно предавать смерти, но можно его связать, и заключить въ темницу, доколѣ онъ не представитъ намъ выкупа *довольно значительнаго, чтобы мы согласились освободить его.* Далѣе: первоначально, убійца самъ убивается ближайшимъ родственникомъ убитаго, и долженъ быть убитъ; ибо кто оставлялъ безъ отмщенія смерть своего сродника, того ожидало безчестіе. Потомъ начинаютъ допускать нѣкоторое послабленіе въ строгости частнаго мщенія, такъ что вмѣсто онаго позволяется уже давать вознагражденіе, т. е. откупаться отъ мести. Но и послѣ сего долго еще предоставляется на произволъ обиженныхъ родственниковъ, *сколько* требовать вознагражденія, и слѣдовательно, *за какую цѣну* хотятъ они отказаться отъ своего права мести. Подобное находимъ мы и здѣсь. По Древнѣйшему Праву воръ, пойманный на мѣстѣ, считался лишеннымъ покровительства законовъ, на равнѣ со врагомъ и убійцею. Такъ было по Русскому Праву. Въ мирномъ договорѣ съ Греками строгость сего Права смягчена; вора уже непозволяется убивать, если онъ не защищается; слѣдовательно теперь получаетъ силу второе установленіе, которое вездѣ являлось непосредственно за освобожденіемъ виновнаго отъ смертной казни, — т. е. выдача обидчика въ полное распоряженіе обиженному, доколѣ онъ не вы-

купитъ себя, или другими словами, пока не представитъ такого вознагражденія, которое бы обиженный согласился принять за нанесенную обиду.

3. Къ постановленіямъ о воровствѣ присоединяется постановленіе о противозаконномъ, насильственномъ присвоеніи чужой собственности. Тайное похищеніе чужой вещи называлось воровствомъ; всякое же не тайное присвоеніе было уже вмѣстѣ и насиліе; ибо въ самомъ дѣлѣ, въ то время не иначе можно было овладѣть чужою собственностію, какъ посредствомъ насилія. За таковое отнятіе постановлено тройное вознагражденіе.

Сіе постановленіе весьма легко можно согласить съ началами Древняго Права. Хотя мы и не находимъ его въ древнѣйшей Правдѣ Русской, которая на всякое несправедливое завладѣніе вещію смотритъ, кажется, какъ на воровство: но за то Правда и явилась позже нашихъ обоихъ мирныхъ договоровъ. Правило о тройномъ вознагражденіи за насильственное завладѣніе чужою собственностію можетъ принадлежать какъ Русскому исключительно, такъ и древнему Славянскому Праву. Большая часть древнихъ Правъ для удержанія людей отъ насильственнаго овладѣнія чужою собственностію постановляютъ опредѣленіе двойнаго, тройнаго или даже четвернаго взысканія въ случаѣ преступленія. При семъ надобно вспомнить и то, что

понятіе насилія въ Древнемъ Правѣ было гораздо обширнѣе, нежели въ нашемъ новѣйшемъ. Многія дѣйствія, которыя первоначально считались возможными только подъ условіемъ насилія, въ послѣдствіи были принимаемы за насиліе даже и тогда, когда бы въ данномъ случаѣ не было употреблено ни малѣйшаго физическаго принужденія. Отъ того-то и всякое явное присвоеніе чужой вещи почитается дѣйствіемъ насилія, а всякое тайное—воровствомъ.

(16) *Приготовится*, т. е. къ оборонѣ; и въ семъ мѣстѣ значитъ: кто сопротивляется, не сдается тотчасъ.

(17) *Дастъ руцѣ свои*, т. е. сдается, не сопротивляется очевидно; это есть противоположеніе предшествующимъ словамъ: *аще приготовится*.

(18) *Мученіе* соотвѣтствуетъ здѣсь Греческому: ἄθλος; такъ переведено слово сіе въ 2 Тим. II 5. Въ приведенной статьѣ говорится о тѣхъ, кои, дѣйствуя самоуправно, впадаютъ въ преступленіе, равнявшееся, по древнимъ понятіямъ о Правѣ, воровству.

(19) Выраженіе: *искусъ* дѣлаетъ весьма темнымъ это мѣсто. Судя по значеніямъ сего слова, которыя можно находить въ Словаряхъ [см. Словарь Linde. II 1193 подъ означеніями: *kus*, *kusic*], оно, кажется, всего приличнѣе можетъ быть переведено здѣсь словами: *попытка, покушеніе* [Versuch]; смыслъ дѣлается яснымъ изъ предъидущаго.

(20) На языкѣ Древняго Права это значило уже весьма много. Кто имѣлъ право связать другаго, тотъ нѣкоторымъ образомъ имѣлъ его уже въ своей власти; онъ не въ правѣ былъ только лишить его жизни, изувѣчить, изранить или избить.

(21) Можно бы здѣсь предложить догадку, не заимствовано ли сіе постановленіе, по тому самому, что оно не согласуется съ древнѣйшимъ Русскимъ Правомъ, изложеннымъ въ Русской Правдѣ,—изъ Римскаго Права, и притомъ именно изъ

actio vi bonorum raptorum,—иска, по коему требовалось вознагражденіе вчетверо. Конечно, догадка сія не совсѣмъ вѣроятна, впрочемъ мы должны сею удовольствоваться, доколѣ не будетъ открыто лучшаго источника.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Приложеніе коренныхъ началъ Права къ особеннымъ случаямъ.

Разсмотрѣнныя нами выше четыре главныя постановленія, которыя занимаютъ первое мѣсто въ договорѣ, исчерпываютъ все право, коимъ Русскіе долженствовали руководствоваться въ сношеніяхъ съ Греками (22). Но, кромѣ сего, есть еще множество придаточныхъ статей, относящихся по содержанію къ Частному Праву, которыя однакоже не заключаютъ въ себѣ никакого новаго закона, но представляютъ только слѣдствія, выведенныя изъ коренныхъ началъ примѣнительно къ особеннымъ случаямъ.

1. Статья договора, коею постановляется подавать руку помощи людямъ, претерпѣвшимъ кораблекрушеніе или другое какое либо несчастіе на морѣ, заключается слѣдующими словами:

Аще ли лучится кому отъ лодьи убіену быти отъ насъ Руси, или что	Если случится, что кто нибудь изъ находящихся на ладіи убитъ будетъ нами

взято любо, да повинни будутъ то створшіи преже реченною епитимьею отъ тѣхъ. Нест. спич. Шлец. Ч. II. стр. 723.

Русскими, или что нибудь взято будетъ съ нее, то сдѣлавшіе это да подвергнутся вышеозначенному наказанію.

Очевидно здѣсь дѣлается указаніе на вышеизложенныя общія постановленія (стр. 158—165); онѣ заключаютъ въ себѣ начала для рѣшенія всѣхъ особенныхъ случаевъ, къ которымъ нужно было только прилагать ихъ. Впрочемъ о такихъ происшествіяхъ надлежало объявлять Правительству, или приносить на то жалобу.

2. Къ постановленіямъ о воровствѣ относится и статья о потерѣ невольниковъ.

Аще украденъ будетъ челядинъ Руский, или ускочитъ, или по нужи проданъ будетъ, и жаловати начнутъ Русь, покажется таковое отъ челядина, и да поимутъ в Русь. Но и гостіе погубиша челядинъ, и жалуютъ, да ищутъ, обретше да поймутъ е. Аще ли кто искушенія сего не дастъ сотворити, местникъ да погубитъ правду свою. Нест. спич. Шлец. Ч. II. стр. 736.

Если Русскій невольникъ будетъ украденъ, или уйдетъ, или будетъ проданъ насильственно, и Руссы начнутъ жаловаться, и это покажетъ самъ невольникъ; то да возьмутъ его Руссы къ себѣ. Также, если кто и изъ гостей потеряетъ невольника и принесетъ жалобу: то да ищетъ его хозяинъ и нашедши да возметъ себѣ. Если же кто не дастъ учинить у себя таковаго поиска, то мститель теряетъ право свое.

Такимъ образомъ въ слѣдствіе сего постановленія всякій могъ взять своего пропавшаго

раба, гдѣ бы онъ ни былъ найденъ, если только самъ рабъ показывалъ, какимъ противузаконнымъ дѣйствіемъ лишился его господинъ.

Согласно съ вышеизъясненною статьею, здѣсь не полагается ни наказанія, ни удовлетворенія за воровство; это не было такое воровство, гдѣ бы воръ былъ пойманъ на самомъ дѣлѣ. Почему здѣсь и постановляется только, чтобы потерянный или украденный невольникъ былъ отданъ обратно хозяину. (См. выше стр. 169 и сл.).

Наконецъ присоединяется еще особенное постановленіе, въ силу коего, если кто не позволяетъ (у себя въ домѣ или въ своихъ владѣніяхъ) искать украденнаго или потеряннаго раба, *мстникъ* теряетъ свое право. Что это значитъ? По понятію Русскихъ, *мстникъ* есть очевидно ближайшій родственникъ, который долженъ былъ мстить за смерть или обиду, нанесенную комунибудь изъ членовъ его семейства. По понятіямъ Грековъ, подъ симъ именемъ можно было разумѣть только Правительство, которое у нихъ заступало мѣсто мстителя изъ среды частныхъ лицъ, если только и въ семъ случаѣ не лучше будетъ разумѣть вообще то лице, которое могло требовать удовлетворенія за нанесеніе другому (Греку) обиды, будутъ ли это члены семейства, или государственные чиновники. Въ обоихъ случаяхъ смыслъ выходитъ слѣдующій: кто не позволяетъ дѣлать у себя обыска, тотъ лишается покровительства законовъ. Посему

если онъ потерпитъ отъ того какой нибудь вредъ, то за него нельзя мстить, или требовать законнаго удовлетворенія. Слѣдовательно здѣсь въ случаѣ сопротивленія обыску позволено еще было самоуправство всякаго рода.

(22) Я бы думалъ даже, что четырьмя вышеизложенными главными постановленіями исчерпано все Древнее Право; онѣ содержатъ въ себѣ коренныя начала для всего, что только нужно человѣку для охраненія правъ въ первыя времена гражданскихъ обществъ. Зная большое различіе, существующее между сими четырьмя столь краткими положеніями и всякою, даже самою простѣйшею системою Права какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ временъ, я почти увѣренъ, что каждый, кто только сдѣлалъ предметомъ своего изученія какую либо изъ этихъ системъ, назоветъ мое мнѣніе парадоксомъ; но я ссылаюсь на философическихъ изслѣдователей Всеобщей Исторіи Права. Ихъ сужденіе будетъ, безъ сомнѣнія, снисходительнѣе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Народное Право.

Теперь слѣдуетъ въ Олеговомъ договорѣ еще нѣсколько статей, относящихся къ Народному Праву. Хотя онѣ и не имѣютъ существеннаго вліянія на разрѣшеніе избранной нами задачи (23): какимъ образомъ возникаетъ и развивается система Права народовъ въ древнѣйшія ихъ времена? однако онѣ находятся въ такой тѣсной связи съ симъ предметомъ, и сами по себѣ

такъ важны, что мы не можемъ здѣсь умолчать объ нихъ.

1. Въ первой изъ сихъ статей Руссы обязываются оказывать всякое пособіе Греческимъ ладьямъ, потерпѣвшимъ какое нибудь несчастіе на морѣ. Въ ней говорится:

Аще выверэкена будетъ ладья вѣтромъ великимъ на землю чужю, и обрящутся тамо иже отъ насъ Руси, аще кто идетъ снабдѣти лодію съ рухломъ своимъ отослати на землю крестьянскую: да проводимъ ю сквозь всяко страшно мѣсто, дондеже пріидетъ въ бестрашное мѣсто. Аще ли таковая ладья ли отъ буря, боренія (24) земнаго боронима не можетъ возборонитись всвояси мѣста (25), потружаемся, гребцемъ тоя лодья мы Русь, да проводимъ съ куплею ихъ поздорову ти, аще ключится близъ земля Грецкая. Ащели ключится такожъ проказа лодьи Русской (26), да проводимъ ю въ Русскую землю, да продаютъ рухло тоя лодьи. И аще что можетъ продати отъ лодья, волочимъ мы Русь да сѣда

Если сильнымъ вѣтромъ будетъ выкинута [Греческая] ладья на чужую землю, и случится тутъ быть кому нибудь изъ насъ Руссовъ, и вздумаетъ кто нибудь наполнить ладію своимъ грузомъ, чтобы отправить ее опять въ Христіанскую землю: да проводимъ мы ее чрезъ всѣ опасныя мѣста, доколѣ не придетъ она въ безопасное мѣсто. Если же такая ладья будучи задерживаема бурею или бранями на сушѣ, не можетъ возвратиться въ свои мѣста; то мы, Руссы, да поможемъ гребцамъ сей ладіи и проводимъ ее со всѣмъ грузомъ въ безопасности, если это случится близъ Греческой земли. Если же несчастіе такое случится съ Русскою ладьею, да проводимъ ее въ Русскую землю и да продадимъ грузъ ея. И если

ходимъ въ Греки, или съ куплею, или въ сольбу ко Цареви вашему, да пустимъ съ честію проданное рухло лодьи ихъ. Нест. слич. Шлец. Ч. II. стран. 722.

что будетъ продано съ ладьи, да возмемъ это мы, Руссы, съ собою, когда пойдемъ въ Грецію или съ товарами, или съ посольствомъ къ вашему Царю,—да отправимъ съ честію деньги вырученныя продажею товаровъ съ ладьи.

Сіе соглашеніе можетъ относиться только къ плаванію Грековъ по Черному морю. Оно доказываетъ вмѣстѣ и то, что Руссы имѣли тогда большое вліяніе на весь Сѣверный берегъ Чернаго моря; въ противномъ случаѣ, они не могли бы обѣщать Грекамъ помощи, которую такъ неудобно было оказывать въ то время среди грубыхъ народовъ, обыкновенно любящихъ присвоять себѣ вещи, выкидываемыя на берегъ послѣ кораблекрушенія. Да и какъ бы вздумали Греки требовать нарочитою статьею въ договорѣ таковаго вспомоществованія, если бы они не были твердо увѣрены, что Руссы въ состояніи оказывать эту помощь? И такъ надобно думать, что Руссы въ то время частію сами имѣли владѣнія въ сихъ мѣстахъ, частію находились въ дружественныхъ связяхъ съ народами, которые владѣли сими берегами. И это приводитъ насъ опять къ сказаніямъ Грековъ и Аравитянъ о древнемъ жительствѣ Руссовъ по берегу Чернаго моря; ибо Исторія совсѣмъ не говоритъ, чтобы Рюрикъ или Олегъ сдѣлали

какія нибудь завоеванія въ сихъ мѣстахъ.

2. Относительно выкупа плѣнныхъ (или невольниковъ) съ той и другой стороны постановляется слѣдующее:

Аще полоняникъ обою страну держимъ есть, или отъ Руси, или отъ Грекъ, проданъ въ ону страну, аще обрящется, ли Русинъ ли Гречeнинъ, да возвратятъ искупное лице въ свою сторону, и возмутъ цѣну его купящіи, или мнитъся въ куплю на день челядинная цѣна (21). Такоже аще отъ рати ятъ будетъ отъ тѣхъ Грекъ, такожъ да возвратится въ свою страну, и одана будетъ цѣна его, якоже речено есть, якожъ есть купля.

Если въ той или другой землѣ содержится плѣнникъ изъ Руссовъ или Грековъ, будучи проданъ въ ту землю, и найдется, что онъ Руссъ, или Грекъ: то по взятіи выкупа да возвратятъ такого человѣка на свою сторону, а купившій его да возьметъ цѣну, которую самъ заплатилъ за него, или да примется при выкупѣ цѣна раба, существующая въ день выкупа. Равно, если кто будетъ захваченъ ратію Греческою, да будетъ также возвращенъ въ свою страну и да будетъ заплачена за него, какъ сказано выше, торговая цѣна.

Егдажъ тѣ на войну ити, и сіи хотятъ почти Царя вашего, да аще въ кое время, елико ихъ придетъ, и хотятъ остати у Царя вашего, своею волею, да будутъ отъ Руси отполонени и множайши отъ коея любо страны

Если бы случилось итти на войну, и Русскіе плѣнные захотѣли бы почтить Царя вашего; то да поступятъ по собственной волѣ тѣ Руссы, которые пришли въ Русь изъ другихъ странъ, сдѣлались рабами и были проданы Христіа-

пришедшимъ въ Русь, и продаваемымъ бо Христіаномъ. Ащели же отъ Христіанъ плѣненныхъ многажды отъ коея любо страны приходящимъ въ Русь се продаемы бываютъ по 20 золота, и да придутъ въ Греки. Нест. спис. Шлец. Ч. II. стр. 729 и сл.

намъ. Но что касается плѣнныхъ Христіанъ, то да будутъ они продаваемы приходящими изъ какой нибудь страны въ Русь по 20 золотниковъ и да идутъ въ Грецію.

Другими словами: всѣ подданные той и другой Державы, которые въ то время находились въ плѣну или рабствѣ въ чужой землѣ, должны быть освобождены по уплатѣ покупной цѣны или (гдѣ это было не возможно) цѣны рыночной. Равномѣрно и тѣ Руссы, которые бы въ послѣдствіи времени попались Грекамъ въ плѣнъ на войнѣ, должны получать свободу по заплатѣ покупной цѣны. Такіе плѣнные могутъ по собственному произволу вступить и въ службу къ Греческому Императору (какъ часто дѣлали тогда Славяне, Скандинавы и другіе варвары), если только они принадлежатъ къ числу Руссовъ, приведенныхъ въ Россію въ качествѣ невольниковъ изъ другихъ странъ. Но если бы плѣнные Греки приведены были въ Россію изъ другихъ странъ, то ихъ должно продавать по 20 золотниковъ и возвращать въ Грецію.

Извѣстно, что въ древнія времена военноплѣнные были обращаемы въ рабство. Рабы, коими въ такомъ множествѣ торговала Россія

(Несп. слич. Шлец. Ч. III. стр. 314), были главнымъ образомъ военноплѣнные. Слово *полоняникъ* употребляется здѣсь еще для означенія военноплѣннаго, сдѣланнаго рабомъ. Такой образъ выраженія совершенно соотвѣтствуетъ простотѣ древняго языка и служитъ новымъ доказательствомъ глубокой древности сего договора. Игоревъ договоръ обозначаетъ особенное отношеніе военноплѣнныхъ уже точнѣе, прибавляя *работающе у Грекъ*, т. е. состоящіе въ услугахъ, и такимъ образомъ полагаетъ различіе между лицами попавшими въ неволю на основаніи права войны, и лицами находящимися въ рабствѣ по другимъ причинамъ.

Въ разсматриваемой нами статьѣ говорится именно о Русскихъ (а не о Грекахъ), которымъ бы случилось при какомъ нибудь походѣ попасть въ плѣнъ къ Грекамъ, а между тѣмъ судя по начальнымъ словамъ Олегова договора, долженъ существовать между Русскими Князьями и Греками вѣчный миръ. Это противорѣчіе, кажется, не иначе можно объяснить, какъ предположивъ, что здѣсь разумѣются набѣги отдѣльныхъ Русскихъ скопищъ, и наемная служба, какую Руссы часто принимали на себя въ другихъ Государствахъ; — обстоятельства, въ слѣдствіе коихъ они легко могли встрѣтиться съ Греческими войсками и попасть къ нимъ въ плѣнъ.

Далѣе—полагается ясное различіе между тѣми

Руссами, которые могутъ вступать въ военную службу къ Грекамъ, и тѣми, коимъ сего не дозволяется. Естественно, Олегъ не могъ желать, чтобы собственные его подданные вступали въ военную службу къ Грекамъ; потому онъ и выговорилъ для себя право выкупать ихъ, къ чему Русскіе Властители, безъ сомнѣнія, очень были склонны, побуждаемые и Политикою, и выгодою, и привязанностію къ единоплеменникамъ. Выкупъ плѣнныхъ, какъ особенно важный предметъ Русскаго Права, сохранился въ немъ до Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, въ которомъ, онъ составляетъ отдѣльную главу (28). Впрочемъ нельзя было сдѣлать безусловнаго и всеобщаго запрещенія вступать въ Греческую службу; почему и дано было на сіе позволеніе, но только тѣмъ, кои, бывъ порабощены другими народами во время набѣговъ на Россію, или инымъ какимъ нибудь образомъ, проданы были въ Грецію; ибо такія лица, когда попадались въ руки непріятелю, считались потерянными для Государства.

И такъ, смыслъ сихъ условій, относящихся къ Народному Праву, будетъ слѣдующій:

Плѣнные съ той и другой стороны могутъ быть выкупаемы по уплатѣ покупной или рыночной цѣны невольника. За плѣнныхъ Грековъ, приведенныхъ въ Россію изъ другихъ странъ, цѣна выкупа полагается въ 20 золотниковъ. Плѣнные Руссы могутъ, если захотятъ сами,

вступать въ Греческую службу; но сіе позволеніе не относится къ тѣмъ, кои, принадлежа къ Русской Державѣ, были коренными подданными Русскаго Князя.

3. Относительно имѣнія Руссовъ, умирающихъ въ Греческой службѣ (29), постановляются слѣдующія условія:

Аще кто умретъ не урядивъ своего имѣнья ни своихъ не имать, да возвратитъ имѣніе къ милымъ ближникамъ (30) въ Русь. Ащель сотворитъ обряженіе, таковый да возметъ уряженое его, кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье его, да наслѣдитъ е отъ взимающихъ куплю Руси отъ различныхъ хотящи во Греки и удолжающихъ. Нест. сл. Шлец. Ч. II. стр. 738, сл.

Если кто умретъ, не распорядивъ своимъ имѣніемъ, и родныхъ при себѣ не имѣетъ: то да будетъ прислано его имѣніе въ Русь къ милымъ ближнимъ. Но если онъ сдѣлалъ распоряженіе, то да получитъ имѣніе его тотъ, кого онъ письменно сдѣлалъ наслѣдникомъ своего имѣнія, да возметъ оное таковый наслѣдникъ отъ Руссовъ, торгующихъ въ Греціи и должныхъ тамъ.

Сіе мѣсто ясно показываетъ, что Руссы торговали съ Греками уже не посредствомъ мѣны вещей въ натурѣ, а съ платежемъ наличныхъ денегъ, даже на кредитъ и знали платежъ денегъ посредствомъ ассигнованія; всё это свидѣтельствуетъ о неожиданномъ развитіи купеческой промышленности.

Въ разсужденіи тогдашняго Народнаго Права, къ коему относится вышеприведенная статья,

можно сдѣлать только немногія замѣчанія:

У древнихъ народовъ, когда они вступали въ дружественные союзы, было обыкновеніе всегда заботиться о томъ, чтобъ собственность ихъ единоземцевъ, которые, проживая въ другихъ Государствахъ, умирали тамъ, была возвращаема ихъ родственникамъ. Извѣстно, что Властители имѣли тогда большую склонность присвоять себѣ имущество чужестранцевъ послѣ ихъ смерти, какъ имущество выморочное, не защищаемое закономъ; по сей-то самой причинѣ лица, терпѣвшія отъ того, и старались ограждать себя противъ этого всѣми возможными мѣрами.

Между тѣмъ надобно замѣтить, что въ договорѣ по сему случаю говорится только о такихъ Руссахъ, кои состояли въ службѣ у Грековъ. Это легко можно объяснить изъ господствовавшихъ тогда понятій. Только тѣ, кои обязывались службою чужому Государю, дѣлались какъ бы его подданными. Почему Греческій Императоръ и могъ дѣлать притязаніе на наслѣдство такихъ Руссовъ; они въ извѣстномъ смыслѣ были гражданами его Имперіи, а родственники ихъ вовсе чужіе.

О купцахъ не говорится ничего въ семъ отношеніи, между тѣмъ какъ они могли имѣть при себѣ значительные капиталы. Причина молчанія очевидна. На нихъ ни въ какомъ отношеніи нельзя было смотрѣть какъ на Греческихъ подданныхъ. Въ Греціи они были чу-

жіе; ихъ собственность была иноземное имущество, на которое никакой судъ ни подъ какимъ предлогомъ не могъ дѣлать притязаній. Купцы въ сіе время вездѣ считались чужими людьми, ни мало не принадлежащими къ составу Государства, и потому не пользовались его защитою. По сей-то причинѣ они тогда отправлялись въ путь, такъ какъ это бываетъ и нынѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ, большими обществами, — товариществами, которыя, будучи подчинены одному лицу, избранному изъ среды ихъ, образуютъ на время путешествія родъ политическаго союза. Если кто изъ нихъ умиралъ въ продолженіе такого путешествія, тогда товарищество брало остававшееся послѣ него имущество, какъ имущество принадлежавшее общему союзу, и обязывалось доставить оное въ цѣлости въ отечество, для удовлетворенія ли то его заимодавцевъ, или для отдачи его сродникамъ.

Постановленіе въ договорѣ особенной статьи о наслѣдованіи послѣ Руссовъ, находившихся въ службѣ у Грековъ, показываетъ, что въ Константинополѣ находилось значительное число такихъ Руссовъ. Но возможно ли это, если мы подъ именемъ Руссовъ будемъ разумѣть одно только отдѣльное племя, которое пришло съ Рюрикомъ къ Славянамъ на озеро Ильмень, и которое, по общепринятому мнѣнію, исключительно называлось Руссами? Какъ иначе объяс-

нить сіе обстоятельство, если мы не предположимъ, что Греки именемъ Руссовъ означали нѣсколько племенъ, частію покоренныхъ Олегомъ, частію состоявшихъ въ сродствѣ и тѣсной дружбѣ съ его Руссами?

4. Послѣдняя статья Олегова договора заключаетъ въ себѣ постановленіе, относительно взаимной выдачи людей, своевольно предпринимающихъ непріятельскія дѣйствія противъ союзной земли.

Аще злодый възвратится въ Русь, да жалуютъ Русь Хрестьянскому Царству, и ятъ будетъ таковый и възвращенъ дудетъ не хотя въ Русь. Нест. сл. Шлец. Ч. II. стр. 347.

Ежели кто злодѣйски будетъ ратовать противъ Руси, то Русскіе пусть жалуются на то Христіанскому Царю, и такой злодѣй да будетъ взятъ и противу воли возвращенъ въ Русскую землю.

Слѣдовательно такихъ *злодѣевъ*, если они не были пойманы, надлежало по требованію отыскивать, и выдавать оскорбленной Державѣ, дабы она могла поступить съ ними по своему произволу, какъ со врагами; это постановленіе необходимо между грубыхъ народовъ для сохраненія мирныхъ отношеній съ сосѣдами, и не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ объясненій. Если два народа находятся между собою въ мирѣ, а между тѣмъ изъ владѣній одного дѣлается непріятельское нападеніе на область другаго; то въ такомъ случаѣ первый народъ можетъ оправдать себя выдачею злодѣя оскор-

бленной сторонѣ, какъ общаго врага обоихъ народовъ, который уже не принадлежитъ болѣе къ ихъ составу, дабы оскорбленная сторона могла поступить съ нимъ какъ со врагомъ.

Въ заключеніе договора, взаимно распространяется обязательная сила вышеизложенныхъ условій и на Руссовъ, слѣдующими словами:

Сиже вся да сотворятъ Русь Грекомъ, идѣже аще ключится таково. Нест. сл. Шлец. Ч. II. стр. 744.	Все сіе да творять и Руссы Грекамъ, если гдѣ случится что нибудь такое.

Впрочемъ, кажется, какъ будто сіе постановленіе относится только къ тремъ предъидущимъ статьямъ (см. Гл. VI. 2. и Гл. VII. 3 и 4); потому что въ нихъ только, при опредѣленіи правъ говорится исключительно о Руси.

(23) Содержаніе предъидущей главы также бы можно было разсматривать въ смыслѣ Народнаго Права. Такой взлядъ соотвѣтствовалъ бы всего болѣе и распорядку предметовъ въ самомъ договорѣ. 1-й пунктъ принадлежитъ вмѣстѣ и къ Народному Праву, нѣкоторымъ образомъ какъ прибавленіе относящееся къ случаямъ по Частному Праву, какіе притомъ могли встрѣчаться [см. Нест слич. Шлец. Ч. II. стран. 722, сл.] 2-й пунктъ стоитъ между статьями, относящимся къ Народному Праву. Нѣсколько выше говорилось о плѣнникахъ, проданныхъ въ рабство [тамъ же ст. 729, 736 и 738], и все дѣло рабства, особенно, если рѣчь идетъ о двухъ различныхъ Державахъ, гдѣ подданные одной легко, могутъ сдѣлаться рабами другой, почти вполнѣ становится предметомъ Народнаго Права. Оба сіи пункта потому только и отдѣлены мною отъ прочихъ статей Народнаго Права и въ видѣ прибавленія присоединены къ постановленіямъ, относящимся къ Частному Праву, что было бы все равно, гдѣ бы мы ихъ ни помѣстили, а между тѣмъ здѣсь все дѣло состояло въ томъ, чтобы на двухъ примѣрахъ, взятыхъ

изъ самаго договора, показать, какъ глубоко вышеизложенныя простыя начала проникаютъ всѣ подобныя отношенія.

(24) Вмѣсто: *брани на сушѣ*, можетъ быть справедливѣе будетъ сказать вообще: *затрудненіе со стороны суши*, что впрочемъ для настоящаго изслѣдованія совершенно равно.

(25) Я не осмѣливаюсь рѣшить, какое мѣсто надлежитъ разумѣть здѣсь, то ли, куда ладія назначена, или то, откуда она пришла.

(26) Подъ *Русскою лодьею* очевидно, здѣсь надобно разумѣть ладью назначенную въ Россію. Такимъ же образомъ и Нѣмцы въ среднемъ вѣкѣ ѣздившихъ по торговымъ дѣламъ въ Россію купцовъ называли Ruzarii [Russlandsfahrer], а судна ихъ plaustra de Ruzia vel in Ruziam tendentia. Geschichte des Bysantinischen Handels bis zum Ende der Kreuzzüge von K. D. Hüllmann, [Francfurt a. d. Oder, 1808] стран. 124.

(27) *Челядинная цѣна.* Подъ симъ надобно разумѣть торговую цѣну раба въ тотъ день, въ который дѣлается выкупъ. Легко можно было узнать сію цѣну.

(28) Уложеніе, гл. VII, 1—7.

(29) Сія статья надписывается слѣдующимъ образомъ: *о работающихъ во Грецѣхъ Руси у Хрестьянскаго Царя* т. е. обязавшихъ себя службою Греческому Императору [*Работаю*, δουλεύω, ὑπουργέω, ὑπηρετέω, ministro, servio, famulor: такъ объясняетъ слово сіе *Лексиконъ трезычный*].

(30) *Ближикъ*, т. е. ὁ πλησίον, ближній сочеловѣкъ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Перемѣны и дополненія по Частному Праву.

Игорь, не имѣвши успѣха и во второмъ своемъ походѣ на Грековъ (944), почелъ за лучшее возобновить Олеговъ договоръ, на основаніи

предложенія, сдѣланнаго ему Послами Греческихъ Императоровъ. Миръ возстановленъ былъ посредствомъ договора, торжественно заключеннаго 945 года 20 Апрѣля. Выше на стр. 141 и слл. я раскрылъ, въ какомъ отношеніи состоятъ между собою сіи два договора. Въ сущности своей постановленія того и другаго почти совершенно одинаковы, какъ то и не могло быть иначе, судя по малому промежутку времени, находящемуся между обоими договорами, и по той медленности, съ каковою обыкновенно измѣняются понятія о Правѣ. Впрочемъ не смотря на это, разности въ образѣ выраженія и нѣкоторыя частныя измѣненія и дополненія ясно указываютъ на постепенные успѣхи въ развитіи сихъ понятій.

Первое постановленіе, какое сдѣлано въ Олеговомъ договорѣ относится до судебнаго производства; въ Игоревомъ его нѣтъ. Да и не было ни малѣйшей нужды повторять его. Ибо оно не только вообще основывалось на тогдашнихъ понятіяхъ о Правѣ, но и было въ особенности признано и утверждено обѣими сторонами посредствомъ договора (слич. выше стр. 151 и слл.).

1. Предметомъ второй статьи Олегова договора было убійство (см. выше стр. 158 и слл.); въ Игоревомъ она принадлежитъ къ числу послѣднихъ; но ея содержаніе одно и тоже, съ тѣмъ только небольшимъ различіемъ, что здѣсь не упоминается болѣе о женѣ. Можетъ быть, по-

становленное тамъ, пройдено здѣсь въ молчаніи съ намѣреніемъ именно потому, что такое постановленіе не согласовалось съ Русскими обычаями. Греки же могли находить себѣ достаточное обезпеченіе въ словахъ договора, коими установлялось *брать только имѣніе убійцы*, и слѣдовательно имѣніе, принадлежавшее по Греческому Праву женѣ, оставлялось неприкосновеннымъ (слич. Нес. сл. Шлец. Ч. III. стр. 170).

2. Предметомъ третьей статьи было нанесеніе ранъ, побои или тѣлесныя поврежденія (см. стр. 165 и сл.). Содержаніе ея въ обоихъ договорахъ одно и тоже; различно только опредѣляется вознагражденіе. Въ первомъ договорѣ оно составляетъ 5 литръ, во второмъ 10. Можетъ статься, что цѣна денегъ упала или найдено было нужнымъ возвысить пеню для отклоненія ссоръ и для ограниченія частной мести (см. Нест. сл. Шлец. Ч. III. стр. 172 и сл.).

3. Предметомъ четвертой статьи было воровство. О томъ, какъ надлежитъ поступать съ пойманнымъ на мѣстѣ воромъ, въ Игоревой грамотѣ не говорится ни слова. Да это было и не нужно. Постановленіе по сему предмету находилось уже въ прежнемъ договорѣ. Руссы, безъ сомнѣнія, не позволили бы въ то время отнять у себя права, тамъ изложеннаго; еще въ тринадцатомъ столѣтіи существовало у нихъ правило, что всякій въ правѣ убить вора пойманнаго на мѣстѣ. Но въ Игоревой грамотѣ се-

го постановленія не помѣщено потому, что это было бы только излишнее повтореніе постановленія уже прежде сдѣланнаго. За то здѣсь находятся другія постановленія, которыя посредственнымъ образомъ содѣйствовали къ уменьшенію и отмѣненію мести. Именно:

Аще кто покусится отъ Руси взяти что отъ люди Царства ([31]) *вашего, иже то сотворитъ покаженъ будетъ велми. Аще ли взялъ будетъ, да заплатитъ* [*сугубь*]. *И аще сотворитъ тоже Гречинъ Русину, да пріиметъ ту же казнь, якоже пріялъ есть и онъ. Аще ли прилучится украсти Русину отъ Грекъ что, или Гречину отъ Руси, достойно есть да взворотье не точію едино, но и цѣну его. Аще обрящется украденное продаемо, да вдастъ цѣну его сугубу. И то покаженъ будетъ по закону Грецкому и по уставу Грецкому и по закону Рускому.* Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 139.

Если кто изъ Русскихъ покусится взять что нибудь у людей Царства вашего, то сдѣлавшій это да будетъ строго наказанъ. Если же онъ взялъ дѣйствительно, то да заплатитъ за это (вдвое). Если сдѣлаетъ тоже самое и Грекъ Русскому, да подвергнется тому же наказанію, какое опредѣлено для Русскаго. Если случится украсть что нибудь Русскому у Грека или Греку у Русскато, то справедливость требуетъ, чтобы онъ возвратилъ ему не токмо вещь украденную, но и цѣну ея. Если же украденное будетъ уже продано, да отдастъ цѣну его вдвое. И сверхъ того да накажется таковый по закону Греческому и по уставу Русскому.

Сія статья Игорева договора представляетъ въ себѣ нѣсколько особенностей: а именно *а.* По-

кушеніе отнять у другаго собственность подлежитъ наказанію.

Это новое постановленіе, которое, очевидно, сдѣлано было на случай пребыванія Русскихъ въ Греціи. Тоже самое наказаніе, какому подвергался Руссъ въ этомъ случаѣ, должно постигнуть и Грека въ случаѣ такого же преступленія. Слѣдовательно здѣсь установлена взаимность для обезпеченія Русскихъ противъ произвола Греческаго Правительства; по сему прямо и непосредственно эта статья опредѣляетъ только то, какимъ образомъ должно было поступать съ Руссами, находящимися въ Греціи.

б) За дѣйствительно отнятое должно дѣлать вознагражденіе.

По Олегову договору полагалось вознагражденіе втрое. Теперь это положеніе должно было уничтожиться; потому что за отнятіе собственности опредѣлено уже наказаніе, и, какъ кажется, по Греческому Праву.

в) Воръ долженъ или возвратить украденную вещь, или заплатить цѣну ея, и сверхъ того подвергнуться наказанію, согласно Греческому и Русскому законамъ.

Постановленіемъ, что воръ долженъ не только возвратить украденную вещь, но и заплатить цѣну ея въ томъ случаѣ, когда или ее нѣтъ уже въ наличности, или она испорчена,— симъ постановленіемъ отмѣняется древнее простое юридическое правило: вещь украденную

должно возвратить хозяину. Такое возвращеніе часто не представляло достаточнаго вознагражденія для обокраденнаго; вещь иногда была уже испорчена. Почему въ семъ случаѣ прямо и возложено на вора обязанность—заплатить хозяину цѣну ея ([52]).

Слова: *и то покаженъ будетъ по закону Грецкому и по закону Русскому* темны. Они могутъ имѣть тотъ смыслъ, что при опредѣленіи наказанія надлежитъ руководствоваться Правомъ или того народа, къ коему принадлежитъ виновный, или того, къ коему принадлежитъ обиженный. И тотъ и другой смыслъ имѣетъ свои основанія; но, согласно общему духу Древняго Права, казалось, надлежало бы отдать преимущество тому объясненію, по коему наказаніе поставляется въ зависимости отъ отечественнаго Права обиженной стороны. Ибо обиженный обыкновенно имѣлъ въ своей власти пойманнаго вора; наказаніе было его правомъ. Оба народа строго держались своихъ законовъ, и въ Россіи, навѣрное, мало обращали вниманія на Греческое Право; да едва ли могли и знать его хорошо. Но какъ согласить съ этимъ всецѣлое различіе Греческихъ понятій о Правѣ, и ту сильную нерасположенность Грековъ подчинять себя чужимъ законамъ, которая довольно ясно проявляется во многихъ мѣстахъ сей грамоты? — Но поелику также невѣроятно, чтобы и Руссы въ Россіи захотѣли поступать съ обидчикомъ на основа-

нія чужаго Права; то надлежитъ остановиться на томъ предположеніи, что сія статья Игорева договора постановлена единственно на случай пребыванія Руссовъ въ Греціи. Симъ предположеніемъ, которое подтверждается многими обстоятельствами, какъ то увидимъ ниже,—разрѣшаются всѣ трудности при объясненіи сего весьма темнаго мѣста.

Касательно другихъ преступленій, къ коимъ бы могли быть приложены общія основанія Частнаго Права (см. выше Главу 6), въ Игоревой грамотѣ заключается очень немного. Въ ней сдѣланы тольо нѣкоторыя постановленія:

1. Отосительно того случая, когда прибьетъ Греческую ладыо къ берегу:

Аще обрящутъ Русь кувару Грецкую ввержену на коемъ либо мѣстѣ, да не пріобидитъ ся. Ащели отъ нея взметъ кто что, или человѣка поработитъ или убьетъ: да будетъ виненъ закону Руску и Грецку. Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 151.

Если Русскіе найдутъ гдѣ Греческую ладью, выкинутую на берегъ, да не обидятъ ее. Если же кто возметъ что съ нее, или поработитъ человѣка, или убьетъ, тотъ да судится по закону Русскому или Греческому.

Это значитъ, что виновнаго должно было наказать по закону того народа, во власти коего онъ находился, или въ которомъ дѣло поступало для судебнаго изслѣдованія и рѣшенія. Совмѣстничество обоихъ Законодательствъ въ одномъ и томъ же случаѣ, т. е. когда

Греки, потерпѣвшіе кораблекрушеніе, были бы обижены (Русскими),—доказываетъ, что въ выборѣ законовъ не было обязанности сообразоваться съ качествомъ виновнаго.

Сіе постановленіе различно съ постановленіемъ, сдѣланнымъ по тому же предмету въ Олеговой грамотѣ. Здѣсь въ разсужденіи того же самаго преступленія ограничивались однимъ указаніемъ на положеніе пеней, сдѣланное выше въ договорѣ для обоихъ народовъ. Напротивъ во второмъ договорѣ, по многимъ преступленіямъ (какъ на пр. насильственному отнятію собственности, воровству), вмѣсто общихъ постановленій пени, обращается уже вниманіе на Земскія Права обоихъ народовъ; слѣдовательно и вышеприведенная статья договора должна была получить соотвѣтственное тому измѣненіе.

Въ сей же статьѣ упоминается объ одномъ совершенно новомъ родѣ преступленія, о коемъ ничего не говорится въ древнѣйшихъ Русскихъ законахъ: это есть порабощеніе свободнаго человѣка. Безъ сомнѣнія такое нарушеніе правъ свободы чаще могло быть со стороны грубыхъ Руссовъ противъ образованныхъ Грековъ, нежели на оборотъ. По Греческому Праву это было уголовное преступленіе; и по Русскому тоже; но только рѣшительное постановленіе по сему предмету въ законахъ является уже весьма поздо. Не разсматривалось ли можетъ быть прежде только по отношенію къ

Народному Праву, и, слѣдовательно, не почиталось ли непріятельскимъ дѣйствіемъ противъ Государства то, когда свободный гражданинъ продаваемъ былъ въ рабство иностранцу? Ибо въ самой Имперіи онъ могъ во всякое время искать возвращенія себѣ свободы. Кто насильственно препятствовалъ ему въ семъ дѣлѣ, тотъ дѣлался виновнымъ въ другомъ преступленіи, и въ слѣдствіе того подлежалъ уже наказанію. Почему въ семъ случаѣ не было ни малѣйшей нужды представлять именно хищеніе людей какъ особенное преступленіе въ ряду дѣлъ, заслуживающихъ наказаніе.

2. Въ случаѣ побѣга невольниковъ общія основанія Частнаго Права долженствовали имѣть слѣдующее приложеніе:

И аще ускочитъ челядинъ отъ Русъ, понежъ приидутъ въ страну Царства вашего, и отъ святаго Мамы (33), и аще будетъ обрящется, да поимутъ. Ащели необрящется, да на роту идутъ наша Христіаная Русь (34), а не Христіане по закону своему. Тогда возимаютъ отъ насъ цѣну свою, якожъ уставлено есть преже, двѣ паволоцѣ за челядина. Ащели кто отъ людей Царства вашего, (35) или

Когда убѣжитъ невольникъ изъ Руси, и придетъ въ страну царства вашего, или отъ гостей, живущихъ у Св. Мамы и отыщется, то Русскіе да возьмутъ его. Еслиже не отыщется, да клянутся въ бѣгствѣ его, наши крещенные Руссы по своей вѣрѣ, а некрещеные по своему закону. Тогда да получаютъ отъ насъ цѣну его, какъ прежде положено было, по 2 паволоки за раба. Еже-ли кто отъ людей царства

отъ города вашего, или отъ иныхъ городовъ, ускочитъ челядинъ нашъ къ вамъ и принесетъ что: да взвратятъ опять; и еже что принеслъ все цѣло да возметъ отъ него золотника 2. Нест. спис. Шлец. Ч. III. стр. 133.

вашего, или вашего города, или другихъ городовъ, находящійся у насъ въ рабствѣ, убѣжитъ къ вамъ и унесетъ что нибудь съ собою: да возвратится это; и если унесенное будетъ еще цѣло, то возвратившій да возметъ за него 2 золотника.

Въ Олеговомъ договорѣ постановлено только было возвращать бѣжавшихъ и пропавшихъ рабовъ; то же постановленіе имѣло силу и въ разсужденіи украденнаго и насильственно проданнаго раба. Но теперь, въ Игоревомъ договорѣ, сіе послѣднее правило уже совершенно теряетъ свою силу; ибо похищеніе и насильственная продажа невольниковъ должны были въ семъ договорѣ войти въ общее понятіе воровства и насильственнаго отнятія собственности, — преступленій, за которыя положено въ Игоревой грамотѣ особенное взысканіе. Только въ разсужденіи бѣжавшихъ невольниковъ оставалось еще въ силѣ прежнее постановленіе, съ нѣкоторою впрочемъ отмѣною. Опытъ, кажется, научилъ, что поиски невольниковъ, которые позволены были въ слѣдствіе перваго договора, подавали иногда поводъ къ ссорамъ и безпорядкамъ. Кромѣ того, такіе случаи, когда уходили невольники, не могли быть часты. Почему и разсуждено заблаго платить иностранцамъ за ихъ невольниковъ опре-

дѣленную цѣну (вѣроятно, какая находима была сходною), предполагая, если они утрату свою подтвердятъ клятвою.

Съ другой стороны постановлено, что если кто изъ Руссовъ, происходилъ ли онъ отъ собственнаго ихъ племени, или изъ другихъ подвластныхъ Россіи городовъ, будучи невольникомъ у Грековъ, убѣжитъ къ нимъ и унесетъ съ собою что нибудь, бѣжавшій невольникъ долженъ быть возвращенъ съ унесенными вещами, и если снесенное имъ будетъ въ цѣлости, то Руссы за каждаго таковаго невольника должны получить два золотника.

Неоспоримо, сіе постановленіе обымало и тотъ случай, когда бы убѣжавшій невольникъ и ничего не унесъ съ собою. Но здѣсь надлежало преимущественно постановить то, чтобы возвращающій бѣглаго получалъ законное награжденіе тогда только, когда онъ все взятое невольникомъ, и судя по вѣроятности, къ нему принесенное доставитъ въ цѣлости. Потому-то исключительно и упоминается здѣсь о семъ только случаѣ. Награжденіе составляло пятую часть цѣны раба (слич. ниже о Народномъ Правѣ, полож. 2). Въ такомъ же содержаніи опредѣляется оно и въ Правдѣ тринадцатаго столѣтія (37).

31) «*Царства вашего*» такъ читается сіе мѣсто въ большей части списковъ; почему сіе выраженіе надобно считать однимъ распространеніемъ прежде поставленнаго «*отъ Руси.*» Греки хотѣли тѣмъ обьять *всѣхъ* подданныхъ Игоря.

(32) Если бы справедливо было чтеніе тѣхъ списковъ Лѣтописи, въ коихъ полагается сугубая цѣна, то, можетъ быть, здѣсь надлежало бы уже видѣть нѣкоторый шагъ къ смягченію строгости Древняго Права относительно воровъ. Но принятое чтеніе, если взять при семъ въ соображеніе всѣ соприкосновенныя обстоятельства, имѣетъ болѣе причинъ, говорящихъ въ опроверженіе, нежели въ защищеніе его правильности.

(33) Это была предмѣстная гавань Константинополя. См. Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр 663. Русскіе купцы, посѣщавшіе Константинополь, должны были приставать [витать] въ семъ мѣстѣ, а въ самомъ Константинополѣ имъ жить не было позволено; впрочемъ и у Св. Мамы они могли оставаться не болѣе, какъ на шесть мѣсяцевъ. Зимовать было воспрещено. Слич. ниже гл. 10.

(34) «*Наша*» Христіанская Русь; безъ сомнѣнія, такъ называются здѣсь тѣ, которые въ Греціи перешли въ Христіанскую Вѣру; и потому весьма кстати могли быть названы отъ Грековъ *наши*, какъ ихъ единовѣрцы. Руссы не могли приложить сего мѣстоименія къ симъ отступникамъ своей вѣры, тѣмъ болѣе, что они противополагаются слѣдующимъ за тѣмъ непосредственно *не—Христіанамъ*. Равно Христіане—Руссы не могли быть названы Греками «*ваши*» единственно по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыя посланы были Русскимъ Княземъ для заключенія договора.

(35) Нельзя съ достовѣрностію рѣшить, какъ правильнѣе здѣсь читать, «*вашего*» или «*нашего.*» Въ первомъ случаѣ должно будетъ разумѣть Русскихъ невольниковъ, по принадлежащихъ Грекамъ, а въ послѣднемъ вообще рабовъ. Но самый смыслъ въ существѣ своемъ чрезъ то не измѣняется. Какое бы чтеніе кто ни избралъ, сдѣланное мною положеніе, что въ семъ договорѣ говорятъ Греки, не можетъ быть опровергнуто. Подъ словомъ «*города вашего*» разумѣется Кіевъ, къ коему прибавляются «*иніи города*» чтобы тѣмъ объять всѣхъ Греческихъ невольниковъ.

(36) Т. е. что онъ укралъ, при своемъ побѣгѣ, изъ имущества господина своего; случай, довольно часто встрѣчавшійся, какъ это мы видимъ изъ позднѣйшихъ законовъ.

(37) Слич. ниже вторую книгу, прибавленіе II.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Измѣненіе и дополненіе Народнаго Права.

1. Руссы обѣщаютъ неприкосновенность имущества, остающагося послѣ кораблекрушенія. Самыя слова приведены уже выше: *Аще обрящутъ Русь кувару Грецкую ввержену на коемъ либо мѣсте, да не пріобидитъ ея. Аще ли отъ нея взметъ кто что, или человѣка поработитъ, или убьетъ: да будетъ виненъ закону Руску и Грецку.* Нестор. слич. Шлец. Ч. III. стр. 151. По сему же предмету находится постановленіе и въ Олеговомъ договорѣ; но здѣсь, въ Игоревой грамотѣ, оно является совершенно въ другомъ видѣ. Здѣсь постановляется только, чтобы Руссы не дѣлали никакой обиды выброшенной на берегъ ладьѣ, т. е. какъ объясняется слѣдующими за тѣмъ подробностями, чтобы не смѣли ничего брать изъ нее, не убивали, не порабощали находящихся въ ней людей; въ противномъ случаѣ подвергаются наказанію по закону Русскому и Греческому. Мирный договоръ Олега обязываетъ Руссовъ къ оказанію значительныхъ пособій (сл. выше стран. 181 и сл.).

Какъ объяснить такое измѣненіе? Не надобно ли искать сему основанія въ томъ, что Руссы

уже не были болѣе, какъ во время Олега, повелителями сѣверныхъ береговъ Чернаго моря? Исторія не противорѣчитъ вѣроятности сего предположенія; она указываетъ намъ на явленіе новаго народа, начинающаго играть важную роль въ сихъ мѣстахъ; это были Печенѣги, двинувшіеся сюда съ Востока. Многія также статьи сего договора, которыя приведены будутъ ниже, подтверждаютъ сію догадку.—Или не потому ли умолчано о прежнемъ постановленіи, что съ возобновленіемъ дружественныхъ отношеній предполагалось уже возобновленіе и прежней статьи договора? И то и другое возможно; и то и другое могло быть основаніемъ, почему въ настоящемъ случаѣ найдено было излишнимъ какъ повтореніе прежней статьи, такъ и опредѣленіе ея въ болѣе точномъ видѣ.

2. Касательно выкупа плѣнныхъ Греки согласились на слѣдующее постановленіе:

И елико Хрестьянинъ отъ овласти нашее пленена приведутъ Русь, ту аще будетъ уноша или дѣвица добра, да вдасть золотникъ 10, и поимутъ и; аще ли есть средовичь, да вдасть золотникъ 8, и поиметъ и; аще ли будѣтъ старъ или дѣтичь, и да дасть золотникъ 5. Аще ли обрящется Р у с и н ъ работающе у	Ежели Русскіе приведутъ полоненыхъ въ нашей землѣ Христіанъ; то да дастъ, кто захочетъ ихъ выкупить, если это юноша или хорошая дѣвица, — 10 золотниковъ, и да возметъ ихъ; за плѣнника среднихъ лѣтъ да дастъ 8 золотниковъ, и возметъ его, а за старика и малолѣтнаго да дастъ 5 золотниковъ. Когда

Грекъ, аще суть полоненицы да искупають Русь по 10 золотниковъ. Аще купилъ будетъ Гречинъ подъ хрстмъ, достоитъ ему да возметъ цѣну, еликоже далъ будетъ на немъ. Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 143 сл.

же Русскіе найдутся въ неволѣ у Грековъ, то всякаго плѣннаго да выкупають цѣною 10 золотниковъ. Если же Грекъ купилъ его подъ крестомъ, то справедливость требуетъ, чтобы онъ получилъ ту цѣну, которую самъ далъ за него.

Главнымъ образомъ здѣсь говорится только о выкупѣ приведенныхъ въ Грецію, и находящихся въ ней невольниковъ. Сіе право выкупа постановлено уже было въ Олеговомъ договорѣ. Въ Игоревомъ прибавлено только противу перваго опредѣленіе цѣнъ для невольниковъ соразмѣрно способности ихъ въ службѣ. За Грековъ отъ части полагается меньшая цѣна, по мѣрѣ ихъ годности (38), а за Руссовъ высшая; но это легко объясняется тѣмъ, что сіе опредѣленіе цѣнъ постановлено только относительно тѣхъ Грековъ, коихъ Руссы приводили въ Грецію, и слѣдовательно сами собою расположены были продать ихъ. Постановленіе опредѣленной и не слишкомъ высокой цѣны выкупа служило самымъ лучшимъ средствомъ къ предотвращенію побѣга невольниковъ, который прежде подавалъ такъ много поводовъ ко взаимнымъ неудовольствіямъ и ссорамъ.

Назначеніе выкупной цѣны для плѣнныхъ Руссовъ относилось къ тѣмъ изъ нихъ, кои находились въ неволѣ у Грековъ, и коихъ выку-

пали Русскіе торговые люди, во время своего пребыванія въ Греціи. Договаривавшіяся стороны не находили несправедливымъ — опредѣлить за нихъ самую высшую цѣну, какая положена была за лучшаго Греческаго невольника. Кромѣ сего, дѣлается различіе между военноплѣнными и купленными Русскими невольниками. Только къ первымъ относилось общее росписаніе цѣнъ; а за послѣднихъ хозяинъ могъ требовать ту цѣну, какую самъ далъ за нихъ (*подъ крестомъ* т. е. на публичномъ торгу).

Что касается до постановленій, сдѣланныхъ въ Олеговомъ договорѣ

3. Относительно образа наслѣдованія послѣ Руссовъ, находившихся въ службѣ у Греческаго Царя, и

4. Относительно выдачи тѣхъ, кои враждебно дѣйствуютъ противу другаго Государства, то обоихъ сихъ постановленій въ Игоревой грамотѣ болѣе не повторяется.

Онѣ не могли принадлежать къ сему договору, который долженъ былъ содержать въ себѣ однѣ только новыя постановленія въ пользу Грековъ и касательно пребыванія Русскихъ въ Константинополѣ. Однакожъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, чтобы сіи прежнія постановленія по тому самому уже теряли всю свою силу. Нѣтъ! Возобновленіемъ дружественныхъ отношеній возобновлялся и весь прежній мир-

ный договоръ, а слѣдовательно и всѣ постановленныя въ немъ условія.

5. Касательно выдачи Греческихъ преступниковъ Греческому Правительству для наказанія, постановлено:

Аще ли ключится проказа нѣкако отъ Грекъ сущихъ подъ властію царства нашего, да не имате власти казнити я, но повеленіемъ Царства нашего да пріиметъ, якоже будетъ створилъ! Нест. спис. Шлец. Ч. III. стр. 167.

Если Греки, состоящіе подъ властію нашего Царства, учинятъ какое нибудь преступленіе, то да не имѣетъ Князь власти наказывать ихъ; но да примутъ они сію казнь, соразмѣрно преступленію, повелѣніемъ Царства нашего.

Сіе постановленіе прибавлено, и съ перваго взгляда представляется столь страннымъ, что толкователь совершенно изумѣваетъ. Шлецеръ въ Нест. Ч. III. стр. 168, прямо называетъ его безсмыслицей и спрашиваетъ: «И Кіевскіе Послы согласились на эту статью? Этому быть «нельзя.»

Но вмѣсто мнимаго безсмыслія я открываю въ словахъ Лѣтописи слѣдующій смыслъ: Греки, учинившіе преступленіе, не должны быть своевольно наказываемы Русскими, но Греческимъ Правительствомъ, и слѣдовательно, по закону Греческому. Но къ чему жъ надлежитъ относить такое постановленіе? Неоспоримо, къ пребыванію Руссовъ по торговлѣ въ самой Греціи. Такъ должно полагать, во первыхъ, потому, что главное, основное намѣреніе всего

договора, которое ясно открывается изъ внутренней его связи, у Грековъ было то, чтобы постановить выгодныя для себя условія касательно взаимнаго сношенія обоихъ народовъ въ Греціи. Во вторыхъ, нельзя иначе и представить себѣ самаго постановленія, о коемъ мы говоримъ теперь, какъ по отношенію къ пребыванію Руссовъ между Греками; ибо, неоспоримо, Руссы не потерпѣли бы ни малѣйшаго ограниченія со стороны Греческихъ законовъ внутри своего отечества. Въ Исторіи сего времени нѣтъ никакого намека, чтобы Греки имѣли тогда столь сильное вліяніе на Россію, какое нужно предположить въ случаѣ противнаго объясненія. Кромѣ того, если неограничить сего постановленія однимъ пребываніемъ Русскихъ въ Греціи, то оно противорѣчитъ очевидно характеру грубаго народа, который и послѣ одержанной надъ нимъ побѣды остается еще сильнымъ. Грубый, сильный народъ нетерпѣливъ и горячъ; онъ не могъ бы спокойно ждать до того времени, пока не получено будетъ изъ Византіи рѣшенія по дѣлу Грека, оскорбившаго права Руссовъ въ ихъ собственномъ отечествѣ. Византія была далеко и рѣшеніе, можетъ быть, долженствовало бы приходить уже спустя годъ. Но принявъ вышеозначенное ограниченіе, которое вытекаетъ изъ связи всего договора, разсматриваемое нами постановленіе не представляетъ ничего невѣроят-

наго; оно есть естественное раскрытіе взаимныхъ отношеній между обоими народами. Греки, какъ народъ образованнѣйшій, необходимо должны были стремиться къ тому, чтобы дать, сколько возможно, больше силы и дѣйствія системѣ своего Права, а Руссы, какъ народъ болѣе грубый, чѣмъ ближе знакомились посредствомъ торговыхъ и другихъ сношеній съ обычаями и уставами образованнаго народа, тѣмъ болѣе должны были располагаться къ принятію оныхъ, по крайней мѣрѣ, на время взаимнаго ихъ съ нимъ сообщенія.

(38) Сіе опредѣленіе достоинства или цѣнности невольника можетъ представляться для насъ страннымъ. За *середовича* или человѣка съ полными силами средняго возраста полагается меньшая плата, нежели за юношу или дѣвицу; но такое же распредѣленіе цѣнъ [и, вѣроятно, на одинаковомъ основаніи] находимъ мы еще и теперь у другихъ народовъ, кои производятъ торгъ невольниками [слич. I. L. Burckhardt's Reisen in Nubien. Weimar, 1820, стр. 443]. Новое доказательство подлинности и истины договора.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Постановленіе извѣстныхъ правилъ, по Народному Праву, и опредѣленіе образа сношенія Руссовъ съ Греціею.

Прежде, нежели Олегъ заключилъ свой договоръ съ Греками, были постановлены нѣкоторыя условія касательно образа сношенія Руссовъ

съ Греками и, въ особенности, съ столицею ихъ царства, Константинополемъ, и въ заключеніе утверждены были торжественною клятвою, но въ самую грамоту внесены не были. Въ послѣдствіи это могло оказаться вреднымъ для той и другой стороны. Почему обѣ стороны и обеспечили себя утвержденіемъ сихъ условій въ видѣ дополнительныхъ статей къ Игореву договору. Точность и обстоятельность, съ какою Несторъ излагаетъ сіи условія въ сказаніи своемъ о счастливомъ походѣ Олега, не оставляютъ почти ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что они ему извѣстны были письменно. Вотъ его слова:

Олегъ мало отступи отъ города, и нача миръ творити со Царьма Грецкима, со Олеңомъ и Александромъ, посла къ нимъ въ градъ Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя: имитемись подань. И рѣша Греци чего хощешь дамъ ти? И заповеда Олегъ дать воемъ на 2000 *корабль по* 12 *гривенъ на ключь* (39); *и потомъ даяти уклады на Рускыя грады, первое на Кіевъ, таже на Черниговъ, на Переяславль, на Полтѣскъ, на Ростовъ,*

Олегъ, отступивъ нѣсколько отъ города, началъ вести мирные переговоры съ Греческими Царями, Львомъ и Александромъ, отправилъ къ нимъ въ городъ пословъ: Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида и велѣлъ сказать: дайте мнѣ дань. Греки же сказали: чего ты хочешь, чтобы мы тебѣ дали? Олегъ потребовалъ, чтобы войскамъ его на 2000 кораблей дано было по 12 гривенъ *на ключь*, далѣе, чтобы дана была подать на Русскіе города: сперва на Кіевъ, по-

на Любечь, и на прочая городы: по тѣмъ бо городомъ сѣдяху велицiи князи подъ Ольгомъ суще. Да приходячи Русь слюбное емлютъ, елико хотячи. А иже придутъ гости, егда емлютъ мѣсячину на 6 мѣсяцъ, хлѣбъ, вино и мясо и рыбы и овощеи; и да творятъ имъ мовь елико хотятъ (40). *Пойдучиже Русь за ся емлютъ у Царя вашего брашно и якори и ужа и парусы, и елико надобе.*

томъ на Черниговъ, Переяславль, Полотскъ, Любечь и на прочiе города; ибо во всѣхъ сихъ городахъ сидѣли именитые Князья, подвластные впрочемъ Олегу. Если придутъ Руссы, то да получаютъ съѣстныхъ припасовъ, сколько имъ угодно. Если же придутъ гости, то да получаютъ мѣсячнаго на 6 мѣсяцевъ, хлѣбомъ, виномъ, мясомъ, рыбою и овощами, и да отпускаютъ имъ столько, сколько захотятъ. Русскiе, возвращаясь во свояси, должны получать у Царя вашего съѣстные припасы, якори, спасти, парусы и все нужное для возвратнаго пути.

И яшася Греци, и рѣста Царя и Боярство все: аще прiидутъ безъ купли, да не взимаютъ мѣсячины. Да запретитъ Князь словомъ своимъ приходящимъ Руси здѣ, да не творятъ пакости въ селѣхъ въ странѣ нашей. Приходяще Русь все витаютъ у святаго Мимы, и послетъ царство наше; и да испишутъ име-

Греки согласились на это, и оба Царя со всѣмъ своимъ Совѣтомъ сказали: Руссы, которые придутъ въ Константинополь не по дѣламъ, не имѣютъ права требовать мѣсячнаго содержанiя. Да запретитъ Князь вашъ словомъ своимъ приходящимъ сюда Руссамъ дѣлать жителямъ обиду на проходѣ селами страны на-

на ихъ; и тогда возмутъ мѣсячинное свое, первое отъ города Кіева, и паки исъ Чернигова, и исъ Переяславля, и прочіи градъ. И да входятъ въградъ одними вороты со царевымъ мужемъ, безъ оружія, мужъ 50; да творятъ куплю, якожъ имъ надобѣ, не платить мыта ни въчемже (Исст. слич. Ч. II. стр. 637 и сл.).

шей. Приходящіе къ намъ Руссы должны приставать у Св. Мамы; послѣ чего Царство наше пошлетъ чиновниковъ, которые запишутъ имена ихъ, и тогда получатъ они мѣсячное свое содержаніе, сперва прибывшіе изъ города Кіева, за тѣмъ — изъ Чернигова, изъ Переяславля и такъ далѣе. Они должны входить въ городъ одними только воротами, съ Императорскимъ приставомъ, безоружные, и не болѣе 50 человѣкъ вдругъ; могутъ отправлять торгъ свободно, не платя никакой пошлины.

Какого рода была дань сія, которую Греки обязались теперь платить Олегу, подобно какъ послѣ, Игорю, Шлецеръ (Исст. Ч. II. стр 643 и сл.) объяснилъ достаточно. Это были дары, коими Византійскій Дворъ, обыкновенно, покупалъ тогда себѣ миръ у варваровъ, не желая, впрочемъ, вступать посредствомъ договоровъ въ постоянное данничество.

Мѣсячина, которую должны были получать ходившіе по дѣламъ въ Константинополь Руссы, и именно гости, выговаривается для нихъ и въ Игоревой мирной грамотѣ слѣдующими словами: *и тогда возмутъ мѣсячину свое, первое отъ*

города Кіева и паки изъ Чернигова, и исъ Переяславля. Нес. слич. Шлец. Ч. III. стр. 122.

Въ Восточныхъ Государствахъ и у многихъ полуобразованныхъ народовъ—всеобщее обыкновеніе, чтобы иностранные Послы во время своего пребыванія въ землѣ посольства получали содержаніе безъ платы. Мы не должны удивляться, видя гостей на одной степени съ Послами; ибо тогда (да и нынѣ иногда такъ бываетъ на Востокѣ) сношенія между двумя Державами производились чрезъ посредство торговыхъ людей, а не было наряжаемо нарочитыхъ Посольствъ, поелику послѣднія и требовали большихъ издержекъ, и сопряжены были съ значительными затрудненіями. Даже спустя гораздо послѣ, приходившія вмѣстѣ съ Послами въ Россію лица, подобныя упоминаемымъ здѣсь гостямъ, содержимы были на счетъ Царскій, какъ то объяснилъ Шлецеръ (Ч. III. стр. 124), на основаніи свидѣтельства, сообщаемаго Стрійковскимъ, и какъ то подтверждается описаніями путешествій, которыя предпріемлемы были въ Россію въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ. Слич. Schlözer's allgem. nordische Geschichte, стр. 557—571, и Krug zur Münzkunde Russlands, стран. 145.

Только Руссы, которымъ не положено было никакого продовольствія, представляютъ нѣкоторую трудность въ объясненіи. Олегъ требовалъ, чтобы для всей Руси, для всѣхъ его под-

данныхъ давалось содержаніе (слюбное); но Греки именно постановили, чтобы Руссы, приходящіе безъ *купли*, не взимали мѣсячины. Что значитъ здѣсь *купля*? Шлецеръ переводитъ это слово: Handels-Geschäfte, торговыя дѣла (смот. Нест. Ч. II. стр. 657), въ чемъ соглашается съ нимъ и Карамзинъ (И. Г. Р. Том. I. стр. 134). Но что же надобно разумѣть подъ именемъ Руссовъ, приходившихъ въ Константинополь и не производившихъ никакой торговли? Чегожъ искали они тамъ? И какимъ образомъ могло ихъ быть такое множество, что для нихъ собственно надлежало постановлять статью въ договорѣ, а Игорь еще и послѣ нашелъ нужнымъ нарочито повторить о нихъ въ своей грамотѣ особыми словами: *и аще пріидутъ Русь бескупля, да не взимаютъ мѣсячины*. Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 121. Я думаю, что выраженіе: *купля* означаетъ здѣсь не одну торговлю, но вообще дѣло, занятіе. Первое (т. е. торговля) есть тѣснѣйшее знаменованіе *купли*, коимъ слово сіе съ раскрытіемъ Славянскихъ нарѣчій ограничено въ новѣйшія времена; послѣднее (дѣло, занятіе)—обширнѣйшее, первоначальное значеніе, въ каковомъ оно употреблено и переводчиками Библіи. Примѣръ сему находится 2 Тимоѳ. II, 4. гдѣ переведено словомъ: *купля* *πραγματεία* (занятіе дѣломъ, упражненіе въ чемъ нибудь); можетъ быть, подобное слово было употреблено и Греками въ переговорахъ съ

Русью Олеговыхъ и Игоревыхъ временъ ([41]). Такимъ образомъ здѣсь полагается различіе между Руссами, приходящими по дѣламъ, по промысламъ ([42]), и между Руссами, приходящими безъ дѣла, не для промысла. Первые получаютъ обыкновенное продовольствіе, а послѣдніе нѣтъ.

Впрочемъ, повѣренныхъ по дѣламъ Государственнымъ тогда было не такъ мало, какъ этого надлежало бы ожидать, если бы мы захотѣли по нынѣшнимъ нашимъ понятіямъ образъ народнаго сношенія въ тѣ времена. Право Народное тогда еще не имѣло опредѣленныхъ и прочныхъ основаній; почему вмѣсто того, чтобы снаряжать особыя посольства, часто дѣлали порученія къ иностраннымъ Правительствамъ съ отправлявшимися туда купцами. Но сіи купцы уже для одной безопасности въ дорогѣ совершали путешествія свои многочисленными обществами или караванами. Почти ни одного поѣзда не совершалось изъ отдаленной Руси безъ таковыхъ порученій. Купцы, обыкновенно, сами того добивались, поелику общественное дѣло служило къ огражденію ихъ личной безопасности, а Князья охотно давали имъ сіи порученія частію потому, что не представлялось другихъ болѣе удобныхъ случаевъ ко взаимному сношенію, а частію и потому, что они сами имѣли обыкновеніе посредственно или непосредственно принимать участіе въ караванной торговлѣ. Слѣдовательно, всѣ такимъ обра-

зомъ прибывавшіе изъ Россіи въ Константинополь караваны, обыкновенно, были общества гостей; но сіи гости вмѣстѣ были и повѣренными по дѣламъ общественнымъ; по сему-то они безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей противополагаются Руссамъ, приходящимъ безъ порученій по дѣламъ Государственнымъ. Но поелику такихъ гостей было много, и иногда при вступленіи ихъ въ Константинополь, (до коего они, вѣроятно, совершали путешествіе водою) могла быть большая тѣснота: то, для предотвращенія безпорядковъ, съ Греческой и Русской стороны, было опредѣлено, кого принимать напередъ. Уваженіе породы и древности существуетъ и въ племенахъ, точно также какъ и въ семействахъ. Племена, получая осѣдлость, образуютъ округи, которыя именуются по главнымъ мѣстамъ ихъ водворенія, и сіи мѣста, или, лучше, племена въ нихъ поселившіяся, въ послѣдствіи, установляютъ между собою извѣстное чиносостояніе, сообразно древности и знаменитости каждаго племени. Почему слова договора: *и тогда возмутъ мѣсячиное свое, первое отъ города Кіева, и паки исъ Чернигова, и исъ Переяславля, и прочіи градъ*, отнюдь не столь странны, какъ думаетъ Шлецеръ (Нест. Ч. III. стр. 126), но совершенно сообразны съ духомъ тѣхъ временъ.

Впрочемъ, дабы продовольствіе не слишкомъ было обременительно для Грековъ, то оно бы-

ло ограничено извѣстнымъ числомъ мѣсяцевъ и, по первому соглашенію, шестью мѣсяцами. Греки не охотно держали у себя заживавшихся Русскихъ гостей, какъ потому, что они, безъ сомнѣнія, не рѣдко обращались имъ въ тягость, такъ, можетъ быть, и для того, чтобы воспрепятствовать вступленію Венеціанъ, Генуезцевъ и Нѣмцевъ въ непосредственное сношеніе съ Руссами, въ слѣдствіе коего Константинополь могъ бы сдѣлаться одним мѣстомъ мѣны. Въ шесть мѣсяцевъ могли быть совершенно кончены и торговыя дѣла гостей; почему и самъ Олегъ не требовалъ большаго срока. Во второмъ договорѣ нѣтъ опредѣленія времени; вмѣсто того стоятъ тамъ слѣдующія слова: *и да не имѣютъ власти зимовати у Святаго Мамы* (гдѣ постоянно приставали Русскіе. Нест. сл. Шлец. Ч. II. стр. 663, Ч. III. стр. 132), *ни въ устье Днепра* (Нест. сл. Шлец. Ч. III. стр. 130 155). Пребываніе въ Константинополѣ и въ семъ случаѣ ограничено было полугодичнымъ срокомъ; но прибавленіемъ послѣднихъ словъ Греки думали дать болѣе выгодный оборотъ дѣлу. Они хотѣли чрезъ то насильно доставить столицѣ своей право складочнаго мѣста.

При возвращеніи Русскихъ въ отчизну, также надлежало снабжать ихъ всѣми потребностями для дороги. Обязательства, принятыя въ семъ отношеніи Греками въ договорѣ съ Олегомъ, подтверждены и въ Игоревой грамотѣ, хотя болѣе краткими словами:

И отходящи Руси отъсюду взимаютъ отъ насъ, еже надобе, брашно на путь людемъ и еже надобе лодіямъ, якоже уставлено есть первое: да взвращается со спасеніемъ, во свою сторону. Нест. слич. Шлец. Ч. III. стр. 129.	Отходящіе отсюда Руссы да получаютъ отъ насъ, какъ было прежде постановлено, на дорогу съѣстные припасы, сколько для нихъ понадобится, и все нужное для ладій, и да возвращаются за прикрытіемъ Греческимъ въ свою сторону.

Это совершенно въ духѣ того же начала, по которому Послы и всѣ Повѣренные по дѣламъ общественнымъ считаются гостями того Государства, въ коемъ они находятся, разумѣется, если оно состоитъ въ дружественныхъ отношеніяхъ къ ихъ отчизнѣ. Въ семъ уваженіи всѣ таковыя лица, по праву гостепріимства, снабжаются при отъѣздѣ всѣмъ нужнымъ для возвращенія въ отечество.

Олеговъ договоръ не говоритъ ничего о взаимномъ удостовѣреніи въ мирныхъ намѣреніяхъ приходящихъ Пословъ и гостей; но Игорева грамота на счетъ сего содержитъ въ себѣ слѣдующее:

Великій Князь Руский и Бояре его, да посылаютъ на то въ Грекы къ великимъ Царемъ Грецкимъ корабль елико хотятъ съ послы своими и гостьми. Якоже имъ уставлено есть, ношаху послы печати золотые, а	Великій Князь Русскій и Бояре его да посылаютъ въ Грецію къ Царямъ Греческимъ корабли съ гостьми и Послами, сколько хотятъ. Послы, какъ было до сихъ поръ уставлено, носили печати золотыя, а гости серебряныя;

гости серебряные; нынѣже увѣдалъ есть Князь нашъ, посылати грамоты ко Царству вашему иже посылаеми бываютъ отъ нихъже послїе и гостїе; да приносятъ грамоту пишюще сице, яко послахъ корабль селико; и отъ тѣхъ да умѣемъ и мы, оже съ миромъ приходятъ. Аще ли безъ грамоты прїидутъ и предани будутъ намъ, держимъ и хранимъ, дондеже взвѣстимъ Князю вашему. Аще руку не дадятъ и противятся, да убьени будутъ, да не ищется смерть ихъ отъ Князя вашего. Аще убѣжавше приидутъ въ Русь и мы напишемъ ко Князю вашему; яко имъ любо, тако творятъ. Нест. спич. Шлец. Ч. III. стр. 113 сл.

нынѣ же Князю нашему разсудилось лучше посылать пропускные виды для отправляемыхъ къ нашему Царству посламъ и гостямъ. Да отдаютъ они сїи пропуски, въ которыхъ означено число ихъ кораблей, дабы и мы знали, которые приходятъ съ миромъ. Но если кто придетъ безъ пропускнаго вида, того да отдадутъ намъ, и мы держимъ и хранимъ его до тѣхъ поръ, пока не извѣстимъ о томъ вашего Князя. Но если онъ не отдастся и будетъ противиться, и его убьютъ: Князь вашъ да не взыщетъ его смерти. Если же онъ уйдетъ, и убѣжитъ въ Русь: да извѣстимъ о томъ письменно вашего Князя, который тогда да поступитъ съ нимъ, какъ ему угодно.

Подобныя мѣры принимаемы были Греками и въ разсужденїи другихъ грубыхъ народовъ. Еще въ 715 году, въ договорѣ съ Болгарами было постановлено, чтобы торговые люди той и другой стороны, въ случаѣ привоза товаровъ, имѣли при себѣ грамоты и печати и т. д. Такъ гласитъ договоръ: ut mercaturam inter

utramque ditionem exercentes res suas vaenales litteris et sigillis, (*διὰ σιγιλλίων καὶ σφραγίδων*) commendatas et firmatas in publicas rationes inferre deberent (43). Theophan., p. 421.—Negotiantes vero in utraque regione per praecepta et signacula commendari. Si qui vero sine signaculo inventi fuissent, diriperentur, quae haberent et inferrentur publicis rationibus (44). Anastasii historia ecclesiastica, p. 178 См. zur Münzkunde Russlands (von Ph. Krug,) стр. 145.

Злоупотребленія, какія естественно дѣлались изъ таковаго удостовѣренія прилагаемыми печатями (45), а особенно различные подлоги, которые очень при томъ возможны, были причиною того, что Греки начали отъ Руссовъ требовать грамотъ, какія обыкновенно даются путешествующимъ, или пропускныхъ видовъ, въ которыхъ бы означалось число кораблей, отправленныхъ изъ Россіи въ Константинополь.

Но смыслъ всего установленія ясно показываетъ, что кромѣ поступавшихъ на службу къ Греческимъ Царямъ наемныхъ ратниковъ, Греки собственно терпѣли у себя однихъ только тѣхъ Руссовъ, которые имѣли при себѣ свидѣтельства; другіе ни подъ какимъ видомъ не были допускаемы. Одни только Послы и гости получали продовольствіе; они же одни и снабжаемы были доселѣ печатями; на мѣсто сихъ введены были грамоты, и Греки хотѣли узнавать посредствомъ таковыхъ письменныхъ свидѣ-

тельствъ, мирныя ли намѣренія питали въ себѣ приходившіе Руссы, не подложно ли кто выдавалъ себя Посломъ или Гостемъ. Все это ясно показываетъ, что Греки всячески старались предотвратить посѣщенія всѣхъ другихъ Руссовъ, кои не имѣли качества Пословъ или гостей, удостовѣреннаго общественнымъ свидѣтельствомъ. Очевидно, что здѣсь не было ни малѣйшей взаимности въ обязательствѣ; впрочемъ само собою разумѣется, что если иногда посѣщали Россію подданные Греческаго Царства, то они также снабжаемы были отъ своего Правительства удостовѣрительными видами или паспортами.

Ограничительныя условія, коимъ подвержены были Руссы во время пребыванія своего въ Константинополѣ, и особенно строгія мѣры предосторожности, которыя принимаемы были боязливыми Греками въ часъ прибытія Руссовъ, носятъ на себѣ совершенно печать сношенія грубыхъ народовъ съ образованными, и въ обѣихъ грамотахъ выражаются почти одними и тѣми же словами, а въ послѣдней еще съ слѣдующимъ прибавленіемъ:

Входяже Русь въ городъ, да не имѣютъ власти купить паволоки лише по 50 *золотниковъ; и отъ тѣхъ паволокъ, аще кто купитъ, да показуетъ Цареву мужу, и то запеча-*	Приходящіе въ городъ Руссы да не имѣютъ власти покупать паволокъ свыше 50 золотниковъ. Купившій долженъ показать ихъ Царскому чиновнику, который положивъ на

чаетъ и дастъ имъ. Исст. сл. Шлец. Ч. II. стр. 129. нихъ клеймо, да возвратитъ имъ оныя.

Симъ ограниченіямъ и еще съ большею строгостію должны были подвергаться въ Константинополѣ и другіе иностранцы, и Кремонскій Епископъ, Люитпрандъ, бывшій тамъ два раза (946 и 968 г.) въ качествѣ Посла, разсказываетъ, что предъ отъѣздомъ велѣно было ему предварительно показать купленныя имъ дорогія матеріи (pallia). Тѣ предметы, коихъ вывозъ дозволялся, были заклеймены; а запрещенные, напротивъ, были остановлены, и ему выдана была за нихъ торговая цѣна. Legatio Liutprandi . . . ad Nicephorum Phocam, in rerum Italicarum Scriptor. ab a. Ch. 500—1500, coll. L. A. Muratorius, T. II, p. 487. Слич. (Krug) zur Münzkunde Russlands, стр. 93 сл.

Слѣдовательно, съ Руссами было поступаемо гораздо снисходительнѣе; у нихъ не отбирали купленныхъ товаровъ, хотя бы вывозъ ихъ и весьма строго былъ запрещенъ; но, опечатавъ, немедленно возвращали. Вѣроятно, что законъ касательно запрещенія на вывозъ драгоцѣннѣйшихъ паволокъ относился не токмо къ Руссамъ, но и къ Грекамъ. Сіи послѣдніе, безъ сомнѣнія, не имѣли права продавать Руссамъ такихъ матерій. Впрочемъ, если запрещеніе единожды было нарушено, то Греческое Правительство въ такомъ случаѣ хотѣло скорѣе вѣдаться съ однимъ своимъ подданнымъ, не

касаясь покупателя; требовало его къ отвѣту и, можетъ быть, налагало на него тяжкій денежный штрафъ. Предъявленіе паволокъ Императорскимъ чиновникамъ служило средствомъ къ открытію нарушителя запрещенія. Греки лучше хотѣли отдавать Руссамъ покупки ихъ, нежели требованіемъ обратной отдачи заводить ссоры съ грубыми людьми. Если же когда случалось имъ накупать самыхѣ превосходныхъ и драгоцѣнныхъ матерій, которыхъ Греки отнюдь не хотѣли выпускать за границу, то Императорскій чиновникъ, въ силу постановленнаго договоромъ запрещенія, могъ отказывать имъ въ клейменіи, т. е. въ разрѣшеніи на вывозъ, и, возвращая цѣну товара и вознаграждая всѣ убытки, могъ удовольствовать тѣмъ Руссовъ.

Хотя въ Игоревомъ договорѣ нѣтъ ни слова о свободѣ отъ платежа пошлины, предоставленной Руссамъ по Олегову договору; впрочемъ изъ того нельзя еще рѣшительно заключить, чтобы она уничтожена была въ силу Игорева договора Не обращаясь къ вышеизъясненному нами положенію, что Игореву грамоту мира надлежитъ считать однимъ пополненіемъ Олеговой, самая вѣроятность не позволяетъ принять сего мнѣнія. При первоначальномъ состояніи Государствъ еще незнаютъ никакихъ податей съ покупки и продажи; грубые народы непривычны платить пошлины; они смотрятъ на такое требованіе, какъ на безчестіе и слѣ-

слѣдовательно какъ на непріятельское дѣйствіе. Даже спустя гораздо послѣ, когда гражданская образованность сдѣлала уже значительные успѣхи, древнее обыкновеніе — не взимать пошлины съ иностранцевъ, оставалось еще въ своей силѣ. Наконецъ, когда найдено было полезнымъ ввести такія пошлины, то и въ семъ случаѣ взимаемы онѣ были только съ природнаго жителя, продававшаго товаръ свой иностранцу или покупавшаго у него, какъ это въ Россіи соблюдалось и гораздо спустя послѣ.

Если даже положить, что постановленія, сдѣланныя по сему предмету въ Олеговомъ договорѣ, видоизмѣнены были позднѣйшими опредѣленіями, постановленными при Игорѣ (ибо статьи Олеговой грамоты опять приводятся сполна съ сдѣланными измѣненіями въ послѣдовавшемъ за нею договорѣ), то всё нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, чтобы предоставленная Руссамъ свобода отъ пошлины была уничтожена, — потому только, что она не подтверждена въ послѣдующемъ договорѣ. Это-то самое молчаніе Игоревой грамоты объ обязанности Руссовъ платить пошлину, убѣдительно и говоритъ, что въ ней не было на нихъ возложено никакого обязательства по сему предмету, и что они оставлены были при прежней естественной ихъ свободѣ и при всѣхъ правахъ, какія, обыкновенно, предоставляются грубымъ народамъ. Съ этимъ согласно и вышеприведенное (стр. 93)

нами мѣсто изъ Льва Діакона, въ коемъ говорится, что Руссамъ оставлены были при Святославѣ тѣже права въ торговыхъ сношеніяхъ съ Константинополемъ, какія постановлены были *издревле*. Но поелику Исторія со временъ Олега не упоминаетъ ни объ одномъ постановленіи, которое бы послѣдовало по сему предмету между двумя народами, то и надобно выраженіе: *издревле* принимать за указаніе на Олегову грамоту, которая слѣдовательно и во время Игоря не теряла еще своей силы.

Вообще всѣ сіи постановленія не имѣютъ большой важности для Исторіи Права. Таковы же и слѣдующія:

О корсуньстѣй сторонѣ, толикожъ есть городъ на сторонѣ, да не имутъ власти Князи Рустіи, да воюютъ на всѣхъ сторонахъ, а та страна не покорится вамъ. И тогда аще проситъ вои отъ насъ Князь Рустіи, дамы ему елико будетъ ему требе, да воюетъ. . . Аще обрящютъ Русь Корсуняны рыбы ловящи въ устѣ Днепра, да не творятъ имъ зла никоегоже. И да не имѣютъ Русь власти зимовати въ устье Днепра Белобережи, ни у Святаго

Что касается до Херсонской страны, то Русскіе Князья да не присвоиваютъ себѣ ни малѣйшей власти надъ всѣми ея городами; не возбраняется воевать во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ, только да не покоряютъ себѣ сей страны. И если въ семъ случаѣ Русскій Князь будетъ просить у насъ войска, то мы дадимъ ему, сколько будетъ нужно. Если Руссы найдутъ Херсонцевъ, ловящихъ рыбу въ устьѣ Днѣпра, да не причиняютъ имъ никакого зла. Также

Елферія: но егда пріидетъ осень, по да идутъ въ домы своя въ Русь. Иже то приходятъ черніи Булгари, и воюютъ въ странѣ Корсунестый, и велимъ Князю Рускому, да ихъ не пущаетъ и пакостятъ сторонѣ его. Нест. сл. Шлец. Ч. III. стр. 148—163.	не имѣютъ права они зимовать въ устьѣ Днѣпра у Бѣлобережія и Св. Елевферія; но при наступленіи осени да идутъ въ домы свои, въ Русскую землю. Также, когда приходятъ Черные Болгары и воюютъ страну Херсонскую; то повелимъ мы Русскому Князю не пускать ихъ и не дозволять тревожить сей земли.

Обязательства, принятыя здѣсь Руссами, замѣчательны только въ разсужденіи страны, къ коей онѣ относятся.

Онѣ легко могутъ быть объяснены, если на основаніи, хотя скудныхъ, свидѣтельствъ исторіи того времени разсмотрѣть тогдашнія отношенія Руссовъ къ странамъ лежащимъ по берегу Чернаго моря. Что Руссы съ древнихъ временъ владычествовали на берегахъ Понта, это доказывается свидѣтельствомъ Грековъ, Арабскихъ писателей и Несторовой Лѣтописи (46). Но сіе владычество необходимо должно было измѣниться со временъ Олега, когда могущественные Печенѣги оставили свои прежнія жилища на Востокѣ и поселились въ южныхъ странахъ по Днѣпру. Они произвели такое впечатлѣніе на Грековъ, что Константинъ Багрянородный полагалъ: Si pacem Patzinacitis (съ Пе-

ченѣгами) habeat Romanorum Imperator, imperium Romanum neque Russi, neque Turcae infestare possunt: neque item possunt a Romanis pro redimenda pace magnam pecuniarum vim exigere, Imperatorem hujusce gentis subsidiis ac potentia nixum pertimescentes (47). De admin. Imp. p. 47. И сія орда Печенѣговъ могла быть также единоплеменна съ безвѣстными обитателями береговъ Чернаго моря, какъ и новооснованное Русское Государство въ Кіевѣ. Симъ-то, можетъ быть, и надлежитъ объяснять ихъ движеніе съ Востока и такое, по видимому, безпрепятственное поселеніе въ сихъ мѣстахъ. Болѣе близкіе къ Черному морю, они, естественно, должны были ослаблять тамъ вліяніе Руссовъ. Изъ за Днѣстра тѣснили ихъ Печенѣги, изъ Тавриды Греки. Берега Чернаго моря лежали весьма далеко отъ новооснованнаго Государства въ Кіевѣ, и вмѣстѣ не представляли ничего привлекательнаго для браннолюбивыхъ Руссовъ; почему они и не принимали особенныхъ усилій въ разсужденіи сихъ странъ. Такимъ образомъ весьма не удивительно, что Руссы, особенно послѣ несчастнаго Игорева похода, который, по крайней мѣрѣ, на короткое время уронилъ славу ихъ въ сихъ мѣстахъ, согласились на требованіе Грековъ—не зимовать при устьѣ Днѣпра. Но, съ другой стороны, и то требованіе Грековъ, чтобы Руссы щадили страну Херсонскую, какъ Греческую область, и чтобы не творили ника-

кого зла Херсонцамъ, Греческимъ подданнымъ, когда они ловятъ рыбу въ устьѣ Днѣпра,—было совершенно естественнымъ условіемъ мира. Равно, не льзя находить страннымъ и рѣшительное объявленіе Грековъ, что если Русскіе Князья будутъ оставлять въ покоѣ и неприкосновенности Херсонскую область, то, впрочемъ, они могутъ воевать во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ, и Греки готовы даже подкрѣплять ихъ, по возможности, своимъ войскомъ. Ибо другіе народы, жившіе въ сосѣдствѣ съ Херсонезомъ были для Грековъ чужды и опасны болѣе, нежели Руссы, и они не безъ удовольствія могли видѣть ихъ во взаимной враждѣ и непріязни. Требованіе Грековъ, чтобы Русскій Князь помогалъ имъ противу Черныхъ Дунайскихъ Булгаровъ, когда сіи станутъ воевать Херсонскую область, — хотя могло быть выгоднымъ для одной стороны Грековъ, было впрочемъ весьма естественно. Вѣроятно, сіи Болгары находились тогда не слишкомъ въ мирныхъ отношеніяхъ съ Русскими; Греки хитро воспользовались симъ обстоятельствомъ, и Русскіе легко согласились на ихъ предложеніе. Грубые народы, обыкновенно, не считаютъ себя строго обязанными къ исполненію такихъ условій договора. Они толкуютъ ихъ, согласно съ своими выгодами, и считаютъ ихъ обязательными для себя только до тѣхъ поръ, пока ихъ политическія отношенія къ другимъ народамъ, противу коихъ они обѣщали

свою помощь, остаются тѣми же. Выраженіе: *велимъ*, употребленное въ семъ мѣстѣ Греками для означенія своего требованія на таковую помощь, отнюдь неимѣетъ такого повелительнаго тона, какъ это представлялось Шлецеру (Нест. Ч. III. стр. 166); *велѣть* на Славянскомъ языкѣ первоначально значитъ: *хотѣть*, *желать* (*велѣть*, *волить* и *воля* суть слова сродныя между собою), и слѣдовательно здѣсь употребленъ другой только оборотъ для выраженія согласія на принятіе договорнаго условія, а можетъ быть, и одна нужда заставила прибѣгнуть къ сему выраженію, дабы перевести Греческое: κελέυειν, для коего не доставало въ Славянскомъ вполнѣ соотвѣтствующаго выраженія.

(39) Слово: *ключь*, по догадочному объясненію Карамзина, употреблено здѣсь вмѣсто: *человѣка*. И. Г. Р. Т. I. стр. 399. Примѣч. 510. Впрочемъ, такъ какъ трудно доказать обыкновеніе древнихъ Славянъ по сить напоясѣ ключь, на чѣмъ основывается такое объясненіе: то не мѣшало бы взять въ соображеніе Словарь Линде [см. II. 1025], согласно коему Klucz на Богемскомъ значитъ владѣніе, рядъ помѣстій, а Klucznik начальникъ сего владѣнія. Это подастъ ближайшее основаніе къ догадкѣ, что въ сказаніи Нестора подъ словомъ: *ключь* разумѣется сотоварищество, братство.

(40) Олегъ, требуя подъ именемъ мѣсячины [μηνάια] бездежнаго отпуска жизненныхъ припасовъ для гостей, еще прибавляетъ: *и да творятъ имъ* т. е. да отпускаютъ имъ изъ назначеннаго количества съѣстныхъ припасовъ столько, *елико хотятъ*. Шлецеръ [Нест. Ч. II. стр 657] находитъ въ сихъ словахъ затрудненіе и думаетъ, что послѣ: *творятъ* нужно поставить *мовь*, такъ чтобы переводъ выходилъ слѣдующій: *Руссы должны сдѣлать показаніе, сколько они хотятъ.* Но *мовь* стоитъ только въ одномъ Радзивиловскомъ спискѣ [и вѣроятно зашло въ него въ видѣ замѣчанія на полѣ] и здѣсь

вовсе излишне, хотя бы даже и справедлива была догадка Шлецера, что *творить мовъ* значитъ *дѣлать показаніе, росписаніе*. Употребляемое на Славянскомъ языкѣ выраженіе *творить* первоначально значитъ *производить изъ ничего*, потомъ вообще дѣлать, исполнять. Связь рѣчи и прибавленіе существительнаго или прилагательнаго опредѣляютъ рѣшительно значеніе сего глагола. Здѣсь, кажется, онъ выражаетъ слѣдующее: Греки должны поставлять требуемыхъ припасовъ на столько лицъ, сколько ихъ находиться будетъ.

Греки не могли согласиться на такое неопредѣленное требованіе. Они ограничили его въ своемъ отвѣтѣ тѣмъ, чтобы мѣсячину получать только Русскимъ гостямъ, коихъ имена должны быть для того предварительно переписаны Императорскими чиновниками. Сею перепискою Греки хотѣли предотвратить всякой подлогъ.

Въ двухъ древнѣйшихъ спискахъ нашей Лѣтописи, именно, въ Пушкинскомъ и Троицкомъ, стоитъ: *да творятъ имъ мовницы, елико хотятъ*; и Карамзинъ это чтеніе предпочитаетъ. См. И. Г. Р. 134, 401, прим. 312. Но оно приводится въ сомнѣніе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ изложеніи статей на которыя Греки согласились, вовсе не говорится о баняхъ [мовницахъ]; равно, не упоминается о нихъ и въ переговорахъ, веденныхъ послѣ съ Игоремъ.

(41) Да и Константинъ Багрянородный описывая свиту, съ которою Ольга явилась къ Византійскому двору, упоминаетъ непосредственно за ея ἀποκρισιάριοι, секретарями еще о 44 мужахъ, которыхъ и называетъ πραγματεύται, купцами. Весьма вѣроятно, что здѣсь надобно разумѣть нашихъ гостей. Constantini Porphyrog. libri duo de Ceremoniis aulae Byzantinae, II, p. 344.

(42) Эти дѣла могли быть въ то время только общественныя; дѣлъ частныхъ Греки не уважили бы. У нихъ было принято за правило, какъ можно, менѣе давать приближаться къ себѣ сопредѣльнымъ грубымъ народамъ. Исключенію подлежали въ семъ случаѣ тѣ только народы, съ коими поставляла ихъ въ нѣкоторой связи сама Политика, и тѣ только изъ частныхъ лицъ, которыя обѣщали знатную пользу ихъ отечеству, каковы на пр. были наемные ратники. Но своевольнаго прилива буйныхъ скопищъ привлекаемыхъ однимъ своекорыстіемъ или исканіемъ счастія

Греки не могли терпѣть равнодушно, и безъ сомнѣнія, старались болѣе препятствовать, нежели благопріятствовать оному. Съ сей точки зрѣнія надлежитъ смотрѣть на статьи договора постановленныя по сему предмету—и тогда всѣ мнимыя трудности исчезнутъ сами собою.

(43) Т. е. *производящіе торговлю между обѣими странами обязаны привозить товары за печатями и грамотами и предъявлять ихъ Правительству.*

(44) Т. е. *торгующіе въ той и другой странѣ должны, для удостовѣренія, предъявлять грамоты и печати; а если кого случится найти безъ печати, у того товары будутъ отобраны и обращены въ казну.*

(45) Безъ сомнѣнія, эти печати, которыя до того времени служили вмѣсто паспортовъ, пересылаемы были Греческимъ Дворомъ къ Русскому. Подобный образъ дѣйствованія наблюдали прежде Китайцы относительно Русскихъ. Они присылали имъ извѣстное число печатныхъ оттисковъ, кои и были прилагаемы ко всякому паспорту Русскихъ купцовъ, для безпрепятственнаго проѣзда въ Пекинъ. Слич. Ewers Beiträge zur Kenntniss Russlands, I, 286.

(46) Слич. Ewers kritischen Vorarbeiten zur Geschichte der Russen; Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit... von C. M. Frähn [St. Petersburg, 1823], und über die Wonsitze der ältesten Russen. Sendschreiben an den St.-R. G. Ewers [Dorpat. 1825].

(47) Т. е. *если Римскій Императоръ находится въ мирѣ съ Печенѣгами, то Римской Имперіи не смѣютъ тревожить ни Русскіе, ни Турки; равно, они не могутъ тогда требовать большой суммы денегъ въ цѣну за миръ, потому что боятся Императора, находящаго себѣ опору въ пособіи и силѣ этого народа.*

КНИГА ВТОРАЯ.

ВРЕМЕНА ХРИСТІАНСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КНЯЖЕНІЕ ВЛАДИМІРА.

(988—1015).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Введеніе Христіанства.

Важнѣйшее событіе, совершившееся въ Княженіе Владиміра, во всякомъ отношеніи, есть введеніе Христіанства въ Россіи; Несторъ повѣствуетъ о семъ великомъ дѣлѣ съ особенною подробностію: *Въ лѣто* 6495 (987). *возва Володиміръ бояры своя и старцы градскія, и рече имъ: «Се пріидоша ко мнѣ Болгаре, рекущи, пріими законъ нашъ; по семъ же приходиша и Нѣмцы, и тіи хвалятъ законъ «свой, и по сихъ приходиша Жидове. Се же «послѣ пріидоша Грецы, хуляще всѣ законы, «свой же хваляще, и много глаголаша, сказующи отъ начала о бытіи всего міра. Суть же*

«хитро, сказующе, и чудно слышати ихъ, «и любо комуждо, и другій свѣтъ повѣда«ютъ быти; да еще кто де вѣруетъ въ нашу «вѣру, то умретъ и паки встанетъ, и не уми«рати ему въ вѣкъ: Аще ли во инъ законъ «вступитъ, то на ономъ свѣтѣ въ огнѣ горѣ«ти; да что ума придасте?» Рѣша бояре и старцы: «Вѣси, Княже, яко своего никтоже «не хулитъ, но хвалитъ; аще хощеши испы«тать гораздо, то имаши у себя мужи; по«славъ испытай коегождо ихъ службу, и кто «какъ служитъ Богу.» И бысть люба рѣчь Князю и всѣмъ людемъ. И избраша мужи мудры и смыслены числомъ десять, и рѣша имъ: «Идите первое въ Болгары, и испытай«те вѣру ихъ.» Они же идоша, и пришедше видѣша скверная дѣла, и кланянье въ ропатѣхъ, и пріидоша въ землю свою, и рече имъ Володимиръ; «Идите паки въ Нѣмцы, и согля«дайте такожe, и оттуду идите въ Греки.» Они же пришедши въ Нѣмцы, и соглядавше церьковную службу ихъ, пріидоша ко Царюграду, и внидоша ко Царю. Царь же испыта, коея ради вины пріидоша? Они же исповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ Царь, радъ бысть, и честь велику сотвори имъ въ той день. На утрія же посла къ Патріарху, глаголя сице: «Пріидоша Русь, пытающи вѣры нашея; да «пристройте церьковь и клиросъ, и самъ причи«нись въ святительскія ризы, да видятъ славу

«Бога нашего.» Сія слышавъ Патріархъ, повелѣ созвати клиросъ, и по обычаю сотвориша праздникъ, и кадила возжгоша, и пѣнія и лики составиша. И иде съ ними въ церьковь, и поставиша я на пространнѣмъ мѣстѣ, показующе красоту церьковную, и пѣнія, и службы Архіерейски, и предстоянье діаконъ, сказующе служеніе Бога нашего. Они же въ изумленіи бывше удивишась, и похвалиша службу ихъ. И призваша я Цари Василій и Константинъ, и рѣста имъ: «Идите въ землю свою;» и отпустиша я съ дары веліими и честью.

Извѣстія, доставленныя посланными Великому Князю по возвращеніи, были подтверждены мнѣніемъ Бояръ. *Аще бы лихъ законъ Грецкій,* говорили они, *то не бы пріяла баба твоя Ольга, яже бѣ мудрѣйша всѣхъ человѣкъ. «Отвѣщавъ же Володимиръ рече:» гдѣ крещеніе пріимемъ? Они же рѣша: «гдѣ ти любо.»* Онъ избралъ, какъ извѣстно, Греческій Херсонъ, завоевалъ его, съ угрозою требовалъ у Византійскихъ Императоровъ руки сестры ихъ Анны, и получилъ ее, давъ обѣщаніе немедленно принять Христіанство. Потомъ крестился въ Херсонѣ со многими изъ своей дружины, бывъ нареченъ Василіемъ, и, сочетанный съ Греческою Царевною, возвратился съ нѣкоторымъ числомъ Іереевъ, церковными сосудами и иконами въ Кіевъ, гдѣ и истребилъ скоро идоловъ.

По семъ же Володимиръ посла по всему

граду, глаголя: «Аще не обрящется кто за-«утра на рѣцѣ, богатъ ли, или убогъ, или «нищъ, или работенъ, противникъ мнѣ да бу-«детъ.» Се же слышавше людіе съ радостію идяху, и радующеся глаголаху: «Аще не бы се «добро было, не бы сего Князь и боляре пріяли.» На утрія же изыде Володимиръ съ попы Царичны и Корсуньскими на Днѣпръ, и снидеся безъ числа людей, и влѣзоша въ воду, и стояху инъ до шіи, а друзіи по перси; младенцы же по перси отъ берега, друзіи же младенцы держаще, свершеніи же бродяху, а попове стояще молитвы творяху, и бяше видѣти радость велику. Крестившимъ же ся людемъ идоша кождо въ домы своя. Лѣтопись Песторова по К. сп. стр. 76, 79, 83.

Основавшаяся чрезъ то тѣсная связь съ Константинополемъ постоянно продолжалась и послѣ, и для Государственнаго Права не могло остаться безъ важныхъ послѣдствій, что Руссы приняли Христіанство въ Восточной формѣ, не имѣющей тѣхъ качествъ, какія обыкновенно въ семъ отношеніи приписываются Западной Іерархіи въ смыслѣ преимуществъ и вмѣстѣ невыгодъ. Новая Религія распространялась съ быстротою; препятствіе, которое въ семъ случаѣ полагается языкомъ, было, по счастію, давно устранено. Кириллъ и Меѳодій болѣе, нежели за сто лѣтъ, перевели важнѣйшую часть Священнаго Писанія и Церковныхъ книгъ на Булгаро—Сербское нарѣчіе Славянскаго языка,

которое для Руссовъ могло быть весьма понятно. Россія вошла въ составъ Восточной Церкви (1).

Естественнымъ слѣдствіемъ сего было то, что Церковное Законодательство въ началѣ образовалось по духу Греческой Церкви; почему оно и не входитъ въ планъ нашего изысканія, хотя преимущества Духовенства у Руссовъ, кажется, давно получили особенный характеръ (2), который требовалъ и заслуживалъ бы критическаго изслѣдованія относительно своего раскрытія.

(1) Россія еще во время Льва премудраго (886—911) составляла шестьдесятое Архіепископство Константинопольскаго Патріаршества. Codini notit. Graec. episcopat., in corp. scriptt. Hist. Byz., T. XIX, p. 380. Слич. сего же Эверса kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen, стран. 248, сл.

(2) Сей особенный характеръ основывается на извѣстномъ *Уставѣ Владиміра о церковныхъ судахъ*, коего прерѣкаемая подлинность нашла сильную защиту въ *Описаніи Кіевософійскаго собора и Кіевской Іерархіи* (Евгенія, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго), Кіевъ, 1815; прибавленіе, стр. 5. Но молчаніе Нестора о семъ Законѣ (столько важномъ для Духовенства), по моему мнѣнію, всё составляетъ значительное возраженіе противу его подлинности.

Изысканія относительно древняго Церковнаго Права въ Россіи хорошо бы было прежде всего направить на тотъ вопросъ не потерпѣло ли оно существенныхъ перемѣнъ въ продолженіе Монголо-Татарскаго владычества и не получило ли въ это время такихъ особенностей, которыя наиболѣе сдѣлали его отличнымъ отъ своего первообраза. Впрочемъ едва ли можно надѣяться, чтобы сохранился до насъ какой нибудь по сему предмету памятникъ изъ періода отъ 988—1240 года.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Раздѣлъ въ управленіи Государствомъ.

Повѣствованіе о принятіи Христіанства Лѣтописецъ заключаетъ сказаніемъ о просвѣщеніи двѣнадцати сыновей Владиміра, и, перечисливъ ихъ поименно, присовокупляетъ: *И посади Вышеслава вНовѣгородѣ, а Изяслава въ Полътескѣ, а Святополка въ Туровѣ, а Ярослава вРостовѣ. Умерьшу же старѣйшему Вышеславу вНовѣ городѣ, и посади Ярослава вНовѣ городѣ, а Бориса вРостовѣ, а Глѣба въ Муромѣ, Святослава въ Деревехъ, Всеволода въ Володимерѣ, Мстиславѣ въ Тмутороканѣ.* Новгородскій Лѣтописецъ, стр. 310.

Все сказанное нами выше (стр. 93 и сл.) о раздѣлахъ имѣетъ свое приложеніе и здѣсь, и вмѣстѣ получаетъ новое подтвержденіе. Владиміръ, по обычаю своего времени, далъ каждому изъ сыновей своихъ по особой области; ибо каждый сынъ имѣлъ право требовать себѣ доли въ наслѣдствѣ послѣ отца, а слѣдовательно и въ Государствѣ. Владиміръ учинилъ раздѣлъ при своей жизни потому, что сообразнѣе казалось съ цѣлію, если отецъ, которому принадлежало все достояніе, самъ дѣлилъ его между дѣтьми, и потому, что онъ думалъ тѣмъ предотвратить могущіе по смерти его произойти раздоры. Также можно предполагать, что при-

нятіе Владиміромъ сей мѣры ускорено было желаніемъ утвердить Христіанство въ различныхъ мѣстахъ посредствомъ своихъ сыновей и ихъ дружинъ; ибо сыновья его были еще малолѣтны, когда онъ разослалъ ихъ по различнымъ областямъ Государства; они были поручены до времени совершеннолѣтія водительству разумныхъ мужей (3).

Но онъ не думалъ чрезъ то основать самостоятельныхъ Княжествъ, тѣмъ болѣе, что въ его время не было еще обыкновенія дѣлить наслѣдство, но все имущество считалось общимъ семейнымъ капиталомъ (слич. выше стр. 19 и сл.). Сколько каждый членъ семейства долженъ былъ изъ него получить для своего пользованія, это опредѣлялъ глава семейства сообразно съ кругомъ дѣйствія каждаго. По симъ правиламъ поступилъ въ настоящемъ случаѣ и Владиміръ (4).

(3) Исторія Карамзина I, 220. Племена не-Славянскаго происхожденія, кои, между тѣмъ, состояли въ подданствѣ Россіи, не принимались при семъ въ уваженіе и оставлялись въ язычествѣ. Различіе языка долго полагало непреодолимую препону ихъ обращенію.

(4) Исторія раскрытія другихъ Государствъ представляетъ подобныя же явленія. Такъ какъ ихъ во многихъ отношеніяхъ можно приложить ко внутреннему состоянію Россіи, то я обращаю вниманіе моихъ читателей на разсужденіе одного остроумнаго изыскателя о владычествѣ Англо-Саксонскихъ Государей въ Англіи:

«Порядокъ наслѣдованія престола, кажется, въ большей части «Государствъ основывался на тѣхъ же правилахъ, кои служили руководствомъ при наслѣдованіи въ частныхъ имуществахъ

«Согласно съ первыми понятіями человѣка о правѣ, имущество «по смерти владѣльца, поступаетъ въ руки ближайшихъ его «родственниковъ, которые, еще при жизни его, по близости се-«мейственной связи, почитаются нѣкоторымъ образомъ соучаст-«никами во владѣніи онымъ. Но въ томъ состояніи общества, «въ коемъ каждое семейство имѣетъ нужду въ верховномъ воин-«ственномъ начальникѣ,—начальникъ сей мало по малу дѣлается «сперва распорядителемъ, а наконецъ уже и полнымъ обладате-«лемъ, состоящаго подъ защитою его, имущества племени. От-«селѣ раждается въ порядкѣ наслѣдованія право первородства, «которое, вопреки естественному чувству справедливости, вво-«дится по уваженію общаго блага. Обыкновенно, старшій сынъ «достигаетъ прежде опытности и славы въ воинскихъ дѣлахъ, «и, слѣдовательно, въ случаѣ смерти отца, естественно, дѣлается «предводителемъ и наслѣдникомъ. Правда, бываютъ случаи, гдѣ «сіи предположенія не оправдываются; но всеобщій обычай «образуется по обыкновенному теченію вещей, а не по частнымъ, «рѣдко встрѣчающимся, изъятіямъ. Въ разсужденіи наслѣдія «престола два находятся основанія ко введенію права первород-«ства, первое то, что Монархъ есть вождь и представитель сво-«его народа, а другое то, что онъ есть вмѣстѣ и наслѣдникъ «частныхъ имуществъ, которыя составляютъ первоначальный «источникъ и вѣрнѣйшую опору Царскаго величія. Но въ об-«ширныхъ Имперіяхъ, въ коихъ искуство державоправленія сдѣ-«лало еще немного успѣха, нераздѣльность въ наслѣдіи престола «часто встрѣчается съ бóльшими затрудненіями, нежели въ ча-«стныхъ имуществахъ; поелику отдаленныя и слабо соединенныя «части Державы легко могутъ отдѣлиться и пристать къ сто-«ронѣ другихъ членовъ царствующей фамиліи, кои искушаются «желаніемъ овладѣть престоломъ.

«Хотя правила о наслѣдіи престола въ Англіи въ семъ пе-«ріодѣ, о которомъ мы говоримъ теперь, мало по малу прибли-«жались, по видимому, къ твердымъ началамъ; впрочемъ онѣ «еще весьма далеки были отъ сей цѣли. Изъ девятнадцати Го-«сударей, царствовавшихъ отъ соединенія семи Державъ до Нор-«маннскаго завоеванія, мы находимъ не менѣе осьми, которые, «по нынѣшнимъ нашимъ понятіямъ, должны быть почтены по-«хитителями, а нѣкоторые получили власть на такихъ основа-«ніяхъ, которыя хотя въ тотъ грубый вѣкъ и не были призна-

«ваемы совершенно справедливыми, а впрочемъ и не совсѣмъ «были отвергаемы.

«Вмѣсто того, чтобы наслѣдовать старшему сыну родовое «имѣніе семейства, въ древнѣйшія времена, обыкновенно, бывало «такъ, что дѣти въ семъ случаѣ вытѣснялись дядею, или другимъ «боковымъ родственникомъ, коего зрѣлая крѣпость силъ и храб-«рость поставляли въ состояніи утвердить за собою верховную «власть надъ племенемъ. Такъ у различныхъ ордъ или малыхъ на-«родовъ, кочующихъ по берегу Гвинеи, дѣти наслѣдуютъ послѣ «отца одно токмо оружіе; все прочее поступаетъ старшимъ боко-«вымъ родственникамъ. Ливій повѣствуетъ, что въ Нумидіи, стра-«нѣ, которая теперь гораздо возвысилась надъ состояніемъ перво-«бытной своей грубости, братъ умершаго царя имѣлъ преимущество «предъ дѣтьми въ правѣ наслѣдованія престола. Тоже примѣчает-«ся и въ различныхъ Восточныхъ царствахъ, какъ напр. въ преж-«нія времена въ Сіамѣ, въ нѣкоторыхъ Китайскихъ Династіяхъ, «а еще и нынѣ на Ладронскихъ островахъ. Равно и въ древнія «времена нынѣшнихъ Европейскихъ Государствъ встрѣчается «много примѣровъ такого преимущества братьевъ и другихъ бо-«ковыхъ родственниковъ; и между Англо-Саксонскими Коро-«лями, даже послѣ царствованія Эгберта, находимъ мы четыре «подобныхъ случая, именно, въ лицѣ Алфреда Великаго, Эдреда, «Эгельреда и Эдвина, изъ коихъ первые три наслѣдовали пре-«столъ послѣ своихъ братьевъ, а послѣдній послѣ дяди, хотя, «между тѣмъ, во всѣхъ сихъ случаяхъ находились на лицѣ сы-«новья предшественника» J. Millar's historische Entwickelung der Englischen Staatsverfassung. Aus dem Englischen von K. E. [Schmidt]. 1. Band, Jena, 1819, S. 187 ff.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Великокняжеская Дума.

Дружина оставалась всё въ томъ же отношеніи къ Великому Князю, въ какомъ она находится при началѣ Государствъ къ воинственно-

ному предводителю племени, управляющему теперь народомъ на томъ же основаніи, какъ управлялись прежде племена въ быту Патріархальномъ. Какъ Патріархъ совѣтуется съ своими ближайшими родственниками: такъ и Князь съ своею дружиною; но рѣшительную силу имѣетъ здѣсь только мнѣніе Князя, подобно какъ тамъ мнѣніе Патріарха. Переговаривать, спрашивать совѣта въ частныхъ случаяхъ, а особливо въ дѣлахъ важныхъ, у тѣхъ, кои состоятъ къ намъ ближе,—естественно во всякомъ состояніи человѣка.

Слѣдовательно, не чему удивляться, когда читаемъ у Нестора: *Бѣ Володимиръ любя дружину, и с ними думая о строи земнѣмъ, и о ратехъ, и о уставѣ земскомъ, и о ратехъ.* Новгородскій Лѣтописецъ, стр. 322.

Еще и нынѣ бываетъ такъ, что домоначальникъ, болѣе или менѣе, совѣтуется съ своею женою, дѣтьми, вѣрными слугами о дѣлахъ, касающихся домашняго быту; но, если онъ хозяинъ самостоятельный, то въ слѣдствіе совѣщанія дѣлаетъ только то, что, по тщательномъ разсмотрѣніи дѣла, признаетъ за лучшее самъ *по своему разуму*; также поступаетъ и Патріархъ; также и Князь. Но какъ совѣщаніе домоначальника съ своими домочадцами не привязано къ какой либо опредѣленной формѣ, или къ извѣстнымъ лицамъ; такъ равно ни чѣмъ не связывается и совѣтъ Патріарховъ, или по-

велителей первобытныхъ Государствъ. Совѣщательныхъ Коллегій, какія учреждены нынѣ при особахъ Государей, которыя состоятъ изъ опредѣленныхъ лицъ и дѣйствуютъ по предписанной формѣ,—такихъ Коллегій тогда еще не было. Онѣ принадлежатъ къ позднѣйшему времени.

Въ Княженіе Владиміра мало говорится о какихъ либо вельможахъ въ частности. Равно и о Князьяхъ, какъ особенно важныхъ лицахъ, также мало упоминается въ Исторіи его правленія, какъ и въ Исторіи правленія другихъ. Въ вышеобъясненныхъ мирныхъ договорахъ съ Греками, гдѣ они поимянно перечисляются,— судя по связи, разумѣются частію Князья покоренныхъ народовъ, постоянно управлявшіе своей землею и только обязывавшіеся платить дань и поставлять воинскую дружину Великому Князю (какъ напр. Князь Древлянскій), частію потомки Владѣтельной фамиліи, коимъ, подъ условіемъ такихъ же обязательствъ, назначены были особые Удѣлы въ управленіе. Сіи Князья правили спокойно своими владѣніями, и, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, какъ на пр. договоровъ, народныхъ мятежей и пр. не могли играть никакой роли въ Лѣтописи. Тамъ, гдѣ говорится о дружинѣ, они ни мало не принимаются въ особенное вниманіе.

Отличнѣйшіе въ кругу дружины были *Бояре* или *Боляре* (т. е. воины), о коихъ потому и упоминается всегда въ первомъ мѣстѣ ([5]); за

ними слѣдуютъ въ видѣ особаго разряда Гридни, вѣроятно, придворные чиновники, поколику вообще можетъ говориться о придворныхъ чинахъ въ тогдашнее время ([6]); за сими именуются сотники, и десятскіе. Слич. Новгородскій Лѣтописецъ, стр. 322.

На совѣтъ обыкновенно приглашаемы были Бояре и старѣйшины; выше, въ первой главѣ, они названы *градскіе старцы*, стр. 233. Сіи старцы были почтеннѣйшіе мужи въ воинскихъ родахъ, обитавшихъ въ городѣ,—мужи, которые по своей старости и опытности имѣли рѣшительное преимущество передъ своими согражданами. Князь жилъ въ Кіевѣ; слѣдовательно на совѣтъ призывались старѣйшины сего города. Такимъ образомъ Княжеская дума составлялась какъ бы сама собою. Если Князю хотѣлось слышать въ какомъ нибудь дѣлѣ благоразумный совѣтъ, то, кромѣ отличнѣйшихъ мужей (Бояръ), онъ могъ требовать совѣта только отъ однихъ старѣйшинъ знаменитѣйшихъ воинскихъ родовъ въ Кіевѣ. Такіе градскіе старѣйшины являются еще при другомъ происшествіи, случившемся въ Княженіе же Владиміра. Именно, когда Бѣлгородъ (въ 995 г.) былъ осажденъ Печенѣгами, и за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ находился въ самомъ крайнемъ положеніи; то по сему случаю составилось народное собраніе (вече), на которомъ такъ разсуждаемо было: *Се уже хочемъ по-*

мрети отъ глада, а отъ Князя помощи нѣтъ, да лутче ли ны помрети? дадимся Печенѣгомъ, да коголи оживятъ или кого убьютъ; уже бо помираемъ отъ глада, и тако сотворичиа. Бѣ же единъ старецъ не былъ на вечѣ томъ, и вопрошаше: «Что ради вече было?» Людіе повѣдаша ему, яко утро хотятъ предатись. Сей же слышавъ, посла по старѣйшины градскія, и рече: слышахъ, яко хощетесь предати. «Они же рѣша: «Не терпятъ людіе глада.» И рече имъ; «Послушайте мене, не «предавайтеся за три дни, а я что велю, то «творите» Лѣтопись Несторова по Кенигсбергскому списку, стр. 90. Его совѣтъ былъ уваженъ, и Бѣлгородцы спаслись.

Такое вліяніе на дѣла могли имѣть одни только старѣйшины знаменитѣйшихъ семействъ, живущихъ въ городѣ, впрочемъ, тогда единственно, когда крайность обстоятельствъ необходимо заставляла прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, и когда, какъ Лѣтописецъ прямо замѣчаетъ, не было Князя въ городѣ, т. е. какого либо повелителя или начальника (*яко Князя нѣту*). Они дѣйствовали въ семъ случаѣ такъ, какъ обыкновенно поступаетъ грубый естественный человѣкъ, когда онъ, находясь уже въ состояніи общественнаго соединенія (постоянно ли то, или на время), не имѣетъ законно опредѣленнаго Повелителя, который бы управлялъ народомъ по своей волѣ, какъ Па-

тріархъ своимъ племенемъ. Если нѣтъ такого начальника, то знаменитые мужи сходятся для совѣщанія; и положенное въ слѣдствіе совѣщанія опредѣленіе предлагаютъ народу для утвержденія; но въ основаніи своемъ сіе сообщеніе народу есть ничто болѣе, какъ удостовѣреніе въ томъ, не противно ли, можетъ быть, ихъ рѣшеніе волѣ большаго числа въ народѣ: ибо въ такомъ случаѣ нельзя ожидать ни отъ кого повиновенія.

(5) Родъ, т. е. происхожденіе отъ благородной фамиліи, ознаменованное притомъ личною храбростію, давалъ право на почтеніе. Благородными фамиліями признавались тѣ, которыя могли доказать свое происхожденіе отъ древняго начальника племени или по крайней мѣрѣ родство съ нимъ. Таковы были Бояре. Званіе ихъ составляло такое преимущество, котораго не могъ дать Государь. Вознаграждать недостатокъ сего преимущества титуломъ— еще тогда не было въ обыкновеніи. Когда юноша, имѣвшій удивительную крѣпость тѣла, побѣдилъ въ единоборствѣ великана-Печенѣга и тѣмъ доставилъ побѣду своимъ соотечественникамъ (993), то *Володимиръ великимъ мужемъ сотвори того, и отца его* (Лѣтопись Несторова по Кенигсберскому списку, стр. 87), то есть, онъ наградилъ его землями и принялъ въ свою дружину; но Бояриномъ не сдѣлалъ; поелику званіе Боярина еще не было тогда достоинствомъ, въ которое могъ возводить Великій Князь.

(6) Я не могу согласиться съ тѣми, кои объясняютъ слово: *Гридинъ* чрезъ: *мечоносецъ*, производя его отъ Норманнскаго: *Gred*, мечь; ибо *мечникъ* во второмъ законѣ Русской Правды особо поименованъ отъ *Гридина. Гридинъ* я прежде переводилъ Haushofmeister (см. Beiträge zur Kenntniss Ruslands, I. 299); таковыхъ чиновниковъ могло быть много, и они были тоже, что при Норвежскомъ дворѣ *Гирды*, коихъ должность, согласно Speculum regale, состояла въ охраненіи особы Короля и всего принадлежащаго къ Королевскому достоинству и которые потому всегда находились близь его. R. Nyerup's Cul-

turgeschichte von Dänemarc und Norwegen, übersetzt von H. Gardthausen, стр. 175.

Личная служба Государю въ частности извѣстна была и въ древнія времена, и виды сей службы, естественно, дѣлались разнообразнѣе, по той мѣрѣ, какъ распространялось его владычество. Онъ не могъ ходить самъ за своими стадами, полями; казну, запасъ оружій и другихъ воинскихъ доспѣховъ надлежало поручать другимъ, и онъ, естественно, избиралъ къ тому наиболѣе способныхъ изъ своихъ родственниковъ, или сподвижниковъ. Для малыхъ личныхъ услугъ Князю, для посылки по его дѣламъ, для охраненія особы его (это все первоначально составляло одинъ родъ службы, который исправляемъ былъ одними и тѣми же лицами, смѣнявшимися смотря по времени и обстоятельствамъ) брали, большею частію, дѣтей изъ знаменитыхъ родовъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Караніе убійцъ самимъ Государемъ.

Какъ опытъ вліянія, произведеннаго въ самомъ началѣ Христіанствомъ на состояніе Права, Несторъ представляетъ намъ слѣдующій замѣчательный случай: *живяше Володимиръ въ страсѣ Божіи. И умножишася разбоеве* (7); *и рѣша Епископи Володимиру: умножишася разбоиницы, и почто неказниши ихъ? Онъже рече: боюся грѣха. Ониже рѣша ему пакы: то поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ,*

и на милованіе добрыхъ: достоитъ ти казнити разбойники, но съ испытаніемъ. Володимиръже отвергъ виры, абіе нача казнити разбойникы. И рѣша старци Епископи, рать многа, а ежъ вира, тъ на ружьи и на конехъ буди. И рече Володимиръ: да тако буди. И живяше Володимиръ по устроенію Божію, и дѣдню и отню. Новгородскій Лѣтописецъ, стр. 323.

Христіанскимъ Пастырямъ, пришедшимъ изъ Константинополя въ Россію, весьма страннымъ казалось, что Владиміръ хладнокровно смотрѣлъ на производившіяся убійства. Если имѣлись мстители, то совершали они мщеніе; если же не находилось никого, то убійство оставалось вовсе безъ наказанія, или же взималась только Вира, т. е. денежная пеня на Князя! Такая слабость особенно поражала умы поселившихся въ Россіи Грековъ; естественно, они употребляли все свое вліяніе, чтобы произвести измѣненіе въ семъ Правѣ столько для нихъ вредномъ и столько уклонявшемся отъ ихъ отечественнаго Права, къ которому они привычны были, и которое подавало равную защиту каждому частному человѣку, даже чужестранцу, какъ членамъ одного многочисленнаго семейства. Когда Епископы настоятельно убѣждали Владиміра, чтобы онъ казнилъ убійцъ, то онъ открылъ имъ недоумѣніе своей совѣсти, которое, впрочемъ, они умѣли препобѣдить своими благочестивыми разсужденіями такъ, что онъ

отмѣнилъ Виру и установилъ за убійство смертную казнь.

Такъ повѣствуетъ Лѣтописецъ. Но чтобы Владиміръ совершенно отмѣнилъ Виру и на мѣсто ея ввелъ казнь, подъ коею можно здѣсь разумѣть только тяжкое наказаніе ([8]),—это противорѣчитъ всѣмъ нашимъ свѣдѣніямъ о нравственномъ и законномъ состояніи Россіи того времени, равно какъ и аналогіи всѣхъ Древнихъ Правъ. Такъ поспѣшно и рѣшительно нигдѣ не вводится Уголовное Право; люди грубыхъ временъ не такъ-то легко допускаютъ уничтоженіе своихъ древнихъ правовъ и обычаевъ. Люди, у коихъ месть была во всей силѣ, кои недавно еще приносили въ жертву богамъ подобныхъ себѣ, не могутъ быть вдругъ претворены въ народъ образованный. Семейственное мщеніе было у нихъ стариннымъ обычаемъ, который весьма тѣсно соединялся съ образомъ ихъ мыслей; его нельзя было истребить вдругъ одиимъ самовластнымъ запрещеніемъ. Самый неограниченный Властитель не рѣшился бы такъ жестоко возстать противу господствующихъ понятій своего времени, чтобы захотѣлъ наказать того сына, который мстилъ за своего отца. Далѣе—Законъ Ярослава, преемника Владимірова, еще утверждалъ частную месть, и полагалъ Виру на тотъ только случай, когда не имѣлось мстителя. Но не могло ли быть такъ, что Владиміръ дѣйствительно постановилъ уголовное наказаніе

за убійство, а Ярославъ послѣ опять ввелъ частное мщеніе и Виру? Трудно повѣрить! Законодательство не дѣлаетъ такихъ возвратовъ. Отмѣненіе права мести и введеніе на мѣсто его уголовной казни совершается вовсе другимъ порядкомъ, и сей порядокъ одинаковъ почти во всѣхъ Государствахъ. Сперва дѣйствуетъ вездѣ частное мщеніе; кто не имѣетъ мстителя, тотъ обыкновенно погибаетъ безъ удовлетворенія; развѣ только въ качествѣ слуги онъ находился бы подъ защитою сильнѣйшаго, который тогда мститъ убійство его, какъ смерть своего домочадца, или взыскиваетъ пеню, какъ за своего слугу. Когда образуется Государство, тогда начинаютъ считать такихъ людей, кои не защищаются семейственнымъ союзамъ, состоящими подъ покровительствомъ Князя. Такой сильный покровитель, мстя за слугу своего, легко допускаетъ выкупать себя отъ мести, беретъ пеню (денежное вознагражденіе), между тѣмъ, какъ мститель смерти родственника еще не имѣетъ права удовольствоваться симъ вознагражденіемъ, но обязанъ производить мщеніе самымъ дѣломъ. Брать выкупъ и въ семъ послѣднемъ случаѣ — вводится въ обыкновеніе уже гораздо позже; за тѣмъ является пеня на Князя за нарушеніе общественной безопасности; а наконецъ и установленіе формальнаго судопроизводства и опредѣленіе уголовнаго наказанія. Ходъ вездѣ одинъ и тотъ же. Выкупъ отъ частнаго мщенія уста-

новляется не иначе, какъ весьма медленно; а уголовное наказаніе является уже гораздо позже. Въ сохранившихся до насъ памятникахъ Права мы находимъ, что Ярославовы дѣти первые допустили выкупъ отъ частнаго мщенія. Въ Правдѣ тринадцатаго столѣтія (слѣдовательно уже въ болѣе образованной системѣ Права) принимается еще Вира. Послѣ сего, можетъ ли имѣть хотя малѣйшую вѣроятность сказаніе, что еще Владиміръ началъ осуждать убійцъ на смертную казнь и что будто бы, столѣтіе спустя послѣ него, Вира опять вошла въ употребленіе?

Но, что еще болѣе, Лѣтописецъ противорѣчитъ самому себѣ, или, лучше, ясно обнаруживаетъ незнакомство свое съ предметомъ, о которомъ говоритъ. Только что сказалъ объ отмѣненіи Виры, сдѣланномъ Владиміромъ по совѣту Епископовъ, и о введеніи на мѣсто ея казни, онъ тотчасъ за тѣмъ и продолжаетъ: *и рѣша старци Епископи, рать многа; а ежъ вира, тъ на оружьи и на конехъ буди. И рече Володимиръ: да тако буди.* Изъ этого очевидно, что вира *не* была отмѣнена, и что убійца не всегда подвергался уголовному наказанію, но что иногда принимаемо было и денежное вознагражденіе,—Вира, которую теперь надлежало только платить оружіемъ и конями. Наконецъ, непосредственно за тѣмъ слѣдуютъ сіи замѣчательныя слова: *и живяше Володимiръ по устроенiю Божiю, и дѣдню и отню.*

Какъ объяснить все это въ совокупности, и что Несторъ хотѣлъ тѣмъ сказать? Слова его здѣсь темны: онѣ содержатъ въ себѣ противорѣчіе, и, очевидно, относятся къ такому порядку вещей, котораго мы не знаемъ, и о которомъ однакожъ мы не вправѣ гадать по своему произволу, если только не хотимъ подвергнуть себя опасности—исказить истину. Тогдашнее состояніе Права, знаніе коего предполагается уже въ читателѣ повѣствованіемъ Лѣтописца, если мы хотимъ его правильно уразумѣть, можетъ быть объяснено только изъ подобныхъ явленій у другихъ народовъ, стоявшихъ на одинаковой степени образованія, и изъ дошедшихъ до насъ нѣкоторыхъ древнихъ памятниковъ Права. Такой способъ изысканія тѣмъ надежнѣе представляется въ своихъ заключеніяхъ, чѣмъ болѣе при тщательномъ изученіи древнихъ Законодательствъ мы убѣждаемся, что у всѣхъ древнихъ народовъ, въ первый періодъ развитія ихъ гражданственнаго состоянія, Право совершенно сходно въ главныхъ чертахъ своихъ. Одна изъ сихъ чертъ есть общее всѣмъ древнимъ Правамъ частное мщеніе, которое вначалѣ вездѣ является, какъ старинное, освященное Государствомъ, постановленіе Права. (Слич. стр. 56 и сл.) Кто убивалъ убійцу своего родственника, тотъ оставался не н: аннымъ, и никакая власть не могла ограничить его въ дѣлѣ мщенія. Онъ исполнялъ ту самую обязанность, удовлетворе-

ніе косй, съ образованіемъ судебной власти, въ послѣдствіи приняло на себя Государство. Кто убивалъ другаго на честномъ, произвольномъ бою, тому надлежало опасаться только мщенія родственниковъ, а не другаго какого наказанія: ибо въ семъ случаѣ онъ защищалъ только свою жизнь. Но если кто строилъ тайные ковы другому, если лишилъ кого жизни, не имѣя законнаго основанія, а только для того, чтобы ограбить его, такой считался не простымъ убійцею, но вмѣстѣ и врагомъ общественной безопасности, нарушителемъ взаимной довѣренности, которая въ Государствѣ составляетъ необходимое условіе общежитія. Какъ въ грубомъ естественномъ состояніи, въ коемъ каждое семейство, живя отдѣльно одно отъ другаго, содержитъ себя въ безпрестанной готовности къ войнѣ, кто коварно посягаетъ на жизнь собрата своего, необходимо расторгаетъ тѣмъ союзъ общей безопасности между всѣми сочленами семейства и вооружаетъ на себя месть всего семейства: такъ равно и въ Государствѣ тотъ привлекаетъ на себя всеобщее мщеніе, кто дѣлается виновнымъ въ тайномъ убійствѣ противу кого либо изъ своихъ сочленовъ. Государство въ первобытномъ своемъ видѣ есть не что иное, какъ великое семейство. Понятіе и образъ семействъ, въ ихъ естественномъ состояніи, составляютъ единственное основаніе, которое полагается для первыхъ учрежденій въ Го-

сударствахъ; ибо одни только семейственныя постановленія и отношенія и знакомы человѣку при первоначальномъ образованіи Государствъ. Всѣ другіе виды внутренняго государственнаго устройства раскрываются уже послѣ. Но при семъ первобытномъ составѣ Государства подъ образомъ одного великаго семейства сохраняется еще и первоначальное отношеніе частныхъ семействъ, съ тѣмъ токмо различіемъ, что оно теперь является въ двоякомъ видѣ, именно, какъ отношеніе членовъ семейства и какъ членовъ Государства. Изъ чего и объясняется постепенный ходъ въ образованіи Права мести. Прежде всего имѣетъ силу одно семейственное мщеніе; потомъ является государственная т. е. Княземъ совершаемая месть за тѣ безродныя жертвы, которыя не имѣютъ за себя мстителя; ибо, хотя сіи несчастные находятся въ состояніи совершеннаго разъединенія; но они всё суть члены великаго семейства т. е. того союза племенъ, коего главою Князь. Но тутъ уже теряетъ силу свою законъ: кровь за кровь; потому что и тотъ, кто долженъ быть умерщвленъ въ отмщеніе за убитаго, есть также членъ великаго семейства, т. е. государственнаго общества. Оба — и убійца и убитый — суть люди (слуги) Князя, подобно какъ члены одного семейства суть люди (служители) одного Патріарха. Какъ неумѣстно частное мщеніе въ одномъ и томъ же семействѣ, ибо, продолжаемое въ безконеч-

ность, оно истребило бы самую семью; столь же мало умѣстно оно и въ Государствѣ. По сему, вмѣсто удовлетворенія кровію, является въ семъ случаѣ другое возмездіе, возмездіе имуществомъ, и сіе вознагражденіе, коимъ совершается отмщеніе за убитаго, какъ члена великаго государственнаго общества, — обращается потомъ въ пользу Князя, какъ Верховнаго Главы и представителя сего общества. У древнихъ Руссовъ сіе возмездіе называлось Вира (Wehrgeld). Оно составляетъ первое ограниченіе права частной мести въ Государственномъ обществѣ (10).

Какъ глава семейства, отъ имени и въ обезпеченіе цѣлаго семейства, наказывалъ того, кто коварно лишилъ жизни кого либо изъ членовъ онаго,—умерщвлялъ его самъ въ свою очередь, или продавалъ въ рабство, или заточалъ; такъ точно поступалъ теперь и Верховный Глава Государства съ тѣмъ, кто коварно отнималъ жизнь у кого нибудь изъ членовъ, его ли собственнаго, или посторонняго семейства (поелику и въ послѣднемъ случаѣ убитый есть членъ Государственнаго общества): умерщвлялъ его, заточалъ, или продавалъ въ рабство (11).

(7) *Разбой* въ большей части Славянскихъ нарѣчій, равно какъ и въ Правдѣ XIII-го столѣтія есть выраженіе для смертоубійства; въ другихъ нарѣчіяхъ слово сіе означаетъ: грабежъ, производимый по дорогамъ, впрочемъ въ связи съ убійствомъ, злодѣйское нападеніе въ лѣсу или на дорогѣ съ намѣреніемъ ограбить убитаго. См. Linde стр. V, 65 подъ словомъ: Rozbóy.

(8) Такое наказаніе находимъ мы въ позднѣйшей Правдѣ (XIII-го столѣтія); оно полагается за разбой, учиненный ковар-

нымъ образомъ безъ всякія *свады*, то есть, раздраженія. Виновный, въ семъ случаѣ, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, выдавался Князю для заключенія въ темницу, для заточенія, вообще для поступленія съ нимъ по своему благоусмотрѣнію.

(9) Слич. ниже третьяго отдѣленія первую Главу.

(10) Отселѣ въ послѣдствіи времени, съ распространеніемъ образованности, и частныя семейства стали допускать выкупъ отъ мести посредствомъ вознаграждения имуществомъ [деньгами]. Даже Князь начиналъ мало по малу за *всякаго* убитаго требовать пени [денежнаго возмездія], на томъ основаніи, что во всякомъ убитомъ онъ терялъ члена Государственнаго общества, слѣдовательно, слугу себѣ.

(11) И вѣроятно, бывало послѣднее, такъ какъ это болѣе соотвѣтствуетъ семейственному образу дѣйствованія. Домоначальникъ, конечно, охотнѣе продавалъ въ рабство виновнаго члена семейства; ибо это всё приносило семейству хотя какую нибудь пользу. Равно, согласнѣе это и съ образомъ дѣйствованія Князя, когда единожды признано было за лучшее брать виру, нежели совершать месть самымъ дѣломъ. Далѣе — въ позднѣйшихъ законахъ мы находимъ, что такой тайный убійца выдаваемъ былъ Князю съ женою и дѣтьми *на потокъ*; слово, которое означаетъ заточеніе, изгнаніе, отлученіе отъ общества [вѣроятно, посредствомъ продажи въ рабство въ чужую землю], также, заключеніе въ темницу, и слѣдовательно не содержитъ въ себѣ понятія смертной казни. Смерть, какъ законное наказаніе за тайное убійство, въ порядкѣ вещей, должна принадлежать позднѣйшему Праву.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Измѣненіе Виры.

Дабы правильно понять сказаніе Нестора о новомъ постановленіи Владиміра относительно Виры и дабы устранить очевидное противорѣ-

чіе въ словахъ Лѣтописца, надобно имѣть передъ глазами изображенное нами въ предъидущей главѣ состояніе вещей. Владиміръ не могъ посягнуть на право мести, издавна вошедшее въ употребленіе и силу между семействами. Легче было отнять у народа древнихъ боговъ его, нежели уничтожить древнее право, которое такъ тѣсно сопряжено было съ господствующимъ образомъ его мыслей, съ грубыми его чувствами. Можетъ статься, Владиміръ ввелъ смертную казнь; но только за тайныя смертоубійства. Къ этому могли много содѣйствовать и Епископы. Преступники сего рода и безъ того были въ его власти, ибо они считались внѣ общества, какъ нарушители его безопасности; Князю слѣдовало только осуждать ихъ на темничную медленную смерть ([12]). Публичной смертной казни навѣрное тогда еще не существовало. Но вмѣстѣ согласно съ понятіями сего времени и то, что Владиміръ не охотно рѣшался на сіе дѣло; онъ согласенъ былъ наказывать ихъ всячески другимъ образомъ (на прим. заточать, продавать), но только не лишать жизни. Безспорно, онъ имѣлъ полную на то власть и право; но опасался чрезъ то сдѣлать несправедливость (нравственную); ибо новый образъ дѣйствованія противорѣчилъ обычаямъ народнымъ. Ему всегда представлялось, что въ этомъ заключается тяжкій грѣхъ—убійство. По убѣжденіямъ Епископовъ, онъ могъ

33

рѣшиться на то, чтобы такихъ тайныхъ убійцъ наказывать заключеніемъ въ темницу по жизнь; ибо объ нихъ, какъ отверженныхъ обществомъ, никто и не заботился; но только далѣе сего онъ не могъ простерть своей власти. Во всѣхъ другихъ случаяхъ оставалось въ употребленіи семейственное мщеніе, или Вира, взимавшаяся на Князя. Въ дѣлѣ семъ, какъ видно изъ самаго повѣствованія Несторова, участвовали и *старцы,* т. е. почтеннѣйшіе въ народѣ мужи, и Владиміръ, (по совѣту сихъ мужей и Епископовъ) постановилъ, чтобы послѣ во всякомъ случаѣ, когда будетъ взимаема Вира (по Закону и обычаю), Вира сія платилась оружіемъ и конями, слѣдовательно, такими предметами, въ которыхъ Князь за многочисленностію войска всегда имѣлъ особенную нужду. Такимъ образомъ, когда удержаніе Виры еще болѣе соединялось съ Княжескимъ интересомъ, отечественный обычай долженъ былъ только раскрыться въ новой силѣ наперекоръ чужему Праву, которое Греки хотѣли было ввести въ Россіи.

Темнота Лѣтописи въ настоящемъ случаѣ можетъ имѣть два основанія: Несторъ или полагалъ за извѣстное все, что нужно къ уразумѣнію его сказанія, или же самъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о семъ свѣтскомъ предметѣ. Могло статься и то, что Духовные, которые въ семъ случаѣ, безъ сомнѣнія, были для него единственными поруками истины, дали, хотя

ненамѣренно, повѣствованію такой оборотъ, какой былъ выгоднѣе для ихъ состоянія и спасительнѣе для ихъ цѣли. Истина происшествія, кажется, состоитъ въ томъ, что Греческіе Пастыри, которые нашли въ Россіи такое разительное несогласіе расправы съ убійцами съ своимъ Уголовнымъ Правомъ, — употребили всѣ усилія, чтобы на мѣсто Виры ввести смертную казнь для всякаго рода смертоубійствъ; что Владиміръ послѣ нѣкотораго сопротивленія согласился съ ихъ убѣжденіями, сколько то позволяло настоящее положеніе вещей; но приближенные къ нему мужи, которые пользовались всею его довѣренностію, вмѣшались въ это дѣло и, отмѣнивъ обыкновенную виру, дали тѣмъ сей наказательной мѣрѣ новую силу и прочность. По крайней мѣрѣ, изъ послѣдующихъ законовъ (слѣдовательно источниковъ Права достовѣрныхъ) видно, что право семейственнаго мщенія было въ полной силѣ во времена Ярослава, а Вира употреблялась во всѣхъ случаяхъ, гдѣ самъ Князь являлся мстителемъ беззащитныхъ (не оставившихъ по себѣ ни одного мстителя) и своихъ собственныхъ слугъ. Видимъ также и въ законахъ позднѣйшаго времени (тринадцатаго столѣтія), что тайные убійцы, какъ отверженные обществомъ, выдаваемы были Князю для поступленія съ ними по произволу; но не видно, чтобы даже и въ это время опредѣлена была какая нибудь

смертная казнь для убійцъ сего рода. Вотъ, по моему мнѣнію, важнѣйшія опоры моего образа воззрѣнія на сказаніе Лѣтописца.

(12) Исторія Права, принадлежащая болѣе позднему времени, когда публичная смертная казнь была еще не такъ въ общемъ употребленіи, представляетъ не одинъ примѣръ такихъ темничныхъ заключеній въ намѣреніи умертвить преступника насильственными мѣрами, голодомъ ли то, или холодомъ или нечистотою; особенно важные Государственные преступники были осуждаемы на сію медленную смерть.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Состояніе Народнаго Права.

Войны всё еще ведены были преимущественно для добычи и дани; впрочемъ иногда и для увеличенія Государства. Такъ повѣствуетъ Лѣтопись: *Въ лѣто* 6489 (981). *иде Володимиръ на Ляхи, и зая градъ ихъ Перемышль, Червенъ, и ины грады, иже суть и до сего дни подъ Русью. Въ семъ же лѣтѣ и Вятичи побѣди, и взложи нанъ дань отъ плуга, якоже отецъ имаше. . . . Въ лѣто* 6491 (983). *иде Володимиръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги, и взя землю ихъ. . . Въ лѣто* 6492 (984). *иде Володимиръ на Радимичи. . . Быша Радимичи отъ рода Ляховъ, и пришедше ту ся вселиша, и платятъ дань Руси, и повозъ* (13)

везутъ и до сего дни. Лѣтопись Несторова по Кенигсбергскому списку, стр. 71, 72.

Нѣтъ сомнѣнія, что побѣдитель различнымъ образомъ воспользовался счастливымъ успѣхомъ сихъ походовъ. Въ разсужденіи Ятвяговъ можно полагать, что Владиміръ выгналъ ихъ изъ той части ихъ земли, которая прилежала къ Россіи, а тѣхъ, кои захвачены были на сраженіи, сдѣлалъ плѣнными, т. е. рабами; ибо ни одно слово въ Лѣтописи не намекаетъ, чтобы онъ обложилъ ихъ данію, или обязалъ союзомъ съ собою. Естественно, сильныя и обширныя Державы всегда хотятъ присоединять къ своему составу выгодно лежащія мѣста сосѣдственной земли, или для округленія своихъ владѣній, или для обезпеченія себя со стороны таковыхъ народовъ, которые своими впаденіями легко могутъ тревожить и сильную сопредѣльную Державу. Въ Политикѣ многія правила современны началу Государствъ.

На войнѣ видимъ мы въ сіе время обычай рѣшать участь сраженій единоборствомъ. Каждая сторона избирала отличнѣйшаго богатыря, какъ на пр. въ войнѣ съ Печенѣгами (993), гдѣ Русскій юноша задавилъ исполина—своего противника. По предложенію непріятельскаго вождя, условились: что ежели Русской останется побѣдителемъ, то должно наступить мирное состояніе; если же Печенѣгъ, то должна слѣдовать трехъ-лѣтняя война. Еще важнѣе по-

становлены были условія между сыномъ Владиміра, Мстиславомъ (1022) и Касожскимъ Княземъ, Редедею, вызвавшимъ его на единоборство; побѣдителю должны были достаться имѣніе, жена, дѣти и земля побѣжденнаго ([14]). Но всегда ли съ таковымъ единоборствомъ соединялось постановленіе выгодныхъ для побѣдителя условій, этого нельзя рѣшить съ достовѣрностію; что впрочемъ и не такъ важно. Вѣроятно, что сіи условія, когда надлежало исполнять ихъ, не слишкомъ строго были принимаемы, если побѣжденная сторона считала себя болѣе сильною. Впрочемъ, поединокъ служилъ больше предзнаменованіемъ успѣха будущей битвы, которая обыкновенно слѣдовала за нимъ непосредственно; сторона побѣдителя въ семъ случаѣ, естественно, со всею отвагою устремлялась на ряды непріятелей. Съ побѣжденными поступали жестоко; побѣдитель имѣлъ право жизни и смерти. Жители Бѣлгорода, тѣснимые голодомъ (см. стр. 244 и сл.) хотѣли предаться Печенѣгамъ и оставить на ихъ волю, *да кого ли оживятъ или кого убьютъ.* Всеобщей пощады они не надѣялись.

Прочныхъ, твердыхъ союзовъ съ чуждыми народами еще не было въ обыкновеніи. Рѣдко сосѣди отправляли другъ къ другу Посольства. Они или въ молчаніи хранили миръ, или дѣлали нечаянныя впаденія въ сосѣднюю землю. Благочестивый Лѣтописецъ выставляетъ, какъ

особенно достохвальную черту во Владимірѣ, то, что онъ хранилъ миръ съ Венграми, Поляками и Богемцами; но произвольнаго нарушенія мира господствовавшія тогда правила не осуждали. Миръ заключался съ оружіемъ въ рукахъ предъ лицемъ обоихъ войскъ. Въ случаѣ обоюдныхъ пересылокъ, какъ на пр. при осадѣ какого нибудь города, давались аманаты (тали), дабы имѣть ручательство въ личной безопасности тѣхъ, которые для сообщенія какой нибудь вѣсти рѣшались предавать себя во власть непріятелей ([15]). Россія въ это время преимущественно тревожима была набѣгами Печенѣжскихъ ордъ, изъ коихъ многія, вѣроятно, были вовсе независимы другъ отъ друга (слѣдовательно, отдѣльныя, независимыя племена, какія обыкновенно бываютъ до образованія Государства въ настоящемъ смыслѣ сего слова). Они вторгались въ предѣлы ея для грабежа, и немедленно утекали опять въ свои степи, дабы избѣгнуть преслѣдованія. Равно и подчиненные Русскіе Князья съ тою же цѣлію дѣлали смѣлые набѣги на сосѣдственныя земли, хотя Русская Исторія вовсе о нихъ молчитъ, и именно потому, что сіи набѣги не были предпріятіемъ Великаго Князя, но дѣлами ратной отваги жителей какой нибудь отдѣльной области. Симъ объясняются извѣстія Арабскихъ дѣеписателей о грабежахъ, которые Русскіе, по ихъ сказанію, производили по Черному и Каспійскому мо-

рямъ, и особенно извѣстіе о замѣчательномъ походѣ ихъ въ 944 году къ городу Бардѣ, что Русской Исторіи вовсе неизвѣстно (16).

Важнѣйшее происшествіе сего времени по сношенію съ иностранными Державами есть бракъ Владиміра съ Греческою Царевною Анною, какъ первый опытъ вступленія въ свойство съ чуждымъ Владѣтельнымъ Домомъ, и притомъ прямо съ знаменитѣйшимъ Домомъ Греческихъ Императоровъ. Союзъ сей вынужденъ былъ силою оружія; впрочемъ, не смотря на то, побѣдитель возвратилъ братьямъ супруги (ибо отца ея уже не было въ живыхъ) завоеванный имъ городъ Херсонъ, вмѣсто вѣна; ибо, по обыкновенію грубыхъ народовъ, мужъ тогда платилъ за жену извѣстную цѣну. О приданомъ не говорится при томъ ни слова. Дѣло весьма вѣроятное; по древнимъ понятіямъ, которыя имѣли источнымъ началомъ право сильнаго и въ началѣ были общи всѣмъ народамъ, жена была служебнымъ лицемъ у мужа. Почему ее и покупали тогда за извѣстную цѣну, точно такъ, какъ рабу.

(13) Итакъ мы узнаемъ здѣсь новый родъ повинности, о которомъ въ послѣдствіи упоминается часто какъ о всеобщей обязанности всѣхъ областей: Она состояла въ доставленіи, по службѣ Государю кладей всякаго рода, съѣстныхъ припасовъ, военныхъ снарядовъ и т. п.

(14) Лѣтопись Несторова по Кенигсб. сп. стр. 85, 101.

(15) Какъ это было при осадѣ Бѣлгорода Печенѣгами въ 995 году. Лѣтопись Несторова по К. сп. стр. 91.

16 Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. Frähn, стр. 59 сля. Можетъ быть, въ сказаніи Арабовъ иное и преувеличено.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

КНЯЖЕНІЕ СВЯТОПОЛКА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мщеніе сводныхъ братьямъ.

По кончинѣ Владиміра открылся рядъ ужасныхъ злодѣяній, совершенныхъ его преемникомъ, который на позорищѣ Исторіи является потому въ видѣ чудовища и Лѣтописцемъ нашимъ представляется въ омерзѣніе потомству въ слѣдующемъ сказаніи:

Святополкъ сѣде въ Кіевѣ по отцѣ своемъ, и созвавъ Кіянъ нача даяти имъ имѣніе; они же пріимаху, и не бѣ сердце ихъ съ нимъ, яко братья ихъ бѣша съ Борисомъ... Святополкъ же исполнився беззаконія, Каиновъ смыслъ пріимъ, посылая къ Борису глаголаше: «Яко съ «тобою хощу любовь имѣти, и ко отню ти «придамъ,» льстя подъ нимъ, како бы его погубить. Святополкъ же пріиде нощію къ Вышегороду отай, и призва Путшу и Вышегород-

скіе боярцы, и рече имъ: «Пріяйте ми всплъ «сердцемъ.» И рече Путша и Вышегородцы: «Можемъ главы свои сложити за тя.» Онъ же рече имъ: «Не повѣдаючи никомуже шедше «убійте брата моего Бориса.» Они же вскорѣ обѣщашась ему сотворити.

Описавъ исполненіе сего преступнаго замысла во всемъ его ужасѣ, который въ нѣкоторыхъ спискахъ Лѣтописи растворяется благочестивыми размышленіями (какъ на пр. въ Новгородскомъ Лѣтописцѣ, стр. 528), Несторъ продолжаетъ: *Святополкъ же окаянный помысливъ рекъ: «Се убихъ Бориса, како бы убити Глѣба» и посла съ лестію ко Глѣбу, глаголя сице: «пойди вборзѣ, отецъ тя зоветъ, не здравитъ «вельми.» Глѣбъ же вборзѣ всѣдъ на кони съ малою дружиною пойдѣ, бѣ бо послушливъ отцу . . . Въ се же время пришла вѣсть ко Ярославу отъ Предславы о отни смерти; и посла Ярославъ ко Глѣбу, глаголя: «Не ходи, отецъ «ти умерлъ, а братъ ти убьенъ отъ Свято«полка.» Се слышавъ Глѣбъ, возопи веліимъ гласомъ, плачась по отцѣ, паче же и по братѣ. И молящусь ему со слезами, се внезапу пріидоша посланніи отъ Святополка на убьеніе его . . . отроцы же Глѣбовы уныша. Окаянный же посланный Горясѣръ повелѣ вборзѣ зарѣзати Глѣба; поваръ же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, вземъ ножъ, и зарѣза Глѣба. Окаянніи же возвратишась вспять, и по-*

вѣдаша Святополку, яко сотворихомъ повелѣнная тобою; онъ же се слышавъ взнесеся сердцемъ больма. . .

Святополкъ же окаянный и злый уби и Святослава брата своего, пославъ ко горѣ Угорской, бѣжащу ему въ Угры. И нача помышляти «яко избью всю братью, и приму власть «Рускую единъ,» помысливъ высокоумствомъ своимъ, не вѣдый, яко даетъ Богъ власть, ему же хощетъ. Нача же сей окаянный Святополкъ княжити въ Кіевѣ, и созва люди, и нача даяти овѣмъ корзна, овѣмъ кунами, и раздая множество. Лѣтопись Несторова по К. сп. стр. 93—96.

Дабы смутную и доселѣ слишкомъ строго судимую Исторію Святополкова Княженія представить въ другомъ и, какъ я думаю, болѣе правильномъ видѣ, кажется, нужно прежде всего бросить взоръ на отношеніе сего Князя къ своему Дѣеписателю.

Одни безпристрастные свидѣтели заслуживаютъ полное вѣроятіе предъ критическимъ судомъ испытателя Исторіи. Напротивъ тѣ, кои по личной страсти, или по своимъ, хотя въ существѣ своемъ и похвальнымъ, правиламъ, были или долженствовали быть противниками дѣйствующихъ лицъ, — тѣмъ самымъ уже возбуждаютъ справедливое недовѣріе или ко всему своему повѣствованію, или, по крайней мѣрѣ, въ разсужденіи безпристрастія

своихъ рѣзкихъ описаній. Мы всегда должны съ величайшею осмотрительностію испытывать ихъ сказанія, и никогда не должны увлекаться обаятельнымъ тономъ ихъ повѣствованія. Чѣмъ болѣе теряются они въ своихъ нравоописаніяхъ, чѣмъ болѣе растворяютъ ихъ своими сужденіями, тѣмъ осторожнѣе надлежитъ пользоваться ихъ извѣстіями, тѣмъ съ меньшею довѣренностію должны мы повторять ихъ сказанія. Все это можетъ быть приложено и къ источникамъ Святополковой Исторіи.

Первые наши Лѣтописцы были монашествующіе; слѣдовательно, по самому состоянію и долгу своему, имъ надлежало ревновать по всему, что могло содѣйствовать къ утвержденію и распространенію Христіанской Вѣры, и, напротивъ, ополчаться всею силою ревности противу того, что ей противорѣчило или казалось противодѣйствующимъ. Трудности, съ которыми они должны бороться по своему званію, опасности, которыя естественно грозятъ еще недавно насажденной Вѣрѣ, воспламеняютъ ревность сихъ ея исповѣдниковъ и служителей до такого степени восторга, что часто даже мученическая смерть дѣлается для нихъ легкою и вожделѣнною. Посему весьма естественно смотрѣть имъ на постороннія лица, кои дѣйствуютъ враждебнымъ и разрушительнымъ образомъ противу предмета ихъ пламеннѣйшихъ молитвъ, ихъ сердечныхъ воздыханій, цѣли

всей ихъ жизни,—смотрѣть со стороны невыгодной, и изображать ихъ несовершенства и пороки въ чертахъ довольно рѣзкихъ, опуская изъ виду тѣ обстоятельства, которыя бы могли быть приведены къ смягченію и извиненію ихъ преступленія. Особенно же владѣтельныя Князья, когда въ лицѣ ихъ угрожаетъ опасность Вѣрѣ и слѣдовательно душевному спасенію всѣхъ ихъ соотечественниковъ, навлекаютъ на себя строгій судъ отъ сихъ поборниковъ Вѣры.

Въ такомъ отношеніи состоялъ къ Дѣеписателю своему Святополкъ. Сей Князь могъ угрожать большею опасностію Вѣрѣ прибывшаго въ Россію Духовенства. Христіанская Религія только что была введена въ Россіи, и приверженность къ оной еще мало была утверждена въ народѣ грубомъ. Святополкъ не происходилъ отъ крови Государя введшаго Христіанство; онъ былъ только усыновленъ Владиміромъ, послѣ того, какъ сей лишилъ роднаго отца его престола и жизни. Былъ ли онъ расположенъ въ пользу нововведенной Вѣры, на это въ Лѣтописи нѣтъ ни малѣйшаго указанія; вѣроятнѣе противное, по крайней мѣрѣ, судя по тому очевидному негодованію, съ какимъ возстаетъ противу него въ своемъ повѣствованіи благочестивый Инокъ, а еще болѣе по тому обстоятельству, что новая Вѣра столько же противоположна была временнымъ его выгодамъ, сколько бла-

гопріятствовала видамъ Владиміра и сыновей его. Согласно древнему языческому обычаю, по коему предлежало ему мщеніе за кровь убіеннаго отца, онъ дѣлался единодержавнымъ обладателемъ престола и повелителемъ всей Россіи въ томъ случаѣ, когда бы удалось ему умертвить, или заточить сына убійцы: напротивъ, по ученію Христіанской Церкви, онъ былъ плодъ законопротивнаго брака (отъ монахини), сынъ незаконнорожденный, который не могъ имѣть участія въ наслѣдствѣ, а слѣдовательно и въ престолѣ. Языческіе обычаи позволяли ему мщеніе даже противу отца усыновившаго, кольми же паче противу его сына: напротивъ, по правиламъ Христіанской Церкви, такой поступокъ былъ самымъ гнуснымъ злодѣяніемъ—братоубійствомъ. Въ эти времена,—времена еще грубыя легко могла въ головѣ юнаго Князя родиться и та недовѣрчивая мысль въ его положеніи, что усыновившій отецъ при введеніи Христіанской Вѣры и вступленіи вмѣстѣ съ тѣмъ въ брачный союзъ съ Греческою Царевною имѣлъ въ виду въ одно и тоже время противопоставить тѣмъ усвоенному сыну непреодолимую преграду его притязаніямъ на престолъ и предуготовить вѣрную защиту для своего семейства (См. выше стр. 129 и сл.).

Но Святополкъ, и независимо отъ своего отношенія къ пришедшему въ Россію Духовенству, по всѣмъ признакамъ, имѣлъ еще въ

самомъ отечествѣ сильную противу себя партію. Отецъ его очевидно сверженъ былъ съ престола не безъ содѣйствія многихъ вельможъ, благопріятствовавшихъ Владиміру (см. выше стр. 116). Всѣмъ имъ надлежало бояться отъ Святополка мщенія какъ для самихъ себя, такъ и для своихъ семействъ съ той минуты, какъ онъ взошелъ на престолъ. Какъ жестоко и кровопролитно мстилъ онъ смерть отца своего на сынахъ Владиміра, о томъ ясно говоритъ Исторія. Чтобы Князь, питавшій въ груди своей столь сильное чувство мести, не обнаружилъ ни сколько своихъ мыслей еще до возшествія на престолъ, и притомъ во времена еще столь грубыя, это противно всякой вѣроятности. Симъ самымъ легко объясняются и нѣкоторыя частныя подробности въ повѣствованіи Лѣтописца, на прим. таеніе смерти Владиміра (²); очевидно, хотѣли чрезъ то сдѣлать, чтобы который нибудь изъ родныхъ сыновъ Владиміра предварилъ Святополка въ занятіи престола, и особенно Борисъ, который въ то самое время начальствовалъ надъ стоявшимъ въ полѣ войскомъ. Въ Лѣтописи прямо говорится: *Святополкъ сѣде въ Кіевѣ по отцѣ своемъ, и созвавъ Кіянѣ нача даяти имъ имѣніе; они же пріимаху, и не бѣ сердце ихъ съ нимъ, яко братья ихъ бѣша съ Борисомъ.* Лѣтопись Несторова по К. сп., стр. 93. Когда Борисъ на возвратномъ пути въ Кіевъ узналъ о кончинѣ отца

своего, дружина говорила ему: «*Се дружина* «*у тебя отня и вои, пойди, сядь въ Кіевѣ на* «*столъ отній.*» Тамъ же стр. 94. Все это ясно указываетъ на существованіе какой-то партіи, и притомъ немаловажной, которая старалась преградить Святополку путь къ престолу; но только партіи (²)—не болѣе; ибо мы видимъ, что, какъ скоро смерть Владиміра (которая, безъ сомнѣнія, не могла быть долго таима) сдѣлалась всѣмъ извѣстною, Святополкъ спокойно вступаетъ въ обладаніе Великокняжескимъ престоломъ; никто изъ прочихъ сыновей Владиміра не думаетъ спорить съ нимъ о верховной власти, и когда Борисъ отринулъ совѣтъ дружины своей, всѣ спокойно отъ него расходятся. Слѣдовательно весь народъ вообще право Святополка на престолъ признавалъ неоспоримымъ, хотя нѣкоторые, въ частности, и желали ему воспрепятствовать въ достиженіи онаго, такъ какъ и въ самомъ дѣлѣ право его въ семъ случаѣ основывалось на коренномъ, искони принятомъ въ наслѣдіи престола, началѣ, какъ-то ясно открывается изъ соображенія наслѣдственности престола со временъ Рюрика. Святополкъ происходилъ изъ старшей линіи Владѣтельнаго Дома (потомства Святославова) по мужескому колѣну; кромѣ того, онъ былъ усыновленъ Владиміромъ, и, слѣдовательно, по силѣ признанія и усыновленія, долженствовалъ быть старшимъ его сыномъ. И въ этомъ смыслѣ

Борисъ отвѣтствовалъ на выше приведенныя слова дружины: «*Не буди ми взяти руки на «брата своего старѣйшаго; аще отецъ ми «умре, то сей ми будетъ во отца мѣсто.*» (Тамъ же). Отвѣтъ, совершенно согласный съ обычаями и правами того времени! Старшій сынъ между братьями, старшій потомокъ старшей линіи между племянниками, доколѣ семейства жили въ союзѣ, былъ полновластнымъ главою всѣхъ прочихъ сочленовъ; младшіе члены семейства считали его за отца, и онъ самъ пекся о нихъ, какъ отецъ.

Если же такимъ образомъ право Святополка на престолъ было непререкаемо, то онъ и могъ легко найти послушаніе въ своихъ подданныхъ, даже для исполненія убійственныхъ своихъ повелѣній. Вышегородскіе Бояре, отвѣчая на его требованіе, открыться ему въ своемъ расположеніи къ его особѣ, сказали тоже самое, что въ то время обыкновенно говаривали въ отвѣтъ Бояре каждому Князю: «*можемъ главы своя сложити за тя.*» Тамъ же, стр. 94 ([3]). Сыновья Владиміра видятъ себя совершенно оставленными; даже съ любимымъ всѣми Борисомъ остаются одни только ближайшіе его слуги, изъ коихъ многіе вмѣстѣ съ нимъ и дѣлаются жертвою убійцъ. Можно ли представить, чтобы Святополкъ, одинъ, не ознаменовавъ еще себя никакою особенною доблестію, могъ найти во всемъ народѣ такую готовность на свою защиту, а

сыновья Владиміра, сильные числомъ и обладавшіе большими Удѣлами, могли остаться вовсе безъ помощи, если бы не было въ народѣ твердой увѣренности, что Святополку принадлежитъ право на Великое Княженіе? Во всемъ Государствѣ не видно ни малѣйшихъ слѣдовъ сопротивленія. Одинъ Ярославъ изъ среды сыновъ Владиміровыхъ въ послѣдствіи возстаетъ противу него, и то съ чуждыми наемными воинами, Варягами и Новгородцами, слѣдовательно съ тою же самою ратію, съ которою онъ и прежде хотѣлъ противостать своему родному отцу.

Святополкъ, если держаться со всею строгостью исторической истины, даже и не можетъ быть названъ братоубійцею. Борисъ и Глѣбъ были только ближайшими его родственниками, но не братьями. По *крови* онъ былъ сынъ Ярополка; а что Владиміръ его *усыновилъ* и нѣкоторымъ образомъ призналъ его старшимъ своимъ сыномъ, это еще не могло произвести *кровнаго* родства въ истинномъ смыслѣ. Это усыновленіе совершено было въ такое время, когда онъ самъ еще не имѣлъ никакой воли и, въ слѣдствіе господствовавшихъ тогда обычаевъ, очень легко могло возбудиться подозрѣніе, что Владиміръ прибѣгнулъ къ сей мѣрѣ, единственно, чтобы обезопасить себя противу мести. Престолъ, по кончинѣ Владиміра, былъ достояніемъ Святополка и незави-

симо отъ сего усыновленія: онъ принадлежалъ ему какъ отрасли старшей (и благороднѣйшей) линіи, точно также, какъ по смерти Олега онъ слѣдовалъ Игорю (слич. стр. 45). Усыновленіе защищало Владиміра отъ мести Святополка, но не защищало дѣтей его, которые, происходя отъ одной съ нимъ матери, отнюдь не дѣлались чрезъ то его братьями. И они необходимо долженствовали быть ненавистны ему, поколику между ними находилась *смертная* вражда; ибо кровь Святополкова отца, пролитая Владиміромъ, еще не была отмщена. Если чуждый наемникъ оказалъ такую приверженность къ своему господину, что, по убіеніи его, движимый чувствомъ мести, самъ по себѣ воевалъ нѣсколько лѣтъ противъ Великаго Князя съ помощію Печенѣговъ, то могъ ли сынъ сдѣлать менѣе наемника?—Лѣтописецъ, повѣствуя объ этомъ дѣяніи Варяжка, ни сколько не охуждаетъ его ([4]), а Исторіографы обыкновенно еще стараются превознести его; но описывая дѣянія Святополка опускаютъ изъ виду, что онъ исполнялъ тѣмъ сыновній долгъ (разумѣется, по понятіямъ того времени), и съ жестокимъ порицаніемъ предаютъ его клятвамъ потомства.

И такъ когда изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, ясно открывается, что Святополкъ совершалъ тѣмъ отмщеніе за кровь отца своего, которое, согласно понятіямъ того времени,

не могло имѣть никакихъ предѣловъ, то не надобно удивляться, что онъ не удовольствовался убіеніемъ одного Бориса, но убилъ еще и Глѣба, и, можетъ быть, принесъ бы въ жертву родительской тѣни и всѣхъ сыновей Владиміра, если бы только имѣлъ къ тому возможность. Другаго основанія къ убіенію Бориса и Глѣба не представляется, и нельзя никакъ предполагать, чтобы онъ умертвилъ ихъ по внушенію одного кровожаднаго чувства. Ибо, чтобы принять такое побужденіе, которое—надобно замѣтить—принадлежитъ къ самымъ рѣдкимъ явленіямъ, за единственное основаніе убійства, нужно имѣть для того достаточныя причины; а ихъ здѣсь вовсе нѣтъ. Если бы кровожадность была въ характерѣ Святополка, то уже давно бы обнаружились хотя нѣкоторые слѣды ея, и Несторъ сію черту особенно выставилъ бы въ своемъ повѣствованіи.—Властолюбіе также не могло быть единственною пружиною такихъ кровавыхъ дѣлъ; страсть сія рѣдко дѣйствуетъ такъ открыто, безъ соблюденія всякой благовидности; и противъ властолюбія одного Святополка непремѣнно вооружились бы многіе изъ Владиміровыхъ ратниковъ въ защиту сыновей его. Но Святополкъ—мы видимъ—дѣйствуетъ безъ всякаго прикровенія, какъ будто бы предстояло ему исполнить какое нибудь похвальное дѣло; правда, онъ прибѣгаетъ нѣсколько и къ хитрости, дабы заманить жертву въ

свои сѣти; но эта хитрость въ то время была самымъ обыкновеннымъ средствомъ при совершеніи замысловъ такого рода. Только противу любимаго всѣми Бориса онъ не осмѣливается иначе посягнуть, какъ увѣрившись уже въ подкрѣпленіи себя со стороны Бояръ, или Начальниковъ Округа. Умерщвленіе ближнихъ родственниковъ изъ одного властолюбія совершенно отвратило бы отъ него сердца подданныхъ, и, при первомъ нападеніи врага, они оставили бы его, подобно тому, какъ случилось въ дѣлѣ Ярополка; но въ дѣлѣ Святополка мы не видимъ ничего такого. Ярославъ долженъ былъ съ нимъ ратовать чуждымъ оружіемъ, и Исторія упоминаетъ объ измѣнѣ, но ни слова объ отпаденіи войска, или о замедленіи вспоможеніемъ. Могло статься, что дѣйствовала притомъ въ Святополкѣ и та лестная мысль, что онъ, избивъ или изгнавъ Владиміровыхъ дѣтей, сдѣлается единовластителемъ Россіи; но месть, по крайней мѣрѣ, давала сему дѣлу благовидный предлогъ и нѣкоторый видъ обязанности, согласно духу тогдашнихъ временъ. Во внутренность дѣйствующаго мы прозирать не можемъ.

(1) *Умре же на Берестовомъ, и потаиша и, бѣ бо Святополкъ въ Кіевѣ.* Лѣтопись Несторова по К. сп. стр. 93.

(2) Вѣроятно, ближайшіе друзья Владиміра; тѣ, кои наиболѣе содѣйствовали ему въ достиженіи престола.

(3) Такой же отвѣтъ сдѣланъ былъ войскомъ Великому Князю. Святославу, когда онъ возбуждалъ его къ сраженію съ Греками въ 971 году. Лѣтопись Несторова по К. сп., стр. 62.

(4) Подъ 980 годомъ: *Варяжко же видѣвъ, яко убьенъ бысть Ярополкъ, бѣжа со двора въ Печенѣги, и много воева Володимира съ Печенѣги, и одва прибави и, и заходи къ нему ротѣ.*

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Оборонительныя мѣры противу похитителей власти.

По убіеніи Бориса и Глѣба, Ярославъ, Князь Новгородскій, открылъ войну противу Святополка. Она предпринята была единственно для защищенія себя. Ярославъ не могъ считать себя безопаснымъ, доколѣ Святополкъ оставался на Великокняжескомъ престолѣ. Но странно, — никто изъ братьевъ не является ему на помощь. Лѣтопись не говоритъ о томъ ни слова; напротивъ еще, изъ самаго повѣствованія довольно ясно открывается, что на войну ходили съ нимъ одни наятые Варяги и Новгородцы, слѣдовательно, тѣ же самые, которые должны были ратовать подъ его знаменами и противу отца его (слич. ниже). Но если, какъ надобно полагать, основываясь на повѣствованіи Нестора, никто изъ братьевъ не оказалъ ему помощи въ такомъ дѣлѣ, которое очевидно касалось всѣхъ ихъ безъ исключенія; то нельзя ли изъ того заключить, что они не надѣялись опол-

чить рать свою на сраженіе противу Великаго Князя? И не значитъ ли это, что во мнѣніи народа дѣло Святополка отнюдь не было такъ несправедливо и поступокъ его ни мало не былъ столько гнусенъ, какъ то обыкновенно намъ представляютъ? Въ самомъ дѣлѣ, если поступокъ Святополка, какъ я старался это доказать выше, имѣлъ источникомъ своимъ обязанность мщенія; то убіеніе обоихъ сыновей Владиміра весьма легко могло быть считаемо праведнымъ отмщеніемъ за кровь отца, проліянную Владиміромъ; а если таково было мнѣніе народа, то и нельзя было ожидать, чтобы удѣльныя дружины стали поддерживать своихъ Князей въ беззаконномъ возстаніи противу Верьховнаго Властителя — противу Великаго Князя.

Мужествомъ Новгородцевъ и благопріятнымъ дѣйствіемъ счастія Ярославъ наконецъ одержалъ верхъ. Сраженіе было не совсѣмъ легкое (1016); ибо Святополкъ привелъ съ собою многочисленную рать, состоявшую изъ Руссовъ и Печенѣговъ, слѣдовательно, воиновъ бывшей подъ властію его Россіи. Слѣдствіемъ сей побѣды было бѣгство Святополка. Онъ искалъ помощи у Поляковъ (Ляховъ). Храбрый Король ихъ, Болеславъ, на дочери коего онъ женатъ былъ, явился къ нему на помощь съ сильнымъ войскомъ и Ярославъ былъ побѣжденъ (1018). Побѣдитель, Болеславъ, привелъ Святополка опять

въ Кіевъ; но, по обычаю счастливыхъ Героевъ, хотѣлъ воспользоваться внутреннимъ несогласіемъ Россіи и удержать за собою пріобрѣтенную оружіемъ землю. Несторъ прямо говоритъ (по такъ называемымъ Архангелогородскому и Софійскому спискамъ): *Болеславъ вниде въ Кіевъ съ Святополкомъ, и сѣде на столѣ Владимери* (5). (Лѣтописецъ содержащій въ себѣ Россійскую Исторію . . . Москва 1781, стр. 43. См. Софійскій временникъ . . . издалъ П. Строевъ Ч. I. Москва 1820, стр. 108). Съ симъ вполнѣ соглашуется и данное имъ въ тонѣ полновластнаго Государя повелѣніе: *разведѣте дружіну мою по городомъ на кормъ* (6) *и бысть тако.* Лѣтопись Несторова по древнему списку Мниха Лаврентія, стр. 103.

Болеславъ, раздавши такимъ образомъ города между своими сподвижниками съ правомъ получать изъ нихъ Княжескіе доходы и, въ слѣдствіе того, управлять ими, думалъ тѣмъ утвердить свою власть также счастливо, какъ Рюрикъ при основаніи Государства. Онъ находилъ замыселъ свой довольно сбыточнымъ, потому что Святополкъ былъ безсиленъ, Ярославъ разбитъ, а прочіе Владиміровы сыновья к оскованы страхомъ. Но слѣпое довѣріе къ собственнымъ силамъ обмануло его. Подобно многимъ другимъ завоевателямъ, являвшимся прежде и послѣ его, онъ забылъ, что нѣтъ ничего труднѣе и опаснѣе, какъ возложить яремъ чуждой власти

на народъ сильный, сознающій мѣру могущества своего. Святополкъ далъ тайное приказаніе подданнымъ своимъ: *«еликоже Ляховъ по «городу, избиваите я.» Избиша Ляхы. Болеславъ же побѣже ис Кыева, възма имѣнье и . . . . приде въ свою землю. Святополкъ же нача княжити въ Кыевѣ* (тамъ же).

Несторъ, при свойственной ему краткости, едва ли могъ высказать яснѣе, что Болеславъ, одержавъ побѣду надъ Ярославомъ, присвоилъ себѣ княженіе въ Кіевѣ, что онъ роздалъ города между своими товарищами, но, увидѣвъ ихъ избитыми по случаю всеобщаго народнаго возстанія, произведеннаго Святополкомъ, убѣжалъ во свояси, и что послѣ сего Святополкъ самъ принялъ опять Княженіе Кіевское ([7]).

Когда Ярославъ двинулся противъ него съ ополченіемъ новыхъ народовъ, въ особенности съ сильною ратью наемныхъ Варягъ; Святополкъ искалъ противу него помощи у Печенѣговъ. Оба собрали многочисленныя ополченія; сраженіе было кровопролитное; наконецъ Ярославъ побѣдилъ, и Святополкъ обратился въ бѣгство (1019).

Вотъ однѣ голыя событія, почерпнутыя изъ самой Лѣтописи, обнаженныя отъ всѣхъ прикрасъ и вычуръ, принадлежащихъ самому ли то Лѣтописцу, или его позднѣйшимъ переписчикамъ! По симъ простымъ свѣдѣніямъ краткое Святополково Княженіе является совершенно въ дру-

томъ свѣтѣ. Оно представляетъ намъ вѣрную картину древнихъ грубыхъ временъ, когда кровавыя дѣла, порожденныя частнымъ самовластіемъ, считались дѣяніями согласными съ справедливостью; — временъ, которыя столько же отличны отъ нашего вѣка, какъ пирушка Американскихъ дикарей отъ придворнаго бала въ Петербургѣ. Справедливо Лѣтописецъ поноситъ грубость тогдашнихъ нравовъ и обычаевъ; справедливо дѣйствія ихъ изображаетъ въ самыхъ ужасныхъ послѣдствіяхъ, расписываетъ самыми яркими красками; изъ этого образуется поразительная картина, производящая въ современникахъ отвращеніе и ужасъ отъ подобныхъ злодѣяній, какія могутъ проистекать отъ не-Христіанскаго сердца. Достойно восхваляютъ Духовные имя Владиміра, какъ Государя знаменитаго, ревновавшаго по вѣрѣ Спасителя и радѣвшаго о благѣ народа своего. Владиміромъ Христіанство было насаждено, и утверждено его племенемъ; отъ Святополка, напротивъ, надлежало для юной Вѣры ожидать весьма невыгодныхъ слѣдствій; по крайней мѣрѣ совершеніе мести доказывало въ немъ духъ болѣе наклонный къ обычаямъ язычества, нежели проникнутый правилами Христіанской любви и кротости. По сему въ исторіи начертываемой для употребленія народнаго можно слѣдовать образу представленія, сдѣланному нашею Лѣтописью, можно выставлять на позоръ грѣхов-

ность дѣянія со всѣми погибельными ея слѣдствіями; это будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе; но историческая Критика хочетъ имѣть свои права; и наука основывается на единой истинѣ. Prima lex historiae esto, ne quid falsi dicere audeat!

(5) Можетъ ли быть что яснѣе этихъ словъ? Несторъ часто употребляетъ ихъ, когда хочетъ означить принятіе правленія или вступленіе на престолъ; такъ, на пр. въ вышеприведенномъ мѣстѣ (стр. 273), дружина, призывая Бориса на Княженіе, говоритъ: *пойди сядь въ Кіевѣ на столъ отній.* Также, когда Святополкъ въ первый разъ обратился въ бѣгство, объ Ярославѣ говорится: *сѣде въ Кіевѣ на столѣ отечнѣ и дѣднѣ.* Софійскій Временникъ, I, 107. Иногда употребляется слово: *сѣдѣть* и безъ прибавленія: *на столъ*, въ значеніи *княжить*; на пр. *въ тужe нощь прииде къ Ярославу вѣсть отъ сестры его Предславы: отецъ ти умерлъ и Святополкъ сѣдитъ въ Кіевѣ.* Софійскій Временникъ, стр. 106. Архангелогородскій Лѣтописецъ прибавляетъ въ в. пр. мѣстѣ, что Болеславъ княжилъ въ Кіевѣ въ теченіе мѣсяца. Самая внутренняя связь происшествій дѣлаетъ достовѣрнымъ сіе сказаніе. Все располагало здѣсь храбраго и счастливаго Болеслава къ такому предпріятію. Ярославъ былъ имъ побѣжденъ, и не имѣлъ достаточныхъ силъ, чтобы противустать ему; слѣдовательно перевѣсъ силы былъ на сторонѣ Болеслава. Въ Княжеской фамиліи онъ видѣлъ сильный раздоръ; непримиримая вражда раздѣляла родъ Ярополка и родъ Владиміра; Святополкъ безъ его помощи ничего не могъ сдѣлать; сыновья Владиміра, для своей собственной безопасности, согласнѣе были видѣть на Велико-княжескомъ престолѣ чуждаго Короля, нежели убійцу ихъ братьевъ. Принимая въ соображеніе всѣ сіи обстоятельства, сказаніе Лѣтописи, что Болеславъ, побѣдивъ Ярослава, принялъ Княжескую власть въ Кіевѣ, становится очень вѣроятнымъ. Такой лжи никто изъ Русскихъ не могъ бы выдумать, или списать. Равно нисколько не можетъ противорѣчить сему сказанію и то, что его нѣтъ въ большей части списковъ. Очень можно подозрѣвать здѣсь писцевъ въ намѣренномъ пропускѣ этого мѣста; что легко объясняется ложнымъ

чувствомъ народной чести, которое никогда не должно бы было обращаться во вредъ Исторической истинѣ, но, къ сожалѣнію, часто обращается.

(6) Что значатъ слова сіи? Не уже ли то, что Болеславову дружину надлежало разставить по городу, дабы получать отъ домохозяевъ жизненныя потребности и кормъ для лошадей, какъ то бываетъ въ наши времена? Не думаю. Такъ не разставляли войскъ въ эти отдаленныя отъ насъ времена. Во все продолженіе похода войска были вмѣстѣ, и, при взаимной помощи другъ другу, а въ случаѣ нужды, и насильственно, сами доставали себѣ по ближайшимъ окрестностямъ все нужное. Если эти мѣста совершенно уже истощались, то шли далѣе. Извѣстно также, что военные походы въ это время продолжались только въ теченіе опредѣленнаго срока. Если походъ кончался, или срокъ проходилъ, то войско распускалось и каждый возвращался во своя-си. Почему же въ настоящемъ случаѣ надлежало быть противному? Почему здѣсь, въ слѣдствіе Болеславова приказанія, войска были разведены по новѣйшему обычаю, и притомъ съ самою странною неосторожностію? Это вовсе невѣроятно. Въ Исторіи того времени не видно ни одного подобнаго случая; да и самое повѣствованіе Нестора не даетъ ни малѣйшаго основанія, чтобы разумѣть это мѣсто такимъ образомъ. Выраженіе: *на кормъ* употребляется весьма часто, но только о тѣхъ, кои получали для своего содержанія какой нибудь городъ или помѣстье. Это наблюдалось долго и послѣ. Обыковенно, отличнымъ воеводамъ съ ихъ дружинами отдавались доходы съ извѣстныхъ помѣстій (большею частію, въ естественныхъ произведеніяхъ). И на семъ-то обычаѣ основывается старинное выраженіе: *послать кого на кормленіе*, сохранившееся даже до позднѣйшихъ временъ. Имъ означалось то, когда какой нибудь Бояринъ или другой Вельможа (обыкновенно, по выходѣ изъ военной службы, ознаменованной какими нибудь славными подвигами) получалъ въ городѣ или волости воеводское мѣсто; ибо съ этимъ соединено было пользованіе извѣстною частію доходовъ; почему и самое мѣсто или должность сія назывались *кормленіемъ* [См. примѣчанія Татищева на Судебникъ въ Продолженіи Древней Россійской Вивліоѳики, I, 67]. Если теперь приложить такое словоупотребленіе къ вышеприведенному сказанію Лѣтописца; то и выйдетъ слѣдующій смыслъ сего мѣста:

«Болеславъ, завоевавъ Кіевъ мечемъ, и посему считая себя властелиномъ завоеванной земли, повелѣлъ отвести окрестныя города почтнѣйшимъ мужамъ, кои сопутствовали ему при семъ предпріятіи, и доходы съ городовъ отдалъ имъ въ награду за вѣрную службу» смыслъ правильный, совершенно согласный съ прочими частями сказанія и вполнѣ соотвѣтствующій извѣстному обычаю того времени!

(7) Даже тѣ списки Лѣтописи, которые выпускаютъ приведенное мѣсто, служащее рѣшительнымъ свидѣтельствомъ о Княженіи Болеслава,—сказавъ о возвращеніи его во своя-си, удерживаютъ слова: *Святополкъ нача княжити Кыевѣ.* Лѣтопись Несторова по древн. сп. М. Лаврентія, стр. 103 и по К. сп. стр 99. Но какимъ бы образомъ слова эти могли быть поставлены именно здѣсь, а не тотчасъ послѣ сказанія объ овладѣніи Кіевомъ соединенными силами Святополка и Болеслава, когда бы въ подлинной Лѣтописи, съ которой взятъ списокъ, не заключалось извѣстія, что Святополкъ началъ княжить въ другой разъ уже послѣ бѣгства Болеславова? Не ясно ли это доказываетъ, что первоначально сіе мѣсто, рѣшительно свидѣтельствующее о Княженіи Болеслава въ Кіевѣ (хотя и кратковременномъ), существовало во всѣхъ спискахъ, слѣдовательно и въ подлинной Лѣтописи Нестора; но что по суетному народному тщеславію было писцами вымарано, впрочемъ безъ всякаго восполненія его другимъ мѣстомъ, такъ что искажаніе сдѣлалось очевиднымъ отъ самаго выпуска?

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

КНЯЖЕНІЕ ЯРОСЛАВА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Политическое значеніе Новгорода.

Новгородцы въ Княженіе Ярослава играютъ такую знаменитую роль, что невольно обращаютъ на себя особенное вниманіе испытателя Исторіи. Самый Кіевъ, кромѣ того, что былъ мѣстомъ пребыванія Великокняжескаго, не могъ болѣе хвалиться никакимъ другимъ преимуществомъ предъ Новгородомъ, который съ давняго времени посредствомъ связей своихъ съ Скандинавіею и Сѣверною Германіею сдѣлался богатымъ и сильнымъ. Ярославъ княжилъ въ немъ съ 988 года и еще *не вѣдущу о отни смерти* (отецъ грозилъ ему войною), *Варязи мнози у Ярослава насилье творяху Новгородцемъ, и вставши Новгородцы избиша Варяги во дворѣ Поромони. И разгнѣвався Ярославъ, и шедъ на Ракому сѣде въ дворѣ и посла къ Новгородцемъ, и рече: «Уже мнѣ сихъ не воскресити» и позвавъ къ собѣ нарочитыя мужи иже бяху изсѣкли Варяги, и обольстивъ я изсѣче. Въ туже нощь пріиде ему вѣсть изъ Кіева отъ сестры его*

Предславы: «Отецъ та умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ въ Кіевѣ, убивъ Бориса и Глѣба; блюдися сего по велику.» И се слышавъ печаленъ бысть по отцѣ, и по братьи, и по дружинѣ. На утроже Ярославъ собравъ избытокъ Новгородцевъ, рече: «О любимая дружина, юже «вчера избихъ, а нынѣ быша надобе» и утеръ слезъ, рече имъ на вечѣ: «Отецъ мой умре, а «Святополкъ сѣдитъ въ Кіевѣ, избивая братью «свою.» И рѣша Новгородцы: «Аще, Княже, «братія наша иссѣчена суть, можемъ по тобѣ борoти.» И собравъ Ярославъ Варягъ тысячу, а прочихъ сорокъ тысячъ, и пойде на Святополка. Лѣтопись Несторова по К. сп. стр. 96, 97. Онъ побѣдилъ преимущественно съ помощію Новгородцевъ, но послѣ, какъ сказано выше, былъ разбитъ на-голову Болеславомъ, и спасся въ Новгородъ только съ четырьмя воинами, дабы искать помощи въ Скандинавіи. Граждане не далй ему бѣжать къ Варягамъ; а согласились лучше собрать для него въ значительномъ количествѣ чрезвычайную дань, за которую наняты были въ другой разъ воины и помощію ихъ возвращенъ престолъ. Естественно, Новгородцы же преимущественно и были награждены Великимъ Княземъ.

Все это повѣствованіе заключаетъ въ себѣ много темнаго, даже почти неимовѣрнаго. Столь необыкновенная помощь подана была Князю, который передъ тѣмъ только избилъ значитель-

ное число Новгородцевъ (по сказанію Архангелогородскаго Лѣтописца, стр. 40, тысячу нарочитыхъ мужей),—подана народомъ еще грубымъ, въ то самое время, когда утѣснитель ихъ находился въ нуждѣ крайней, когда спасеніе его единственно зависѣло отъ ихъ доброй воли— отъ воли людей оскорбленныхъ; они поддерживаютъ его всѣми силами, дѣлаютъ величайшія пожертвованія, дабы соблюсти его на престолѣ! Принять все это какъ дѣйствіе чистаго великодушія, какъ жертву безкорыстной любви къ Князю, значило бы показать невѣдѣніе въ характерѣ людей этого вѣка. Основаніе тому, кажется, заключается въ особенныхъ обстоятельствахъ города, для объясненія коихъ, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ,—надлежитъ обратить взоръ на прежнія событія.

Знаменитость Новгорода должна быть древнѣе, нежели какъ обыкновенно себѣ представляютъ; надобно думать, что издавна находились между его жителями знаменитыя и сильныя фамиліи. Это доказываютъ нѣкоторыя частныя черты, представляемыя Лѣтописью. Въ Новгородѣ утвердилъ пребываніе свое Рюрикъ, когда соединилъ области братьевъ съ своею и возчувствовалъ себя довольно сильнымъ. Къ Новгороду—и только къ нему одному—относится преданіе о возмущеніи противу новаго Властителя подъ начальствомъ какого-то, по имени называемаго Вадима; доказательство, что

еще тогда находились въ Новгородѣ роды знаменитые, достойные памяти потомковъ. Новгородъ былъ обложенъ 3000 гривенъ ежегодной подати. Лѣтопись не упоминаетъ о количествѣ подати, платимой другими городами; одинъ Новгородъ обращаетъ на себя вниманіе Лѣтописца въ семъ отношеніи. Одни Новгородцы требуютъ себѣ у Святослава въ правители города сына его (Слич выше стр. 93 и сл.). Все, кажется, гласитъ о давнемъ величіи Новагорода.

Когда Владиміръ (980) возвратился изъ Скандинавіи съ наемными воинами и смѣнилъ сановниковъ Ярополковыхъ: Новгородцы, по крайней мѣрѣ, какъ видно изъ хода происшествій, немедленно перешли на его сторону и стали его поддерживать. Можно догадываться, что Владиміръ во время своего правленія пріобрѣлъ въ Новгородѣ многихъ друзей и былъ уже напередъ увѣренъ, что вмѣстѣ съ явленіемъ своимъ онъ найдетъ тамъ сильную партію, которая готова будетъ немедленно поддержать его въ совершеніи первыхъ его замысловъ. Съ этого времени, должно думать, въ Новгородцахъ родилась преимущественная приверженность къ фамиліи Владиміра, и, напротивъ, особенное нерасположеніе къ потомству Ярополка.

Владиміръ соблюдалъ Новгородъ въ чести и уваженіи. Сперва поставилъ онъ въ немъ Намѣстникомъ дядю своего, Добрыню, мужа искуснаго въ дѣлахъ Правленія, бывшаго настав-

никомъ его юности, послѣ, старшаго своего сына, Вышеслава, рожденнаго отъ Чехыни, и по смерти его, сына жъ своего, Ярослава, отъ Рогнѣды. Съ симъ послѣднимъ открылась у него вражда, возникшая отъ того, что отецъ не получалъ отъ сына 2000 гривенъ, которыя надлежало посылать въ Кіевъ изъ ежегодно взимавшейся съ Новгородцевъ подати. Раздоръ, по сказанію Нестора, до того усилился, что Владиміръ повелѣлъ чинить дороги, рѣшившись смирить своего сына войною. Ярославъ, напротивъ, собралъ съ своей стороны наемныхъ воиновъ и приготовился сдѣлать отпоръ. Но Владиміръ заболѣлъ и умеръ.

Сія часть повѣствованія также представляетъ въ себѣ очевидную несообразность. Возстать противъ отца съ оружіемъ въ рукѣ, отважиться на ратованіе съ воинственнымъ Владиміромъ, во всей полнотѣ силъ его — это замыслъ не только злочестивый, но и самый дерзкій, безумный. Послѣ Ярославъ едва могъ одолѣть Святополка; какъ же бы онъ могъ устоять противу отца? Какъ онъ могъ дерзнуть на совершеніе такого замысла, который осуждали въ равной силѣ и внутреннее чувство, и нравственность, и Религія? Предпріятіе Ярослава въ семъ случаѣ очевидно было бы буйною, безсмысленною дерзостію, которая ни сколько не согласуется съ нравственнымъ характеромъ этого мудраго въ дѣлахъ правленія Государя, какъ

то мы видимъ въ послѣдствіи изъ исторіи всей прочей его жизни. Посему весьма естественно раждается подозрѣніе, не входили ли въ дѣйствіе при семъ случаѣ какія нибудь особенныя обстоятельства, которыя однакожъ Лѣтописцемъ умолчаны ([1]). Самое долговременное приготовленіе Владиміра, какъ будто бы ему предлежала какая опасная борьба съ сильнымъ непріятелемъ или совмѣстникомъ; самая разборчивость въ средствахъ къ усмиренію мятежнаго сына; предварительное исправленіе дорогъ, тогда какъ прежде было возможно ходить по тѣмъ же дорогамъ безъ всякой починки противу Ярополка;—все это, кажется, подаетъ достаточное основаніе сомнѣваться, въ самомъ ли дѣлѣ всѣ сіи мѣры предпріемлемы были по причинѣ возстанія Ярославова ([2]).

Послѣдуемъ еще вниманіемъ за дальнѣйшимъ теченіемъ дѣлъ, и—несообразность сего страннаго явленія еще болѣе увеличится. Мы видимъ: — Ярославъ нанимаетъ Варяговъ, дабы воевать съ отцемъ своимъ. Эти наемники позволяютъ себѣ всякаго рода наглости въ обращеніи съ Новгородцами, и въ слѣдствіе того дѣлаются жертвами ихъ гнѣва. Ярославъ, который, между тѣмъ, по сказанію Лѣтописца, всё еще помышляетъ объ этой войнѣ, съ притворною ласкою призываетъ къ себѣ именитыхъ гражданъ, и коварно предаетъ ихъ смерти до тысячи.

Можно ли что представить безразсуднѣе этого поступка, когда бы Ярославъ дѣйствительно и по одному собственному побужденію, какъ мятежникъ, возсталъ противу своего отца? Новгородцы избили знатное число Варяговъ; Ярославъ умертвилъ большую часть именитыхъ Новгородскихъ граждань; другіе (какъ повѣствуется въ Софійскомъ, стр. 102, и Новгородскомъ стр. 333 спискахъ Лѣтописи) убѣжали; съ кѣмъ же онъ могъ теперь выступить на трудную борьбу съ своимъ отцемъ, отъ котораго, между тѣмъ, онъ долженъ былъ ожидать нападенія со всѣми силами Россіи?

Слѣдовательно необходимо надобно искать здѣсь другой связи вещей; а та, которая открывается прямо изъ словъ Лѣтописи,—не удовлетворяетъ. Ярославъ, по видимому, всегда оказывалъ совершенное послушаніе своему отцу и Государю; что жъ заставляетъ насъ вѣрить, что онъ въ настоящемъ случаѣ думалъ дѣйствительно возмутиться противу него? Нельзя подумать, чтобы Ярославъ съ такою ратію, при такомъ поведеніи могъ возъимѣть намѣреніе вступить дѣйствительно въ войну съ могущественнымъ Владиміромъ.

Но весь образъ дѣйствованія какъ со стороны Владиміра, такъ и Ярослава представится въ другомъ видѣ, когда станемъ смотрѣть на сію безсмысленную крамолу не болѣе,—какъ на одинъ предлогъ, подъ коимъ таились совер

шенно другіе виды. Эти виды открыть не трудно. Какъ изъ предшествующихъ, такъ и последующихъ событій съ достовѣрностію можно заключать, что на Сѣверѣ Россіи наступало критическое время. Положеніе дѣлъ въ Новгородѣ, по всей вѣроятности, получало неблагопріятный для единодержавія Князей оборотъ. Что Новгородъ становился могущественною Державою, это доказываетъ сильное вспоможеніе, какое сдѣлали его жители Ярославу (стр. 295); а что Новгородцы особенно склонны были къ открытію притязаній на какія нибудь права, это видно изъ Исторіи Владиміра и ихъ посольства къ Святославу. Въ древнія времена, жители городовъ, обыкновенно чѣмъ сильнѣе становились, тѣмъ болѣе получали расположенія къ безпокойствамъ. Торговля Новгорода, безъ сомнѣнія, была въ это время уже въ цвѣтущемъ состояніи; иначе городъ не могъ бы содержать въ себѣ столько денегъ или, что тоже, столько имущества, сколько его надлежало быть въ наличности для чрезвычайной подати, собранной для Ярослава ([3]). Такой городъ не могъ въ эти времена составлять благонадежнаго владѣнія. Владиміръ, мудрый въ дѣлахъ правленія, могъ хорошо провидѣть эту опасность, и можетъ быть, замѣчалъ уже какіе нибудь признаки, предвѣщавшіе скорое возмущеніе умовъ разгоряченныхъ. Обстоятельства были опасныя; высокомѣрный городъ, находив-

шійся на отдаленнѣйшемъ краю Государства, сдружившійся торговлею съ сосѣдственными народами, могъ при посторонней помощи Варяговъ или Сѣверныхъ Нѣмцевъ воздвигнуть войну опасную, или даже получить самостоятельность. Эту опасность надлежало предварить. Употребленіе открытой силы не могло казаться благоразумною мѣрою; потому что открытіе непріязненныхъ дѣйствій противу собственныхъ подданныхъ безъ всякаго видимаго основанія было бы принято за величайшую несправедливость. Кромѣ того Владиміръ, можетъ быть, помнилъ еще и тѣ услуги, которыя оказали ему Новгородцы при вступленіи на престолъ. По уваженію сихъ обстоятельствъ, принятіе мѣры прикровенной могло казаться самымъ умѣстнымъ въ настоящемъ случаѣ оборотомъ. Мнимое возстаніе Ярослава противу отца было избрано сею мѣрою, и тѣмъ удобнѣе могло обольстить народные умы, что самостоятельность владычества надъ богатымъ Новгородомъ, въ самомъ дѣлѣ, могла искусить сердце честолюбиваго юноши. Удержанные имъ 2000 гривенъ, подавали ему возможность набрать наемныхъ воиновъ, содѣйствіемъ коихъ и его отецъ въ свое время овладѣлъ престоломъ. Новгородцамъ ласкала надежда независимости; и подъ предлогомъ войны, предпринятой для народнаго блага, Ярославъ могъ легко собрать Варяговъ, не возбуждая ни малѣй-

наго недовѣрія въ умахъ граждан, а Великокняжескіе Отроки и воины, на коихъ надлежало поступить онымъ 2000 гривенъ, могли на время удовольствоваться обѣщаніями или меньшимъ жалованьемъ; потому что, естественно, Владиміру нельзя было давать того, чего не получалъ самъ. Они безъ сомнѣнія желали получить недоимочное жалованье; и Владиміръ такимъ образомъ имѣлъ на своей сторонѣ предлогъ держать войско на-готовѣ, а между тѣмъ велѣлъ пока чинить дороги, дабы съ наступленіемъ рѣшительной минуты тотчасъ выступить въ походъ. Симъ временемъ въ Новгородѣ дѣло остановилось въ ходѣ своемъ. Призванные наемники поступали съ гражданами нагло, какъ обыкновенно въ тѣ времена бывало, особенно, когда они примѣчали, что Государь имъ благопріятствуетъ. Безъ сомнѣнія и Варяги въ настоящемъ случаѣ видѣли особенное къ себѣ расположеніе Князя; иначе едвали бы они дерзнули простереть свои неистовства въ богатомъ и могущественномъ городѣ до такой мѣры, какъ представляетъ намъ Несторъ (4). Новгородцы избили ихъ. Это подало Ярославу случай освободить себя, подъ видомъ справедливости, отъ знаменитѣйшихъ гражданъ, начальствовавшихъ надъ безпокойными. Безъ сомнѣнія, тѣ, кои наиболѣе ревновали по свободѣ и независимости, наиболѣе и участвовали въ отмщеніи поруганія, нанесеннаго имъ Варягами. Ярославъ съ

притворной ласкою пригласилъ ихъ къ себѣ на Дворъ; они явились безъ всякаго опасенія, и именно потому, что гласный разрывъ его съ отцемъ дѣлалъ ихъ безопасными. Ибо что онъ могъ сдѣлать въ настоящемъ положеніи безъ ихъ содѣйствія? До тысячи были преданы смерти; другіе (вѣроятно не въ меньшемъ же числѣ) бѣжали изъ города, т. е. сами себя заточили. Съ этимъ сокрушилась вся сила Новгорода и вся непокорность его волѣ Верховнаго Князя. Стоило только двинуться ратнымъ сонмамъ Владиміра, и—Ярославъ съ отцемъ своимъ могъ уже принять всякую мѣру, какая только могла быть найдена нужною для совершеннаго огражденія Княжеской власти. Онъ могъ имѣніе убитыхъ и убѣжавшихъ обратить къ себѣ и раздать между своими приверженцами, могъ водворить сихъ послѣднихъ въ Новгородѣ, а другихъ, безпокойныхъ, устранить, словомъ сказать: могъ поступать, какъ ему угодно.

При такомъ объясненіи исчезаетъ вся странность и непонятность въ происшествіяхъ. Все является въ строгой взаимной связи; одно происшествіе естественно привязуется къ другому и все дѣло становится политическимъ планомъ.

(1) Это не рѣдкость у древнихъ Лѣтописцевъ, особенно, когда такія обстоятельства не имѣли въ послѣдствіи важнаго вліянія на развязку происшествій, какъ на пр. здѣсь, гдѣ вскорѣ послѣдовавшая кончина Владиміра прервала цѣпь происшествій и всему дала совершенно другое направленіе.

(2) Основа всякой Исторіи есть обозначеніе происшествій

т. е. частныхъ фактовъ, какъ въ Лѣтописцѣ, такъ и въ прагматическомъ Исторіографѣ. Факты составляютъ нѣчто твердое; ихъ надобно уже принимать на вѣру къ повѣствователю (только въ рѣдкихъ случаяхъ можно ихъ оспоривать, какъ подозрительные, и то по какимъ нибудь особенно важнымъ причинамъ); иначе всѣ древнія дѣеписанія безъ исключенія мы должны огласить сомнительными, невѣрными. Но облаченіе событій, кому бы оно ни принадлежало, подлежитъ испытанію; ибо здѣсь уже не одинъ фактъ, а сужденіе. Нигдѣ не нужно съ большимъ тщаніемъ отдѣлять одну чистую быль отъ тѣхъ чертъ, въ кои облачаетъ ее Дѣеписатель, какъ тамъ, гдѣ говорится о такихъ происшествіяхъ, кои состоятъ въ связи съ событіями, извѣстными намъ только по своему началу, а не по концу; ибо такія событія не могутъ быть названы въ собственномъ смыслѣ полными Историческими фактами. И къ сему-то разряду принадлежитъ и мнимое возстаніе Ярослава.

(3) *Начаша скотъ събирати отъ мужа по Д. куны, а отъ старостъ по I* (по списку Кенигсбергскому по Е.) *а отъ Бояръ по НI* [по сп. Кенигс. по П.] *и приведоша Варягы; вдаша имъ скотъ, и совокупи Ярославъ вои многы.* Лѣтопись Несторова по древн. сп. Мниха Лаврентія, стр. 103.

(4) Они чинили насиліе замужнимъ женамъ. Софійскій Временникъ, стр. 105.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Начало законной Новгородской вольности.

Но такова часто бываетъ судьба замысловъ сего рода, что одинъ случай разрушаетъ самыя мудрыя предначертанія и расчеты; такъ случилось и здѣсь. Едва только Ярославъ отмстилъ избіеніе Варяговъ и Новгородъ лишилъ-

ся своихъ именитыхъ граждапъ, какъ вдругъ приходитъ къ нему вѣсть, что Владиміръ скончался, и что Святополкъ совершаетъ мщеніе надъ его сынами. Очевидно, Ярославу не оставалось инаго средства ко спасенію, кромѣ твердаго союза съ Новгородцами. Политика предписывала ему теперь искать искренняго съ ними примиренія. Онъ прибѣгнулъ къ сей мѣрѣ — и покушеніе его имѣло счастливый успѣхъ. Но это скорое и безпрекословное примиреніе отнюдъ не было дѣломъ одного великодушія Новгородцевъ: нѣтъ! здѣсь былъ и расчетъ собственныхъ выгодъ. Нравы того времени не позволяютъ вѣрить такому великодушію, оставляющему безъ отмщенія кровь собратій, убитыхъ притомъ льстивымъ образомъ. Такого коварнаго умерщвленія столькихъ именитыхъ согражданъ Новгородцы не могли и не смѣли, по господствовавшимъ тогда понятіямъ, предать спокойно забвенію; одна только необыкновенная выгода, которую они надѣялись извлечь при семъ случаѣ для всего своего общества, для всего города, могла расположить ихъ къ оставленію мести и принятію участія въ дѣлѣ убійцы ихъ собратій.

Сія великая, необыкновенная выгода была — утвержденіе гражданской свободы Новгорода. Принимая въ соображеніе всѣ соприкосновенныя происшествія, я ни мало не сомнѣваюсь полагать здѣсь начало будущаго политическаго

величія Новгородской Державы, хотя Лѣтописецъ не сообщаетъ намъ о томъ никакихъ обстоятельныхъ свѣдѣній. Мы не знаемъ на вѣрное, въ это ли точно время утвердилъ Ярославъ главнѣйшія требованія гражданъ, на чемъ основывались въ послѣдствіи ихъ права и преимущества; потому что Несторъ совершенно оставляетъ въ молчаніи сей важный предметъ; по крайней мѣрѣ, по соображенію съ предъидущимъ и послѣдующимъ это представляется очень вѣроятнымъ. Если же примиреніе ихъ съ Ярославомъ утверждалось на такомъ основаніи; то и весь послѣдующій ихъ образъ дѣйствованія не можетъ болѣе изумлять читателя. Причина тому очевидна. Собственная выгода гражданъ заключалась въ томъ, чтобы подкрѣплять Ярослава всѣми силами. Они не могли многаго ожидать отъ Святополка. Опираясь на право своего рожденія, послѣдній выказалъ всю самостоятельность законнаго Государя. Положимъ, что ему удалось бы вытѣснить все Владимірово потомство и сдѣлаться одному Властителемъ всей, или хотя большей части Россіи; то въ семъ случаѣ Новгородцы не могли ничего болѣе отъ него ожидать, какъ сравненія въ правахъ со всѣми прочими городами; а можетъ быть, даже онъ и захотѣлъ бы мстить имъ за содѣйствіе отцевъ ихъ въ низверженіи Ярополка съ престола. Напротивъ, Ярославъ дѣлался имъ обязаннымъ, когдабы помощію

ихъ не только сохранилъ себѣ жизнь и Княженіе, но даже достигъ бы и Великокняжескаго престола; услуга, оказанная ими отцу, получала новый вѣсъ отъ услуги сыну. Ярославъ въ самомъ счастливомъ положеніи не явилъ такого самовластія, какое обнаружилъ Святополкъ. Раздробленіе Государства въ видѣ малыхъ округовъ между сыновьями Владиміра, изъ коихъ нѣкоторые могли быть старше Ярослава, благопріятствовали ихъ видамъ; тотъ изъ нихъ, кого они возвели на отеческій престолъ, необходимо долженъ былъ сдержать предъ ними свое обѣщаніе, и исполнить ихъ желанія, если не изъ признательности, то по крайней мѣрѣ изъ политики.

И такъ они выступили, какъ видно изъ Несторова повѣствованія, со всѣми силами для споборствія Ярославу и на первый разъ помогли ему счастливо овладѣть престоломъ. Но онъ потерялъ его опять въ сраженіи съ храбрымъ Болеславомъ, нанесшимъ ему совершенное пораженіе, послѣ котораго онъ едва спасся съ немногимъ числомъ оставшихся ратниковъ въ Новгородъ, дабы бѣжать за море. Но Новгородцы, по распоряженію бывшаго тогда Посадника Коснятина, сына Добрынина, остановили его въ семъ предпріятіи, собрали чрезвычайную подать (слич. выше стр. 295 прим. 3) и наняли многочисленное войско, помощію коего Ярославъ одержалъ въ другой разъ побѣду надъ

Святополкомъ и сдѣлался спокойнымъ обладателемъ престола. Онъ наградилъ своихъ воиновъ, но преимущественно предъ всѣми Новгородцевъ. Старѣйшинамъ роздалъ онъ по десяти гривенъ, рядовымъ по гривнѣ, а Новгородцамъ каждому по десяти гривенъ *и даде имъ правду, и уставъ списавъ глаголавъ тако по сей грамотѣ ходите.* Новгородскій Лѣтописецъ, стр. 335.

Такъ возникла древняя законодательная грамота Руссовъ, данная непосредственно Новгороду (5) и вскорѣ получившая силу Закона въ Россіи, не имѣвшей еще никакого другаго письменнаго Законодательства (6).

(5) Побѣда Ярослава надъ Святополкомъ относится къ 1019 году; слѣдовательно и признательность его къ Новгородцамъ пріобрѣтшимъ ему побѣду своею кровью, не могла ранѣе сего ознаменоваться дарованіемъ имъ Закона; во всякомъ же случаѣ едва ли можно относить оное къ гораздо позднѣйшему времени, хотя и вѣроятно, что раздача денежныхъ наградъ послѣдовала ранѣе, прямо послѣ окончанія похода. По сему временемъ обнародованія сего закона съ немалымъ правдоподобіемъ можно положить 1020 г. Софійскій Временникъ, I, 110.

(6) Что Правда принята была Закономъ по всей Россіи, это доказывается тѣмъ, что, по кончинѣ Ярослава, дѣти его дѣлали въ ней измѣненія съ общаго согласія; а если бы они касались одного частнаго Новгородскаго Закона, то, естественно, и были бы дѣломъ одного Новгородскаго Князя. Также точно поступилъ и Владиміръ Мономахъ, когда вздумалъ измѣнить законъ о процентахъ. Софійскій Временникъ, I, 111, 120. Правда, что всѣ извѣстные списки сего Устава доселѣ были открываемы только на Сѣверѣ Россіи, и что въ немъ находятся нѣсколько постановленій, которыя могли имѣть приложеніе въ одномъ только Новгородѣ; но это не можетъ служить опроверженіемъ. Такого же мнѣнія и Карамзинъ [И. Г. Р. II, 42]; слѣдовательно Исторіографъ, при всей обширности свѣдѣній своихъ о ненапе-

чатанныхъ источникахъ Россійской Исторіи нигдѣ ни малѣйшаго не нашелъ указанія на существованіе другаго Уложенія, которое бы въ одно время съ Правдою дѣйствовало въ другихъ мѣстахъ Россійскаго Государства.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Правда Ярославова въ первоначальномъ ея видѣ.

Только немногіе распространители Несторовой Лѣтописи сохранили для насъ законъ Ярославовъ, извѣстный подъ именемъ *Правды.* Перемѣны, которыя потерпѣлъ онъ въ самомъ существѣ своемъ, скоро сдѣлали его статьею древности, которая не могла казаться привлекательною для обыкновеннаго читателя исторической книги. Почему законъ сей и утратился изъ многихъ списковъ. Шлецеръ однакожъ нашелъ его въ одномъ спискѣ, и счелъ находку сію столь важною, что разсудилъ напечатать особымъ изданіемъ (*Правда Русская, данная въ XI вѣкѣ Новгородцамъ Княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ и сыномъ его Изяславомъ Ярославичемъ, издалъ А. Шлецеръ; Спб.* 1777*)*. Но онъ не достигъ при семъ своей цѣли — «отысканія большаго числа списковъ.» А что были такіе списки, это подтверждено *Продолженіемъ Древней Россійской Вивліоѳики Ч. I. (въ Спб.* 1786*) стр.* 9—22. Въ немъ по-

мѣщено было новое изданіе Правды съ замѣчаніями Татищева, при чемъ и поименованы два списка Правды; а во второй части сего Продолженія, въ коей сообщается Новгородскій Лѣтописецъ (тотъ самый, который Шлецеръ означаетъ НВГР. I. и находитъ весьма важнымъ Нест. Ч. I. стр. V. Введ. стр. кѳ и р§г) предложенъ Ярославовъ Законъ въ исторической связи происшествій, непосредственно за вышеприведенными на стр. 299 словами Лѣтописца, но присовокуплены къ нему также и распространенія, сдѣланныя сынами Ярослава, прилагаемыя въ обоихъ вышеприведенныхъ изданіяхъ.

Собраніе позднѣйшихъ узаконеній, извѣстное подъ тѣмъ же именованіемъ Правды, принадлежащее, вѣроятно, къ тринадцатому столѣтію, и заключающее въ себѣ вмѣстѣ и законы Ярослава и сыновей его, появилось въ первый разъ въ третьей части помянутаго Продолженія Вивліоѳики и возбудило большое вниманіе, которое еще болѣе усилено было открытіемъ многихъ новыхъ списковъ Правды, послужившихъ основаніемъ къ особому ея изданію (см. ниже прибавленіе II). Но сіе появленіе Правды въ позднѣйшемъ ея видѣ совершенно уклонило изыскателей отъ надлежащей точки критическаго зрѣнія. Оно породило ту ошибочную мысль, что въ семъ только собраніи заключается подлинная Ярославова Правда, и что всѣ прочіе списки, которые доселѣ принимаемы

были за подлинную Правду, суть одни токмо испорченные ея отрывки. Думали, что всѣ статьи, кои въ сей новѣйшей Правдѣ не указываютъ именно на другаго какого нибудь Законодателя, должны принадлежать древнѣйшему Законодателю, Ярославу, и забывали, что доселѣ еще ни одинъ древній списокъ не оправдалъ того предположенія, что будто Ярославъ могъ быть творцемъ столь обширныхъ и столь подробныхъ законовъ. Такъ думать, говорятъ, заставляетъ чрезвычайная краткость и неполнота Правды, предложенной въ Новгородскомъ Лѣтописцѣ. «Вѣроятно ли» говоритъ Карамзинъ (въ И. Г. Р. II, 347, прим. 65), «чтобы Ярославъ не предписалъ еще никакихъ правилъ для наслѣдства, столь важныхъ и необходимыхъ въ гражданскомъ обществѣ? И въ Игорево время были уже на то законы въ Россіи.» Но то, что сими словами обращается въ опроверженіе древней Правды, не можетъ ли съ большею справедливостію служить доказательствомъ ея подлинности, если только взять во вниманіе то, что здѣсь идетъ дѣло о *первомъ* письменномъ законѣ народа? Краткость и простота суть неотъемлемыя принадлежности первобытныхъ Уложеній, и одинъ недостатокъ правилъ для наслѣдственности еще не можетъ служить основаніемъ къ тому, чтобы сомнѣваться въ подлинности древнѣйшаго Законодательства Ярославова. По крайней мѣрѣ, возможность

сего недостатка объясняется подобнымъ явленіемъ въ Исторіи другихъ народовъ.

Ограничимся здѣсь однимъ указаніемъ на Архонта Дракона. Въ Законахъ, данныхъ имъ Аѳинянамъ, право наслѣдства оставлено вовсе безъ вниманія, и Солону вмѣнено было въ заслугу, что посредствомъ нѣкоторыхъ постановленій о наслѣдствѣ превратилъ имущества Аѳинскихъ гражданъ въ истинную частную ихъ собственность; а прежде оныя составляли достояніе того рода, къ которому кто принадлежалъ, какъ то мы можемъ видѣть изъ Платона и Плутарха. Первый въ замѣчательномъ своемъ разговорѣ о Законахъ говоритъ: *Ἔγωγ' ὄυν, νομοθέτης ὤν, ὄυθ' ὑμᾶς ὑμῶν αὐτῶν ἔιναι τίθημι, ὄυτε τὴν ὀυσίαν ταύτην· ξύμπαντος δὲ τοῦ γένους ὑμῶν τοῦ τε ἔμπροσθεν καὶ τοῦ ἔποιτα ἐσομένου* (¹). Platonis opera cum scholiis a Ruhnkenio collectis (ed. Ch. D. Beck), T. VI. Lips., 1819, p. 410. Плутархъ такъ объясняетъ сіе мѣсто въ жизни Солона: *Ἐυδοκίμησε δὲ κἀν τῷ περὶ διαθηκῶν νόμῳ· πρότερον γὰρ οὐκ ἐξῆν, ἀλλ' ἐν τῷ γένει τοῦ τεθνηκότος ἔδει τὰ χρήματα καὶ τὸν ὄικον καταμένειν· ὁ δ' ῳ βούλεταί τις ἐπιτρέψας, εἰ μὴ παῖδες ἔιεν αὐτῷ, δοῦναι τὰ αὐτοῦ, φιλίαν τε συγγενείας ετίμησε μᾶλλον, καὶ χάριν ἀνάγκης καὶ τα χρήματα, κτήματα τῶν εχόντων ἐποίησεν* (²). Plutarchi Chaeron. quae supersunt omnia. Op. J. G. Hutten. Vol. I, Tubingae, 1791, p. 225. Едва ли Новгородцы во времена Ярослава стояли на высшей степени политическа-

го образованія, нежели на какой находились Аѳиняне во времена Дракона.

Доколѣ имущество во всей своей совокупности остается собственностію племени или семейства, дотолѣ законы о правѣ наслѣдства бываютъ совершенно излишни; они становятся необходимыми уже въ болѣе образованномъ состояніи общества. Очевиднѣйшимъ образомъ доказывается это примѣромъ одного Славянскаго племени, у котораго еще и нынѣ существуетъ помянутый порядокъ вещей. Я говорю о жителяхъ Славоніи. «Въ сей области, по всему ея пространству, не исключая и самой границы, еще и въ наши времена господствуетъ такъ называемое патріархальное домоправленіе, съ которымъ соединены весьма многія выгоды, но вмѣстѣ и нѣкоторыя невыгоды. Всѣ члены фамиліи живутъ нераздѣльно, вмѣстѣ, подъ управленіемъ домоначальника (Господаря); потому тамъ не рѣдкость—видѣть домъ, состоящій изъ 60 и болѣе душъ. Бываетъ даже, хотя не часто, болѣе 100 человѣкъ въ одномъ домѣ; а отъ 20 до 50 человѣкъ, можно встрѣчать почти въ каждой семьѣ. Родовой домъ занимаетъ одинъ домоначальникъ съ своимъ семействомъ. Каждая брачная чета живетъ въ собственномъ особомъ домикѣ, исключительно для нее назначенномъ и называющемся *кревет*ъ; но такъ какъ сіи кревсты построены безъ печей, то на зиму всѣ члены семейства перебираются въ одну

общую теплую избу, каждый съ своею постелью; почему въ ней часто помѣщается до 12 и болѣе кроватей.

Домоначальникъ — *Господарь* — и жена его — *Господарица* — управляютъ всею фамиліею; тотъ распредѣляетъ занятія между мущинами, а эта между женщинами. Жены фамиліи понедѣльно готовятъ кушанье и смотрятъ за хозяйствомъ; чередная женщина въ теченіе недѣльной своей службы называется *редуссою* отъ слова *редъ*, рядъ, очередь. Называютъ ее также уменшительнымъ именемъ отъ слова *мати* (мать) *маія*. Смотря потому, въ большей или меньшей милости у Господарицы бываетъ редусса, и столъ въ домѣ бываетъ лучше или хуже.

Домоначальникъ избирается цѣлою фамиліею; онъ управляетъ домомъ въ теченіе всей своей жизни и развѣ въ слѣдствіе важныхъ какихъ нибудь обстоятельствъ можетъ быть лишенъ своей власти. Всѣ члены семейства безпрекословно должны повиноваться его распоряженіямъ; въ случаѣ непослушанія они могутъ быть принуждены къ исполненію его приказаній властію Гражданскаго Начальства, которое всегда готово оказывать ему помощь. Имущество дома, состоящее главнымъ образомъ въ скотѣ, есть собственность общая: Господарь только управляетъ онымъ, и, по требованію семейственнаго общества, обязанъ

давать ему отчетъ въ своемъ управленіи. На немъ лежитъ долгъ пещись о всемъ нужномъ для дома. Остающіяся за расходами деньги дѣлятся между поколѣніями семейства. Частныя стяжанія, пріобрѣтенныя собственнымъ каждаго промысломъ и торговлею, остаются частнымъ достояніемъ пріобрѣтателя и называются *перхія.*» Slavonien und zum Theil Croatien... von J. v. Csaplovics. I, Pesth. 1819, стр. 105—107. Такая общность имѣній существуетъ у всѣхъ грубыхъ народовъ; право собственности у нихъ состоитъ только въ исключительномъ правѣ пользонаслажденія; всѣ, кои совокупно владѣютъ какимъ либо имѣніемъ, считаются общими его хозяевами. Сл. J. Millar's historische Entwickelung der Englischen Staatsverfassung, I, 126.

Указаніе, находимое Карамзинымъ въ Олеговомъ договорѣ на существовавшее будто уже тогда въ Россіи право наслѣдія, ни мало не опровергаетъ представленныхъ нами доказательствъ: приводимое имъ мѣсто (см. выше стр. 187) клонится очевидно къ той единственно цѣли, чтобы оградить наслѣдство послѣ Руссина, умиравшаго въ Греческой службѣ, отъ притязанія Казны Императорской. То, что въ принятой по сему случаю мѣрѣ какъ будто бы указываетъ на право наслѣдія, болѣе относится къ Римскому, нежели къ Русскому Праву.

Впрочемъ, древнѣйшая Правда самымъ убѣ

дительнымъ образомъ говоритъ сама за себя. Здѣсь она предлагается изъ Новгородскаго Лѣтописца на языкѣ подлинника съ переводомъ на новѣйшій Русскій языкъ, и съ удержаніемъ обыкновеннаго раздѣленія на статьи, цифрами означаемыя.

ПРАВДА РОСЬКАЯ (3). РУССКАЯ ПРАВДА.

I.

Убьетъ мужъ мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сынови.

Если мужъ убьетъ мужа, то мститъ за брата брату, за отца сыну, за сына отцу, или сыну братнину, или сыну сетрину.

II.

Аще небудетъ кто мьстя; то м. *гривенъ* (4) *за голову; аще будетъ Русинъ, любо гридінъ, любо купчина, любо ябетникъ* (5), *любо мечникъ, аще изгои* (6) *будетъ, любо Словенникъ: то* м. *гривенъ положити занъ.*

Если не будетъ мстителей; то съ убійцы взыскать 40 гривенъ, будетъ ли убитый Руссъ, или Гридинъ, или купецъ, или ябетникъ, или меченосецъ. Если то будетъ и Изгой или Славянинъ; также полагается 40 гривенъ.

III.

Или будетъ кровавъ, или синь надъраженъ; то не искать ему видока, человѣку тому. Аще

небудетъ на немъ знаменіи нькотораго же; то-ли пріидетъ видокъ: аще ли неможетъ, ту тоту конець.

Или, если кто будетъ избитъ до крови, или до синихъ пятенъ; то такому человѣку не искать очевидцевъ. Если же на немъ не будетъ никакихъ знаковъ; то онъ обязанъ представить свидѣтелей: а буде не можетъ этаго сдѣлать, то и конецъ тому дѣлу.

IV.

Ожели себѣ не можетъ мьстити: то взяти ему за обиду г. гривнѣ, а лѣтцу мзда.

Если кто не въ состояніи мстить за себя: то взять ему 3 гривны, да лѣкарю плата.

V.

Ащели кто кого ударитъ батогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ (7), или тылесніо (8): то ві гривнѣ. Аще сего непостигнуть: то платити ему, то ту конецъ.

Если кто кого ударитъ палкою, или жердью, или пястью, или чашею, или рогомъ, или тупой стороною меча (8): тотъ платитъ 12 гривенъ. Если бы его и не настигли; то всё онъ долженъ заплатить битому, чѣмъ и кончится дѣло.

VI.

Аще утнетъ (9) мечемъ, а невынемъ его, любо рукоятью: то ві гривнѣ за обиду.

Если кто кого ударитъ необнаженнымъ мечемъ или его рукояткою; съ того взыскать 12 гривенъ за обиду.

VII.

Ожели утнетъ руку, и отпадетъ рука, любо усохнетъ: то м. гривенъ. Аще будетъ нога цѣла, или начьнеть храмати: тогда чада смирять (10).

Но если кто кого ударитъ по рукѣ, и рука отвалится или отсохнетъ; то платить 40 гривенъ. Если нога останется цѣла, или жъ только начнетъ хромать: то дѣтямъ раненаго смирять дерзскаго.

VIII.

Аще ли перстъ утнетъ который любо, г гривны за обиду. А воусъ ві *гривнѣ. А въ бородѣ* ві *гривнѣ.*

Если кто отсѣчетъ у кого какой нибудь палецъ, тотъ платитъ за обиду 3 гривны; за выдернутый усъ 12 гривенъ; за клокъ бороды то же.

IX.

Ожели кто вынезь мечь а не тнеть, то тьй гривну положить.

Если кто вынетъ мечь, и однакожъ не ударитъ, тотъ платитъ гривну.

X.

Ащели ринетъ мужь мужа, любо отъ себе, любо ксобѣ, г. гривнѣ, а видока два выведеть, или будеть Варягъ, или Колбягъ (11), *то на роту.*

Если мужъ толкнетъ мужа отъ себя или къ себѣ; то платитъ 3 гривны; только обиженный долженъ представить двухъ свидѣтелей; если же

это будетъ Варягъ или Колбягъ, то онъ даетъ только присягу.

XI.

Ащели челядинъ (12) *съкрыется, любо у Варяга, любо у Кольблга; а его за три дни не выведутъ, а познаютъ ихъ въ третіи день: то изымати елиу свои челядинъ, а г гривнъ за обиду.*

Если рабъ укроется или у Варяга или у Колбяга и если они послѣ трехъ дней не выведутъ его, а господинъ между тѣмъ опознаетъ его въ третій день; то хозяину взять своего раба, да 3 гривны за обиду.

XII.

Аще кто поѣдетъ на чужомъ конѣ, не прошавъ его: то положити г. *гривнѣ.*

Кто безъ спросу поѣдетъ на чужой лошади, тотъ платитъ хозяину 3 гривны.

XIII.

Аще поиметъ кто чюжъ конь, любо оружіе, любо портъ; а познаетъ въ своемъ миру (13): *то взяти елиу свое, а* г. *гривнѣ за обиду. Аще познаетъ кто, неемлетъ его, то нерци елиу мое, нѣрци елиу тако; поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ. Или непоидетъ: то поручника* (14) *за пять дніи.*

Если кто возьметъ чужую лошадь, или оружіе, или одежду и хозяинъ опознаетъ ихъ у кого нибудь въ своей округѣ; то онъ имѣетъ право взять свою собственность и взыскать за

обиду 3 гривны. Но если хозяинъ опознаетъ свою вещь, однакожъ, не получитъ ее: то онъ не въ правѣ сказать тому, въ чьихъ рукахъ та вещь остается: «это мое,» но долженъ сказать ему такъ: «пойдемъ со мной на сводъ; отыщемъ, у кого ты взялъ это.» Если тотъ не пойдетъ, то обязанъ представить двухъ порукъ на пять дней.

XIV.

Аще гдѣ взыщетъ на друзѣ проче, и онъ ся запирати начнетъ: то ити ему на изводъ предъ вї. *человѣка. Да аще будетъ обидя не вдалъ будетъ достоино ему свои скотъ* (15), *а за обиду* г. *гривнѣ.*

Во всѣхъ другихъ случаяхъ, если кто станетъ искать чего нибудь на другомъ, а сей начнетъ запираться: то истецъ долженъ итти съ нимъ на изводъ передъ 12 гражданъ. И если по изслѣдованію окажется, что отвѣтчикъ поступилъ неправо, не давая требуемой вещи; то истецъ въ правѣ взыскать съ него свой скотъ, да за обиду 3 гривны.

XV.

Аще кто челядинъ пояти хощетъ, познавъ свои: то къ оному вести, у кого то будетъ купилъ, а тои ся ведетъ къ другому, даже доидетъ до третьего; то рци третьему: вдаи ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ.

Если кто, опознавъ своего раба, захочетъ

взять его: то отвѣтчикъ долженъ вести господина къ тому, у кого онъ купилъ опознаннаго раба, а сей обращается ко второму, второй къ третьему; здѣсь господинъ долженъ сказать третьему: «ты мнѣ отдай твоего раба, а свой скотъ отыскивай при очевидцѣ.»

XVI.

Или холопъ ударитъ свободна мужа, а бѣжитъ въ хоромъ, а господинъ начнетъ не дати его, то холопа пояти, да платитъ господинъ зань ві гривнѣ. А за тымъ гдѣ его налѣзутъ ударены той мужь, да бьютъ (16) его.

Если холопъ ударитъ свободнаго человѣка и скроется въ домѣ, а господинъ не захочетъ выдать его; то платитъ господинъ за него 13 гривенъ. Послѣ, ударенный имъ человѣкъ, если встрѣтитъ его гдѣ нибудь, имѣетъ право бить его.

XVII.

А иже изломитъ копье, любо щитъ, любо портъ, а начнетъ хотѣти его держати у себе: то пріати скота у него. А иже есть изломилъ, ащели начнетъ примѣтати, то скотомъ ему заплатити, колько далъ будетъ на немъ.

Если кто испортитъ у кого копье, или щитъ, или одежду и пожелаетъ испорченное оставить за собою; то хозяину взять за то съ него скота. Но если бы онъ испорченнаго не захотѣлъ удержать за собою; то платитъ ему скота столько, сколько бы онъ самъ заплатилъ за тѣ вещи.

(1) Т. е. *Я властію законодателя постановляю, что ни вы сами себѣ, ни имущества ваши не принадлежатъ вамъ; это составляетъ общее достояніе рода вашего, предшествовавшаго и будущаго.*

(2) Т. е. *Солонъ заслужилъ хвалу и своимъ закономъ о завѣщаніяхъ. Прежде не было позволено дѣлать оныхъ, но имущество вмѣстѣ съ домомъ умершаго долженствовало оставаться въ родѣ его, а Солонъ, дозволивъ, въ случаѣ бездѣтства, отказывать имѣніе, кому угодно, далъ тѣмъ предпочтеніе дружбы предъ родствомъ и любви предъ свойствомъ, и такимъ образомъ имущества гражданъ содѣлалъ частною ихъ собственностію.*

(3) Вмѣсто сего простаго заглавія, Правда въ позднѣйшемъ, распространенномъ ея видѣ, обыкновенно, надписывается такимъ образомъ: *Уставъ Великаго Князя Ярославля Володимирича о судѣхъ,* или иногда, сіе послѣднее заглавіе присоединяется къ первому. Равно, позднѣйщему жъ ея составу принадлежитъ и раздѣленіе на статьи; въ первоначальной формѣ ихъ вовсе нѣтъ.

(4) По мнѣнію Карамзина И. Г. Р. I, 247, 493, гривна означала извѣстное число кунъ, нѣкогда равное цѣною съ полуфунтомъ серебра; но сіи лоскутки, не имѣя никакаго существеннаго достоинства, въ теченіе времени болѣе и болѣе унижались въ отношеніи къ металламъ, такъ, что въ XIII вѣкѣ гривна серебра содержала въ себѣ уже семь гривенъ Новгородскими кунами. Польская серебряная гривна заключала въ себѣ до 4169 Голландскихъ ассовъ. См. Linde, S., II, 800 подъ словомъ *Grzywna.*

(5) Этого слова, сколько я знаю, не встрѣчается нигдѣ болѣе и значеніе его неизвѣстно. По изъясненію Карамзина, имя *ябетникъ* есть описка, вмѣсто: *любо Тіунъ,* какъ это прибавлено въ позднѣйшей Правдѣ. И. Г. Р. II. 350, примѣч. 67. Но о Тіунѣ въ древнѣйшей Правдѣ нигдѣ не говорится, а неизвѣстность значенія имени: *Ябетникъ* не дастъ еще намъ права выкидывать его, какъ безсмыслицу. Gabác на Польскомъ значитъ: *настоятельно требовать, стужать кому нибудь,* [Словарь Linde, II, 669], что имѣетъ значительное сходство съ Русскимъ; *Ябедникъ,* криводушникъ, сутяга; такъ не означало ли это слово прежде *сборщика, взыскателя* [общественныхъ податей]? Какъ измѣнился первоначальный смыслъ сего слова,

отгадать бы не трудно. Публичные собиратели податей никогда и нигдѣ не были любимы. Довольно указать при этомъ только на Римскія: fiscus, calumniae fiscales и на наше: фискалъ. Если предположить сіе объясненіе справедливымъ; то *ябетникъ* будетъ чиновникъ, который въ мирное время составлялъ важнѣйшее лице; по тому-то можетъ быть, онъ и поставленъ въ нашемъ Правѣ на ряду съ важнѣйшимъ военнымъ чиновникомъ Князя, меченосцемъ.

(6) Считается доказаннымъ, что *Изгоями* назывались жители области пограничной съ Ливоніею, и населявшіе особенную улицу въ Новѣгородѣ. И. Г. Р. Карамз. II. 351. Не опровергая сего значенія, кажется, можно положить, что здѣсь употреблена часть вмѣсто цѣлаго, и что подъ Изгоемъ можно разумѣть вообще иностранца въ противоположность съ Славяниномъ, о которомъ непосредственно за тѣмъ говорится.

(7) Безъ сомнѣнія, сосудомъ, сдѣланнымъ на подобіе рога для питья. Еще въ позднѣйшія времена употреблялись въ Россіи такіе роги, дѣлавшіеся изъ благородныхъ металловъ.

(8) Или вообще всякаго рѣжущаго орудія. На Польскомъ tylec, на Богемскомъ teludje и въ Русскомъ обветшалое слово *тылье* означаетъ тупую сторону рѣжущаго орудія. Словарь Linde. V. 700.

(9) *Утнуть*: значитъ толкнуть, кольнуть, ткнуть, ударить, отсѣчь, отрубить.

(10) То есть, мщеніемъ.

(11) Сего слова не умѣю объяснить и гадательно. Карамзинъ переводитъ его вообще словомъ: *чужестранецъ* и дѣлаетъ указаніе на Татищева, который подъ именемъ Колбяговъ разумѣлъ жителей Колберга, пріѣзжавшихъ торговать къ Новгородцамъ. И. Г. Р. II, 58, 364; замѣч. 98. Но почему жители Колберга были гораздо важнѣе въ глазахъ нашего Законодателя, нежели другіе чужестранцы, которыхъ, конечно, гораздо болѣе находилось въ Новгородѣ?

(12) Чѣмъ различается челядинъ отъ нижеупоминаемаго холопа?

(13) Нынѣ словомъ *міръ* означается общество поселянъ. Очевидна однозначительность его съ *миромъ* въ нашемъ текстѣ. На новѣйшее правописаніе, кажется, здѣсь не нужно обращать вниманія.

(14) *Поручника:* число двойственное. Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris, . . . auct. J. Dobrowsky p. 584.

(15) *Скотъ.* Это pecunia Римлянъ въ первоначальномъ знаменованіи. См. выше стр. 43 прим. 11; стран. 295 прим. 3. Въ Правдѣ тринадцатаго столѣтія подъ симъ словомъ разумѣется уже скотъ въ собственномъ смыслѣ; общимъ мѣриломъ цѣнности вещей былъ тогда *товаръ.* Сл. ниже стр. 421 примѣч. 22. Очевидный шагъ въ образованіи.

(16) Можетъ быть, въ нашемъ текстѣ вмѣсто: *бьютъ,* надлежитъ читать *убьютъ.* См. ниже прибавленіе II. стр. 405. *А се оже холопъ оударитъ.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Объясненіе закона о смертоубійствѣ.

Первое постановленіе Законной Книги Ярослава говоритъ о смертоубійствѣ; Законодатель утверждаетъ и вмѣстѣ ограничиваетъ имъ право мщенія.

1. «Если мужъ убьетъ мужа, то мститъ брату за брата, сыну за отца, отцу за сына, или братнему, или сестрину сыну.» Другіе не имѣютъ права мщенія.

Законъ сей, очевидно, носитъ на себѣ печать своего времени, и собою однимъ доказываетъ уже подлинность Правды. Россія во времена Ярослава стояла еще на той степени, когда дѣйствуетъ право мести (см. выше стр. 50, 110); семейства еще строго соблюдали оное (17). Первая статья Закона, которая постановле-

на Законодателемъ Русскимъ и на которую надлежитъ смотрѣть, какъ на письменное утвержденіе обычая (сей обычай могъ быть порожденъ способомъ управы, принятымъ съ незапамятныхъ временъ, и многократными, но всегда единообразными рѣшеніями судей), освящаетъ право мести. И это *должно* быть такъ Всякій законъ другаго содержанія на прим. воспрещеніе мести, въ сіе время и въ такомъ Государствѣ, какова была тогда Россія, этимъ однимъ уже подавалъ бы поводъ къ большому подозрѣнію на счетъ своей подлинности. Исторія открываетъ намъ, что у всѣхъ народовъ, которые стояли на одинаковомъ степени образованія съ Россіею того времени, право мести долго еще сохраняло силу свою и тогда, когда они изъ семейственныхъ перешли въ государственныя отношенія ([18]).

2. Но хотя и надлежало еще допустить дѣйствіе частной мести; впрочемъ все уже было Государство, и чувство нужды въ письменныхъ законахъ необходимо предполагаетъ уже существованіе нѣкоторой гражданственности. Но какъ скоро Государство дѣлаетъ такой шагъ на пути своего усовершенствованія, то вмѣстѣ съ симъ являются и покушенія ограничить, сколько возможно, дѣйствіе частной мести; ибо видятъ, что симъ правомъ, нарушается въ большей или меньшей степени безопасность, которою всякій долженъ пользоваться въ Государствѣ, и кото-

рую Глава Государства желаетъ обезпечить для каждаго изъ своихъ подданныхъ.

Такое покушеніе находимъ мы и въ Ярославовой Правдѣ. Въ самомъ первомъ законѣ вмѣстѣ съ утвержденіемъ права мести постановляются и предѣлы дѣйствію сего права. Оно предоставляется только родителямъ и дѣтямъ, братьямъ и племянникамъ. Безспорно, не такъ это бывало по старому, издревле существовавшему обычаю. Во времена совершенной грубости обязанность мщенія простиралась на все семейство, на все даже племя. Надлежало напередъ ослабнуть семейственнымъ связямъ и утвердиться могуществу единодержавной власти, и потомъ уже могла получить ограниченіе родственная месть.

3. Но сіе измѣненіе необходимо влекло за собою другое: если мщеніе ограничивалось извѣстными токмо степенями родства; то для всѣхъ прочихъ случаевъ надлежало постановить другое возмездіе; ибо утрата члена семейства, домочадца, слуги не могла оставаться безъ всякаго вознагражденія. На мѣсто возмездія кровію теперь долженствовало явиться вознагражденіе деньгами. И здѣсь сокрывается первое начало Виры или пени.

Посему законъ такъ гласитъ далѣе:

«Если не кому будетъ мстить, то, безъ всякаго различія въ званіи и происхожденіи, платить за голову 40 гривенъ.»

Здѣсь въ первый разъ постановляется вознагражденіе деньгами, въ количествѣ 40 гривенъ, и сіе постановленіе служитъ основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ законовъ по тому же предмѣту. Не говорится ясно, кто долженъ получать сіе вознагражденіе; но изъ смысла всего законоположенія видно, что вознагражденіе платилось тому, кто терпѣлъ ущербъ въ учиненномъ убійствѣ, слѣдственно семейству, или господину убитаго. Еще нѣтъ ни малѣйшаго намека, чтобы въ сіе время получалъ и Князь вознагражденіе. Равно не видно еще въ семъ законѣ и имени Виры (19).

(17) Нравы еще не получили смягченія; не за долго предъ симъ Руссы приносили въ жертву людей. См. Нест. подъ 983 г.

(18) Только въ томъ случаѣ, когда одинъ городъ составляетъ цѣлое Государство, мщеніе можетъ и должно быть отмѣнено ранѣе.

(19) Уже симъ однимъ молчаніемъ Закона о Вирѣ усиливается то подозрѣніе, что выше изложенное сказаніе Лѣтописи о сдѣланной Владиміромъ отмѣнѣ Виры [см. стр. 247,] есть, можетъ быть, вымыслъ позднѣйшаго времени, или, если не вымыслъ, то, по крайней мѣрѣ, обезображенное за недостаткомъ точности, сказаніе о какомъ либо истинномъ, впрочемъ, произшествіи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Объясненіе закона о тѣлесномъ поврежденіи.

Къ постановленіямъ о смертоубійствѣ естественно примыкаются узаконенія касательно тѣлесныхъ поврежденій. Этимъ обымаются всѣ оскорбленія личности. Первоначально раздѣлывались во всѣхъ такихъ случаяхъ частною местію. Здравый естественный смыслъ различалъ тогда два главныхъ рода личныхъ оскорбленій; одинъ тотъ, когда за ними слѣдуетъ потеря жизни, другой, когда оскорбленный остается еще живъ. Объ обидахъ перваго рода, какъ о важнѣйшихъ, уже по сей самой ихъ важности, надлежало говорить особенно и прежде всего (слич. четвертую главу); въ изложеніи обидъ втораго рода не соблюдено строгаго порядка; тяжкія и маловажныя обиды перемѣшаны безъ разбора.

Такимъ образомъ Законъ Ярославовъ, приступая къ изложенію обидъ втораго рода, начинаетъ

а) «Съ побоевъ, оставляющихъ послѣ себя кровавыя и синія пятна,» и полагаетъ за то три гривны вознагражденія.

Прибавляется объясненіе: «человѣкъ, избитый до кровавыхъ или синихъ пятенъ, не имѣетъ нужды представлять свидѣтелей, если видны

на немъ сіи знаки.» Вѣроятно, и здѣсь тоже основаніе, по которому въ древнія времена не требовалось никакихъ свидѣтелей въ смертоубійствѣ. Въ семъ случаѣ трупъ, а тамъ пятна служили самымъ лучшимъ доказательствомъ. Но если битый не имѣлъ на себѣ никакихъ пятенъ и не представлялъ очевидцевъ; то онъ не могъ требовать никакого вознагражденія.

б) «За ударъ палкою, сосудомъ и прочими тому подобными орудіями, виновный платитъ 12 гривенъ.»

Причемъ полагается и ограниченіе дѣйствію частной мести, то есть, если кто, обидѣвъ другаго такимъ образомъ, убѣжитъ « и не будетъ настигнутъ въ учиненной за нимъ погонѣ, то таковый долженъ платить (т. е. опредѣленную въ вознагражденіе сумму денегъ), и дѣло тѣмъ должно кончиться.»

в) «За ударъ необнаженнымъ мечемъ, или рукояткою его полагается 12 гривенъ.»

г) «За отсѣченіе руки, или если она отъ силы удара отсохнетъ, 20 гривенъ.»

Что было постановлено въ разсужденіи одного члена, то легко могло быть приложено и къ другимъ равно важнымъ членамъ.

Къ сему прибавляется, что если послѣ удара по ногѣ ударенный не лишится вовсе ноги, но только охромѣетъ, то обидчикъ долженъ удовлетворить дѣтей его (во избѣжаніе послѣдствій частной мести).

д) «За отсѣченіе пальца 3 гривны.»

е) «За выдернутый усъ 12 гривенъ.» За клокъ бороды тоже.»

ж) «За одно обнаженіе меча противу кого нибудь только 1 гривна.»

з) «За толчокъ, всякаго рода 3 гривны.»

При семъ Законъ требуетъ свидѣтельства двухъ очевидцевъ, которымъ надлежало замѣнить въ семъ случаѣ недостатокъ улики, дѣлаемой внѣшними признаками побоевъ. Если обиженный былъ иностранецъ, то оскорбленіе доказывалось клятвою; вѣроятно потому, что чужестранецъ, не имѣвшій въ Россіи ни дома, ни семейства, могъ быть скорѣе всякаго обиженъ, а между тѣмъ представить свидѣтелей былъ не въ состояніи.

Симъ и оканчиваются постановленія о личныхъ обидахъ. Всѣ они основываются еще на понятіи о законности частной мести. Обиженный могъ во всякомъ случаѣ мстить оскорбителю на самомъ мѣстѣ; только въ томъ случаѣ, когда месть не могла совершиться на мѣстѣ, старались ограничить ея дѣйствіе, для отвращенія насилій, разрушающихъ общественное спокойствіе, и то отчасти, съ осторожностію, поколику представлялся удобный къ тому случай. (См. б. г.) Самаго начала,—правомѣрности частнаго мщенія, еще отнюдь не отваживались подвергать сомнѣнію. Дѣйствительнѣйшее средство къ сокращенію мести было введеніе де-

нежнаго возмездія, для полученія коего многіе могли отъ все отказываться.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Изъясненіе закона о собственности.

За симъ слѣдуютъ узаконенія относительно имуществъ. Основнымъ началомъ оныхъ во всѣхъ древнихъ Законодательствахъ служитъ слѣдующая истина: каждый долженъ довольствоваться тѣмъ, что имѣетъ, и каждый можетъ весьма хорошо знать, что принадлежитъ ему, какъ собственность. *Владѣніе чужимъ имуществомъ и неправедное присвоеніе онаго есть одно и тоже.*

а) Законъ Ярославовъ начинаетъ представленіемъ тѣхъ частныхъ случаевъ, въ коихъ несправедливость присвоенія можетъ быть сомнительна. Посему Закономъ опредѣляется здѣсь, когда всеобщее понятіе о несправедливости присвоенія можетъ имѣть приложеніе и въ сихъ случаяхъ.

Таковые случаи имѣли мѣсто: 1. «Когда бѣглый рабъ скрывался у другаго. Если онъ не былъ выведенъ ([18]) симъ послѣднимъ въ теченіе трехъ дней, а господинъ между тѣмъ, опознавалъ его на третій день, то господинъ бралъ своего раба и доправлялъ три гривны за при-

чиненную ему укрывательствомъ обиду.

2. «Если кто ѣздилъ на чужой лошади, безъ хозяйскаго спросу, тотъ повиненъ былъ заплатить хозяину то же три гривны за причиненную ему тѣмъ обиду.»

Это были два важныхъ случая, въ коихъ естественно было усумниться, можно ли ихъ подвести подъ общее начало неправости присвоенія, или нѣтъ. Ибо тотъ, у кого скрывался рабъ, тѣмъ еще не присвоялъ его себѣ, равно и тотъ, кто ѣздилъ на чужой лошади, только пользовался, а не завладѣвалъ самымъ животнымъ. Но въ обоихъ случаяхъ непозволенное дѣйствіе могло служить предлогомъ для благовиднаго прикрытія собственно противозаконнаго присвоенія. Почему Законъ и поставляетъ оба сіи дѣйствія, по отношенію къ обязанности вознагражденія, на равнѣ съ несправедливымъ присвоеніемъ.

б) За тѣмъ слѣдуетъ общій законъ о несправедливомъ присвоеніи опредѣленнаго какого нибудь предмета.

«Если кто возьметъ чужую лошадь, чужое оружіе или чужую одежду, и настоящій хозяинъ опознаетъ пропавшую вещь въ рукахъ у кого нибудь изъ своей округи, то онъ имѣетъ право взять свою собственность и требовать три гривны въ вознагражденіе за причиненную ему тѣмъ обиду.»

Простота раздѣлки составляетъ основаніе се-

го закона, подобно какъ и всѣхъ коренныхъ положеній древняго Права. Всякой имѣетъ право владѣть своею собственностію и защищать ее; никто не въ правѣ взять что нибудь чужое. По сему гдѣ нахожу свою собственность, тамъ же на мѣстѣ и беру ее безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей, и тотъ, у кого я нахожу ее, долженъ сдѣлать мнѣ вознагражденіе за то, что присвоилъ себѣ мою собственность. Какъ онъ завладѣлъ ею, мнѣ до того нѣтъ дѣла; довольно, что онъ нарушилъ самый первый законъ, на коемъ основывается безопасность всякой собственности, т. е. законъ, воспрещающій брать что нибудь чужое. Но такъ какъ у него найдено чужое, то онъ и обязанъ сдѣлать вознагражденіе.

в) Но могутъ быть случаи, когда нельзя бываетъ раздѣлаться такъ коротко и просто. Иногда случается, что тотъ, кто дѣлаетъ притязаніе на вещь, какъ на свою собственность, не знаетъ еще совершенно, точно ли она его; если бы онъ не смотря на то, взялъ ее, а другой послѣ доказалъ бы ему противное, то онъ самъ обязанъ бы былъ заплатить вознагражденіе за несправедливое присвоеніе. Скотъ, особливо мелкій, а болѣе всего оружіе часто могутъ очень походить одно на другое, такъ что трудно бываетъ отличить ихъ съ перваго взгляда. Далѣе—можетъ встрѣтиться и такой случай, что тотъ, у кого я нахожу свою вещь

и хочу ее взять, не отдаетъ мнѣ оной, утверждая, что она принадлежитъ ему. Въ обоихъ сихъ случаяхъ выше показанная короткая раздѣлка не можетъ уже имѣть приложенія; а потому и надлежало предписать другой способъ расправы. Онъ установляется слудующимъ узаконеніемъ:

«Если кто опознаетъ свою вещь въ чужихъ рукахъ, однакожъ не получитъ ее, (т. е. по одной изъ двухъ вышеприведенныхъ причинъ), то онъ не въ правѣ, сказавъ: «эта вещь моя» взять тотчасъ ее, а долженъ требовать отъ владѣющаго оною, чтобы онъ повелъ его къ тому, отъ кого самъ получилъ вещь.»

Это представлялось тогда самымъ короткимъ путемъ, какъ тому и надлежало быть по тогдашнему состоянію общества, еще грубому, когда средства къ торговому сообщенію не были еще такъ удобны и многочисленны, какъ нынѣ. Скотина должна же быть кѣмъ нибудь выращена, оружіе, одежда должны же быть кѣмъ нибудь пріуготовлены; слѣдовательно и легко можно было открыть самое начало законнаго обладанія. Если кто дѣлалъ притязаніе на какую нибудь вещь, находившуюся въ рукахъ другаго, какъ на свою собственность, то самое простое было при семъ средство—потребовать отъ владѣющаго, чтобы онъ указалъ то лице, отъ котораго пріобрѣлъ вещь. Такое указаніе необходимо должно было возвести къ первому пріобрѣта-

телю, въ коемъ сокрывалось начало всякаго послѣдующаго обладанія вещію, т. е. къ тому кто на пр. самъ выростилъ скотину, или кто самъ приготовилъ оружіе, одежду и т. п. или же указаніе сіе наводило на такого человѣка, который не могъ доказать законности своего присвоенія вещи, чѣмъ споръ и рѣшался. Кто не могъ доказать законности своего владѣнія, считался на равнѣ съ тѣмъ, кто несправедливо присвоялъ себѣ чужую вещь, и слѣдовательно долженствовалъ подлежать взысканію за беззаконное присвоеніе чужой собственности и вмѣстѣ уплатить цѣну вещи, опознанной и взятой хозяиномъ назадъ, тому, кто терялъ ее въ семъ случаѣ по сдѣланому на нее, справедливому притязанію.

г) Къ сему непосредственно присоединяется особое постановленіе на тотъ случай, когда бы кому не льзя было идти тотчасъ на мѣстѣ на сводъ. Ибо вообще всѣ таковыя тяжбы по древнему способу управы рѣшались лично и безотлагательно. Простый естественный смыслъ, руководившій человѣка въ сіе время, не находилъ ни малѣйшаго основанія, почему бы не можно было возникавшихъ споровъ объяснять и рѣшать тотчасъ на самомъ мѣстѣ. Однако же могли встрѣчаться случаи, когда тотъ, у кого была оспориваемая вещь, не могъ тотчасъ учинить свода за какими нибудь важными, неотвратимыми препятствіями. На этотъ случай

Законъ обеспечиваетъ истца слѣдующимъ образомъ:

« Если владѣтель оспориваемой вещи не можетъ тотчасъ удовлетворить дѣлаемому со стороны истца требованію свода; то онъ долженъ представить за себя поруку на пять дней.»

Въ семъ постановленіи мы находимъ первое начало всѣхъ опредѣленій касательно срока и вмѣстѣ объясненіе касательно представленія порукъ, предписываемаго столь многими Законодательствами, — объясненіе, согласно коему обязанность сія падаетъ на одного отвѣтчика. Но и одному отвѣтчику, по древнѣйшимъ Законамъ, предоставлялось право требовать срока, когда онъ не могъ тотчасъ удовлетворить, возлагаемой на него закономъ обязанности — доказать правомѣрность владѣнія оспориваемою у него вещію. Сей срокъ въ началѣ былъ весьма кратокъ. Онъ давался только на пять дней; ибо предполагалось, что всякое дѣло, которое останавливало отвѣтчика на тотъ разъ, могло быть окончано въ продолженіе сего времени. Но получая согласіе на отсрочку во уваженіе чрезвычайныхъ встрѣтившихся затрудненій, отвѣтчикъ съ другой стороны, по справедливости, обязанъ былъ обеспечить своего соперника въ томъ, что онъ не преминетъ явиться въ опредѣленный день на исполненіе требуемаго закономъ свода; и сіе обезпеченіе дѣлалось посредствомъ представленія поручителей со стороны

отвѣтчика; мѣра, вполнѣ соотвѣтствующая положенію вещей, свойству законовъ и самой справедливости въ первоначальныя времена общества, но которая весьма странною представляется въ новѣйшихъ Правахъ. Когда древнее судопроизводство давно уже исчезло, когда законнаго свода болѣе на мѣстѣ не производится, но независимо отъ желанія отвѣтчика, постановлены самимъ Закономъ извѣстные термины и сроки, между тѣмъ обязанность ставить поручителей еще осталась въ своей силѣ! Это часто бываетъ бременемъ для отвѣтчика, которое легко можетъ быть употреблено къ совершенному подавленію слабаго. Ибо болѣе сильный можетъ завязать съ нимъ тяжбу о такомъ дѣлѣ, для коего онъ, по причинѣ большой цѣны иска, и не въ состояніи будетъ представить, согласно предписанію закона, соотвѣтственнаго поручительства. Иначе это было по Древнему Праву; тамъ отвѣтчикъ тогда только обязывался представлять поруку, когда онъ требовалъ отсрочки т. е. исключенія изъ общаго правила.

д) Такъ рѣшались два самыхъ простыхъ случая по спору о собственности: одинъ, когда кто опознавалъ свою вещь въ чужихъ рукахъ; другой, когда кто опознавалъ свою вещь, но не могъ прямо взять ее на мѣстѣ. Но тѣмъ еще не исчерпывается весь этотъ предметъ; возможенъ и третій случай, именно, когда одинъ не

отдалъ другому того, что обязанъ былъ дать. Сей третій случай объемлетъ собою всѣ другія требованія, при коихъ не предполагается и не ищется извѣстной, опредѣленной какой нибудь вещи, подобно какъ въ двухъ вышепомянутыхъ искахъ. Въ изложеніи этого послѣдняго случая Законъ выражается слѣдующимъ образомъ:

«Если кто, впрочемъ, будетъ требовать чего нибудь на другомъ, а сей начнетъ запираться; то ити первому на изводъ передъ 12 человѣкъ. И если окажется, что владѣтель оспориваемой вещи поступилъ не право, не выдавъ ему оной, то истецъ беретъ свою вещь, и сверхъ того 3 гривны за обиду.»

Первыя понятія права касательно утвержденія за кѣмъ либо собственности основывались на семъ простомъ положеніи: я въ правѣ взять свою собственность вездѣ, гдѣ бы ни нашелъ ее. Но иногда могло возникнуть сомнѣніе: да въ самомъ дѣлѣ не принадлежитъ ли требуемая вещь другому? Почему для удостовѣренія въ законности обладанія положено было добираться до перваго пріобрѣтателя. Сіе удостовѣреніе было гласнымъ, публичнымъ дѣйствіемъ; оно производилось въ глазахъ всѣхъ жителей округи, коихъ собственная выгода дѣлала вѣрными, строгими охранителями права собственности. Съ успѣхами образованія и съ умноженіемъ видовъ сообщенія возрастало вмѣстѣ и число такихъ случаевъ, когда истецъ могъ за-

коннымъ образомъ предъявлять требованіе на собственность другаго, не могши впрочемъ указать на какую нибудь извѣстную недѣлимую вещь, какъ на свою собственность. Такъ это могло быть, на пр. когда кто давалъ что нибудь другому подъ сохраненіе; отправляясь въ путь, поручалъ другому свое имущество для управленія, или получалъ отъ другаго какія нибудь вещи для передачи оныхъ третьему и т. п. Разбирательство сихъ случаевъ, вначалѣ весьма рѣдкихъ, установлено было совершенно по вышепоказанному образу производства. Всегда долженствовало быть въ виду основаніе иска; всегда истецъ долженъ былъ дѣлать указаніе на извѣстныя, опредѣленныя вещи въ какомъ нибудь родѣ, когда онъ объявлялъ на нихъ притязаніе; слѣдовательно всегда можно было обращаться ко своду т. е. требовать удостовѣренія въ законности владѣнія; только особыя свойства случая могли здѣсь затруднять и запутывать производство дѣла. Въ первыхъ двухъ выше приведенныхъ случаяхъ достаточно было взять опознанную вещь, или просто итти съ нею отъ одного владѣтеля оной къ другому; и то и другое, и вообще все древнее производство по тяжбамъ, до отыскиванія собственности относящимся, совершалось между самими тяжущимися сторонами, безъ всякаго посредства судіи, только въ глазахъ всего общества, всей округи. Этого и было совершенно

достаточно въ искахъ ясныхъ и очевидныхъ. Но когда право собственности не могло быть доказано такимъ очевиднымъ образомъ посредствомъ свода; то необходимо должно было призойти третіе лице, которое бы давало при семъ случаѣ рѣшеніе, т. е. опредѣляло, какой оказывался результатъ послѣ произведеннаго какимъ бы то ни было образомъ свода. И это было совершенно естественно. Вся округа не могла принимать участія въ такомъ запутанномъ разбирательствѣ; а избранные старѣйшины, коихъ число было довольно велико, могли въ извѣстной мѣрѣ служить представителями всего общества. И сіи-то избранные мужи суть тѣ двѣнадцать человѣкъ, о коихъ говоритъ нашъ Законъ; здѣсь скрывается начало происхожденія Присяжныхъ (Jury).

Цѣль разбирательства, производившагося предъ двѣнадцатью человѣками отвѣтствовала цѣли, которая имѣлась въ виду при простой раздѣлкѣ между спорившими сторонами. Именно, надлежало рѣшить, дѣйствительно ли обвиняемый несправедливымъ образомъ присвоилъ себѣ собственность другаго. И если по разсмотрѣніи оказывался искъ справедливымъ, то истецъ бралъ свою собственность и получалъ, сверхъ того, вознагражденія три гривны за причиненную ему обиду.

Этимъ собственно и заключается настоящій древній Законъ. Ибо съ симъ послѣднимъ

установленіемъ изчерпано все, что потребно было узаконить.

(18) Не ясно, что означается симъ выраженіемъ: *не выведутъ*, то ли, что бѣглеца надлежало выводить на мѣсто общаго собранія, дабы можно было видѣть, рабъ ли онъ, или только то, что онъ просто выводимъ былъ изъ дому. Послѣднее вѣроятнѣе, и болѣе соотвѣтствуетъ словамъ и духу простаго древняго Закона.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Объясненіе законовъ, относящихся къ особымъ частнымъ случаямъ.

Слѣдующія теперь узаконенія суть придаточныя статьи въ Ярославовомъ Законодательствѣ, постановленныя для частныхъ случаевъ, кои хотя по основанію своему заключались уже въ предшествующихъ законахъ, но по причинѣ особаго свойства своего, или по особенной важности той или другой стороны, необходимо долженствовали быть нарочито разрѣшены Законодательною Властію.

1) «Если кто найдетъ своего раба у другаго, то сей (при разборѣ дѣла) долженъ вести хозяина къ тому, у кого купилъ раба; тотъ долженъ вести ко второму, второй къ третьему; тутъ хозяинъ долженъ сказать сему третьему: отдай мнѣ твоего раба, а самъ отыскивай своего скота (т. е. слѣдующихъ денегъ, вознагражденія за потерю раба) при очевидцѣ (т. е. взявъ

вмѣсто меня—хозяина, дѣлающаго притязаніе, кого нибудь другаго въ качествѣ свидѣтеля для гласности дѣла).

Это есть частное узаконеніе, постановленное въ пользу того, кто предъявлялъ требованіе на пропавшаго своего раба. Законъ не предписываетъ хозяину ждать окончанія свода, не повелѣваетъ немедля взять чужаго раба и пользоваться имъ, имѣя въ виду вознаградить его тѣмъ за долговременное лишеніе собственнаго раба.

«Если рабъ, ударивъ посторонняго человѣка, скроется въ дому, и господинъ дома не захочетъ выдать его, то послѣдній долженъ заплатить за него 12 гривенъ. Но если прибитый имъ человѣкъ послѣ встрѣтится съ нимъ гдѣ нибудь, то онъ можетъ отмстить ему на тѣлѣ»

По настоящему, раба, который дерзнулъ ударить свободнаго человѣка, надлежало бы выдавать головою, или же господинъ долженъ былъ отвѣтствовать за него самъ своимъ лицемъ. Но Правда допускаетъ уже нѣкоторое видоизмѣненіе въ семъ правилѣ; именно, господинъ обязывается заплатить за него 12 гривенъ—цѣну, которою онъ выкупалъ себя отъ частной мести, неотмѣнно грозившей ему со стороны оскорбленнаго человѣка въ томъ случаѣ, когда бы онъ не выдалъ своего раба. Но относительно самаго раба право мести остается во всей силѣ; если оскорбленный встрѣчался съ нимъ послѣ

гдѣ нибудь, то могъ ему отплатить за обиду — такими же побоями, и, поелику законъ не полагаетъ при семъ никакой мѣры для побоевъ, то, можетъ быть, въ правѣ былъ и умертвить его (19).

3. «Кто испортитъ чужое оружіе, или одежду, и захочетъ испорченное оставить за собою, тотъ обязанъ заплатить хозяину цѣну удержанныхъ вещей; и если онъ, испортивъ вещь, возвращаетъ ее назадъ, долженъ заплатить столько же, сколько хозяинъ за нее далъ.»

Этимъ прибавленіемъ, котораго смыслъ, очевидно направленъ ко взаимнымъ сношеніямъ въ обществѣ, утверждается то основное правило, что никто не въ правѣ, взявъ у другаго товары, возвратить ихъ въ испорченномъ видѣ, но долженъ непремѣнно уплатить цѣну ихъ.

Сіи три послѣднія узаконенія очевидно суть прибавки къ древнѣйшему Закону. Это случайныя, произвольныя постановленія, которыя присоединены единственно по уваженію ихъ благопотребности, впрочемъ, вѣроятно, еще во времена Ярославова, если только не имъ самимъ (20).

(19) Человѣкъ, раздраженный легко могъ прибить раба до смерти; такъ понимается законъ сей и въ позднѣйшей Правдѣ.

(20) Сличи. Правду XIII столѣтія, прибав. II.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Общія положенія, выведенныя изъ предъидущаго.

Я упомянулъ уже во Введеніи, какую важность сообщаетъ Русской Правдѣ то обстоятельство, что она есть самый древнѣйшій законодательный памятникъ, какимъ только могутъ хвалиться новѣйшіе народы. Ни одинъ изъ нихъ не представляетъ намъ такъ рано письменнаго Закона, и именно, спустя не болѣе 158 лѣтъ по основаніи Государства. Правда дана въ такое время, которое весьма близко граничитъ съ вѣкомъ грубости (21). Христіанская Вѣра, положившая конецъ въ Россіи приношенію людей на жертву, введена была въ 988 году, слѣдовательно не болѣе, какъ за 32 года до написанія сего Закона. Если гдѣ, то здѣсь преимущественно надлежитъ искать настоящаго начала всему положительному праву,—здѣсь наипаче должно открываться постепенное развитіе его изъ первоначальныхъ семейственныхъ отношеній, предшествующихъ образованію всякаго государственнаго союза.

И это въ самомъ дѣлѣ такъ. Въ семъ краткомъ Законѣ находимъ мы происхожденіе и первое образованіе древнѣйшихъ уставовъ, слѣды коихъ сохранились у многихъ Европейскихъ

народовъ,—уставовъ, кои восходятъ до глубочайшей древности, и о происхожденіи коихъ въ другихъ Государствахъ едва можно дѣлать одни слабыя гаданія. И что еще болѣе — мы можемъ даже показать, какимъ образомъ сіи постановленія возникали изъ первоначальнаго семейственнаго устройства, которое само основывается на природѣ человѣка.

Первое важное свѣдѣніе, какое сообщаетъ намъ Русская Правда, относится до происхожденія Виры.—Мы видимъ, что месть, первоначальное право семейственнаго постановленія, еще долго сохраняла свое дѣйствіе и въ Государствѣ; что она была ограничиваема не иначе, какъ мало по малу, и что сіе ограниченіе состояло сперва въ одномъ установленіи степеней родства, на коихъ должна лежать обязанность кровнаго мщенія; — далѣе, что вознагражденіе постановлено было на тотъ только случай, когда бы не нашлось мстителей, и что даже не сдѣлано прямаго, безусловнаго запрещенія мести для отдаленныхъ степеней родства. Это также основано на природѣ грубаго человѣка и свойствѣ древняго быта семействъ. Человѣкъ сихъ древнихъ временъ не вдругъ могъ быть лишенъ права мести, которое такъ тѣсно соединено было съ его образомъ мыслей, и на основаніи коего онъ дѣйствовалъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ; въ Государствѣ оно не могло уже имѣть мѣста, если

только общественный союзъ долженствовалъ болѣе и болѣе развиваться, и получать прочнѣйшія основанія; но при отмѣнѣ сего права Законодателю надлежало быть весьма осторожну и приступать къ дѣлу мало по малу.

Далѣе—мы усматриваемъ изъ Ярославова Закона, что сперва при всякомъ тѣлестомъ поврежденіи раздѣлывались частною местію. Она составляетъ личное право человѣка въ состояніи, предшествующемъ соединенію людей въ государственный составъ; но оно долго еще остается таковымъ и въ государственномъ ихъ состояніи, что также объяснить не трудно. Государства первоначально составлялись изъ жившихъ отдѣльно семействъ для взаимной обороны. Сіи семейства не были расположены къ измѣненію, существовавшихъ между ними дотолѣ, правъ и обычаевъ; они удерживали ихъ и по вступленіи въ сферу государственныхъ отношеній. Но изъ сего союза семействъ, первоначально связуемаго токмо слабыми узами, долженствовало въ послѣдствіи образоваться тѣсно соединенное во всѣхъ частяхъ своихъ цѣлое, — Государство въ собственномъ смыслѣ сего слова, а вмѣстѣ съ симъ должны были исчезнуть и первоначальныя права семействъ, стѣснявшія власть и дѣйствіе Главы Государства, а слѣдовательно и право частной мести. Всѣ Государства идутъ по сему направленію. Во всѣхъ юныхъ Державахъ Законодательство пер-

вѣе всего стремится къ сей цѣли, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ обширнѣе Государство. Ибо тѣмъ ощутительнѣе бываетъ тогда потребность въ единеніи, тѣмъ могущественнѣе власть верховной Главы. Но при этомъ Законодательная Власть во всемъ принуждена дѣйствовать съ крайнею осторожностію и шествовать къ цѣли постепенно. Человѣкъ въ состояніи грубости весьма неохотно разстается съ правомъ частной мести. Въ нашемъ древнемъ Законѣ указуется по сему предмету и то время, когда столь же опасно было отнять насильственно у оскорбляемаго право частной мести, какъ у ближайшихъ родственниковъ право кровной мести. Но Законъ утверждаетъ первое не такимъ прямымъ образомъ, какъ право кровной мести, да и сіе послѣднее утверждается имъ токмо случайно, въ видѣ ограниченія его извѣстными степенями родства. Впрочемъ изъ всего содержанія Закона видно, что дѣйствіе права частной мести признаваемо еще было господствующимъ обычаемъ. Оно отмѣняется не иначе, какъ косвеннымъ образомъ—подъ видомъ опредѣленія значительнаго возмездія въ пользу обиженнаго въ томъ случаѣ, когда бы частная месть не могла имѣть мѣста.

Древнѣйшія Государства основаны были рукою воиновъ. Военное состояніе тогда было самое почтенное; духъ бранный преимущественно выражается въ первомъ письменномъ

Правѣ. Отселѣ происходятъ тѣ странные по нашимъ понятіямъ расчеты, которые встрѣчаемъ мы въ опредѣленіи возмездія за тѣлесныя поврежденія. Такъ за отсѣченіе пальца платилось только 3 гривны, но за ударъ палкою, или даже только рукояткою меча 12 гривенъ, столько же и за выдержку клока бороды; слѣдовательно въ четверо больше, нежели за отсѣченіе пальца. Видно, что позоръ цѣнился гораздо выше, нежели боль и вредъ. Когда отсѣкался палецъ мечемъ, то мечемъ же можно было и отражать наносимые удары меча (22); но ударъ палицею или сосудомъ, не говоря о боли, обыкновенно, наносился безоружному (23) или (что тоже) внезапно; онъ могъ быть иногда опасенъ, но особенно былъ безчестенъ. Ударъ мечемъ не навлекалъ никакого безславія. Но выдернутый клокъ бороды, считавшейся тогда украшеніемъ человѣка, срамилъ болѣе всего. Потому и постановлено на сей случай такое высокое вознагражденіе.

Особенно замѣчательно то, что здѣсь еще не упоминается ни о Вирѣ, ни о денежномъ взысканіи, ни о пенѣ; новое очевидное доказательство глубокой древности нашей Правды. Всѣ опредѣленія въ деньгахъ, встрѣчаемыя нами здѣсь, постановляются единственно въ качествѣ вознагражденія, возмездія на мѣсто частной мести; но самыхъ словъ: вознагражденія (пеня) и возмездія (продажи) еще не встрѣчается. Слѣ-

довательно понятіе о вознагражденіи существовало токмо еще въ видѣ общей неразвитой идеи; постановляли самое дѣло, не давая ему никакого особеннаго наименованія. Разумѣется, что обиженный одинъ получалъ все. Это очевидно изъ самаго Закона. Князь не имѣлъ еще ни малѣйшаго участія въ вознагражденіи; что также подтверждаетъ глубокую древность Законодательства. Впрочемъ сіе время, когда Князь не имѣлъ еще ни малѣйшей доли въ вознагражденіи, близилось уже къ концу; ибо въ первое послѣдовавшее за Ярославомъ Княженіе Князья стали уже принимать участіе въ пеняхъ (См. Прибав. I, xxxiii).

Всѣ оскорбленія, всѣ тяжбы по предмету собственности возводятся къ одному началу, именно, что всякій можетъ взять назадъ свое достояніе, гдѣ только найдетъ его. Дѣйствіе, по коему кто нибудь беретъ мое, или, что тоже, противузаконное присвоеніе чужой собственности было обидою, за которою въ древнія времена неукоснительно слѣдовала частная месть, и за которую здѣсь, въ государственномъ состояніи, вмѣсто личнаго мщенія, постановлено вознагражденіе деньгами, именно три гривны.

Въ естественномъ состояніи при всѣхъ видахъ похищенія чужой собственности могли встрѣчаться только два случая: именно, или другой взялъ вещи, и хозяинъ находилъ ихъ у него въ свободномъ, незащищенномъ положе-

ніи; или же онъ взятое держалъ въ безопасномъ мѣстѣ, и тщательно сохранялъ оное. Въ первомъ случаѣ, обиженный бралъ прямо свою собственность безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей; во второмъ онъ требовалъ ее обратно. Первобытное начало естественнаго состоянія: брать свое достояніе тамъ, гдѣ находишь оное, оставалось еще господствующимъ правиломъ и въ Государствѣ; оно было утверждаемо и въ семъ состояніи, какъ первое, основное начало. Если другой не отдавалъ взятой имъ собственности: то въ естественномъ состояніи рѣшалось дѣло силою; но въ Государствѣ все должно рѣшить право, истина, *Правда*. Право въ семъ случаѣ утверждалось на семъ простомъ положеніи: брать чужое есть дѣло непозволенное,—оскорбленіе (обида) для другаго. Слѣдовательно, споръ о правѣ обладанія оспориваемою вещію необходимо долженствовалъ рѣшаться открытіемъ способа пріобрѣтенія оной; т. е. каждый водилъ истца, дѣлающаго притязаніе на вещь, къ тому, отъ кого самъ получилъ ее и кто наконецъ не могъ сослаться ни на кого въ полученіи вещи, тотъ симъ самымъ уличалъ себя въ несправедливомъ присвоеніи и платилъ вознагражденіе за обиду.

Подобное удостовѣреніе въ образѣ пріобрѣтенія вещей, на кои другой объявлялъ свое притязаніе, имѣло мѣсто вообще при всѣхъ искахъ, даже и тогда, когда требованіе было дѣлаемо и

не на извѣстную, опредѣленную какую нибудь вещь. Только въ семъ случаѣ справка или удостовѣреніе по причинѣ большей затруднительности производилось предъ 12 избранными изъ общежителей мужами, которые, говоря собственно, не судили и не рѣшали, но только утверждали своимъ свидѣтельствомъ открытіе, или результатъ, выходившій въ слѣдствіе *своднаго* розысканія. Тотъ, кто по сей справкѣ оказывался незаконно завладѣвшимъ чужою собственностію, осуждаемъ былъ на уплату трехъ гривенъ за обиду.

Такимъ образомъ всѣ законы относительно права собственности основывались на семъ простомъ правилѣ: не смѣй брать ничего принадлежащаго другому, — правилѣ, признававшемся у всѣхъ народовъ непреложною, основною истиною. Симъ началомъ исчерпывалось все. Нужно только было сдѣлать ему приложеніе въ дѣйствительности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло было ясно и очевидно для всѣхъ, не требовалось никакихъ дальнѣйшихъ околичностей. Но гдѣ предлежало еще сомнѣніе, тамъ споръ рѣшался сводомъ т. е. перехожденіемъ отъ одного лица, владѣвшаго оспориваемою вещію, къ другому, доколѣ наконецъ не открывалось такого владѣтеля, который не могъ уже сослаться ни на кого другаго въ пріобрѣтеніи вещи, и который такимъ образомъ въ глазахъ всѣхъ общежителей изобличался, какъ незаконный

пріобрѣтатель вещи. Если дѣло было запутанное, то всё рѣшалось посредствомъ свода же т. е. восхожденіемъ къ первому законному владѣльцу вещи. Различіе состояло только въ томъ, что, такъ какъ по дѣлу болѣе запутанному не могло быть произведено свода съ такою же ясностію предъ глазами всѣхъ, то онъ производился въ присутствіи избранныхъ изъ числа всѣхъ общежителей посредниковъ. Это суть двѣнадцать мужей.

Вотъ и все, что содержится въ древнемъ Законѣ. Это показываетъ въ немъ простоту, свойственную древнимъ уставамъ, а сія простота вмѣстѣ есть самое вѣрное ручательство его глубокой древности. Первоначально Право Уголовное и Право Частное составляютъ одно. Сперва, все является въ образѣ оскорбленія. Преступленіе, обязанность, право первоначально выражаютъ одно и тоже отношеніе, или лучше, составляютъ одно и тоже понятіе, только въ различныхъ отношеніяхъ. Такой взглядъ на Право со стороны здраваго человѣческаго смысла, — взглядъ правильный, къ которому приводитъ и сравненіе различныхъ системъ Права, если отдѣлить въ нихъ особенности, принадлежащія каждой порознь (24),—служитъ также подтвержденіемъ древности Законодательства. И сіе-то самое мы видимъ со всею ясностію въ нашемъ древнѣйшемъ Законѣ—тамъ, гдѣ говорится о правѣ собственности. Преступленія противу сего пра-

ва и простые гражданскіе иски ни сколько неотличены другъ отъ друга: о воровствѣ ни мало не упоминается въ видѣ особаго преступленія, а тѣмъ еще менѣе о грабежѣ. Всѣ споры по праву собственности окончательно возводятся къ сему простому вопросу: тотъ, въ лицѣ коего я теряю мою собственность, взялъ или не взялъ ее? Ибо не иначе, какъ чрезъ *взятіе*, она могла противузаконнымъ образомъ поступить въ его владѣніе; всё равно было, онъ ли самъ захватилъ вещь, или уже чрезъ другаго кого она ему досталась. Мое всегда остается моимъ, слѣдовательно я всегда имѣю право взять назадъ мою собственность, т. е. въ первоначальномъ состояніи общества я беру ее въ глазахъ всѣхъ точно также, какъ въ естественномъ состояніи владѣлецъ, обыкновенно, прямо, безъ дальнихъ околичностей, беретъ назадъ свою собственность. И тотъ, кто дѣйствительно взялъ мою вещь, долженъ мнѣ сверхъ того заплатить вознагражденіе за обиду, тѣмъ причиненную. Здравый естественный смыслъ при семъ еще ни сколько не пускается въ запутанные вопросы. Взятіе всегда одно и тоже, какимъ бы образомъ, и при какихъ бы обстоятельствахъ оно ни произошло. Естественному смыслу оно всегда представляется однимъ и тѣмъ же дѣйствіемъ, которое первоначально и означается вездѣ словомъ: *взять*. Слѣдовательно—такъ умозаключаетъ далѣе человѣкъ въ состояніи грубости по свое-

му простому естественному смыслу — слѣдовательно во всѣхъ таковыхъ случаяхъ должно имѣть мѣсто удовлетвореніе: въ естественномъ состояніи посредствомъ частной мести, а въ Государствѣ постановленнымъ за то вознагражденіемъ. Но сіе вознагражденіе опредѣляется въ равной мѣрѣ за всѣ роды взятія. Всѣ такъ называемые гражданскіе иски по предмету собственности (въ противоположность тѣмъ, въ коихъ, по нашимъ понятіямъ, соединено нарушеніе Уголовнаго Права) основываются первоначально на томъ обвиненіи, что другой взялъ нашу собственность. Если сіе обвиненіе справедливо, то обвиняемый обязанъ за причиненіе таковой обиды сдѣлать вознагражденіе и потому всѣ иски по предмету собственности, если они признаются законными и уважительными, первоначально влекутъ за собою вознагражденіе, которое обязанъ платить соперникъ, признанный незаконнымъ владѣльцемъ; это родъ денежнаго штрафа, который, какъ первоначально и всѣ денежные штрафы (ибо они вначалѣ суть токмо простое вознагражденіе), падаетъ на одного отвѣтчика. Сей штрафъ, который полагается одинаково за всѣ роды взятія, за воровство, неплатежъ долга, удержаніе новѣреннаго имѣнія и т. п., скоро образуетъ въ Государствѣ пеню (вознагражденіе) за обыкновенную обиду; поелику таковыя удержанія чужой собственности составляютъ самый общій,

обыкновенный (т. е. никакихъ особыхъ качествъ не имѣющій) родъ оскорбленія другихъ. Такимъ образомъ взысканіе сіе прилагается и къ другимъ родамъ обиды (въ тѣлесныхъ поврежденіяхъ), кои также не имѣютъ особеннаго качества; или, можетъ быть, на первый разъ бываетъ и такъ, что вознагражденіе, опредѣленное за обыкновенныя тѣлесныя поврежденія, переносятся на удержаніе собственности, какъ обиду, которая стоитъ почти на одинаковой степени съ первыми. Какъ бы то ни было, только во всѣхъ древнихъ Законоположеніяхъ находимъ мы опредѣленіе пени за обыкновенную обиду; и таже самая пеня полагается за противозаконное присвоеніе чужой собственности ([25]).

Объ отысканіи настоящаго татя древнія Законодательства не заботились. Это составило бы слишкомъ много хлопотъ, въ которыхъ тогда не находили еще никакой выгоды. Къ чему столько околичностей? Тотъ, у кого перваго открывали чужую вещь, предъ судомъ здраваго естественнаго смысла являлся воромъ, доколѣ не было доказано противнаго; если онъ хотѣлъ отдалить отъ себя вину, то долженъ былъ показать того, т. е. вести къ тому, у кого онъ получилъ вещь. Кто наконецъ не могъ или не хотѣлъ вести далѣе къ другому, тотъ долженъ былъ платить вознагражденіе; ибо это во всякомъ случаѣ была его вина. Пока еще воровство не сдѣлалось въ понятіи

людей особымъ преступленіемъ, но всѣ виды противозаконнаго присвоенія разсматривались одинаковымъ образомъ, дотолѣ воръ подозрѣваемый всё считался прямо воромъ настоящимъ, если онъ не могъ отклонить падавшаго на него подозрѣнія.

Такимъ образомъ все Право собственно состояло только изъ пяти положеній, изъ коихъ 1-мъ ограничивается месть ближайшими степенями родства (а слѣдовательно, косвеннымъ образомъ и утверждается въ оныхъ), и опредѣляется денежное вознагражденіе на тотъ случай, когда мщеніе не могло бы быть совершено дѣломъ; 2-мъ утверждается или точнѣе, прикровеннымъ образомъ признается частная месть за тѣлесныя поврежденія, и опредѣляется денежное вознагражденіе въ замѣну оной; 3-мъ утверждается самовольное возвращеніе своей собственности, гдѣ случится хозяину найти ее, и постановляется сверхъ того вознагражденіе за обиду; 4-мъ предписывается въ случаѣ спора обращаться къ прежнимъ владѣльцамъ, такъ, что послѣдній, который не можетъ болѣе сослаться ни на кого другаго, платитъ вознагражденіе; 5-мъ постановляется разрѣшать запутанныя тяжбы посредствомъ таковаго же обращенія къ прежнимъ владѣльцамъ въ присутствіи двѣнадцати мужей, избранныхъ изъ округи, съ опредѣленіемъ также вознагражденія со стороны того, кто удерживалъ у другаго собственность.

Изъ сего краткаго обозрѣнія видно, какъ тѣсно соединяются между собою въ первоначальномъ состояніи общества Права Уголовное и Гражданское. Всякое право, взятое въ своей цѣлости, получаетъ начало свое въ понятіи объ обидѣ, къ коему примыкается и мысль о справедливости возвращенія взятой у насъ собственности. Положеніе вещей, долженствовавшее имѣть мѣсто прежде всякаго Государственнаго устройства, составляетъ также внутреннее основаніе всѣхъ первыхъ Законодательствъ. Первоначально все—обида, и рѣчи только объ обидахъ. Въ разсужденіи личныхъ обидъ остается въ силѣ частная месть, какъ въ естественномъ состояніи; Законодатель старается только сократить ее посредствомъ постепеннаго ограниченія и прелестію корысти (собственность въ Государствѣ получаетъ большую цѣну; поелику она тутъ болѣе защищена). Прежде всего отмѣняется частная месть по обидамъ, относящимся до права собственности; ибо не такъ больно потерпѣть ущербъ въ собственности, какъ оскорбленіе для лица, и слѣдовательно въ первомъ случаѣ и порывъ къ мести не такъ долженъ быть силенъ. Въ замѣну ея полагается вознагражденіе имуществомъ.

Равнымъ образомъ и первоначальное судопроизводство вполнѣ соотвѣтствуетъ расправѣ, имѣющей мѣсто въ естественномъ состояніи человѣка. Еще нѣтъ ни судей, ни судовъ, ни приказныхъ

служителей, ни истцевъ, ни отвѣтчиковъ. Еще не видно и имени иска или челобитной. Всякое требованіе есть дѣло всей округи, всего общества, подобно какъ всякое требованіе между членами семейства есть дѣло всего семейства. Все производство дѣла совершается предъ лицемъ всего общества. Самая гласность дѣла и она одна обезопасиваетъ отъ несправедливости; ибо цѣлое общество не легко можетъ сдѣлать несправедливость одному изъ своихъ сочленовъ, точно такъ, какъ семейство своему домочадцу. Первыя общества составились изъ семействъ, поселившихся на одномъ извѣстномъ пространствѣ земли. Предъ лицемъ всѣхъ хозяинъ беретъ опознанную вещь, и тотъ, кто взялъ ее, платитъ вознагражденіе безъ дальнихъ разсужденій. Такая сдѣлка подлежала бы въ наше время многимъ затрудненіямъ, но не въ то время древности. Ибо тотъ, кто причинялъ обиду, не смѣлъ отказаться предъ лицемъ общества отъ уплаты вознагражденія, которая была правомъ общества, и которая одна защищала его самаго отъ частной мести. Если дѣло было не со всѣмъ ясно, если подлежало еще нѣкоторымъ сомнѣніямъ, то тяжущіяся стороны, также предъ лицемъ всего общества, вѣдались сами между собою, не призывая въ посредство никого третьяго. Онѣ, будучи свидѣтелями и судьями сами себѣ, шли къ прежде бывшимъ владѣльцамъ оспориваемой вещи, и, если она была взята, слѣдовательно неправомѣрнымъ

образомъ передана въ чужое владѣніе, то это необходимо долженствовало обнаружиться при производствѣ такой справки. Тотъ, кто не могъ очистить себя указаніемъ на другаго владѣльца, считался, на основаніи всей вѣроятности, незаконнымъ владѣльцемъ вещи, и слѣдовательно подвергался отвѣтственности. На комъ останавливался такой сводъ, тотъ не могъ отказываться отъ уплаты узаконеннаго вознагражденія, которое падало на него въ слѣдствіе гласно произведенной справки,—точно также, какъ и тотъ, у кого перваго находима была чужая собственность, буде бы онъ не могъ показать того лица, отъ котораго ему досталась вещь. Я сказалъ, что тяжущіеся въ семъ первобытномъ судопроизводствѣ составляли сами все, т. е. и свидѣтелей, и судей и приказныхъ служителей. Да! ибо дѣйствіе всѣхъ сихъ лицъ замѣнялось гласностію расправы. Никто не смѣлъ прерѣкать той окончательной уликѣ, которая открывалась въ слѣдствіе всенародно учиненной справки; ибо такой ослушникъ вооружилъ бы противу себя все общество, коего права и безопасность онъ нарушилъ. Въ тѣ времена такія строптивыя покушенія были невозможны. Рѣдко, весьма рѣдко могъ найтись такой буйный и отчаянный человѣкъ, для котораго бы все равно было, любитъ ли его общество, или не навидитъ и гнушается. Это было бы тоже, какъ если бы онъ самъ себя объявилъ внѣ по-

кровительства законовъ. По сему всѣ судебные чины и вообще все судопроизводство нашего времени были тогда излишни. На сей-то первоначальной степени законнаго состоянія находимъ мы человѣка во время древнѣйшей нашей Правды. Впрочемъ, тѣмъ не возпрещалось родственникамъ или друзьямъ отвѣтчика принимать участіе въ дѣлѣ и сопровождать его иногда при производствѣ свода ([26]). Равно тяжущіяся стороны по одному взаимному согласію представляли поручителей, сообразно предписанію закона, не находя для сего нужнымъ посредство третьяго лица.

Только, когда искъ былъ такого рода, что не льзя было рѣшить тотчасъ предъ глазами всѣхъ; когда онъ былъ запутанъ и требовалъ большихъ справокъ, тогда представляли его на судъ избранныхъ изъ всего общества 12 мужей, которые въ извѣстномъ отношеніи представляли сіе самое общество. Ихъ дѣло состояло въ томъ же, въ чемъ и дѣло всего общества въ вышепомянутыхъ случаяхъ. Это видно частію изъ самаго Закона, поелику онъ, упоминая о сихъ мужахъ, не предписываетъ имъ никакого другаго образа дѣйствованія при судопроизводствѣ, а частію и изъ самаго свойства развитаго нами здѣсь состоянія права въ древнѣйшія времена. Какъ въ вышеизъясненныхъ нами двухъ случаяхъ дѣло рѣшилось

само по себѣ въ слѣдствіе простой, учиненной предъ лицемъ всего общества, справки (достаточно было того, чтобы общество само видѣло результатъ произведеннаго слѣдованія): такъ и здѣсь слѣдствіе, оказывающееся по учиненіи запутанной справки, производившейся въ присутствіи двѣнадцати мужей, служило непререкаемымъ основаніемъ къ рѣшенію дѣла. Достаточно было того, чтобы сіи посредники видѣли собственными глазами это слѣдствіе. Никто не могъ прекословить сему окончательному выводу учиненнаго розыска; ибо 12 мужей были совершенными представителями самаго общества, которое съ своей стороны принимало отзывъ ихъ, такъ какъ бы само видѣло все своими глазами, и симъ образомъ полагало преграду всякимъ извѣтамъ со стороны виновнаго. Здѣсь сокрывается основаніе всѣхъ Присяжныхъ судовъ (Jury), учрежденіе коихъ теряется въ *глубокой древности*, и, вѣроятно, въ началѣ было обще *всѣмъ* народамъ. Сіи двѣнадцать мужей произносили рѣшеніе о возникшемъ спорѣ, т. е. изрекали слѣдствіе, оказавшееся по силѣ учиненной справки ([27]). Почему они же въ началѣ изрекали и самый судъ; ибо Право еще не было отдѣльною наукою; сей судъ ихъ вытекалъ самъ собою изъ открывавшагося слѣдствія по учиненіи розысканія ([28]).

Древній Законъ ничего не говоритъ ни о семейственномъ, ни о наслѣдственномъ правѣ. И

то и другое въ началѣ было семейственнымъ дѣломъ, въ которое Законодательству не было нужды вмѣшиваться; домохозяинъ и глава семейства дѣйствовали съ неограниченною властію во всѣхъ семейныхъ дѣлахъ.

Далѣе—древній Законъ Россіи ничего также не содержитъ въ себѣ касательно Публичнаго Права. Но въ томъ состояніи, въ какомъ находилось тогда гражданское общество, еще не было ни малѣйшей нужды говорить что нибудь по предмету сего Права. Княжеская власть утверждалась на томъ же естественномъ основаніи, на какомъ и власть главы семейства; слѣдовательно не требовалось въ разсужденіи ея никакихъ особыхъ постановленій. Верховная власть Князя была власть простая и неограниченная. Взиманіе общественныхъ податей, составлявшее ея преимущество, не имѣло ничего общаго съ правомъ гражданина, которое одно было предметомъ сего Закона. Княжескій Намѣстникъ дѣйствовалъ съ правомъ верховной власти, представляя собою лице Князя; но тяжбы гражданъ рѣшались самимъ обществомъ. Только въ томъ случаѣ, когда кто покушался выйти изъ подчиненія и покорности правамъ общества, могла быть возвана противу него верховная власть Князя; но это могло случаться рѣдко и потому не требовало особеннаго постановленія. Въ древнія времена принималось въ основаніе такое правило: кто противится Закону и закон-

ной Власти, тотъ выходитъ изъ покровительства законовъ, и каждый властенъ поступить съ нимъ, какъ ему угодно.

Такимъ образомъ Русская Правда, будучи самымъ простѣйшимъ Законоположеніемъ, при всей своей краткости, вмѣстѣ была совершенно достаточна по тѣмъ временамъ.

(21) Сличь выше гл. 4, стр. 320 прим. 17.

(22) Вѣроятно, считалось самымъ постыднымъ дѣломъ поднять мечь противу безоружнаго, и, вѣроятно, всякой вообще ходилъ съ мечемъ.

(23) То есть, не имѣвшему въ рукахъ палицы или сосуда: ибо въ противномъ случаѣ, по праву равнаго воздаянія, ударъ былъ бы заплаченъ ударомъ.

(24) Самое лучшее, какое только я знаю, раскрытіе Права въ семъ отношеніи сдѣлано въ Traitée de legislation civile et pénale; ouvrage extrait des manuscrits de Mr. Jéremie Bentham... par E. Dumont. 2 édition. Paris, 1820. 3 vol.

(25) Сперва полагается вознагражденіе, а потомъ уже денежное взысканіе. На основаніи сихъ изслѣдованій, которыя заимствованы не изъ сферы только возможности, но утверждаются существованіемъ Закона весьма древняго, почерпнутаго изъ достовѣрнаго источника, легко могутъ быть объяснены многія, такъ странными представляющіяся намъ, узаконенія древнихъ касательно тяжебныхъ дѣлъ по праву собственности. Многія правила, кои намъ въ нихъ представляется вовсе непонятными и именно отъ того, что не знаемъ посредствующихъ членовъ [посылокъ], могутъ быть разрѣшены самымъ удовлетворительнѣйшимъ образомъ при помощи всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, какія подастъ намъ древнѣйшее Законодательство Россіи. Здѣсь видимъ мы происхожденіе древнѣйшаго законнаго понятія о правѣ собственности. Отрывки, которые мы имѣемъ изъ древняго Права другихъ народовъ, близко, по крайней мѣрѣ отчасти, примыкаются къ сему періоду и легко могутъ быть возведены къ первоначальному происхожденію Права, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще не

достаетъ въ нихъ посредствующихъ членовъ, — если однажды уже найдено сіе происхожденіе.

(26) Такъ могли произойти Advocati, установленіе коихъ въ другихъ Древнихъ Правахъ является въ видѣ остатка древнѣйшаго времени.

(27) Въ Англіи: *виноватъ* и *не-виноватъ*.

(28) Въ Англіи изрекаютъ судъ Судьи; но это уже позднѣйшее установленіе, принадлежащее тому времени, когда образовалась особая наука Права и когда практическое и чисто законное сужденіе о тяжебныхъ дѣлахъ, сливавшіяся первоначально между собою, начали быть отдѣляемы другъ отъ друга. Слич. J. Millar's histor. Entwickelung der Englischen Staatsverfassung, I, 124.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ ПРАВДЫ ЯРОСЛАВА СЫНОВЬЯМИ ЕГО.

Непосредственно за Уложеніемъ древнѣйшаго законодателя Россіи слѣдуетъ другое собраніе законовъ съ такимъ надписаніемъ: *Правда уставлена Руской земли, егда ся съвокупиша Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко Перенѣгъ, Микыфоръ Кыянинъ чюдинъ, Микула.* Три поименованные здѣсь Ярославова сына миролюбиво управляли назначенными имъ удѣлами въ теченіи лѣтъ 1054—1068; послѣ сего они большею частію имѣли враждебное расположеніе другъ къ другу, или жили въ смутахъ между собою. Слѣдовательно сіе законодательное дѣло долженствовало совершиться тогда, когда Князья еще согласно дѣйствовали общими силами. Первыхъ трехъ сановниковъ, которые поименованы въ надписаніи, какъ соучастники въ составленіи сихъ законовъ, Правда тринадцатаго столѣтія называетъ *мужами* оныхъ Князей (слич. ниже стр. 370) и,

кажется, нѣтъ особенной нужды имѣть объ нихъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Что всѣ они были призваны къ сему дѣлу единственно по доброй волѣ Князей, это разумѣется само собою. Нуженъ былъ только ихъ совѣтъ, а не голосъ.

Братья-Законодатели распространили Уложеніе отца своего слѣдующими постановленіями, которыя въ вышеозначенномъ изданіи, сдѣланномъ по Татищеву (см. стр. 301), соединены въ численномъ порядкѣ параграфовъ съ древнѣйшею Правдою Ярослава:

XVIII.

Аще оубьютъ огнищанина (¹) *въ обидоу: то платити занъ* п. *гривенъ оубіщи, а людемъ не надобъ, а въ подъѣздномъ княжи* (²) п. *гривенъ.*

Если будетъ несправедливо убитъ огнищанинъ, то убійцѣ платитъ за него 80 гривенъ; а прочіе не подлежатъ сей пенѣ. За убійство Княжескаго гонца 80 гривенъ.

XIX.

А иже оубьютъ огнищанина вразбои, или оубиица не ищоутъ: то вирное (³) *платити, внеиже вири* (⁴) *голова начнетъ лежати.*

Если кто убьетъ огнищанина въ разбоѣ, или если убійца не будетъ отысканъ: то платитъ виру тотъ округъ, гдѣ совершилось убійство.

XX.

Аже оубіютъ огнищанина оуклѣти, (⁵) *или оу коня, или оу говядя, или оу коровьь тать-*

бы: то оубити въ пса мѣсто, а тоже по конѣ и тивоуницу (6).

Если будетъ убитъ огнащанинъ за кражею въ клети, или кражею лошади, быка или коровы; то убіеніе его какъ убіеніе пса. Такой же конецъ и Тіупу.

XXI.

А въ княжи тивоунѣ, п. *гривенъ; а конюхъ старыи оу стада*, п. *гривенъ: яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, егоже оубили Дорогобоудьци. А въ сельскомъ старостѣ княжи и ратаинѣмъ*, ві. *гривенъ: а врядовницы княжѣ*, е. *гривенъ: а въ смердѣ и въ хопѣ*, е. *гривенъ.*

Но за Княжескаго старосту 80 гривенъ; за старшаго конюха, приставленнаго къ стаду, 80 гривенъ, какъ то постановилъ Изяславъ, по дѣлу своего конюшаго, убитаго Дорогобужцами. За сельскаго, Княжескаго и крестьянскаго старосту 12 гривенъ; за рядоваго Княжескаго 5 гривенъ, за земледѣльца и холопа 5 гривенъ.

XXII.

Аще роба кормилица, любо кормиличинъ, ві. *гривенъ.*

За крѣпостную кормилицу и дядьку 12 гривенъ.

XXIII.

А за княжъ конь, иже тои спятнолъ, г. *гривнѣ: а за смердѣи* в. *гривнѣ: за кобылоу*, 60. *рѣзанъ* (7): *а за волъ, гривноу: а за коровоу*, м.

рѣзанъ: а третьякъ, еі. *коунъ* (8): *а за лонъщину, полъгрівнѣ: а за теля,* е *рѣзанъ: за яря, ногата: за боранъ, ногата.*

За Княжескаго коня, если онъ будетъ зарѣзанъ, 3 гривны; за земледѣльческаго 2 гривны; за кобылу 60 рѣзаней, за быка гривна, за корову 40 рѣзаней, за трегодовалаго быка 15 кунъ, за годовика полгривны; за теленка 5 рѣзаней, за ярку ногата, за барана тоже ногата.

XXIV.

А оже оуведетъ чюжь холопъ, любо робоу: платити емоу за обидоу ві. *гривнѣ.*

Аще же пріидетъ кровавъ моужъ, любо синъ: то не искати ему послоуха.

Если кто уведетъ чужаго холопа или рабу; тотъ платитъ хозяину 12 гривенъ.

Если кто придетъ въ крови или въ синихъ пятнахъ: то такому жалобщику не искать свидѣтеля.

XXV.

А иже крадетъ любо конъ, любо волы, или клѣть; да аще боудетъ единъ кралъ, то гривноу и тридесятъ рѣзанъ платити емоу. Или ихъ будетъ и і. (9) *то трі гривнѣ и по* л. *рѣзанъ платити моужеви.*

Если кто украдетъ лошадь, или быка, или окрадетъ клѣть, и если онъ кралъ ихъ одинъ, то повиненъ платить гривну и 30 рѣзаней. Если же воровъ будетъ и до 10; то каждый

изъ нихъ долженъ заплатить по 3 гривны и 30 рѣзаней.

XXVI.

А въ княжѣ борти г. гривнѣ, любо пожгоуть, любо изоудроуть, и всмерди в. гривнѣ.

Если кто сожжетъ или выдеретъ Княжескую борть, тотъ платитъ 3 гривны; за борть земледѣльца 2 гривны.

XXVII.

Или смердъ оумоучить, а безъ княжа слова: за обиду г. *гривны; а въ гнищанинѣ* (10) *и въ тивоуницѣ и въ мечници,* вi. *гривнѣ.*

Если кто самовольно, безъ Княжескаго повелѣнія, накажетъ земледѣльца, тотъ платитъ битому 3 гривны; за Огнищанина, Тiуна и Меченосца, въ семъ случаѣ, 12 гривенъ.

XXVIII.

А иже межоу переореть, любо перетесъ: то за обидоу вi. *гривнѣ.*

Если кто запашетъ или истребитъ полевую межу; тотъ за обиду платитъ 12 гривенъ.

XXIX.

А оже лодью оукрадеть: то за лодью платити л. рѣзанъ; а продажи 60. *рѣзанъ.*

А въ голоубѣ и въ коуряти, ѳ. *коунъ: а въ оуткѣ, и въ гоусѣ, и въ жеравѣ, и въ лебеди,* л. *рѣзанъ: а продажи* 60. *рѣзанъ.*

Ежели кто украдетъ ладiю; то платитъ за ладiю 30 рѣзаней, да пени 60 рѣзаней же.

За пару голубей и цыплятъ 9 кунъ; за пару утокъ и гусей; за пару журавлей и за одного лебедя 30 рѣзаней; да пени 60 рѣзаней же.

XXX.

Ао оже оукрадоутъ чужь песъ, любо ястребъ, любо соколъ: то за обиду г. гривны.

Если кто украдетъ собаку, или ястреба, или сокола; то платитъ за то 3 гривны.

XXXI.

Аще оубьютъ татя на своемъ дворѣ, любо оу клѣти; или оу хлѣва: то тои оубитъ. Аще-ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ: а оже ли оубьютъ, а люди боудоутъ видѣли связанъ; то платити внемь.

Если кто убьетъ вора на своемъ дворѣ, или у клѣти, или у хлѣва: то такъ тому и быть. Если онъ будетъ удержанъ до разсвѣта, то вести его на Княжескій дворъ; если же онъ будетъ убитъ, и другіе видѣли его связаннымъ, то платить за него.

XXXII.

([11]) *Оже убіенъ тать, а подымутъ ноги во дверѣ,* ([12]) *ино убитъ, оли подымутъ ноги за вороты, толи платити внемь.*

Если будетъ убитъ воръ, и слѣды ногъ будутъ открыты внутри двора; то такъ тому и быть; если же слѣды будутъ найдены внѣ двора, за воротами, то платитъ за убійство его.

XXXIII.

Оже сѣно крадоутъ, то о. *кунъ: а въ дро-*

вехъ, ѳ. коунъ. Аже оукрадоуть овъцоу, или козоу, или свинью, а ихъ будетъ і. одиноу овъцоу оукралъ: да положать по 60. рѣзанъ продажи. А хто изималъ, тому і. рѣзанъ: а отъ Грйне мечникоу коуна; а вдевятиноу еі. коунъ, а князю г. гривны. А отъ ві гривноу емъцю о: коунъ, а вдесятиноу в. гривнѣ, а князю ї гривенъ.

Если кто украдетъ сѣна; то платитъ 9 кунъ; за дрова то же. За покражу овцы, козы или свиньи, если бы даже десятеро украли одну овцу, платить пени 60 рѣзаней. Поймавшему вора 10 рѣзаней. Меченосцу изъ гривны куна; для девятины 15 кунъ: Князю 3 гривны. Изъ 12 гривенъ поимщику 70 кунъ; для десятины 2 гривны, Князю 10 гривенъ.

XXXIV.

А се поклонъ вирчый. Вирникоу (13) *взяти з. вѣдоръ солодоу нанедѣлю; тъже овенъ, любо полоть. или двѣ ногатѣ, а въ средъ рѣзаноу, въ три же сыры, впятницоу такоже, а хлѣба по колькоу моугоуть ясти, и пшена; а куръ по двое на день; конѣ д. поставити, и соути имъ на ротъ, колько могоуть зобати. А вирникоу 60. гривенъ и ї. рѣзанъ и ві вѣверици:* (14) *а передѣ гривна, или ся пригоди вговѣніе рыбами, то взяти за рыбы з. рѣзанъ; тѣ всѣхъ коунъ еі. коунъ на недѣлю: а борошна* (15) *колько моугоуть изъясти; до недѣли же вироу зберуть вирници. То ти оурокъ Ярославль.*

Вирные припосы постановляются слѣдующіе: Вирнику получать 7 вѣдеръ солоду на недѣлю; сверхъ сего дается ему баранъ, или полоть ветчины, или двѣ рѣзани; въ середу одна рѣзань, да три сыра, въ пятницу тоже; хлѣба давать вдоволь, тоже и крупъ; куръ по двѣ на день; лошадей ставить четверку и корму давать имъ столько, сколько могутъ съѣсть. Вирнику 60 гривенъ, 10 рѣзаней и 12 вѣкшей; да предварительно платить одну гривну. Если же постомъ потребуется для него рыбы; то брать ему за рыбу 7 рѣзаней. Такимъ образомъ всѣхъ кунъ должно ити на него 15 въ недѣлю; а корму для лошадей столько, сколько могутъ съѣсть. Виру сбирать Вирникамъ до воскресенья. Это пошлины, постановленныя Ярославомъ.

XXXV.

А се оурокъ мостьниковъ. Аще помостивше мостъ: взяти отъ дѣла ногата, а отъ городницы ногата. Аще же боудеть ветхаго моста потвердити нѣколико досокъ, или г. *или* д. *или* е. *то тоеже.*

Но для мостовщиковъ назначаются слѣдующія пошлины: Если они наведутъ мостъ, то брать имъ за работу по ногатѣ, да со сваи столько же. Если нужно будетъ поправить нѣсколько досокъ въ обветшавшемъ мостѣ, 3 ли, или 4, или 5, то брать тужe плату.

(1) *Огнище* на многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ значитъ

очагъ, горнъ, слѣдовательно огнищанинъ будетъ означать владѣльца, хозяина очага [Слич. Слов. Linde, III, 485 подъ словомъ: ognisko.]. Это же слово употребляется и о Боярахъ; вообще значитъ главу семейства.

(2) Сего слова мнѣ не случалось нигдѣ находить, и могу угадывать его значеніе только изъ сродныхъ съ нимъ выраженій.

(3) Какое бы производство мы ни дали сему слову, все остается несомнѣннымъ то, что оно значеніемъ своимъ вполнѣ отвѣтствуетъ Нѣмецкому: Wehrgeld.

(4) Въ Правдѣ тринадцатаго столѣтія вмѣсто слова *вира* стоитъ *вервь*, и неудивительно, что *вира* здѣсь описка. Но не смотря на различіе словъ, смыслъ остается одинъ и тотъ же. См. ниже стр. 370.

(5) По замѣчанію Карамзина, И. Г. Р. II, 355 прим. 78, клѣтью называлась прежде всякая горница, а не одна кладовая. Впрочемъ надобно замѣтить, что въ Библіи слово сіе употребляется исключительно въ послѣднемъ значеніи и соотвѣтствуетъ Греческому: ταμιεῖον. 2 Цар. IX, 2. XI, 2.

(6) Тіуны были и Княжескіе и Боярскіе. Не надобно ли производить сего наименованія отъ Tungines, qui post Comitem est—чиновника такъ называвшагося у Салическихъ Франковъ? Тогда корень его скрывался бы въ Нѣмецкомъ Tuun, Tuin, Zaun, округъ огражденный. Дю Канжъ почитаетъ Tungines судіею, которому предоставлена была судебная власть надъ поселянами, или извѣстнымъ числомъ помѣстій. Geschichte und Auslegung des salichen Gesetzes von T. D. Wiarda. Bremen, [1809] стр. 188.

(7) Это были вѣроятно мелкія монеты, *нарѣзанныя* изъ лоскутковъ [разной?] кожи. По мнѣнію Карамзина И. Г. Р. II, 50, 557. прим. 79. гривна заключала въ себѣ 50 рѣзаней.

(8) Кунъ въ гривнѣ было двадцать пять. [См. Карамзина И. Г. Р. въ вышепр. м.] Онъ же вообще ученымъ образомъ разсуждаетъ о кожаныхъ деньгахъ I, 491. Прим. 524. Впрочемъ весь этотъ предметъ требуетъ еще точнѣйшаго и обстоятельнѣйшаго изысканія.

(9) См. XXXIII, гдѣ количество сообщниковъ воровства также опредѣляются круглымъ числомъ 10; а изъ сего, кажется, очевидно, что и здѣсь, вмѣсто числительнаго иі [18], надобно читать раздѣльно: и і [и 10].

(10) Очевидно описка вмѣсто: *венищининъ.*

(11) Сіе постановленіе Татищевъ нашелъ только въ одномъ спискѣ Несторовой Лѣтописи, который онъ отличаетъ именемъ Ростовскаго. Продолженіе древней Россійской Вивліоѳики, Ч. I, стр. 20.

(12) Вѣроятно описка вмѣсто: *дворъ*; это согласнѣе съ связью постановленія.

(13) Это былъ, по моему мнѣнію, чиновникъ, на коего вообще возлагалось собираніе общественныхъ податей съ какого нибудь уѣзда или округа. Такая должность необходимо требовала объѣзда, и слѣдовательно вирнику давала законное право на взиманіе означенныхъ въ текстѣ уроковъ или припасовъ.

(14) *Вѣверицы* или *Векши.* Сколько ихъ содержалось въ кунѣ, неизвѣстно. Но вѣрно, говоритъ Карамзинъ И. Г. Р. II, стр. 367, прим. 104, не болѣе десяти.

(15) Этого слова въ Русскомъ я не нашелъ. Но на Польскомъ Bogorzno называется кормъ для лошадей. Смотри Слов. Linde I, 146.

II.

ПРАВДА

Тринадцатаго столѣтія.

Неудобопонятность языка, на коемъ написаны древнѣйшіе наши законы, долгое время затрудняла изученіе ихъ. Наконецъ Н. Н. Болтинъ, усердный любитель отечественной Исторіи, много содѣйствовавшій ея успѣхамъ, сдѣлалъ изданіе древнѣйшихъ Русскихъ законовъ, съ переводомъ ихъ текста на новѣйшій Русскій

языкъ и со многими объяснительными замѣчаніями. Изданіе сіе вышло подъ названіемъ: *Правда Руская, или законы Великихъ Князей Ярослава Владиміровича и Владиміра Всеволодовича Мономаха, съ преложеніемъ древняго нарѣчія и слога на употребительные нынѣ, изданы любителями отечественной Исторіи Спб.* 1792; послѣ Правда сія была исправлена и вновь издана въ Москвѣ 1799 и въ семъ видѣ, конечно, заслуживала того одобренія, съ какимъ она принята была публикою, хотя текстъ, взятый въ руководство при семъ изданіи (изъ собранія рукописей Графа А. И. Мусина-Пушкина), требуетъ еще значительнаго критическаго очищенія. Подлинный списокъ Правды представленъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ въ первомъ томѣ *Русскихъ достопамятностей* . . . (Москва 1815), стр. 28—85; списокъ сей найденъ въ Синодальной Библіотекѣ, въ харатейной Кормчей Книгѣ, любопытной по многимъ отношеніямъ (подъ No 82), и-доказательно—принадлежитъ къ періоду времени отъ 1280—1299 г. Древнѣе сего списка еще не открыто. Слич. вышеприведенныя *достопамятности*, стр. 18, 19 и И. Г. Р. Карамзина II, 348 *слл*.

Еще неизвѣстно, было ли обнародовано сіе собраніе законовъ въ позднѣйшей его формѣ самимъ Правительствомъ (на прим. Владиміромъ Мономахомъ?) или оно есть токмо трудъ

частныхъ людей, собиравшихъ, отдѣльно выходившія по временамъ, постановленія; по крайней мѣрѣ, послѣднее мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ и достаточнымъ къ объясненію, почему не всѣ извѣстные намъ списки имѣютъ одинаковую полноту, и почему рубрики не вездѣ слѣдуютъ въ одинаковомъ порядкѣ. Правда, въ началѣ помянутой Синодальной Книги поставлена слѣдующая надпись: «*написаны быша книгы сія* «*повелѣніемъ Благовѣрнаго Князя Новгородскаго* «*Дмитрія*» (сына Александра Невскаго) . . . «*и положены быша въ церкви Св. Софія, на* «*почитаніе* (чтеніе) *Священникомъ и на послу-* «*шаніе Крестьяномъ* (Христіанамъ) . . . » но книга сія (въ 629 листовъ Folio), кромѣ Правды, заключаетъ въ себѣ десять другихъ сочиненій, къ собранію коихъ вообще и относится сіе сказаніе надписи. Въ разсужденіи приложенной Правды она говоритъ только, что содержавшееся въ ней имѣло тогда силу закона; а относительно образа составленія ея это еще не подаетъ ни малѣйшаго заключенія. Наши Лѣтописи не говорятъ ничего на счетъ обнародованія распространенной Правды; а что Сочинитель Софійскаго Временника помѣщаетъ ее (Ч. I, стр. 111—129) тамъ, гдѣ надлежало бы говорить только о Ярославовой Правдѣ, то это не заслуживаетъ никакого уваженія.

Сообщаемая нами здѣсь Правда предлагается по вышепомянутому Синодальному списку, какъ

потому, что онъ есть самый древнѣйшій, хотя не самый полный, такъ и потому, что подлинность его въ знатной части Россіи была признана самимъ Правительствомъ ([1]). Жаль только, что такая его важность не могла предохранить его отъ описокъ.

СОУДЪ ЯРОСЛАВЛЬ ВОЛОДИМИРИЦА.

ПРАВДА РОУСЬКАЯ.

СУДЪ ЯРОСЛАВА ВЛАДИМІРОВИЧА.

РУССКАЯ ПРАВДА.

Ажь оубьіеть моужъ моужа, то мьстити брату брата, любо отцю, любо сыноу, любо брато чадоу, любо братню сынови ([2]); *ожели не боудеть кто іего мьстя, то положити за головоу* п. *гривенъ, аче боудеть Княжь моужь* ([3]), *или Тивоуна Княжся. Ачели боудеть Роусинъ, любо гридь, любо коупець, любо Тивоунъ боярескъ, любо Мечникъ, любо изгои, любо Словенинъ, то* м. *гривенъ положити занъ. По Ярославѣ же пакы съвъкоупивъшеся сынове іего: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и моужи ихъ: Кънячко, Перенѣгъ, Никифоръ, и отложиша* ([4]) *оубиіеніїе за головоу* ([5]), *нъ коунами ся выкоупати, а ино все, якоже Ярославъ соудилъ, такоже и сынове іего оуставиша.*

Если мужъ убьетъ мужа, то мстить брату за брата, сыну за отца, отцу за сына, или пле-

мяннику какъ по братѣ, такъ и по сестрѣ; если же не кому мстить, то съ убійцы взыскать деньгами: за голову мужа или Тіуна Княжескаго 80 гривенъ; за Русскаго, Гридня, купца, Тіуна Боярскаго, Мечника, Изгоя, и Славянина 40 гривенъ. По кончинѣ Ярослава, соединились дѣти его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и ихъ мужи: Коснячко, Перенѣгъ и Никифоръ, и отмѣнили мщеніе смертію за убійство и постановили, вмѣсто того, откупаться кунами, а прочее все оставили въ томъ видѣ, какъ узаконено было при Ярославѣ.

О убииствѣ.

Аже кто оубиіетъ Княжа моужа въ разбои, а головника не ищють, то виръвную платити, въ чьіеиже върви голова лежить, то К. (6) *гривенъ; паки людинъ* (7), *то сорокъ гривенъ. Которая ли вървь начнеть платити дикоую вироу* (8), *колико лѣтъ заплатять тоу вироу, занеже безъ головника имъ платити; боудеть ли головникъ ихъ въ върви, то занс к нимъ прикладываіеть, тогоже дѣля имъ помогати головникоу, любо си дикоую вироу. Нъ сплатити имъ въсобчі* м. *гривенъ, а головничьство, а то самомоу головникоу, а въ* м. *гривенъ іемоу заплатити изъ дроужины свою часть. Но оже боудеть оубилъ или въ свадѣ, или въ пироу явлено, тъ тако іемоу платіти по върви ныпѣ, иже ся прикладываіеть вирою.*

О убійствѣ.

Если кто убьетъ Княжескаго мужа, сдѣлавъ насильственное на него нападеніе; и если убійца не будетъ отысканъ; то платить за него виру—80 гривенъ та округа, гдѣ совершилось убійство; если же убитый будетъ людинъ, то есть, свободный человѣкъ, то 40 гривенъ. И если какая округа начнетъ такимъ образомъ платить дикую виру, то платежъ сей, поелику онъ дѣлается безъ участія убійцы, можетъ быть разсроченъ на нѣсколько лѣтъ. Если же убійца находится самъ въ оной округѣ, то, поелику онъ равномѣрно участвуетъ въ платежѣ пени, и она взаимно должна помогать ему, или же платить дикую виру, то есть, заплатить, съ своей стороны, общими силами 40 гривенъ, а другія сорокъ гривенъ пени на свою часть платить самому убійцѣ вмѣстѣ съ своею дружиною. Если кто убьетъ человѣка въ ссорѣ, или въ пьянствѣ явно; то убійца платитъ пеню также съ помощію отъ округи.

Оже станетъ без вины на разбои.

Боудеть ли сталъ на разбои безъ всякоя свады, то за разбойника людье не платять, нъ выдадять и всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ, а на разграбленіе (9). *Аже кто не вложиться въ дикоую виру, томоу людіе не помогають, нъ самъ платить.*

О томъ, если кто убьетъ человѣка безъ причины.

Если кто убьетъ человѣка безъ всякой ссоры, то волостные обыватели не платятъ за убійцу, но выдаютъ его вмѣстѣ съ женою и дѣтьми на заточеніе и разграбленіе. Если кто не приметъ участія въ платежѣ дикой виры, тому и другіе не помогаютъ, но платитъ самъ одинъ.

А се покони вирьнии.

А се покони вирнии были при Ярославѣ: Вирьникоу взяти з. вѣдеръ солодоу на недѣлю, оже овьнъ, любо полоть, или в. *ногатѣ, а въ среду коуна, оже сыръ, а въ пятничю также; а коуръ по двоіе на день, а хлѣбовъ* з. *на недѣлю, а пшена* з. *оуброковъ* ([16])*, а гороxоу* з. *оуброковъ, а соли* з. *голважень* ([11])*: тото Вирникоу съ отрокомъ; а кони* д.*, конемъ на ротѣ соути овьсъ. Вирникоу* и. *гривенъ, а* і *коунъ перекладьная; а Метельникоу* ([12]) ві *векши, а съсадная* ([13]) *гривна.*

Опредѣленіе вирныхъ пошлинъ.

Слѣдующія вирныя пошлины установлены были при Ярославѣ: Вирнику получать 7 вѣдеръ солоду на недѣлю, одного барана, или полоть ветчины, или вмѣсто того, деньгами 2 ногаты; въ постные, или въ сырные дни по одной кунѣ, а въ скоромные по 2 курицы на день; также 7 хлѣбовъ на недѣлю, 7 уборо-

ковъ пшена, 7 уборковъ гороху и 7 голважень (²²) соли. Это должно ити Вирнику съ отрокомъ; да кромѣ того четыре лошади, которымъ давать овса вдоволь. Ему же 8 гривенъ, и 10 кунъ перекладныхъ; а метельнику 12 векшъ, да судная гривна.

О вирахъ.

Аже боудетъ вира въ п. гривенъ, то вирникоу зі. гривенъ, и і. коунъ и ві вѣкше; а переди съсадная гривна, а за голову г гривны.

О вирахъ.

Если вира будетъ въ 80 гривенъ, то Вирнику брать 16 гривенъ, 10 кунъ и 12 векшъ; да предварительно судную гривну; за убійство 3 гривны.

О княжи отроцѣ.

Аже въ Княжи отроцѣ, или въ конюсѣ, или въ поварѣ, то м. гривенъ; а за Тиоунъ за Огнищныи, и за конюшии, то п. гривенъ; а въ сельскомъ Тиоунѣ въ Княжи, или в ратаинѣмь, то ві. гривнѣ; а за рядовича е. гривенъ, такоже и за боярескъ.

О Княжескомъ служителѣ.

За убійство Княжескаго служителя, конюха или повара полагается 40 гривенъ; за Тіуна Огнищанъ и Тіуна конюшаго 80 гривенъ; за Княжескаго Тіуна въ селѣ или земледѣльческаго 12 гривенъ, но за простаго служителя 5 гривенъ; тоже и за Боярскаго.

О ремьствьнице.

А за ремьствьника и за ремьствьницю, то ві. гривне; а за смерди и холопъ е. гривенъ; а за робоу б. гривенъ; а за кормимца ві. гривенъ и за кормилицю, хотя си боуди холопъ или роба.

О ремесленникѣ.

За убійство ремесленника и ремесленницы взыскивать пени 12 гривенъ; за простаго человѣка и холопа 5 гривенъ; за рабу 6 гривенъ; за дядьку и кормилицу, хотя бы они были и рабскаго состоянія, 12 гривенъ.

(14) *Оже съверзкеть виру.*

А оже съверзкеть виру, тъ гривна коунъ, съмістная отроку, а кто и клъпалъ, а томоу дати и дроугоую гривноу, а от виры помочєнаго о. коунъ. Искавше ли послоуха и не налѣзоуть, а истьца начьнеть головою клепати, то ти имъ правьдоу железо (15). Такоже и въ всѣхъ тяжахъ, и въ татбѣ, и въ поклепѣ (16), оже не боудеть лица, тъ тогда дать іемоу железо изнѣволѣ до полоугривены золота. Ажели мьнѣ, то на водоу (17), оли до двою гривноу; аже мьнѣ, то ротѣ ити (18) іемоу по своѣ коуны.

О томъ, если кто отведетъ отъ себя виру.

Если кто оправдаетъ себя въ убійствѣ и чрезъ

то устранитъ отъ себя платежъ пени; тотъ платитъ отроку за труды по производившемуся дѣлу гривну кунъ, да обвинитель другую съ помощію отъ своей округи, которая обязана въ семъ случаѣ поставить отъ себя 9 кунъ. Если тяжущіеся, искавши свидѣтеля, не найдутъ его нигдѣ, а между тѣмъ истецъ обвиняетъ въ убійствѣ, то дѣло должно рѣшиться испытаніемъ желѣза. Такимъ же образомъ вершить и всякія тяжбы въ воровствѣ, и поклепѣ ([16]), при недостаткѣ другихъ очевидныхъ доказательствъ, если только искъ простирается до полугривны золота; а ежели менѣе, то испытывать водою; въ двухъ же гривнахъ и менѣе достаточно привести къ присягѣ.

Оже кто оударить мечемъ.

Аже кто оударитъ мечемъ, не вынезъ іего, или роукоятью, то ві. *гривне продаже за обидоу; ожели вынезъ мечъ, а не оутнетъ, то гривноу коунъ. Аже кто кого ударитъ батогомъ, любо чашею, любо рогомъ, любо тылъснию, то* ві. *гривнъ; не търпя ли противоу томоу, оударитъ мечемъ, то вины іемоу в томъ нѣтоуть. Ащели оутнетъ роукоу и отпадетъ роука, или оусъхнетъ, или нога, или око или не оутнетъ* ([19])*, тъ полъвиры,* к. *гривенъ, а томоу за вѣкъ* і. *гривенъ. Аже пърстъ оутнетъ кыилюбо, то* г. *гривны продаже, а самомоу гривна коунъ.*

О томъ, если кто ударитъ мечемъ.

Если кто кого ударитъ необнаженнымъ мечемъ или его рукояткою, тотъ платитъ 12 гривенъ пени за обиду; если же обнажитъ мечь, но впрочемъ не ударитъ, то гривну кунъ. Если кто кого ударитъ тростію, или чашею, или рогомъ, или тупой стороной меча, то платитъ 12 гривенъ; а ежели ударенный, не стерпѣвъ обиды, самъ ударитъ обидчика мечемъ, то того въ вину ему не ставить. Если кто ударитъ кого по рукѣ или по ногѣ, и нога или рука отъ того отпадетъ или усохнетъ, или выколетъ глазъ: то съ таковаго взыскать въ казну въ половину противу пени за убійство, т. е. 20 гривенъ, да въ пользу раненаго за увѣчье десять гривенъ. Ежели кто отрубитъ у кого какой нибудь палецъ, то пени въ казну 3 гривны, а раненому гривна.

Оже придетъ кръвавъ моужь.

Оже придетъ (°) кръвавъ моуже на дворъ, или синь, то видока емоу не искати, нъ платиті іемоу продажю* г. *гривны; или не боудетъ на немь знамения, то привести іемоу видокъ, слово противоу слова, а кто боудетъ началъ, томоу платити 60. коунъ. Ачеже и кръвавъ пріидетъ, или боудетъ самъ почалъ, а выстоупятъ послоуси, то то іемоу заплатежь, оже и били. Ажв оударитъ мечемь, а не оутнетъ на смертъ, то* г. *гривны, а самомоу*

гривна за раноу, оже лѣчьбное; потьнеть ли на смерть, то вира. Или пьхнеть моужь моужа, любо къ собѣ, любо отъ себѣ, любо по лицю оударить, или жердью оударить, а видока два вывѣдоуть, то г. гривны продаже. Оже боудеть Варягъ или Колбягъ, тъ полная видока вывести, и идета на роту.

О томъ, если кто придетъ въ крови.

Если кто придетъ на Княжескій дворъ въ крови, или въ синихъ пятнахъ, то таковый не имѣетъ нужды представлять свидѣтелей, но и безъ того получаетъ въ удовлетвореніе свое 3 гривны. Если же на немъ не будетъ знаковъ, то долженъ представить очевидцевъ драки для точнаго объясненія дѣла, и тотъ, кто окажется зачинщикомъ драки, долженъ заплатить 60 кунъ. Если же истецъ и явится на судъ окровавленъ, но свидѣтели покажутъ, что онъ самъ началъ драку, то ему нѣтъ удовлетворенія. Если кто поранитъ кого мечемъ, но не смертельно, то съ таковаго взыскать 3 гривны пени въ казну, да въ пользу раненаго и на лѣченье гривну; если же убьетъ до смерти, то полная вира взыскивается. Если кто кого пихнетъ къ себѣ, или отъ себя, или заушитъ, или ударитъ жердью, и если то засвидѣтельствуютъ два очевидца; то взыскать съ таковаго три гривны пени. Если же учинившій сіе будетъ Варягъ или Колбягъ, то истецъ долженъ вывести пол-

ное число свидѣтелей, или отдать ему на присягу.

О челядѣхъ.

Аже челядинъ съкрыіется, а заключить и на търгоу, а за три дьни не вывѣдоуть іего, а познаіети и третии день, тъ свои челядинъ пояти, а ономоу платити г. *гривны продаже.*

О РАБАХЪ.

Если рабъ убѣжитъ и о побѣгѣ его будетъ провозглашено на торгу, а тотъ, у кого онъ кроется, не выведетъ его чрезъ три дни послѣ того, и наконецъ это обнаружится; то господину въ семъ случаѣ взять своего раба, а съ того, кто держалъ его, взыскать 3 гривны пени.

Оже кто всядеть на чюжь конь.

А оже кто всядеть на чюжь конь не прашавъ, то г. *гривны. Аче кто конь погоубіть, или ороужое, или портъ, а заповѣсть на търгоу, и послѣдь познають въ своіемъ городѣ, своіе іемоу лицемъ взяти, а за обидоу платити іемоу* г. *гривны. Аже кто познаіеть своіе, что боудеть погоубилъ, или оукрадено оу него что, или конь, или портъ, или скотина, то не рци: се моіе, нъ поиди на сводъ: кдѣ іеси взялъ? съведитеся, и то боудетъ виноватъ, на того татьба снидеть; тъгда онъ своіе възметь,*

а что боудеть съ нимъ погыбло, тоже іемоу начнеть платити. Аче боудеть коневьи тать, а выдати Князю на потокъ; пакы ли боудеть клѣтныи тать, то г. *гривны платити іемоу.*

О томъ, если кто сядетъ на чужую лошадь.

Если кто сядетъ на чужую лошадь безъ спросу хозяина, то съ таковаго взять 3 гривны. Ежели кто потеряетъ лошадь, оружіе или платье и о томъ обнародуетъ на торгу, а послѣ опознаетъ потерянную вещь у кого нибудь изъ своихъ сограждаiъ, то потерявшій имѣетъ право взять ее у него лицемъ, и сверхъ того взыскать съ него 3 гривны за обиду. Ежели кто опознаетъ у кого потерянную имъ, или украденную у него вещь, на пр. одежду, лошадь или другую какую скотину: то не имѣетъ права сказать ему: «это вещь моя,» но долженъ спросить его: «у кого онъ взялъ ее» и на кого покажетъ, съ тѣмъ свести его; на комъ воровство остановится, тотъ и долженъ былъ признанъ виновнымъ. Послѣ сего, отыскавшій беретъ свою собственность и вмѣстѣ получаетъ вознагражденіе за все то, что пропало съ нею. Если кто уличится въ кражѣ лошади, тотъ долженъ быть выданъ Князю головою; клѣтный воръ платитъ 3 гривны въ казну.

О сводѣ.

А оже боудеть во одиномъ городѣ, то иті

истьцю до конца того свода; боудеть ли сводъ по землямъ, то ити іемоу до третьяго свода, а что боудеть лице, то томоу платити третьіемоу, платити коунами за лице. Асъ лицемъ ити до конца сводоу, а истьчю ждати прока; а кдѣ снидеть на конечнлго, то томоу все платити и продажю.

О своде.

Ежели тоть, у кого будетъ опознана украденная вещь, станетъ показывать, что онъ получилъ ее отъ одного изъ соградданъ своихъ, и сей будетъ также показывать на другаго, въ томъ же городѣ живущаго, человѣка: то истцу итти съ поличнымъ до конца свода, то есть, до дѣйствительнаго вора, который уже не въ состояніи будетъ показать ни на кого другаго. Но ежели ссылка пойдетъ на жителей уѣздныхъ, то истцу взять за украденное деньги съ третьяго отвѣтчика, который, между тѣмъ, идетъ съ поличнымъ далѣе, пока наконецъ не отыщется истинный воръ, которому и платить всю цену.

О татьбѣ.

Пакы ли боудеть что татебно коупилъ въ търгоу, или конь, или пъртъ, или скотиноу, то выведеть свободьна моужа два, или Мытника; аже начнеть не знати оу кого коупилъ, то ити по немь тьмъ видокомъ на търгоу на ротоу, а истьцю своіе лице взяти; а что

с нимъ погыбло, а того іемоу желѣти, а оному желѣти своихъ коунъ, зане не знаіеть оу кого купивъ. Познаіеть ли на долзѣ оу кого купивъ, то своіе коуны возметь, и семоу платити что оу него погыбло, а Князю продажю.

О воровствѣ.

Если кто купитъ что нибудь краденное, одежду ли то или лошадь, или другую какую нибудь скотину, и настоящій хозяинъ того сыщется, то покупщикъ долженъ представить двухъ свидѣтелей, людей свободныхъ или сборщика пошлинъ, которые бы клятвенно подтвердили, что онъ купилъ у неизвѣстнаго ему человѣка; когда же свидѣтели учинятъ въ томъ присягу, то истцу взять свое лицемъ, а что съ тѣмъ пропало, того взять не гдѣ, равно и купцу не на комъ взыскивать цѣны купленной имъ вещи; ибо не знаетъ, у кого купилъ. Если же въ послѣдствіи времени опознаетъ онъ того человѣка, который продалъ ему краденную вещь, то взять ему съ него свои деньги, а хозяину вещи доправить съ него за все то, что вмѣстѣ съ тою вещію пропало у него, и кромѣ того Князю пеню.

О челядинѣ.

Аже кто познаіеть челядинъ свой оукраденъ, а поиметь и, то оному вести и по коунамъ (21) *и до третьяго свода; пояти же челядинъ*

въ челядина мѣсто, а оному дати лице, оть идеть до конечнягo свода; а то iесть не скоть, не льзѣ реча, не вѣдѣ у кого iеслиъ коупилъ, нъ по языкоу ити до конца; а кдѣ боудеть конечнии тать, то опять воротить челядина, а свои поиметь, и проторъ томоуже платити, а Князю продаже вi. *гривне въ челядинѣ или оукрадъше.*

О рабѣ.

Ежели кто опознаетъ у кого украденнаго своего раба; то, взявъ его, вести по округамъ на сводъ до третьяго отвѣтчика, который дастъ ему своего собственнаго раба, а опознаннаго беретъ себѣ и идетъ съ нимъ до окончательнаго свода. Отвѣтчикъ не можетъ сказать: «не знаю, у кого купилъ,» ибо рабъ не скотъ безсловесный; слѣдовательно по языку его можно дойти до дѣйствительнаго вора. Когда же такимъ образомъ отыщется виновный, то господинъ беретъ сведеннаго холопа, а полученнаго имъ въ залогъ отъ третьяго отвѣтчика возвращаетъ. Виновный же платитъ хозяину всѣ протори и убытки, да Князю пени 12 гривенъ за кражу раба.

О сводѣ.

А исвоего города въ чюжю землю свода нѣтоуть, нъ также вывести iемоу послоухы, любо Мытника, передъ кымьже коупивъше; то

истьцю личе взяти, а прока іемоу желѣти, что с нимъ погыбло, а оному своихъ коунъ желѣти.

О с в о д ѣ.

Но изъ своего города въ чужую область свода не допускается; въ такомъ случаѣ отвѣтчикъ обязанъ представить свидѣтелей или сборщика пошлинъ, въ присутствіи коихъ купилъ онъ опознанную у него вещь. Когда свидѣтели подтвердятъ истину словъ его, то истцу взять вещь лицемъ, а прочаго, что съ нею пропало, взыскивать права не имѣетъ; равно и покупщикъ невозвратно лишается денегъ, заплаченныхъ имъ за взятую у него вещь.

О татьбѣ.

А оже оубьютъ кого оу клѣти, или оу которои татьбы то оубьютъ въ пса мѣсто; ожели и додьржатъ свѣта, то вести и на Княжь дворъ, ожели оубиютъ и, а оуже боудоутъ видѣли людие съвязана, то платити в томь ві. *гривне. Аже крадетъ кто скотъ въ хлѣвѣ, или клѣть, тоже боудетъ одинъ, то платити іемоу* г. *гривны и по* л. *кунъ; боудетъ ли ихъ много, то всѣмъ по* г. *гривны и по* л. *коунъ платити.*

О в о р о в с т в ѣ.

Если кто убьетъ татя на воровствѣ; то убіе-

ніе его не вмѣняется ни во что; но если онъ продержанъ будетъ до свѣта, то вести его на Княжескій дворъ; если же онъ будетъ убитъ и другіе видѣли его связаннымъ, то въ семъ случаѣ платить за убійство его 12 гривенъ. Если кто крадетъ скотъ изъ хлѣва, или въ клѣти, и будетъ одинъ, то платитъ онъ 3 гривны и 30 кунъ; если же воровъ будетъ много, то взыскать со всякаго по 3 гривны и 30 кунъ.

О татьбѣ же.

Аже крадеть скотъ на поли, или овци, или козы, или свиньи, 60. коунъ, будеть ли ихъ много, то всѣмъ по 60. кунъ.

Аже крадеть гумно, или жито въ ямѣ, то колико ихъ боудеть крало, то всѣмъ по г *гривны и по* л *коунъ; а оу негоже погыбло, то оже боудеть лице, то лице поиметь, а за лѣто възметь по полоугривнѣ; пакы ли лица не боудеть, а боудеть былъ Княжь конь, то платиті занъ* г *гривны, а за инѣхъ по двѣ гривнѣ.*

О воровствѣ же.

Если кто украдетъ скотъ съ поля, овецъ ли, или козъ, или свиней, тотъ платитъ 60 кунъ; если же при кражѣ было много, то съ каждаго взыскать по 60 же кунъ.

Ежели украдутъ съ гумна или изъ ямы жито: то со всякаго, сколько воровало, взять по 3

гривны и по 30 кунъ; а тотъ, у кого было украдено, если украденное будетъ въ наличности, долженъ взять оное лицемъ, за пользованіе же вора украденнымъ взять съ него за лѣто по полугривнѣ. Если украденной вещи въ наличности не будетъ, и если это будетъ Княжій конь, то доправлять съ вора за покражу его 3 гривны, а за покражу простаго коня 2 гривны.

А се оуроци скотоу.

Ожє за кобылу 60. коунъ, а за волъ гривноу, а за коровоу м коунъ, а за третьякоу л коунъ, а за лоньщиноу польгривны, а за теля е коунъ, а за свинью е коунъ, а за поросн ногата, а за овцю е коунъ, а за боранъ ногата, а за жеребець, ожє не въсѣдано нань, то гривна коунъ, а за жеребя 6 ногатъ, а за коровіе молоко 6 ногатъ: то ти оуроци смърдомъ, ожє платять Князю продажю.

Пеня за покражу скота.

За покражу кобылы брать хозяину 60 кунъ, за быка гривну, за корову 40 кунъ, за трехлѣтняго быка 30 кунъ, за годовика полгривны, за теленка 5 кунъ, за свинью то же, за поросенка ногату, за овцу 5 кунъ, за барана ногату, за жеребца невзжалаго гривну кунъ, за жеребенка 6 ногатъ, за коровье молоко 6 ногатъ. Сіи цѣны постановляются для земледѣльцовъ, которыя они должны платить въ пеню на Князя.

Оже боудоуть холопи татьіе. Соудъ Княжь.

А оже боудоуть холопи татьіе, любо Княжи, любо боярьстии, любо черньчи; ихъ же Кнзь продажею не казнить, зане соуть несвободьни, то двоици платиті истьчю за обидоу.

О томъ, если уличатся въ воровствѣ холопы. Судъ Княжескій.

Если будутъ пойманы въ воровствѣ холопы Княжескіе, Боярскіе или монастырскіе; то Князь не взимаетъ съ нихъ пени, поелику они не свободные, но они должны платить истцу вдвое за обиду.

А оже кто скота възищеть.

А оже кто възищеть коунъ на дроузѣ, а онъ ся начнеть запирѣти, то оже нань выведеть послоуси, то ти поидоуть на ротоу, а онъ възмѣть своіе коуны; зане же не далъ іемоу за много лѣтъ, то платити іемоу за обидоу г гривны. Аже кто коупьць купцю даеть въ коупь ио коуны, или въ гостьбоу, то коупцю передъ послоуси коунъ неимати, послоуси іемоу ненадобѣ, нъ ити іемоу самомоу ротѣ, оже ся почнеть запирати.

О томъ, если кто будетъ съ другаго требовать скота (денегъ).

Если кто будетъ требовать съ другаго денегъ, и сей начнетъ запираться; то истецъ долженъ представить свидѣтелей, при коихъ онъ давалъ деньги, и когда свидѣтели въ томъ присягнутъ, то онъ беретъ съ должника свои деньги, да сверхъ того 3 гривны за обиду, причиненную ему долговременною проволочкою.

Если купецъ повѣритъ купцу свои деньги для употребленія ихъ во внутреннюю ли то, или заграничную торговлю, и должникъ начнетъ запираться: то въ такомъ случаѣ истцу нѣтъ нужды представлять свидѣтелей, но самъ отвѣтчикъ долженъ присягнуть.

О поклажаи.

Аже кто поклажаи кладетъ оукого любо, то тоу послоуха нетоутъ; нъ оже начнетъ болшимъ кльпати, томоу ити ротъ, оу кого то лъжалъ товаръ; а толко іеси оу мене положилъ, занеже іемоу бологого дѣлъ и хоронилъ товаръ (22) іего.

О поклаже.

Ежели кто отдастъ кому нибудь подъ сохраненіе свои пожитки, то въ свидѣтеляхъ нѣтъ нужды. Но если хозяинъ начнетъ большаго требовать, то принявшій вещи на сохраненіе

долженъ утвердить клятвою, что именно столько, а не болѣе дано ему подъ сохраненіе, ибо, кто беретъ подъ сохраненіе, тотъ благодѣтельствуетъ, и хранитъ имѣніе другаго.

О рѣзѣ.

Аже кто коуны даіетъ въ рѣзъ, или наставъ на медъ, или жито въ просопъ; то послоухы іемоу ставити, како ся боудетъ рядилъ, тако іемоу іемати.

О РОСТАХЪ.

Если кто отдастъ деньги въ ростъ, или медъ и жито съ уговоромъ нѣкоторой наддачи; тому въ случаѣ спора представить свидѣтелей, и согласно ихъ показанію, какая была между ими ряда, взять все съ заимобрателя.

О мѣсяцьнѣмъ рѣзѣ.

А мѣсяцьныи рѣзъ, оже за мало, то іемати іемоу; заидоутъ ли ся коуны до того же годи, то дадять іемоу коуны въ треть, а мѣсяцьны рѣзъ отгрѣноути; послоуховъ ли не боудетъ, а боудетъ коунъ г гривны, то ити іемоу про своіе коуны ротѣ; боудетъ ли боле коунъ, то рчи іемоу тако: промиловалъ іеси, оже іеси неставилъ послоуховъ.

О мѣсячномъ ростѣ.

Мѣсячные росты позволяется единственно брать за малое время. Если же заемъ растя-

нется на цѣлый годъ, то заимодавецъ беретъ уже третные росты, а мѣсячные уничтожаются. Ежели заемъ будетъ не выше трехъ гривенъ, и заимодавецъ свидѣтелей не представитъ, то въ такомъ случаѣ отдать ему на присягу; если же будетъ простираться свыше сей суммы, то сказать заимодавцу: «пропали твои деньги; за чѣмъ давалъ безъ свидѣтелей.»

А се оуставп Володимир. (²³).

А се оуставилъ Володимиръ Всеволодовичъ, по Святополце съзвавъ дроужиноу свою на Берестовомъ: Ратибора тысячького Кыіевскаго, и Прокопиіе Бѣлогородьского тысячького, Станислава Переяславьскаго тысячького, Нажира Мирослави, Иванка Чюдоновича, Ольгова моужа, и оустави люди до трьтяго рѣза, оже іемлеть въ рѣзъ коуны. Аже кто възметь два рѣза, тъ то взяти іемоу исто, паkы ли възметь три рѣзы, то иста іемоу не взяти.

Постановленіе Владимира.

По смерти Святополка-Михаила, Владиміръ Всеволодовичь собралъ въ Берестовскомъ дворцѣ дружину свою: Тысячскихъ: Ратибора Кіевскаго, Прокопія Бѣлогородскаго и Станислава Переяславскаго; Нажира Мирослава и Боярина Олегова, Іоанна Чудиновича, и, посовѣтовавшись съ ними, опредѣлилъ брать третный ростъ толь-

ко до третьяго платежа, т. е. кто возметъ съ своего должника третный ростъ, тому болѣе никакого роста не требовать, а взять только свой капиталъ; если жъ заимодавецъ возметъ три раза третные росты, то онъ лишается своего капитала.

О рѣзѣ.

Аже кто ісмлеть по і коунъ отъ лѣта на гривноу, то того не отметати.

О р о с т ѣ.

Если кто беретъ по 10 кунъ съ гривны на годъ, то таковыхъ ростовъ взимать не воспрещается.

О закупѣ.

Аже закоупъ бѣжитъ от господы, то обѣлъ; идетъ искать коунъ, а явлено ходить; или къ Князю, или къ соудиямъ бѣжитъ, обиды дѣля своіего господина, нъ про то не роботять іего, нъ дати іемоу правдоу.

О н а е м н и к ѣ.

Ежели на время закабаленный человѣкъ уйдетъ отъ своего господина, то онъ чрезъ то дѣлается полнымъ крѣпостнымъ холопомъ. Если же онъ отлучался для взысканія долга, или открыто ходилъ къ Князю, или судьямъ для прошенія на своего господина въ обидѣ, то не обращать его въ рабство, но дать ему расправу.

О послоушьствѣ.

На послоушьство холопа не скадаютъ, но оже не боудеть свободьнааго, то по ноужи ти сложити на боярьскаго Тиоуна, а на инъхъ не складывати.

О свидѣтельствѣ.

Раба въ свидѣтели не призывать; но если не случится свободнаго гражданина, то по нуждѣ можно сослаться на Боярскаго Тіуна, но ни на кого болѣе.

О бородѣ.

А въ малѣ тяжіе поуже сложити на закоупа. А кто поръвѣтъ бородоу, а выимѣть знаменьіе, а вылѣзоутъ людьіе, то ві гривнѣ продаже; аже безъ людии, а въ поклепе, то нѣтоу продаже.

О бородѣ.

Но въ маломъ искѣ дозволено сослаться и на закабаленнаго слугу.

Если кто вырветъ у кого клокъ бороды, такъ что вырванное мѣсто будетъ примѣтно, и если свидѣтели то подтвердятъ, то взыскать съ обидчика 12 гривенъ пени; но если очевидцевъ нѣтъ, которые бы утвердили истину жалобы, то пени съ отвѣтчика не взыскивать.

О зубѣ.

Оже выбьютъ зоубъ, а кръвь оувидять оу него въ ртѣ, а люді вылѣзоуть, то ві гривнѣ продаже, а за зоубъ гривна.

О зубѣ.

Если кто у кого выбьетъ зубъ, такъ, что кровь будетъ видна во рту, и если это будетъ подтверждено очевидцами, то взыскать съ обидчика въ казну 12 гривенъ пени, да обиженному за зубъ гривну.

О бѣрти.

Аже оукрадетъ кто бортъ, то ві *гривнѣ продаже. Аже боудетъ росѣчена земля, или на земли знаменіе, имьже ловлено, чли сѣть, то по вѣрві искати въ собѣ татя, любо платіти продажю.*

Аже разнаменаіеть бѣрть, то ві *гривнѣ. Аже межю перетнеть борътьноую, или ролѣиноую розореть, или дворноую тыноль перегородить, то* ві *гривнѣ продаже. Оже доубъ перетнеть знаменныи или межьныи, то* ві *гривнѣ продаже.*

О борти.

Кто украдетъ бортъ, съ того взыскать 12 гривенъ. Если земля будетъ разрыта, или на землѣ будутъ оставлены признаки ловли, или сѣти; то округа обязана искать у себя вора, или платить пеню.

Кто стешетъ бортные знаки, срубитъ бортную грань или дубъ, или межевый столбъ, или запашетъ межу полевую, или перегородитъ дворовую, съ того взять въ Казну 12 гривенъ пени.

А се наклади.

А се наклади вi грiвноу, отрокоу двѣ гривнѣ и к коунъ, а самомоу iехати съ отрокомъ на двоу коню, соути же на ротъ овьсъ, а мясо дати овънъ или полъть, а инемь кормомъ, что има чрево възметъ. Пiсчю i коунъ, перекладнаго е коунъ, а за мѣхъ двѣ ногатѣ.

Определенiе накладовъ.

Слѣдующiе наклады или прибавки постановляются къ 12 гривнамъ: отроку брать 2 гривны и 20 кунъ; судьѣ съ отрокомъ ѣхать на двухъ лошадяхъ, и брать на нихъ овса, сколько онѣ могутъ съѣсть; въ пищу себѣ получать изъ мяснаго: барана или полоть ветчины, и изъ другихъ харчей, сколько двое съѣдятъ. Писцу давать 10 кунъ, перекладнаго 5 кунъ, да за мѣхъ 2 ногаты.

О женѣ.

Оже кто оубьiеть женоу, то тѣмьже судомъ соудити, якоже и моужа; оже боудеть виноватъ, то полъвиры, к гривенъ. А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтоуть, нъ оже боудеть без вины оубьiенъ, за холопъ оурокъ заплатити, или за рабоу, а Князю вi гривнѣ продаже.

О женѣ.

Кто убьетъ жену, тотъ подлежитъ суду наравнѣ съ мужеубiйцею; но если она въ самомъ дѣлѣ была виновата, то взыскать съ убiйцы

полвиры, то есть, 20 гривенъ. За раба и рабыню виры не полагается; но кто убилъ ихъ безвинно, долженъ заплатить господину какъ за раба, такъ и за рабу урокъ или цѣну убитаго, да Князю 12 гривенъ пени.

О заднице.

Аже оумреть смердъ, то задница Князю; аже боудоуть дъчери оу него дома, то даяти часть на нѣ; аже боудоуть за моужемъ, то не дати имъ части.

О наслѣдствѣ.

Когда простолюдинъ умретъ бездѣтенъ, то имѣніе его поступаетъ къ Князю; буде остались дочери не замужнія, то выдѣлить на нихъ нѣкоторую часть; если же будутъ за мужемъ, то не имѣютъ ни малѣйшей доли въ наслѣдствѣ.

О задницѣ боярьстѣи и о дружиннѣ.

Аже въ боярѣхъ, или въ дроужиннѣ, то за Князя задница не идетъ; нъ оже не боудеть сыновъ, а дъчери възмоутъ. Аже кто оумирая роздѣлить домъ, на томъже стояти; пакыли без рядоу оумреть, тъ все дѣтемъ, а на самого часть дати души. Аже жена сядеть по моужи, то оу своихъ дѣтеі взять часть, а что на ню моужь възложить, тъ томоу госпожа іесть, а задница іеи моужня ненадобѣ. Боудоуть ли дѣти, то что пьрвои жены, тъ

то възмоуть дѣті матери своіеи, любо си на женоу възложилъ боудеть; обаче матери своіеи възмоуть. Оже боудеть сестра въ домy, тъ то задница ненадобѣ, нъ отдать ю за моужъ братья, како си могоуть.

О наслѣдствѣ послѣ Бояръ и дружины.

Но имѣніе послѣ Бояръ или дружины не можетъ поступать на Князя; если они не оставили послѣ себя сыновей, то дочери имѣніе ихъ получаютъ.

Если кто, умирая, раздѣлитъ имѣніе свое, то воля его остается непремѣнною; если же умретъ безъ завѣщанія, въ такомъ случаѣ отдать все дѣтямъ, съ исключеніемъ часть на поминъ души. Если жена захочетъ остаться вдовою по смерти мужа, то взять ей часть изъ наслѣдства, поступающаго къ ея дѣтямъ; но что далъ ей мужъ при жизни, то остается неотъемлемо въ ея владѣніи; на имѣніе, оставшееся послѣ мужа, вообще она не имѣетъ никакого права. Дѣти первой жены наслѣдуютъ ея имѣніе, или вѣно назначенное отцемъ для ихъ матери. Если останется сестра въ дому, то она не имѣетъ доли въ наслѣдствѣ; но она получаетъ приданое отъ своихъ братьевъ, по возможности, при поступленіи въ замужство.

А се о женѣ, оже вържеться сѣдѣти по мужи.

А іеже жена вържеться сѣдѣти по моужи,

а растеряіеть добытокъ, и поидеть за моужь, то платити іеи всѣ дѣтемъ; не хотѣти ли іеи дѣти начноуть ни на дворѣ, а она начьнеть хотѣти всяко и сѣдѣти, то творити іеи всякоу волю, а дѣтемъ не дати воле. ***Нъ*** *что іеи далъ моужь, съ тѣмьже іеи сидѣти, или свою часть въземьши сѣдить же, а матерня часть дѣтемъ не надобѣ; нъ комоу мати дасть, томоуже взяти; дасть ли всѣмъ, то все раздѣлять; безъ языка ли оумреть, то оу кого боудеть на дворе была, и кто ю кърмилъ, то томоу взяти. Аже боудоуть двоіе моужіе дѣти, а одинои матери, а онемь своіего. Боудеть ли потерялъ своіего иночима что, а онѣхъ отца, а оумреть, то възворотять братьи, нань же и людьіе вылѣзуть, что боудеть отець іего истерялъ иночимля, что іемоу своіего отца, то држать. А матери которыи сынъ боудеть добръ, томоуже дасть своіе; аче вси боудоуть іеи сынови лиси, а дъчери можеть дати, кто ю кърмить.*

О томъ, если жена обречется пребыть вдовою по смерти мужа.

Если жена, обрекшись сидѣть во вдовствѣ по смерти мужа, проживетъ имѣніе и вступитъ въ брачный союзъ, то обязана возвратить дѣтямъ все прожитое. Если же она, оставаясь вдовою, захочетъ жить въ одномъ домѣ съ своими дѣтьми, а дѣти не захотятъ того; то въ

семъ случаѣ удовлетворять волѣ матери, а не дѣтей, и что далъ ей мужъ, или что слѣдовало получить ей на свою часть изъ имущества, оставшагося послѣ мужа, то составляетъ ея достояніе, на которое дѣти не могутъ имѣть никакого притязанія; по кому его назначитъ, тому и взять; назначитъ всѣмъ,—то и раздѣлить между всѣми; если жъ умретъ безъ языка, то, у кого она жила и кто ее содержалъ, тому и взять ея достояніе.

Если будутъ дѣти разныхъ отцевъ, но одной матери, то каждый сынъ беретъ отцовское. Если второй мужъ растратилъ имѣніе своего пасынка, поступившее къ нему отъ роднаго отца, и умеръ, то дѣти сего расточителя должны возвратить оное единоутробному своему брату, согласно съ показаніемъ свидѣтелей; онъ долженъ непремѣнно получить отцовское имѣніе. Что касается до матери въ семъ случаѣ, то она отдаетъ имѣніе тому сыну, который былъ добрѣе, не разбирая того, съ которымъ мужемъ прижитъ ею; если сыновья всѣ были злы, то она въ правѣ отдать имѣніе и дочери, которая ее содержитъ.

А се оурочи судебнии.

А се оурочи соудебнии: от виры ѳ коунъ, а Мятелникоу ѳ вѣкошь; а от бортьнои земли л коунъ ([21])*; а онѣхъ всѣхъ тяжь комоу помогоуть по д куны, а Метелникоу 6 вѣкошь.*

Пошлины судебныя.

Слѣдующія пошлины опредѣляются съ судовъ: изъ виры судьѣ 9 кунъ, помощнику 9 векшъ; съ бортной земли 30 кунъ, а во всѣхъ прочихъ тяжбахъ съ того, кого оправдаютъ, судьѣ брать по 4 куны, а помощнику 6 векшъ.

О задницѣ.

Аже братья ростяжются передъ Княземъ о задницю, то который Дѣцкый идетъ имъ дѣлитъ, то томоу взяти гривна коунъ.

О наслѣдствѣ.

Если братья станутъ между собою тягаться о наслѣдіи предъ Княземъ, то Дьякъ, посланный для ихъ раздѣла, получаетъ гривну кунъ за трудъ.

Оуроци ротнии.

А се оуроци ротнии: от головы л коунъ, а от бортьнои земли л коунъ бес треи коунъ; такоже и от ролеинои земли и от свободы ѳ кунъ.

Пошлины присяжныя.

Слѣдующія пошлины опредѣляются съ дѣлъ, присягою рѣшаемыхъ: отъ уголовнаго суда 30 кунъ, съ тяжбы въ бортной и пахатной земли 27 кунъ; по дѣламъ вольноотпущенныхъ 9 кунъ.

А се о коупци, оже истопиться.

Аже который коупьць, шедъ кдѣ любо съ чоужими коунами и истопиться, любо рать възметь, любо огнь; то не насилити іемоу, ни продати іего, нъ како почнеть отъ лѣта платити, такоже платить, за неже пагоуба отъ Бога іесть, а невиноватъ іесть. Ожели пропьіеться или пробиіеться, въ безоумии чюжь товаръ испорътить, то како любо тѣмъ, чьіе то коуны: ждоуть ли іемоу, а своя имъ воля, или продадять ли, своя имъ воля.

О купцѣ, претерпѣвшемъ кораблекрушеніе.

Если какой нибудь купецъ, взявъ чужіе товары или деньги, потерпитъ кораблекрушеніе, или подвергнется пожару или будетъ ограбленъ непріятелемъ, то вѣритель не въ правѣ сдѣлать ему какое нибудь насиліе, или продать его въ рабство, но долженъ позволить ему разсрочку платежа погодно; ибо онъ невиноватъ въ несчастной утратѣ товара; власть Божія. Но если купецъ ввѣренный ему товаръ или пропьетъ, или промотаетъ или испортитъ отъ небреженія, то онъ отдается въ полную волю вѣрителей; хотятъ ждутъ, хотятъ продадутъ въ рабство, ихъ воля.

О долзѣ.

Аже кто многымъ долженъ боудеть, а пришедъ гость изъ иного города, или чюжеземьць,

а не вѣдал запоустить зань товаръ, а опять начнеть не дати гости коунъ іемоу, а първш дължьбити начьноуть іемоу запинати, не дадоуче іемоу коунъ, то вести и на торгъ и продати и; отдати же първые гостины коуны, а домашьнымъ что ся состанеть коунъ, тѣмьже ся подѣлять; пакыже ли боудоуть Княже коуны переже взяти, а прокъ въ дѣлъ. Аже кто много реза ималъ, то томоу не имати.

О долгахъ.

Если кто многимъ долженъ, а купецъ, пріѣхавшій изъ другаго города, или изъ другой земли, не зная про то, повѣритъ ему товаръ свой, и онъ окажется послѣ не въ состояніи заплатить сему вѣрителю за товаръ, по причинѣ требованій со стороны первыхъ заимодавцевъ; въ такомъ случаѣ вести должника на торгъ и продать, и удовлетворить напередъ требованіямъ гостя, а остальное раздѣлить между прочими заимодавцами. Также, если онъ долженъ будетъ въ Казну, то очистить напередъ Казенныя требованія, а потомъ уже и требованія другихъ вѣрителей: но если кто изъ нихъ взялъ уже много ростовъ, тотъ лишается своихъ денегъ.

О закоупѣ.

Оже ролѣиный закупъ оу господина боудеть, а погоубить воискыи конь, то не платіти

іемоу; нъ іеже далъ іемоу господинъ плоугъ и бороноу, от негоже ковоу іемлеть, тъ то погоубивъши іемоу платити. Ожели господинъ отслеть іего но своіе ороудьіе, а погынеть безъ него, того іемоу не платити.

О наемникѣ.

Если у господина будетъ наемный земледѣлецъ, и потеряетъ собственную лошадь, то ему не за что отвѣтствовать, а ежели утратитъ плугъ и борону, данныя ему господиномъ, отъ котораго онъ получаетъ плату, то онъ долженъ за сію потерю заплатить господину. Если же сіи вещи пропали въ его отсутствіе, когда онъ посланъ былъ за господскимъ дѣломъ, то въ семъ случаѣ наемникъ не обязанъ платить.

О закоупѣ.

Оже изъ хлѣва выведоуть, то закоупоу того не платити: нъ оже погоубить на поли, и въ дворъ не въженеть, и не затворить, кдѣ іемоу господинъ велитъ; или орудия своя дѣля, а того погоубить, то то іемоу платити.

Аже господинъ переобидить закоупа, а оувѣдить враждоу іего, или отарицю, то то іемоу воротити, а за обидоу платити іемоу 60 коунъ; паки ли приимсть на немь коунъ, то опять іемоу воротіти коуны, что боудеть приялъ, а за обидоу платити іемоу г *гривнѣ продаже. Продасть ли господинъ закоупа обьль, то наимстоу свобода въ всехъ коунахъ, а гос-*

подиноу платити за обидоу ві *гривнъ продаже. Аже господинъ бьетъ закоупа про дъло, то без вины іесть; бьетъ ли не смысля пьянъ безъ вины, то якоже и въ свободнемь платежь, такоже и въ закоупъ.*

О наемникѣ же.

Наемникъ не отвѣтствуетъ за скотину, уведенную изъ хлѣва; но когда растеряетъ ее въ полѣ, или не загонитъ на дворъ, или не затворитъ въ хлѣвѣ, вопреки приказанію своего господина, или утратитъ ее за своимъ дѣломъ, то наемникъ подлежитъ отвѣтственности.

Если господинъ обидитъ наемнаго слугу; откроетъ противу него какое нибудь не справедливое требованіе, и, подъ предлогомъ удовлетворенія оному, не выдастъ ему полнаго жалованья: то господинъ долженъ возвратить ему удержанную цѣну; да кромѣ сего заплатить ему за обиду 7 кунъ пени. Равнымъ образомъ, когда господинъ возметъ и станетъ удерживать деньги наемника, то взятыя деньги возвратить, да за обиду заплатить ему 3 гривны пени. Ежели господинъ продастъ вольнаго слугу за холопа, то слуга очищаетъ весь свой долгъ, за который онъ закабалилъ себя, а продавецъ вноситъ въ Казну 12 гривенъ пени. Если господинъ бьетъ слугу за дѣло, то въ семъ вины нѣтъ; если же бьетъ его въ пьянствѣ и безъ всякой вины, то платитъ ему какъ свободному.

О холопѣ.

Аже холопъ обѣльныи выведеть конь чии любо, то плати зань в гривнѣ.

О холопѣ.

Ежели чей крѣпостной холопъ уведетъ лошадь, то платитъ за то 2 гривны.

О закупѣ.

О закоупѣ. — Оже оувѣдеть что, то господинъ въ томь (25), *нъ оже индѣ налѣзоуть, то заплатить переднии господинъ іего, конь, или ино что боудеть взялъ, іемоу холопъ обьльныи; пакыли господинъ не хотѣти начнеть платити зань, а продасть и, отдасть же переди или за конь, или за волъ, или за товаръ что боудеть чюжего взялъ, а прокъ іемоу самомоу взяти собѣ.*

О наемникѣ.

Если наемникъ украдетъ что нибудь, то господинъ не отвѣтствуетъ; но если онъ будетъ пойманъ, то господину отдается на волю, хочетъ ли онъ заплатить извѣстную сумму за учиненную слугою его покражу, на пр. лошади, или какого нибудь другаго предмета, и въ такомъ случаѣ наемникъ дѣлается полнымъ его холопомъ; если же господинъ не захочетъ платить за него, то долженъ продать его и изъ вырученныхъ денегъ заплатить за покраденное имъ, лошадь ли то будетъ, или быкъ, или товаръ,

или другое что имъ унесенное, а что останется за уплатою, то взять себѣ.

А се оже холопъ оударить.

Аже холопъ оударить свободна моужа, а оубѣжить въ хоромъ, а господинъ іего невыдасть, то платиті занъ господиноу ві *гривнѣ; а за тѣмъ аче кдѣ налѣзѣть оудареныи тъ своіего истьча, ктоже іего оударилъ, то Ярославъ былъ и оуставилъ и оубити; нъ сынове іего оуставиша по отци на коуны, любо и бити розвязавше, или взяти гривна кунъ за соромъ* (26).

О томъ, если холопъ ударитъ.

Если холопъ ударитъ свободнаго человѣка, и скроется въ дому, а господинъ не выдастъ его, то платить за него господину 12 гривенъ. Но если послѣ сего ударенный наткнется гдѣ нибудь на своего обидчика, который ударилъ его, то Ярославъ опредѣлилъ было убивать его, но дѣти Ярославовы, отмѣнивъ сію казнь, дали истцу одно право бить, развязавъ, виновнаго холопа, или взять за безчестіе гривну кунъ.

А се о борти.

Аже борть подътнеть, то г *гривне продаже, а за дерево полгривнѣ. Аже бчелы выдереть, то* г *гривне продаже, а за медъ, оже боудоуть бчелы нелажены, то* і *коунъ; боудеть ли олекъ, то* е *коунъ; не боудеть ли тятл,*

то по слѣдоу женоутъ. Аже не боудетъ слѣда или къ селоу, или к товароу; а не отсочатъ от себе слѣда, ни іедоутъ на слѣдъ, или отобиються, тѣ тѣмъ платити татьбоу и продажю. А слѣдъ гнати съ чюжими людьми, а с послоухы; оже погоубятъ слѣдъ на гостинци на велицѣ (²¹), а села не боудетъ, или на поусте, кдѣже не боудетъ ни села ни людии, то не платити ни продаже ні татьбы.

О борти.

Кто срубитъ бортъ, платитъ 3 гривны пени въ Казну, за дерево хозяину полгривны; за выдраніе пчелъ 3 гривны, а хозяину, буде медъ еще не былъ вынутъ, 10 кунъ, буде же уже вынутъ, 5 кунъ. Если тать скроется, должно искать его по слѣду. Если слѣдъ приведетъ къ селу, или къ какому либо имѣнію, и если жители или хозяева не отведутъ отъ себя слѣда, не пойдутъ на слѣдъ и станутъ отбиваться; то платить имъ за покраденное съ пенею. А слѣдить надлежитъ съ чужими людьми и свидѣтелями. Но буде слѣдъ кончится у гостинницы, при коей не будетъ никакого селенія, или на пустомъ, незастроенномъ и безлюдномъ мѣстѣ, то не платить ни пени, ни цѣны украденнаго.

О смѣрдѣ.

Оже смердъ моучитъ смърда безъ Княжя слова, то г гривне продаже, а за моуку гривна коунъ. Аже огнащанина моучитъ, то ві гривне

продаже, а за моуку гривна. Аже лодью оукрадеть, то 6 коунъ продаже, а лодию лицемъ воротити; а за морьскоую лодью г гривны, а за набоиноую в гривне, а за челнъ и коунъ, а за строугъ гривна.

О простолюдинѣ.

Ежели простолюдинъ чинитъ истязаніе простолюдину безъ Княжескаго повелѣнія, то 3 гривны пени въ Казну, да гривна битому за муку. За истязаніе же Огнищанина 12 гривенъ пени, и гривна кунъ самому битому. Если кто украдетъ ладію, то 6 кунъ пени, предполагая, что она будетъ возвращена хозяину лицемъ; если же ладіи нѣтъ въ наличности, то пени полагается: за морскую ладію 3 гривны, за набойную 2, за челнъ 8 кунъ, за стругъ гривна.

О перевесехъ.

Аже перетнеть вървь въ перевесть; то г гривне продаже, а за вървь гривна кунъ. Аже кто оукрадеть въ чеіеи перевесе песъ или соколъ, или ястрябъ, то продаже г гривны, а господиноу гривна; а за голоубь о коунъ, а за коуря о коунъ, а за оутовь л коунъ, а за гоусь л коунъ, а за лебедь л коунъ, а за жеравь л коунъ А в сенѣ и въ дробѣхъ ѳ кунъ, а господиноу колико боудеть возъ оукрадено, то имати іемоу по в ногатѣ за возъ.

О перевѣсахъ.

Если кто перерубитъ веревку въ перевѣсѣ, то 3 гривны пени въ Казну, да за веревку птицелову гривну. Кто украдетъ въ чьемъ нибудь перевѣсѣ собаку, сокола или ястреба, платитъ пени 3 гривны, да хозяину гривну; за голубя 9 кунъ, за куропатку то же, за утку, гуся, лебедя и журавля 30 кунъ. За покражу сѣна и дровъ 9 кунъ въ Казну, а хозяину за каждый украденный возъ по двѣ ногаты.

О гоумнѣ.

Аже зажъжетъ гоумно, то на потокъ и на разграбежь домъ іего, переди пагоубоу исплатитъ, а въ прочи Князю поточити и. Такоже оже кто дворъ зажъжетъ. А кто пакощами порежетъ конь или скотиноу, то продаже ві *гривне, а за пагоубоу гривноу оурокъ платити.*

Ты тяже все соудятъ послоухы свободьными; боудетъ ли послоухъ холопъ, то холопоу на правдоу не вылазіти. Нъ оже хочетъ истьчь, или иметъ и, а река тако: по сего речи іемлю тя, нъ азъ іемлю тя, а не холопъ, и іемете и на железо. Аже обинитъ и, іемьлетъ на немь своіе; не обинитъ ли іего, а платити іемоу гривноу за моукоу, за похолопьи речи ялъ и, а железнаго платити м *коунъ, а Мечникоу* е *коунъ, а полъгривне Дѣтьчьскомоу: то ти железныи оурокъ, кто си въ чемь іемлетъ. Оже иметъ на железо по свободьныхъ людии*

речи, любо запа нань боудеть, любо прохожениіе ночноіе, или кылмь любо образомь, аже не сожьжеться, то про моукы не платити іемоу, нъ одино железноіе, кто будеть ялъ.

О гумнѣ.

Зажигатель гумна выдается головою Князю со всѣмъ имѣніемъ, изъ коего напередъ вознаграждается убытокъ хозяина, а остальнымъ располагаетъ по своей волѣ Князь. Также поступать и съ зажигателемъ двора.

Если кто по злобѣ зарѣжетъ чужаго коня или другую скотину, тотъ платитъ въ Казну 12 гривенъ пени, да хозяину за причиненный ущербъ гривну.

Всѣ изложенныя доселѣ тяжбы разбираются и рѣшатся по свидѣтельствамъ свободныхъ людей. Если же случится быть свидѣтелемъ холопу, то онъ не можетъ быть представленъ къ суду. Но истецъ, если хочетъ, можетъ воспользоваться свидѣтельствомъ раба и, сказавъ отвѣтчику: «я требую тебя къ суду по поводу свидѣтельства сего раба, впрочемъ отъ своего собственнаго лица, а не единственно по рѣчамъ холопьимъ» можетъ требовать отъ отвѣтчика, чтобы оправдался испытаніемъ желѣза. Если послѣдній окажется виновнымъ, то платитъ искъ; если же явится невиновнымъ, то истецъ даетъ ему за муку гривну, (послику вызвалъ его на испытаніе по поводу холопьихъ

рѣчей) пошлины желѣзной 40 кунъ, Мечнику 5 кунъ, Княжескому отроку полгривны; это называется желѣзною пошлиною, взимаемою по случаю такихъ вызововъ на испытаніе желѣзомъ. Если же истецъ вызоветъ кого на желѣзо по показанію свободныхъ людей, основывающемуся на одномъ подозрѣніи, какъ на прим. на томъ, что видѣли обвиняемаго проходящимъ ночью, или на другомъ какомъ нибудь сомнительномъ дѣйствіи, то отвѣтчикъ, оправдавъ себя невреждені емъ отъ желѣза, не беретъ ничего съ истца за муку, который платитъ только желѣзное въ Казну.

А се закладаюче городъ.

А се оурочи городникоу: закладаюче городьня, коуна взяти, а кончивше ногата; а за кормъ, и за вологу, и за мяса, и за рыбы, 7 коунъ на недѣлю, 7 хлѣбовъ, 7 оубороковъ пшена, 7 лоуконъ овса на д кони; имати же ѥмоу, донелѣ городъ сърoубять, а солодоу дадять ѥмоу одиноу 1. лоуконъ.

Пошлины для строителей городскихъ стѣнъ.

Слѣдующія пошлины опредѣляются для строителя города: при основаніи стѣны брать куну, да по окончаніи ногату; на пищу и на питье, на мясо и рыбу полагается 7 кунъ въ недѣлю, 7 хлѣбовъ, 7 уборсковъ пшена; 7 четвериковъ овса на 4 лошади; что и получать

ему, пока не будетъ городъ срубленъ; солоду давать ему на все время 10 четвериковъ.

А се оуроци мостьникоу.

А се мостьникоу оуроци: помостивъше мостъ взяти от 1. локотъ по ногатѣ. Аже починитъ моста ветхаго, то колико городень починить, то взяти іемоу по коунѣ от городне; а мостьникоу іехати самомоу съ отрокомъ на дву коню, взяти д. лоукна овса на недѣлю, а ѣсти что мюжета.

Пошлины для строителей мостовъ.

Слѣдующія пошлины назначаются для строителя моста: по построеніи новаго моста, брать съ 10 локтей по ногатѣ. Еслижъ будетъ починенъ только старый мостъ, то, сколько рѣжей будетъ починено, брать со всякаго по кунѣ. Сверхъ того давать ему съ помощникомъ двѣ лошади, на коихъ брать имъ по 4 четверика на недѣлю; на пищу себѣ, сколько съѣсть могутъ.

О задницѣ.

Аже боудоуть робьіе дѣти оу моужа, то задницѣ имъ не имати, нъ свобода имъ съ матерью. Аже боудоуть въ домоу дѣти малы, а не джи ся боудоуть сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за моужъ, то токлю имъ ближеи боудоуть, томоуже дати на роуцѣ, и съ добыткомъ и съ домомъ, донелѣже

възмогоуть. А товаръ дати передъ людьми, а что сърѣзить товаромь тѣмь ли пригостить, то то іемоу собѣ, а истыи товаръ воротить имъ, а прикоупъ іемоу собѣ, зане кърмилъ и печаловался. Аже от челяди плъдъ, или отъ скота, то то поимати лицемь, что поималъ боудеть; или истерялъ, то то іемоу все платити дѣтѣмъ тѣмъ. Ачеже и отьцимъ приметь дѣти съ задьницею, то такожe іесть рядъ, а дворъ безъ дѣла отьнь всяко меньшемоу сынови.

О наслѣдствѣ.

Дѣти, прижитыя съ рабою, не имѣютъ участія въ наслѣдіи, но получаютъ свободу и съ матерію.

Если останутся въ дому дѣти малолѣтныя, которыя не въ состояніи еще пещись о себѣ, а мать выдетъ за-мужъ, то отдать ихъ при свидѣтеляхъ на руки ближайшему родственнику вмѣстѣ съ имуществомъ и домомъ; и что опекунъ присокупитъ къ имѣнію, отдавая его въ ростъ или пуская въ торговые обороты, то возметъ себѣ за трудъ и попеченіе, употребленныя имъ на питомцевъ, но самый капиталъ долженъ имъ возвратить; приплодъ же отъ рабовъ и отъ скота остается въ пользу дѣтей, которые получаютъ его лицемъ отъ опекуна. Если опекунъ утратитъ что нибудь изъ принятаго имъ имѣнія, то онъ обязанъ за все то заплатить дѣтямъ.

Если и отчимъ возметъ дѣтей вмѣстѣ съ имуществомъ подъ свою опеку, то при возвращеніи имѣнія поступать на тѣхъ же основаніяхъ, но дворъ отеческій всегда поступаетъ къ меньшему сыну.

О холопьствѣ.

Холопьство обьлное троіе. Оже коупитъ, хотя и до полоугривны; а послоухы поставятъ, а ногатоу дастъ передъ самѣмъ холопомъ. А второіе холопьство: поиметъ робоу безъ рядоу; поиметъ ли ся съ рядомъ, то како боудетъ ся рядилъ, на томъже стоитъ. А се третьіеіе холопьство: тиоуньство без рядоу, или привяжетъ къ собѣ ключь без дрядоу, или с рядомъ, то како ся боудетъ рядилъ, на томъже стоитъ.

(28) *Даче не холопъ, ни по хлѣбе работятъ, ни по придатъцѣ, нъ оже не доходятъ года, то ворочати іемоу милость; отходитъ ли, то не виноватъ іесть. Аже холопъ бѣжитъ, а заповѣстъ господинъ; оже слышавъ кто, имъ знал и вѣдал оже іесть холопъ, и дасть іемоу хлѣба, или скажетъ іемоу поуть, то платити іемоу за холопъ е гривенъ, а за робоу б гривенъ. Аже кто переиметъ чюжь холопъ, и дастъ вѣстъ господиноу іего, то имати іемоу переіемъ гривна коунъ; не оублюдетъ ли, то платити іемоу д. гривнѣ, а пятая іемоу переима; оже боудетъ роба, тъ е. гривенъ, а шестая на переімъ отходитъ. Аже кто своего холопа самъ досочиться въ чиіемъ любо родѣ,*

а боудеть посадникъ не вѣдалъ іего, то повѣдавше іемоу пояти оу него отрокъ, и шедъши оувязати и, и дати іемоу вязебное i. коунъ, а переима нѣтоуть. Аче оупоустить, собѣ іемоу пагоуба, а не платить в то никтоже, тѣмьже и переима нѣтоуть. Аже кто не вѣдая чюжь холопъ оусрячеть, или вѣсти дѣіеть, любо дьржить оу себе, идеть от него; то ити іемоу ротѣ, яко не вѣдалъ іесмь, оже іесть холопъ, а платежа въ томь нѣтоуть. Ачеже холопъ кдѣ коуны вложить, а онъ не вѣдая вдалъ, то господиноу выкоупати, или лишитися іего; вѣдая ли боудеть далъ, то коунъ іемоу лишитися. Аже кто поустить холопа въ торгъ, а одолжаіеть, то выкоупати іего господиноу, а не лишиться іего. Аже кто крьнеть чюжь холопъ не вѣдая, то пьрвомоу господиноу холопъ пояти, а ономоу коуны имати ротѣ ходивше, яко не вѣдая іесмь коупилъ . . . , (29) *господиноу же и товаръ, а не лишатися іего. Аже кто бѣжа, а поіемлеть что соусѣдне, или товаръ, то господиноу платити зань оурокъ, что боудеть взялъ. Аже холопъ крадеть кого любо, то господиноу выкоупати и, любо выдати и, съ кымь боудеть кралъ, а женѣ и дѣтемъ не надобѣ; а оже боудоуть с нимь крали и хоронили, то всехъ выдати; пакы ли а выкоупаіеть господинъ; аже боудоуть свободнии съ нимь крали или хоронили, то Князю въ продаже.*

О крѣпостномъ состояніи.

Холопство полное есть трехъ родовъ: первое, когда кто купитъ человѣка, хотя бы и за полгривны, поставитъ свидѣтелей, и отдастъ деньги при самомъ холопѣ; второе, когда кто женится на рабѣ безъ всякаго условія; если же сдѣлано будетъ при семъ условіе, то онъ остается на тѣхъ правахъ, какъ было условлено; третіе, когда кто безъ условія же пойдетъ въ слуги или въ ключники; если же было учинено условіе, то какъ условливался, такъ при томъ и оставаться.

Ни дача заработной платы, ни содержаніе, ни снабженіе домашнимъ обиходомъ не дѣлаютъ никого холопомъ; и ежели кто изъ таковыхъ наемниковъ, не дослуживъ года, захочетъ отойти прочь, то ему не возбраняется; только долженъ онъ въ такомъ случаѣ возвратить господину не заработанныя деньги.

Ежели холопъ бѣжитъ, и господинъ о побѣгѣ его заявитъ, и если кто слышавъ сію явку, или зная, что холопъ бѣглой, дастъ ему хлѣба или укажетъ дорогу, тотъ платитъ господину за холопа 5 гривенъ, а за рабу 6.

Если кто переиметъ чужаго холопа, и дастъ о томъ знать господину, то взять ему за переемъ гривну кунъ. Если же, поймавъ бѣглеца, не устережетъ его, то платитъ господину за холопа 4 гривны, а за рабу 5 гривенъ; въ пер-

вомъ случаѣ пятая, а во второмъ шестая уступается ему за то, что онъ поймалъ бѣглаго.

Если кто самъ дознается, что холопъ его находится въ извѣстномъ городѣ, а между тѣмъ Посадникъ не знаетъ о томъ, то, донесши о томъ Посаднику, онъ имѣетъ право вытребовать у него Отрока, дабы вмѣстѣ съ нимъ связать бѣглеца; за каковое содѣйствіе и даетъ ему 10 кунъ, но за переемъ не платитъ ничего. Но если преслѣдователь упуститъ раба, то жаловаться на себя самого; почему, какъ ему никто не платитъ за упущеніе бѣглеца, такъ и онъ никому не даетъ за переемъ его.

Если кто по невѣдѣнію встрѣтитъ чужаго холопа, подастъ ему вѣсть, или станетъ держать его у себя и бѣглецъ сойдетъ отъ него; то, буде онъ присягнетъ, что по невѣдѣнію поступалъ такимъ образомъ съ бѣглецомъ, освобождается отъ всякаго взысканія.

Если холопъ обманомъ испроситъ у кого деньги подъ именемъ вольнаго человѣка, то господинъ его долженъ или заплатить или отступится отъ него; но если вѣритель, зная, что онъ холопъ, далъ ему деньги, то лишается своихъ денегъ.

Если кто дозволитъ своему холопу торговать и холопъ тотъ одолжаетъ, то господинъ обязанъ платить за него долги, но не властенъ отъ него отступиться.

Если кто возметъ чужаго холопа въ кабалу,

не зная между тѣмъ, что онъ прежде уже закабалилъ себя другому, то первый господинъ беретъ своего холопа обратно, а послѣдній, буде присягнетъ, что купилъ его по невѣдѣнію, получаетъ свои деньги; если же откроется, что купилъ его за-вѣдомо; то лишается своихъ денегъ, данныхъ имъ холопу. Ежели холопъ, будучи въ бѣгахъ, пріобрѣтетъ себѣ имѣніе, то какъ долгъ за холопа оплачиваетъ господинъ, такъ и приобрѣтеніе, сдѣланное имъ, принадлежитъ господину вмѣстѣ съ лицемъ раба. Ежели холопъ, бѣжавъ, снесетъ съ собою что либо изъ принадлежащаго сосѣду, то господинъ обязанъ заплатить за снесенное имъ по надлежащей цѣнѣ.

Ежели холопъ обокралъ кого нибудь, то господинъ обязанъ или заплатить за него, или выдать его головою, вмѣстѣ съ другими участниками воровства, бывшими при самомъ дѣлѣ, или хоронившими краденное, кромѣ ихъ женъ и дѣтей. Если же откроется, что принимали участіе въ покражѣ свободные люди; то съ таковыхъ взять узаконенную пеню въ казну.

(1) Въ *Указатель Россійскихъ Законовъ* . . . . изданномъ Л. Максимовичемъ, I, Москва, 1803, стр. 1—26 повторенъ только текстъ Болтина, коему слѣдуетъ и Prawda Ruska . . . przez J. B. Rakowieckiego, II T. w Warszawie, 1820—1822.

(2) Очевидно описка; правильнѣйшее чтеніе есть, вмѣсто: *братню, сестрину сынови*, какъ стоитъ въ другихъ спискахъ. См. выше Гл. третію, стат. I. стр. 309.

(3) *Княжь моужь*, какъ видно, здѣсь поставлено вмѣсто: *Огнищанинъ* и, слѣдовательно, означаетъ независимаго домохо-

злина, свободнаго главу племени, который состоялъ въ непосредственномъ подчиненіи Князю. Слѣдующее за тѣмъ, имя *Тивоуна Князя.* можетъ быть, прибавлено токмо для объясненія.

(4) *Отложити*, seponere, beseitigen. Это есть первое значеніе сего слова, какъ толкуетъ Добровскій [Institutiones linguae Slavicae, p. 412] согласно съ Словаремъ Академіи Рос., Ч. IV, стр. 577. *Отвергнуть*, *отмѣнить* есть второе, производное значеніе.

(5) То есть, поколику они постановили [см. выше стр. 359. XIX], чтобы не обращать болѣе мести, какъ это дотолѣ водилось, противу жителей той округи, гдѣ будетъ найдено тѣло убитаго, но довольствоваться однимъ взысканіемъ выкупа. Дѣти Ярославовы, можетъ быть, чрезъ это предуготовили отмѣненіе мести вообще; но отнюдъ нельзя сказать, чтобы они уже сдѣлали сіе отмѣненіе; напротивъ, они еще усиливали древнее постановленіе, принимая вполнѣ законъ отца своего, и отрѣшая въ немъ одну токмо статью. Если бы они вообще отмѣнили право мести, то какимъ бы образомъ могло оно имѣть мѣсто въ настоящемъ Законоположеніи, коего списокъ, какъ Книга дѣйствовавшихъ въ концѣ тринадцатаго столѣтія законовъ, торжественно положенъ былъ въ Софійской церкви?

(6) Такая числительная буква поставлена въ печатной Софійской Правдѣ: но въ моемъ спискѣ, который со всѣмъ тщаніемъ сдѣланъ былъ мною въ бытность мою въ Москвѣ съ самой Кормчей Книги, стоитъ П; что согласно и съ обоими прежними изданіями Правды.

(7) Очевидно симъ словомъ *людинъ*, означается лице низшаго состоянія, нежели выше упомянутый *мужъ*. Оба напоминаютъ *Leudi* и *Manni*, встрѣчающихся въ Германскихъ законахъ средняго вѣка.

(8) *Дикій*, *ἄγριος*, agrestis, толкуетъ *Лексиконъ треязычный*; въ каковомъ значеніи употребляется слово сіе и въ Библіи, на пр. Маѳ. III, 4, гдѣ говорится о медѣ, составлявшемъ пищу Іоанна Крестителя. Слѣдовательно, дикая Вира будетъ пеня за убійство, совершившееся въ глухомъ, необитаемомъ мѣстѣ, и никѣмъ въ частности не заслуженная.

(9) *Разграбленіе*, неоспоримо, означаетъ здѣсь опись имѣнія въ казну. De jure Norvegico homicidium a se commissum celans

punicbatur et exilio, et *confiscatione bonorum* . . . Stiernhöök de jure Sveonum et Gothorum vetusto, p 348.

(10) *Уборокъ*: Карамзинъ толкуетъ это слово *буракъ*, продолговато круглый сосудъ, сдѣланный изъ бересты съ деревяннымъ дномъ и крышкой. По въ Рагузѣ Ubórak и теперь еще означаетъ хлѣбную мѣру, шефель. Словарь Linde II. 1088. подъ словомъ *korzec*.

(11) Вѣроятно, слово сіе происходитъ отъ *голова*, и потому можно бы было перевесть, *головка, ступка;* но чрезъ то мы всё не получили бы опредѣлительнѣйшаго свѣдѣнія о вмѣстимости сей небольшей мѣры.

(12) У Болтина *метальникоу*. Если бы можно было произвести слово сіе отъ Греческаго μεταλλάω, *изслѣдывать, розыскивать*, то здѣсь надлежало бы разумѣть то лице, которое въ позднѣйшихъ законахъ именуется: *сыщикъ*.

(13) *Съсадная* отъ Польскаго *sad*, Богемскаго saud, тяжба, судъ. Почему, вѣроятно, *ссадная* или *судная* гривна означаетъ здѣсь пошлину взимавшуюся съ каждаго судебнаго дѣла.

(14) Въ изданіи Болтина, вѣроятно, по соображенію съ большею частію списковъ, поставлена слѣдующая статья:

О поклепной Вирѣ.

Аще на кого будетъ поклепная вира: то оже будетъ послуховъ 7, тожѣ выведетъ виру, то ти имутъ вѣру, паки ли Варягъ, или инъ кто, то два; а на костѣхъ и по мертвецѣ не платити виры, оже имени не видаютъ и не знаютъ его.

За симъ непосредственно, безъ всякаго особеннаго надписанія слѣдуетъ то, что содержится въ нашемъ текстѣ.

(15) *Правда железо*, безъ сомнѣнія, означаетъ *испытаніе желѣзомъ*, извѣстное подъ именемъ *суда небеснаго*; обыкновеніе, которое, правда, существовало и у древнихъ Скандинавовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ искони было извѣстно и между всѣми почти грубыми народами, и притомъ совершенно различными по происхожденію, такъ что не льзя полагать, чтобы Руссы заимствовали оное отъ того или другаго народа. Въ первый разъ упоминается о семъ испытаніи въ Софокловой Антигонѣ, ст. 264, гдѣ стражъ въ доказательство своей невинности говоритъ Царю Креону:

ἦμεν δ' ἕτοιμοι καὶ μύδρους αἴρειν χεροῖν,
καὶ πῦρ διέρπειν, καὶ θεοὺς ὁρκωμοτεῖν,
τὸ μήτε δρᾶσαι μήτε τῷ ξυνειδέναι
τὸ πρᾶγμα βουλεύσαντι, μήτ' εἰργασμένῳ.

Готовы разженно взять мы желѣзо,
Пройти сквозь огонь и клясться богами,
Что мы невинoвны и даже не знаемъ,
Кто предпринялъ и кто сіе сдѣлалъ.

Sophoclis Tragoediae . . . ex recens. C. G A. Erfurdt. V. I: Lipsiae, 1809, p. 33.

(16) На Русскомъ языкѣ слова: *поклепъ, поклепный, клепати, исклепати* не выражаютъ прямо понятія *жалобы судебной*, которое заключается здѣсь въ словѣ: *поклепъ*; но въ Польшѣ, а особенно въ Волыніи и Галиціи слово *klepac* чаще употребляется въ смыслѣ: жаловаться, судомъ искать. Prawda Ruska . . . przez J. B. Rakowieckiego, II. 155.

(17) *На водоу*, испытаніе водою. Древнѣйшіе слѣды сего обыкновенія, по указанію Греческихъ Писателей, замѣчаются у Кельтовъ. Anthologia Graeca . . . ed. Fr. Jacobs, IV, 117. и Fr. Jacobs Animadversiones in epigrammata Anthologiae Gr., V. II. P. I, 235. Испытаніе водою, сколько я знаю, неизвѣстно было древнимъ Скандинавамъ; за то въ ихъ древнихъ законахъ часто упоминается о поединкахъ, о коихъ въ Правдѣ тринадцатаго столѣтія не говорится ни слова, хотя въ послѣдствіи они и въ Россіи введены были въ употребленіе при судахъ, такъ, что въ договорѣ Смоленскаго Князя съ городомъ Ригою, въ 1228 году, содержатся уже нѣкоторыя постановленія по сему предмету. См. Эверса же Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte, 1, 350.

(18) *То ротѣ ити.* Въ чемъ состояло это хожденіе къ присягѣ, изъ Закона также мало видно, какъ и то, какимъ образомъ производились вышепомянутые Суды небесные. Присяга, можетъ быть, совершалась, какъ то въ послѣдствіи было, цѣлованіемъ креста.

Спрашивается еще: кого водили на испытаніе желѣзомъ и къ присягѣ, истца, или отвѣтчика? Я думаю, послѣдняго; ибо Судъ небесный вездѣ, гдѣ только онъ существовалъ, служилъ средствомъ къ оправданію, и въ нашей Правдѣ нѣтъ ни малѣй-

шаго намека, чтобы истцу дозволялось утверждать искъ свой какимъ нибудь изъ двухъ испытаній или присягою. Напротивъ, она требуетъ отъ истца во всякомъ случаѣ очевидныхъ признаковъ дѣла, или свидѣтелей; только въ случаѣ недостатка въ тѣхъ и другихъ, когда между тѣмъ было основаніе въ жалобѣ, можетъ быть, позволялось истцу очистить себя Судомъ Божіимъ.

(19) Слова: *или не оутнеть* не даютъ никакого смысла. Посему при переводѣ и принято въ основаніе чтеніе Болтинова списка.

(20) Безъ сомнѣнія, здѣсь надобно доразумѣвать: *Княжескій дворъ*, гдѣ производился судъ.

(21) Правильнѣе: *по конамъ* или *концамъ*. Древній Новгородъ раздѣлялся на пять частей или концовъ, изъ коихъ каждый имѣлъ свое особенное управленіе. *Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новагорода* Евгенія, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, Москва, 1808, стр. 16 И въ другихъ большихъ городахъ могло быть такое же, или подобное устройство.

(22) *Товаръ* вообще означаетъ *движимое имѣніе, деньги.* Въ тоже время Лѣтопись часто употребляетъ слово сіе въ такомъ же значеніи, различая отъ него *скотъ*, слово, служившее прежде для означенія денегъ, на пр. *Въ тожь время поима Игорь Олговичь и кони, и скотъ, и овцы, и товаръ, гдѣ что чуя* [1141]. Лѣтопись Несторова по К. сп., стр. 195.

(23) Всѣ слѣдующія за симъ статьи Болтинъ приписываетъ Великому Князю Владиміру Мономаху, принимая надписаніе за грань, коею начинается другая часть Законодательства; напротивъ, Карамзинъ И. Г. Р. Ч. II. стр. 347, утверждаетъ, что сіе надписаніе указываетъ только на одно новое постановленіе о третныхъ ростахъ; и, по предложенному нами списку, это тѣмъ вѣроятнѣе кажется, что въ надписаніи повторяются начальныя слова самаго постановленія. Впрочемъ, можно догадываться, что полная Правда, сохраненная намъ въ Кормчей Книгѣ 1282 года, явилась въ настоящемъ видѣ во времена Владиміра Мономаха, по тому основанію, что въ ней болѣе не приписывается никакаго прибавочнаго постановленія кому нибудь изъ его преемниковъ.

(24) Въ изданіи Болтина слѣдуютъ здѣсь слова: *и мечтальнику 12 вѣкошь, а отъ ролейныя земли такожъ, и*

отъ свободивше челядинъ 9 кунъ, а отъ иныхъ отъ всѣхъ и т. д.

(25) Собственно, кажется, это значитъ: обязанность господина такъ тѣсно соединена съ лицемъ слуги, что онъ ни въ чемъ не отвѣтствуетъ, доколѣ слуга не будетъ ему представленъ лично.

(26) Точно, упоминаемое здѣсь постановленіе Ярослава находится въ его Правдѣ [см. выше стр. 314. XVI]; но и что приписывается здѣсь сыновьямъ его, содержится уже въ прибавочныхъ статьяхъ Правды, поколику т. е. сими статьями полагается вообще основаніе искупу отъ мести. Опредѣлительнѣйшія постановленія, можетъ быть, принадлежатъ обычаю, утвердившемуся въ послѣдствіи времени.

(27) *На гостиницѣ на велицѣ*: Гостиница во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ не значитъ только постоялый дворъ, но также и большая дорога. См. Слов. Linde II. 758 подъ словомъ: *Gosc.*

(28) Начальныя буквы въ подлинникѣ не дописаны; безъ сомнѣнія, соображаясь съ спискомъ Болтина и другихъ, надлежитъ дополнить: *А въ дачѣ.*

(29) Здѣсь также пропускъ, который по изданію Болтина восполняется слѣдующими словами: *вѣдая ли будетъ купилъ: то кунъ ему лишену быти. Оже холопъ, бѣгая, добудетъ товара: то господину же и холопъ и долгъ.* Очевидно сей пропускъ произошелъ отъ ошибки переписчика, который сбился между двумя *господинами.*

КОНЕЦЪ.

ПОПРАВКИ.

Напечатано:			Читать надобно.
Стр.	Строк.		
2	6	опоры	обороны
216	10	захотѣли по нын.	захотѣли составить по нын.
223	6	Люитпрандъ	Ліутпрандъ
—	23	законъ касательно запрещенія на вывозъ	законъ, запрещавшій вывозъ
260		ГЛАВА СЕДЬМАЯ.	ГЛАВА ШЕСТАЯ.
305	14	сетерину	сестрину
336	24	Ярославова	Ярослава

Твердыня Твердит не обидна
Всвышний мощ найдет
Шарвиц гроб крест в видах
И сгорел гроб [illegible] любви

В. Гюго